М.А. БЕЙЛИН

НЕ был, состоял, привлекался

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В этой книге известного шахматного мастера и литератора, заслуженного тренера России, заслуженного работника физической культуры М. Бейлина собраны короткие рассказы, которые составляют своеобразную мозаику о жизни автора, о времени, о многом, что увидел шахматист и литератор на долгом жизненном пути.

Для широкого круга читателей.

-
-
-
- М. А. Бейлин
  - От автора
  - Пролог
  - Я очень мало знал
  - Когда я был адвокатом
  - Жила-была девочка
  - Кино и шахматный орилым
  - Путешествия на шахматном коньке
  - Сухой остаток
  -

Посвящаю моей любимой Леночке,
доброй, самоотверженной.

***Гроссмейстер ЮРИЙ АВЕРБАХ**: «С автором этой книги, тренером известных шахматистов, мы написали несколько шахматных учебников, переведенных на многие европейские языки. Оригинальный учебник „Путешествие в шахматное королевство“ ряд современных ведущих гроссмейстеров называют своей первой шахматной книгой. В 2007 году вышел ее пятый тираж.*

В этой книге, написанной на склоне лет, автор предстает увлекательным рассказчиком, обладающим редким сочетанием тонкого чувства юмора и одновременно самоиронии. Это делает его новеллы интересными для людей любого возраста».

***ЛЕОНИД ЗОРИН**: «Жизнь – не только место в пространстве, отведенное на недолгий срок. Это еще неутомимая, напряженная работа души. Именно так ощущает жизнь автор предлагаемой*

книги. Для Бейлина было бы несправедливостью, если бы прожитые им годы бесследно исчезли в потоке времени.

Его обращение к перу – это естественная потребность человека, своеобразно мыслящего и остро чувствующего, оставить свой след.

Верю, что этот искренний голос будет услышан чутким читателем.»

М. А. Бейлин
Не был, не состоял, не привлекался

От автора

С шахматами я познакомился в детстве, мимоходом. Оказалось, что шахматистом стал на всю жизнь. О зигзагах моей трудовой биографии рассказано в этой книге. Занятия шахматами в качестве мастера, тренера, арбитра, журналиста и автора шахматных книг наложили, мне кажется, отпечаток на мой характер, на систему взглядов. К примеру, я не склонен опаздывать. Чувствую время, избегаю цейтнотов. Обдумывая какую либо ситуацию, пытаюсь ее анализировать. Так сказать, «за белых и за черных». Вероятно, благодаря шахматам.

1938-й год. Стадион юных пионеров. На фото на втором плане играют М. Бейлин (слева) — В. Шевцов

«Окончив в 1939 году школу, я стал регулярно заполнять анкеты. Таков был обычай моей советской Родины. Я постоянно отрицал пребывание в плену, на оккупированной территории, привлечение к уголовной ответственности. На пятый пункт отвечал утвердительно. Получалось стандартно, нудно. Писал когда поступал в институт, в комсомол, при поступлении на работу, вступлении в партию, в спортивное общество, в Союз журналистов, при выезде за границу. Получился целый том. При каждой анкете полагалась автобиография, сухая и скучная. Я решил написать последнюю автобиографию по отличающемуся от анкетных вопросов плану».

Так начинается книга «Не был, не состоял, не привлекался», выпущенная в свет с помощью издательства «64» в 2004 году. Главный редактор издательства Александр Рошаль написал о ней: «В этой книжке короткие рассказы автора образуют своеобразную мозаику: о себе, о времени, об увиденном на жизненном пути».

Когда-то я слыхал, что Бисмарк, шагнув в девятый десяток лет, будто бы сказал: «Поистине хороши были первые семь десятков». Окончание моего седьмого десятка ознаменовалось слишком плотным знакомством с хирургами, что наложило печать на восьмой и большую часть девятого десятка. Правда, сделав их возможными.

Приемлемо ли писать книги в преклонном возрасте? В целом ответ напрашивается отрицательный. Однако раз на раз не приходится. Есть у меня такое наблюдение. С юных лет я страдал близорукостью. А на старости изъяли из моего глаза хрусталик, вставили искусственный, и я стал неплохо видеть, ходить без очков. Правда, модернизация моей телесной оболочки этим ограничилась и приходится обходиться старыми мозгами. Их быстродействие уменьшилось, но прошлое, как поется в песне, становится ясней, ясней, ясней… Да и настоящее, пожалуй.

Итак, сидя дома, я стал трудиться над созданием книг на шахматную тему. Выступив в позе редактора, по настойчивой просьбе одного знаменитого в прошлом шахматиста, помог ему написать объемную летопись его побед. (Не Ботвиннику!)

Затем написал книгу «Мои встречи в шахматном королевстве».

В прошлом я иногда пописывал для личного употребления маленькие сочинения не на шахматную тему. Иногда читал их близким. Моей лучшей половине нравились мои литературные упражнения.

Получив приятные комплименты от признанных интеллектуалов, я продолжил свои упражнения, не раз Моя Елена хотела, чтобы была издана полноразмерная книга. Я не возражал, однако не спешил. Александр Рошаль захотел издать эту книгу, но он неожиданно ушел из жизни.

Моя Елена очень хотела увидеть эту книгу. Не сбылось. На этот раз я выполняю ее волю. Правда, с опозданием.

14 августа 2007 г.

Пролог

Гипноз

В зимние каникулы (я тогда учился в шестом классе) я случайно встретил одноклассницу Таню. Мы столкнулись, буквально нос к носу в нешироких дверях писчебумажного магазина на Кузнецком мосту. И на момент остановились, глядя друг другу в глаза.

Таня была тихой девочкой, довольно высокой, неторопливой в движениях, очень прямой. Мальчики иногда называли ее палочкой. Она никогда не повышала голоса и вообще была молчаливой. Светло-русые прямые волосы и большие серые глаза, чистое белое немного бледное лицо, плавная походка. А я на переменках любил бегать, бороться, был передовым на уроках физкультуры, чемпионом школы по шахматам, иногда получал замечания за болтовню на уроках. Обыкновенный егозливый мальчишка. Годами, учась вместе с Таней в одном классе, с ней не общался.

Не знаю, сколько секунд мы смотрели друг другу в глаза. Мне казалось, что ее большие серые глаза и маленькие черные зрачки я вижу очень долго. Эти секунды врезались в мою память на всю жизнь.

Мне было тринадцать лет. Иудеи в древности решили, что именно в этом возрасте мальчик становится мужчиной. Я оставался глупым мальчишкой. Мои одноклассники и одноклассницы влюблялись друг в друга, писали какие-то записочки: Я читал Тургенева, Пушкина, знал, что бывает любовь, первая любовь. И не сомневался, что именно вспыхнула первая любовь. Вспышка меня парализовала. Теперь я боялся подойти к Тане, заговорить с ней, хотя не был робкого десятка. Не знал, что нужно делать. Ни Тургенев, ни Пушкин совета не давали.

Пролетело несколько месяцев, окончен шестой класс, и в жизни нашей школы случилась перемена. В новую школу, что построили в Трехпрудном переулке, перешло большинство учеников. Из наших трех шестых классов получился лишь один седьмой. Я и еще десять мальчишек из моего шестого «В» остались, Таня, вместе с большинством девочек из нашего класса,

перешла.

Мое отношение к Тане не осталось секретом для моих друзей и, в какой-то мере, для Тани тоже. Позже я узнал, что Танины подруги считали, что я, как и большинство мальчишек, влюблен в Нину. Нина была самоуверенной девочкой. Как-то раньше, на уроке русского языка, когда учительница предложила привести пример на творительный падеж, она подняла руку и, встав, сказала: «Мною любовался весь зал». Между тем я вовсе ею не любовался. Однако Танина подруга Галя подозревала, будто я притворяюсь, чтобы заинтересовать Нину. Между тем я был неспособен к таким хитроумным маневрам. Способен был лишь молча вздыхать.

Однажды Таня проявила активность. Через третьи руки она передала мне свою небольшую фотографию. Я тем же путем отправил свою, а Танину хранил, пряча от всех. И, наконец, потерял. До сих пор не могу себе этого простить.

Однажды я сидел за шахматами, что-то анализировал и неожиданно к моей маме пришла Танина мама. Вроде бы родители по общественной линии интересовались условиями жизни и занятий учеников. Она поздоровалась со мной. И только. Поговорила о чем-то с моей мамой и ушла.

Прошел год. Мы учились в разных школах, я стал старше, но не изменился. Преподаватели в нашей старой школе поменялись. Впечатление было таким, что новые оказались послабее прежних. Учительница географии, украинка, слабо владела русским языком. К примеру, про путешествие Дежнева сказала, что он «задал пешака». Учитель химии вне урока сказал, что атомов никто не видел, быть может, их и нет. Я активно занимался шахматами, успевал прилично учиться, прыгал в высоту архаическими «ножницами» 1 метр 45 сантиметров, что соответствовало нормативу на значок «Готов к труду и обороне» – 2. Одним словом, рос, но оставался таким, каким был. Энергии хватало на все, но не на то, чтобы повидать Таню. И увидел ее случайно, придя в клуб МГУ на улице Герцена на лекцию профессора Чечулина о гипнозе. Я сразу увидел, что слева, на несколько рядов амфитеатра ниже моего ряда, сидит Таня с подругой Галей. Таня прилежно записывала лекцию и не поглядела в мою сторону. А я слушал и, то и дело, глядел на нее.

Профессор окончил рассказ об истории гипноза, объяснил все материалистически и, после короткого перерыва, вновь поднялся на кафедру. Наступило самое главное – опыт массового гипноза. Профессор стоял на кафедре, высокий, худой, немного сутулый с лицом непригодным для улыбки. Он поднял руку и предложил всем смотреть на его два длинных костлявых пальца. «Вы устали,

вам хочется спать, глаза слипаются», – скучным голосом повторял профессор. «Спать, спать, спать…». И говорил еще что-то. Я на пальцы умышленно не смотрел, а продолжал поглядывать на Таню. Ей тоже не хотелось спать. В душе я опасался – как бы не загипнотизироваться. Хотя, не должно быть. Профессор твердо объяснил, что здоровые люди могут быть загипнотизированы, если они не сопротивляются. Я был здоров, но сопротивлялся. Профессор умолк, и оказалось, что десяток слушателей в зале уснули. Опыт продолжался. Нескольких профессор разбудил приказом, и они понуро побрели на эстраду. Другие мирно спали. Те, что на эстраде, смотрели широко раскрытыми глазами. Я поразился и забыл обо всем на свете.

На эстраде какая-то отличница нудным голосом рассказала заданный на завтра урок по биологии. Профессор сказал ей, что она сидит на уроке на своей парте и приказал рассказать о соседях. Она угрюмо сообщила. Одному мужчине профессор велел крутить руками, и тот крутил безостановочно. Другие делали упражнения из утренней гимнастики… Гипнотическая работа кипела.

На лекции профессор объяснил, что можно загипнотизированного уложить головой на одну табуретку, а пятками на другую, и он будет лежать, как мостик. Интересно было бы это увидеть, но профессор не пожелал делать на лекции цирковой номер.

Профессор обратился к солидному мужчине в потертом пиджаке с большим животом. Я подумал, что он, наверно, завхоз. Он выглядел усталым и немудрено, что уснул. Профессор разбудил его и протянул стакан вина. «Завхоз» пригубил и на вопрос что пьет, ответил: «Вино». А на вопрос какое вино, уточнил: «Дешевый портвейн». И развеселил зал, назвав примерную цену. Потом профессор дал «завхозу» пирожное. «Завхоз» открыл большой рот и откусил половину. Профессор остановил его: «Одну минутку! Не кажется вам, что пирожное горькое?» «Завхоз» ответил, что не кажется. В пирожном хинин, сказал профессор. «Мм… нет!» – мотнув головой, ответил «завхоз» – оставшаяся половина пирожного исчезла. Все стали аплодировать, особенно школяры. Даже Таня заулыбалась. Профессор не смутился и, постучав по столешнице кафедры, сказал: «Тише, тише. Все бывает».

В зале, на своем месте, склонив голову на откидной столик, тихо спал военный моряк в красивой форме. Настал его черед. Профессор, разбудив моряка, сказал, что он трижды стукнет по столешнице и моряк должен встать и прокричать «Ку-ка-ре-ку!». В полной тишине прозвучали три удара костяшками пальцев.

Моряк медленно поднялся, но не прокукарекал. Еще три удара, и все видят, что моряк стоит, мучается, но молчит. Профессор повторил свой сигнал, но моряк, опустив голову, промычал: «Н-не могу…». «Вот это моряк!» – подумал я. Взглянул на Таню, но встретил взгляд ее подруги.

Я, конечно, боялся быть загипнотизированным, потому, что в зале была Таня. Больше я ее не видел.

Окончил школу, поступил в Юридический институт, проучился два года, а потом была война. В конце 1943 года я работал следователем в прокуратуре Ставропольского края. В один прекрасный день, разбирая на работе почту, обнаружил письмо из института, а в нем – вырезка из типографски исполненного постановления Государственного Комитета Обороны. Приказано старшекурсникам вернуться в вузы для окончания учебы. И подпись: «И. Сталин». Через несколько дней я был в Москве. Родители обрадовались мне, но когда я спросил, не знают ли они что-либо о Тане, наступило тягостное молчание. Потом я узнал, что Таня погибла из-за несчастного случая. Взорвался на кухне примус, он был заправлен бензином, а не керосином, и Таня, спасая родителей, получила смертельные ожоги. Будто бы родители тоже погибли. Я горевал, но не делал попыток узнать подробности. Позже, проходя мимо того самого клуба МГУ, я встретил на улице женщину, она улыбнулась мне. Мелькнула мысль: «Это же Танина мама!». Я на момент окаменел, потерял ориентировку во времени и пространстве, потом кивнул и, ничего не соображая, как под гипнозом, прошел мимо. Позже узнал, что погибла одна Таня. Она пыталась погасить пламя, объявшее родителей.

Быть может, любовь с первого взгляда – гипноз? Не знаю. Знаю лишь, что моя первая любовь оказалась состоянием, лишенным каких либо устремлений. Если бы я о своей первой любви говорил Тане, ей, наверно, было бы приятно, даже если бы я был ей не симпатичен. И, наверно, маме Тани хотелось услышать от меня добрые слова о дочери. А я постоянно молчал, тупо молчал, как загипнотизированный.

Несмотря на это, судьба не обидела меня… Мы с Леночкой влюбились не с первого взгляда, мы были взрослыми, мы знали, что нам надо. Это был не гипноз, а настоящая человеческая любовь. Мы дружно прошагали очень долгий жизненный путь. Пятьдесят восемь с половиной лет были мужем и женой. Мне занятно слушать специалистов, которые вычислили, будто любовь затихает, скажем, через семь или еще сколько-то лет. С годами наша любовь становилась все крепче. Леночка оставила меня, и я пронзительно осознал, как глубоко ее люблю.

Моя Леночка исчезла навсегда, но сознание не в состоянии с этим смириться.

Я очень мало знал

Мои мелочи

Мама, бодрая, полная, пышущая энергией, тянула меня за руку, идя по Кисловскому переулку в сторону Арбата. Кисловских переулков в Москве много: Малый, Средний, Большой, просто Кисловской… Я двигался по ним десятки лет, не запоминая особенностей названий, воспринимая их в целом.

Если бы я мог, я бы обязательно отстал, но рука любящей мамы была крепкой. Моя свободная ручонка находилась в кармане коротких штанишек, а мысли витали.

– Что это у тебя в кармане? – Изображая строгость, спросила мама. Я промолчал. Прямые вопросы не располагают к болтливости. В кармане у меня были маленькие красивые камешки, гаечки, винтики, стеклянный шарик и еще целая кучка прекрасных предметиков без названия. Это были вещи дорогие мне, я чувствовал, что они прекрасны. Я понимал их красоту лучше, чем понимают признанные коллекционеры произведения искусства…

Карман был безжалостно выпотрошен, мне было сообщено, что другие мамы зашивают мальчишкам карманы, если они собирают там мусор…

Маленькая кучка мелочей осталась без хозяина, никому более не нужная, под деревом, где мы остановились. Где я был допрошен.

Мама вновь тянула меня вперед, но мне хотелось уже не отставать, а обязательно вернуться. Я оглядывался, но, увы…

Было мне лет пять.

Вспоминая принадлежавшие мне камешки и гаечки, я думаю: может быть, и мне, и другим, взрослым, зрелым и пожилым людям, так же дорога накопленная дребедень. В кармане, в доме, в голове, наконец.

Для чего-то сохранилось на десятки лет в памяти это воспоминание. Это и другие мелочи.

Заводной автомобильчик

В стародавние времена, еще до коллективизации, летом на Тверском бульваре в Москве устраивали книжные базары. Сооружали множество фанерных ларьков, лотков, недорого продавали книги. Тогда в ходу были даже полушки – этакие медные полкопеечные монетки.

Мы с мамой шли по бульвару. Я, дошкольник, и сестренка, моложе меня на три года. Мама подошла к лотерейному ларьку. Подле него толпились люди. Мама предложила мне оторвать с карточки билетик. На его обратной стороне было написано число. Когда люди разобрали все билетики, лотерейщик оторвал снизу картонки большой билет. На нем оказалось то же число, что и на моем. «Выбирай!» – сказал лотерейщик, показав мне игрушечный автомобильчик и небольшую куклу с закрывающимися глазами. Автомобильчик был заводной. Я, конечно, его и выбрал. Сестренка надулась и приготовилась зареветь. Лотерейщик сказал маме, что раз выиграли, то должны купить еще один билетик. Мама не возражала, я опять оторвал и снова выиграл, снова автомобильчик или куклу. Сестренка радостно прижала к себе куклу, а один дяденька сказал: «Пусть этот мальчик оторвет билетик еще раз, я заплачу». Но лотерейщик сказал, что больше не надо. И мы с мамой пошли дальше, по направлению к памятнику Пушкину. Он стоял тогда на Тверском бульваре. Сестренка крепко прижимала куклу, а я с удовольствием нес автомобильчик. Люди с любопытством смотрели на нас, но мой неискушенный разум был спокоен.

Есть такое очень хорошее пожелание: «Ловите миг удачи!». Как это делается, я не узнал, хотя после той лотереи прошло восемь с лишним десятков лет.

Тоже, между прочим, неплохой выигрыш. Даже по сравнению с заводным автомобильчиком.

Буквы на асфальте

Шурка Гаврилина, так называли ее в отличие от других Шурок, болтавшихся во дворе, отличалась аккуратной белой и румяной мордашкой. Густые волосенки ее были коротко подстрижены. Она ходила во второй класс школы и была

затейницей.

Гаврилиной ее называли потому, что отца звали Гаврилой. Он был дворником, имел бороду, как и положено дворнику в двадцатых годах прошлого века в Москве, жену Анюту и жил в полуподвале с окном во двор. Анюта постоянно была возбуждена, ее пышные светлые волосы всегда находились в полном беспорядке, и она часто ругала мужа. Гаврила молчал, не отвечал жене. Нередко Анюта покидала свой подвал, отправляясь на время в сумасшедший дом. Летом Гаврила молча подметал и поливал пыльный серый асфальт двора, зимой чистил снег.

Ранней осенью утром, когда во дворе много ребят, Шурка спросила мою сестренку: «Ты буквы знаешь?» Сестренка в школу еще не ходила, но читать-писать умела и сказала, что знает.

– Врешь! – воскликнула Шурка.

– Нет, не вру.

– Напиши букву «ж», – скомандовала Шурка.

Сестра написала «Ж» на асфальте мелом. Мел всегда бывал у ребят под руками, чтобы чертить классики.

– А букву «о» сможешь?

Сестра молча написала, а потом, по Шуркиной команде, еще две буквы. Доказала, что буквы знает.

Шурка обрадовалась, засмеялась и, обращаясь к ребятам и взрослым прохожим, закричала: «Смотрите, что она написала! Хулиганка!»

Продавец воздуха

Мой мяч был очень заметным. Перемежались дольки: алые, желтые и синие. Он был небольшой, но тяжеленький и удобно ложился на ладонь. Он летел со свистом и салил больно. Ребята во дворе любили играть в лапту именно моим мячом.

Когда мяч перестал звенеть, высоко прыгая от земли, я понес его к чистильщику обуви. Старый, коренастый и сутулый, он дремал на своем месте, на углу нашей улицы. Мимо него цокали подковами по булыжной мостовой извозчичьи лошади, с дребезжанием и скрежетом катились трамваи. С тех пор, как я увидел этот угол, старик всегда сидел тут.

И вот я перед чистильщиком. Он почему-то в ватнике в светлый летний день. Я протянул одной рукой яркий мяч. В другой руке зажата монетка.

– Тебе чего, мальчик? – повернулось ко мне смуглое лицо. На голове дремучие заросли кудрявых серовато-седых волос. Не длинные, с виду жесткие, будто из тонкой проволоки. Глаза большие, черные, смотрят на меня испытующе и весело блестят.

От смущения мне становится жарко и я, неправдоподобно тихо, прошу накачать воздух в мяч.

– Можно, – говорит чистильщик, – а двадцать копеек есть?

Я разжимаю кулак и показываю монету.

Старик стискивает коричневой пятерней мячик. На тыльной стороне ладони на пальцах – жесткие седые волоски. Он всаживает в мяч полую иглу и давит на присоединенную к ней резиновую грушу, как парикмахер, когда брызгает одеколоном.

Воздух шипит, я жду с нетерпением. Скоро я расстаюсь с монетой. А мяч слабоват, его можно мять пальцами.

– Можно еще надуть, чтобы покрепче…

– Нельзя, мальчик, – грустно отвечает чистильщик, – лопнет…

Его глаза больше не блестят. Я понимаю – разговор окончен.

Давно уже не цокают по нашей улице подковы лошадей. Исчезли трамваи, круглый булыжник сменил серый асфальт. А на углу сидит старый чистильщик. Он все так же кутается. Шея обмотана почему-то белым вафельным полотенцем. Седая шевелюра стала, пожалуй, побелее. Когда я вижу его, вспоминаю старый разговор. Старик по-прежнему не бросает слов на ветер.

Фокус-«мокус»

Мой дядя очень ловко мог показывать фокусы. Иногда он с тетей приходил к нам в гости. Тетя – родная сестра моего папы, а дядя ее – муж. Тетя всегда рассказывала, будто бы я кусался, когда был маленьким. И объясняла: мол, у меня резались зубки. И она, тетя, отучила меня кусаться. Вроде я хотел укусить ее руку, но она ловко подсунула мне кусок меха. Я набрал полный рот шерсти и кусаться перестал. Не знаю, правда ли это. Я такого случая не помню. Мои родители тоже говорили, что не помнят. Но со слов тети я выучил этот рассказ наизусть. Стоит мне посмотреть на котиковый воротник и вспомнить при этом тетю, как во рту становится противно и хочется плеваться.

Тетя гладила по головкам мою младшую сестренку и меня, и говорила: «Ах, как детки выросли!» И, как вы уже знаете,

рассказывала о том, как отучила меня кусаться. Ничего интересного я от нее не видел. Зато дядя… Дядя – совсем другое дело. Хотя он и не был родным братом моего отца и, женись он на ком-нибудь еще, свободно мог стать не моим дядей, – его приход в дом был одним удовольствием. Он любил подшучивать надо мной, но я не обижался. На других-то я обижался, а на него – ни в коем случае. Дядя умел показывать фокусы. Фокусы-мокусы, как он говорил. Позднее я узнал, что пишут – «фокус-покус», но, я думаю, правильнее все-таки – «фокус-мокус».

Дядя свертывал пустую бумажку от конфеты, фантик, говорил «айн, цвай, драй», что по-немецки значит «раз, два, три», и – готово дело! Неизвестно откуда в свернутой пустой бумажке оказывалась настоящая конфета. Я ее съедал. Снова «айн, цвай, драй» – сестра ела конфету. Потом, правда, мы с сестрой еще могли есть конфеты, но дяде надоедало показывать фокусы. Его торопили к столу, на столе стоял графинчик водки, а дядя, мы знали, любил выпить. Так что он менял компанию.

Дядя, если хотел, щипал мою маленькую сестренку за щечку, и в его руке получалась двухкопеечная монета или даже гривенник. Сестренка визжала и смеялась. Однажды она услышала, что мама говорит: «Надо на рынок, а денег нет». Сестренка сказала:

– Мама! Возьми деньги из меня.

– Как это из тебя? – удивилась мама.

– Как дядя, щипни и бери.

Мне нравились фокусы-мокусы, и я захотел сам научиться их показывать. Я долго просил дядю, он все отнекивался и, наконец, согласился научить меня одному фокусу. Только мне пришлось пообещать хранить тайну, чтобы не узнали другие. «Другие» – для меня были товарищи-соседи. Зачем же открывать им секрет? Гораздо лучше самому показать им фокус-мокус.

Ребята жили этажом выше в коммунальной квартире. Может быть, взрослые из этой квартиры завидовали нашим родителям, жившим в маленькой, но отдельной квартире. Но мы с сестренкой завидовали ребятам из коммунальной квартиры сильнее. Их было много, а нас только двое. В длинном коридоре коммунальной квартиры ребята постоянно бегали, возились, визжали. А в одной комнате там жил студент. Он говорил, что шум в коридоре мешает ему заниматься. Он выскакивал из комнаты и, расставив руки, пытался поймать кого-нибудь из нас. Все с криком разбегались. Студент делал огромный шаг, останавливался и обещал, если поймает, отрубить уши.

Однажды он поймал самого маленького, Славку, которого родители заставляли учиться музыке. Его папа был

виолончелистом, и поэтому Славке приходилось учиться играть на рояле.

Студент уволок Славку в свою комнату. Славка дрыгал ногами и зажмурился.

Маленькие девчонки очень беспокоились. Юлька, которая жалела всех уличных кошек и плакала, когда родители не соглашались принимать их в дом, дружила со Славкой. А моя сестра подумала и сказала:

– Он не имеет права рубить уши чужим детям!

Остальные не верили, что студент отрубит уши, но все обрадовались, когда Славка вышел от студента с ушами.

А студент, после того как втащил Славку в комнату, запер на ключ дверь. Потом снял прездоровый ремень. Он ходил в военной гимнастерке. Ремень повесил на крюк и скомандовал Славке басом: «Смир-рна!». Потом достал из шкафа бритву, попробовал ее на ногте и сказал:

– От вашего крика с ума сойдешь, а у меня экзамены. Я могу всем вам уши отрезать, и меня суд оправдает как сумасшедшего. Понял?

Потом студент подбрил свои усики. Совсем немножечко, перед зеркалом. И спрятал бритву. Он скомандовал «Вольно!», отпер дверь и пинком выставил Славку в коридор.

Два дня в коридоре было тихо.

Были у нас и другие приключения в большой квартире.

Дядя учил меня делать фокус-мокус несколько минут. Он взял пятак и два носовых платка. Платки расстелил, под один положил пятак. Потом взмахнул руками и сказал «Айн, цвай, драй!» и спросил меня:

– Где лежит монета?

– Здесь! – ответил я, ткнув пальцем в правый платок. Туда дядя только что, на моих глазах, положил монету. Но он сдернул платок со стола за уголок – монеты нет! Вот так да! Потом дядя плавно поднял второй платок, под которым раньше было пусто, – и там лежала монета! Тот самый пятак.

– Очень просто, – говорит мне дядя. – «Айн, цвай, драй», и готово.

– Я, конечно, тоже могу сказать «айн, цвай, драй», – сказал я, – только как я сделаю, чтобы монета перелетела?

– Давай сначала попробуем делать фокус-мокус вместе, – сказал дядя.

Стали мы все делать вдвоем. Я держу платок руками, дядя тоже. Вместе кладем пятак. Вместе накрываем. Я говорю – «айн, цвай, драй» и сам поднимаю платок. Ура! Пятака нет, он перелетел. Повторили, и я позвал сестренку и сам показал ей

фокус-мокус, а дядя только сидел рядом. Сестренка захлопала в ладоши, дядя тоже обрадовался и говорит:

– Ну, теперь все! Умеешь делать фокус-мокус. Молодец!

Я побежал в другую комнату и даже не успел сказать спасибо. Там я три раза ударил железкой по трубе парового отопления и три раза звякнул ею по лепесткам радиатора. Получилось три точки, три тире. Это был мой позывной для переговоров с верхней квартирой. Скоро получил ответ – точка-тире-точка-тире – значит, ребята дома!

Немедленно я побежал показывать фокус, сестренка, конечно, вслед за мной.

– Внимание! Фокус-мокус! – закричал я и вмиг в коридоре собрались все ребята. Они знали, что у меня есть превосходный дядя-фокусник, но ни разу его фокусов не видели. Им было очень любопытно.

Я попросил два чистых носовых платка. Достали один чистый, а другой почти чистый. Я попросил монету. Дали монету. Я положил монету на сундук, накрыл ее чистым платком, рядом положил грязный.

– Айн, цвай, драй! – сказал я дядиным голосом и осмотрел ребят.

Я сделал паузу и увидел всех. Увидел сестренку, добрую Юльку, Славку, которому не отрезали уши, другого Славку, которого мы дразнили «габирой». Однажды он рассказывал про страшную гориллу, но не знал, как ее правильно назвать, и сказал – «габира». Этот Славка вообще любил страшные истории. Еще я увидел Вальку, который был старше меня и сильнее. Этим он немного задавался. Этот Валька смеялся над страшными рассказами, он любил клоунов и конферансье.

Я увидел всех. Все смотрели на меня, разинув рты. Я медленно поднял чистый платок. Пятак лежал на месте. Не перелетел. Тогда я поднял грязный платок – там ничего не было. Просто грязный платок и все.

Вдруг кто-то захохотал басом. Это студент вышел из своей комнаты. Он, наверно, захотел узнать, почему в коридоре тихо, хотя все ребята в сборе, а увидел фокус. Фокус-мокус, который у меня не получился.

Ребята зашумели, не стесняясь студента.

Я понимал, что научиться делать фокус трудно, и я не виноват, но все-таки мне стало как-то неловко и даже жарко. Я быстренько попытался еще раз сделать фокус, и опять не получилось. Ребята забрали платки, монету и занялись своим.

Славка-«габира» сказал тихим голосом:

– Может быть, потом получится?

А Валька засмеялся.

– Держи карман шире, – сказал он. – Знаем мы эти фокусы. В нашем подъезде живет артист, который на Новый год наряжается дедом Морозом. Простая ловкость рук.

Я тоже знал артиста и постарался улыбнуться, но ничего не получилось. Потом я потихоньку ушел домой. Дяди у нас уже не было. Вечером пришел Валька и сказал мне:

– Хочешь, пойдем в цирковой техникум? Я узнаю, где он находится. Может, там нам расскажут, как принимают учиться на фокусника.

– Спасибо, – сказал я, – мне не очень хочется учиться на фокусника, – а сам подумал: какой все-таки Валька…

И тут я никак не мог вспомнить нужное слово. Научное такое.

– Психолог! Когда я его наконец вспомнил, то стало даже приятно.

Эпилог

Как-то, перечитав рассказик много лет спустя, я подумал: в чем же смысл? Двадцатый век окончился, и я догадался.

Дяди, ссылаясь на гениальных ученых, придумали фокус: «айн, цвай, драй» и вместо капитализма получается социализм. Детям и многим взрослым фокус понравился. В чудо поверили. Позже выяснилось, что делать «тонну» социализма ужасно дорого. Дешевле купить у капиталистов. Умные люди объясняют, что в ходе фокуса упала производительность труда и что-то еще.

Дяди показали всем очень лихой «Фокус», но в итоге получился, увы, «фокус-мокус».

Бабушка и Бог

Родители мои в Бога не верили. Мало того, отец, когда был мальчишкой, застукал своего отца, то есть моего деда, за тем, что тот тайком курил в туалете в субботу. Дед считался знатоком Талмуда, но грешил. Но вот старший брат отца был верующим. И я несколько раз видел, как он молился. Он пристраивал тонкими

ремешками ко лбу этакий маленький черный кубик, другим ремешком обматывал руку, что-то бормотал, иногда легко ударяя себя в грудь.

Я был мал и еще не обзавелся собственным мировоззрением. Я думал, что внутри этого кубика находится Бог. Я хотел потрогать кубик руками, но дядя не разрешил. Сказал, что называется этот кубик «тфилн». Вот и все.

В соседнем доме находился магазин, а его витрину с улицы обрамляли большие деревянные резные брусья. Такой вот шик конца 19-го или начала 20-го века. На уровне моего носа рельефно выступали большие кубики, напомнившие мне тфилн. Я был уверен, что в них Бог, и однажды поцеловал кубик. Как дядя. Оказалось, что он противный, пыльный, невкусный. Пришлось даже плюнуть.

У меня была только одна бабушка. Дедушки и другая бабушка умерли. Я рано узнал, что дедушки и бабушки имеют прискорбное обыкновение умирать.

Бабушка иногда по месяцу-другому жила в нашей семье. Она была молчалива, ела из отдельной посуды, часто молилась. Иногда она читала газеты, смотрела в окно, явно предпочитая эти занятия общению с внуком и внучкой. Выражение лица ее было исполнено собственного достоинства, а может быть, и некоторой гордости.

Позднее я узнал, что ее родители гордились своим происхождением, а вышла она замуж за простолюдина из-за скандального события. Ее шестнадцатилетнюю сестру, отличавшуюся будто бы красотой, умыкнул какой-то соседний помещик. Они поженились по христианскому обряду, но такой крупный скандал лишил бабушку шансов стать супругой еврея, равного ей по происхождению.

Отношения бабушки с моим отцом были официальными, сдержанными. Он называл ее по имени-отчеству. Бабушка любила больше других одного своего сына, довольно неудачливого, а также его потомство. Семью этого дяди ждала трагическая судьба: фашистское нашествие и гибель большинства ее членов. Один из правнуков моей бабушки был немцем по отцу, но это его не спасло. А любимый бабушкин сын, будучи уже дедом, оказался в партизанском отряде вместе с двумя дочерьми. Воевали и уцелели. Таковы причуды судьбы. Он был награжден медалью. А в Бога не верил.

Однажды, когда бабушка помолилась, я сообщил ей, что, по достоверным сведениям, Бога-то и нет. Мое сенсационное заявление она проигнорировала, но родителям при мне сказала, что вот-де настали времена – такие малые дети рассуждают о

Боге.

Итак, бабушка разговаривала со мной крайне редко. Правда, однажды она пожаловалась на сердце, и ее дома осмотрел врач. Тогда она, не доверяя информации моих родителей о заключении врача, спросила меня о том, что им сказал врач. Родители в ту пору не считали меня субъектом, я был для них объектом заботы и мое присутствие при их разговоре с врачом не было принято во внимание. Бабушка, надо думать, была о моих возможностях более высокого мнения. А я прекрасно усвоил, что у бабушки миокардит – слабость сердечной мышцы. Хотя я бабушку жалел, но не смог соврать. По доброте от себя добавил, что это совсем не опасно, хотя в глубине души в этом сомневался. Бабушка, конечно, это рассказала родителям, добродушно улыбаясь. Родители тоже повеселились, но остались в уверенности, что я все-таки объект и поэтому наказанию не подлежу.

Итак, я наблюдал старших, верующих в Бога, и других, верующих в то, что его нет. Вот и прекрасно.

Однако фанатики-верующие, а также фанатики-атеисты симпатии не вызывают.

Три сестры

Однажды у нас в доме отмечали еврейскую Пасху. Вероятно, из уважения к бабушке и дяде, верующим, да еще потому, что не выдохлись некоторые традиции. Мне было семь лет, в школу тогда принимали только с восьми, но родители были убеждены, что учиться в моем возрасте обязательно, и я посещал частную группу, которую вели три сестры из «бывших». Точнее, групп было две. Старшую учила Мария Николаевна, младшую, мою, Варвара Николаевна, а третья сестра, Елена Николаевна, вела хозяйство. И вот по случаю Пасхи родители оставили меня дома, и я на занятия не пошел. На следующий день Варвара Николаевна спросила меня о причине пропуска, и я в ответ стал мекать. Однако она быстро сообразила в чем дело, и строго мне наказала, чтобы я передал родителям, что могу пропускать занятия по еврейским праздникам. Я охотно передал, потому что не каждый день бежал на уроки с радостью. Иногда хотелось спать, а по дороге холод лез за шиворот. Ноги шли вперед, ранец тянул назад, а голова сама втягивалась в плечи. А тут вдруг подарок – сразу два комплекта праздников – христианские и еврейские. К

сожалению, родители не слишком пунктуально отмечали праздники, и воспользоваться привилегией почти не пришлось.

Занятия в группе шли с пользой. Нас было трое, так что болтовня или мечтание на уроке исключались. За учебный год по русскому языку освоили склонения и спряжения, по арифметике четыре действия и запомнили таблицу умножения. Решали задачки. Был еще урок природоведения. В комнате зашторили итальянское окно, все ребятишки уселись вокруг большого стола, посреди стола зажгли свечу (она представляла солнце) вокруг свечи вращали большой глобус, а вокруг него маленький, то есть Землю и Луну, и по тени можно было видеть, как получаются солнечное и лунное затмения.

Да, еще был немецкий язык. Вообще, не пойди я в школу, а позанимайся и дальше по этой «отсталой» системе, вполне мог бы стать прилично образованным.

Три сестры работали официально: иногда появлялся проверяющий из ведомства народного образования. Поэтому полагался еще урок обществоведения.

Как-то на таком уроке, который вела старшая сестра Мария Николаевна, тоже для всех сразу учеников, она, рассказывая об Октябрьской революции, разгорячилась. Она вспоминала безобразные действия толпы, ее представителей, в каком-то девичьим закрытом учебным заведении. Глаза ее сверкали; и, казалось, мы видели мелькание теней выбрасываемых из окон тетрадей и книг…

Я, будучи уже наслышанным, что до революции богатые угнетали бедных, сказал несколько слов в поддержку идеи революции. Мария Николаевна проявила выдержку, не осадила меня, а прервала свои воспоминания.

Можно только догадываться, что у нее и ее сестер, этих достойных женщин, было на душе.

Оговор

В хороший летний день мы шли с Валькой по Тверскому бульвару. Солнышко светило, газоны зеленели, листья деревьев шелестели… Одним словом, райская картина. Я тогда еще не знал, что нахожусь в одном из самых лучших мест в мире, но бессознательно чувствовал это. Мне было всего семь лет, а Валька – на два года старше. Он был круглоголовым, упитанным

и сильным мальчишкой, всегда готовым заступиться за младшего товарища. Посредине пути от памятника профессору Тимирязеву к памятнику Пушкину Валька, от нечего делать, стал изображать верблюда, то есть плеваться. Такая сомнительная забава не пристала девятилетнему мальчику, и судьба попыталась его наказать. Рядом с нами проходила хорошо одетая женщина. На ней был темно-синий жакет, отглаженный, аккуратный. Вероятно, она не занималась физическим трудом, а была либо интеллигенткой, либо из нэпманского сословия. И один Валькин плевок угодил ей на лацкан жакета. Она возмутилась, попыталась схватить Вальку за руку, но он увернулся и отбежал на безопасное расстояние. У меня же не хватило тактических способностей повторить его маневр, и пострадавшая особа схватила за руку меня, как соучастника. И тут, как на грех, рядом проходил милиционер, большой и представительный мужчина. Дама остановила его и неожиданно для меня сказала, что я плюнул, и показала на лацкан жакета. Милиционер строго приказал мне идти с ним, то есть обратно к Тимирязеву. Дама же, сделав свой лживый донос, пошла своим путем к памятнику Пушкину.

Я не делал попытки убежать – авторитет милиционера воспринял беспрекословно. По пути меня увидел малознакомый сверстник, он тоже имел обыкновение гулять на бульваре. Он начал меня дразнить, какое-то время, сопровождая нас, а потом отвязался.

Мы с милиционером дошли до конца бульвара, и он спросил, зачем это я плюнул на женщину. Я совершенно искренне отрицал этот поступок и думал, что он отведет меня в участок. Но милиционер неожиданно просто сказал мне, чтобы я не хулиганил и удалился.

Вскоре появился Валька, очень довольный тем, что меня милиционер отпустил. Наверно ему было неловко из-за того, что я попал в переделку по его вине. Во всяком случае, он сообщил мне, что он наподдал тому мальчишке, который меня дразнил.

Почему же я запомнил такой незначительный эпизод? Может, потому, что в последствии я узнал, что доносчики подлее и хуже любых милиционеров?

Ласка

– Кто отец? Рабочий или служащий? – спросила строгая

тетенька. Мама ответила, что служащий, и меня в школу близ памятника Тимирязеву на Тверском бульваре не приняли. Направили в школу в Чернышевском переулке. Мне это не понравилось, но мама сказала, что хорошо, не надо будет переходить через трамвайные рельсы.

1 сентября 1929 года для меня началась новая жизнь. В этот день меня, как и других ребят, привели в школу. Перед школой нас построили и отвели в класс. На второй день я пришел сам, но затруднился найти свой класс. Я спросил у полного дяди с маленькими усиками: «Скажите, пожалуйста, где здесь первый класс?». Он, неожиданно для меня, добродушно засмеялся, но дорогу указал. Потом оказалось, что это был директор школы. Кажется, тогда он назывался заведующий.

В первый же день на первом уроке учительница сказала: «Поднимите руку, кто умеет читать». Руки поднялись. Потом она попросила поднять руку тех, кто не умеет. Поднял один мальчик. Он сказал, что знает некоторые буквы, и назвал их. Но Ольга Николаевна отправила его домой, наказав передать родителям, чтобы научили читать и привели на будущий год. Мальчик спокойно ушел. Наверно, Ольга Николаевна могла бы поступить иначе, но шел первый год пятилетки, пережитки были еще свежи в сознании взрослых людей. Ей были не симпатичны неграмотные дети, а другим – дети служащих.

Вскоре выяснилось, что мне программа обучения не интересна, так как год до школы я занимался в частной группе. В частной потому, что в школу семилетнего не принимали. Мама спросила учительницу, нельзя ли меня перевести во второй класс. Учительница сказала, что надо бы весь класс перевести во второй, но так делать не принято. Я не проверял, но, кажется, большинство ребят в классе оказались детьми служащих. Учились все хорошо, только одного мальчика оставили на второй год. Его звали Ося. Добрый, тихий, с большими ушами. Ребята называли его ослом, но он не обижался.

Итак, шел первый год пятилетки, сталинской, как я узнал позже. В школе на большой перемене ребятам давали горячие завтраки. Запомнилась почему-то миска с горячим мясным перловым супом. Потом сплошная коллективизация стала давать свои плоды, и завтраки сделались невкусными. Как-то нам дали манную кашу. Ее приготовили без масла, без соли, да еще, кажется, не хватало воды. И получилось что-то вроде резины. Ребята, не сговариваясь, воткнули в эти порции каши ложки торчком и положили локти на стол. Учительница страшно взволновалась и, труся вокруг длинного стола, клала ложки. Мы думали, что пошутили, а она приняла всерьез. Мы, конечно, не

знали такого выражения – гражданское неповиновение. Потом появились в нашей жизни карточки на хлеб, заборные книжки и тому подобное. Ордера на ботинки, например. Плохое меня мало волновало. Детство все равно выглядело золотым. Но вот преждевременная грамотность имела в какой-то мере нехорошие последствия. Не было нужды делать дома уроки. Задавали, например, на дом прочитать страничку, да еще крупными буквами. Это легко сделать на ходу, идя домой. Но в тот достопамятный день я почему-то не прочитал страничку под заголовком «Ласка». А учительница вызвала меня и предложила ее рассказать.

Я встал и прислушался. В классе сидели три с лишним десятка учеников, сплоченных антигражданским мужеством. Может быть, потом кто-нибудь стал интриганом или кем-нибудь похуже, но тогда учительница была одна, а мы все – вместе.

Уши у меня не подвержены всяким воспалениям, и я быстро уловил тихие слова: «Рассказ про лошадь, про конюшню…» Тихий шепот, шелест, недоступный косным взрослым ушам.

«Однажды в конюшню, где жила лошадь Машка, забралась ласка», – сказал я.

Ольга Николаевна внимательно посмотрела на меня, как будто я не сидел перед ней каждый день с осени до этого весеннего дня. А ребята оживились, заулыбались.

В глубине души у меня что-то екнуло. Сказать, что лошадь звали Машкой, было неосторожностью. Но на это меня толкнула любовь к правде. Я был знаком с лошадью Машкой. И мне показалось, что так рассказ будет ближе к жизни. Увы… Учительница молчала, и я продолжил, что в конюшню забралась ласка. А я слышал, что эта зверушка склонна заплетать коням хвосты и гривы… И коротко рассказал об этом.

Учительница посадила меня на место, а точнее, поставила на место. Я сел красный и обиженный. А ребята еще немного похихикали.

Желая поскорее выяснить недоразумение, я листал букварь. Вот и «Ласка». Оказалось, что какой-то пацан дал лошади кусочек сахара. Вот и получилась ласка.

Первый мой рассказ был устный. Я сочинил его как акын, хотя и не под музыку. Ребятам творчество такого рода понравилось, а учительнице я не угодил. Однако угождать критикам и редакторам вообще дело трудное.

А мой первый письменный рассказ напечатали в книжке через тридцать четыре года. Это был рассказ о гроссмейстере Геллере. Заказали мне его не потому, что я умею писать рассказы, а просто издательство затеяло сборник «Рассказы спортсменов». Помог мне

мастерский значок.

Я, правда, и раньше, и позднее что-то пописывал вроде рассказиков, да не пытался их печатать. И не потому, что они могли не понравиться цензору, а просто писал для собственного чтения.

Музо

Таким коротеньким словом обозначали школьники уроки пения в начале тридцатых годов. Было еще Изо, то есть рисование и Физо – физкультура, а в наше время – Физра. Уроков по гражданской обороне тогда не было, уже другими поколениями они были окрещенные выразительным словом «ГрОб».

И вот я сидел на задней скамье в зальчике, небольшом по размеру, но самым большом помещением в школе, на третьем этаже небольшого здания. Отапливалась школа голландскими печами, хотя находилась в самом что ни на есть центре Москвы.

Шел пятый урок второй смены, последний урок. Несомненно, музо поставили в расписании последним уроком, так как оно не требовало от уставших учеников умственных усилий.

За стареньким пианино сидел Анатолий Петрович. Он никогда не обижал ребят и добросовестно выполнял трудное дело – приобщал двенадцатилетних сорванцов к музыкальной культуре. Анатолий Петрович играл какой-нибудь отрывок из музыкального произведения и задавал общий вопрос, что это напоминает ребятам. Кое-кто кричал: «Как в кино!». Тогда еще не сошли с экранов немые фильмы в сопровождении таперов, игравших на пианино. Анатолий Петрович играл другой отрывок, и ребята кричали: «Как в цирке!». Он не раздражался, хотя надеялся услышать что-нибудь про времена года, либо что-то в этом роде. Тем не менее, приличные отметки были всем обеспечены. Много позже от товарища я слышал, как его сын получил хорошую отметку по пению, но по другим предметам он был отличником. Папа спросил в воспитательных целях, почему «хорошо», а не «отлично», и мальчик пояснил, что когда он старался петь громче, ребята смеялись.

Все же в преподавании музо была своя система. Мы разучивали песни классового направления. К примеру:

Взвейтесь кострами синие ночи

Мы – пионеры, дети рабочих.

Другая, любимая пионерами песня:

Здравствуй, милая картошка
Тошка, тошка
Пионеров идеал, ал, ал.
Тот не знает наслажденья
Жденья, жденья, жденья,
Кто картошки не едал, дал, дал,

на уроках пения не допускалась, как явно безыдейная.

Пионерским идеалам соответствовали другие песни, такие к примеру:

Много разных стран,
Кроме СССР,
Всюду барабан,
Всюду пионер,

и дальше:

Много разных стран,
Шар земной велик.
На улицы столиц
Выходит большевик!

Еще мы пели:

Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо,
Вперед продвигались отряды
Спартаковцев смелых бойцов.

И довольно заунывную песню:

В темных норах нас держали,
Как слепых кротов
Но проклятый царский пал режим
Власть рабочую мы теперь крепим.

Последние слова звучали и бойко и радостно.

Не забывал Анатолий Петрович и о том, что мы живем в многонациональном государстве, и надо было разучивать веселую народную украинскую песенку:

Ой, на горе-гречька сидит зайчик
Вин нижками чибиряет,
Коли б я те нижки мав,
Я бы так же чибиряв,
Як той зайчик.

Однако когда мы попросили Анатолия Петровича сыграть мелодию модной патриотической песни

Дальневосточная, опора мира прочная
Союз растет.
Союз непобедим…

Он сказал, что мелодия очень примитивная и, почему-то, упомянул татарские песни, обнаружив слабость своего интернационального мировоззрения.

Можно, конечно, осуждать ребятишек за плохой музыкальный вкус, но это понятно. Они хотели получать от песни заряд радости, веселья. Мне даже в весьма солидном возрасте было весело, когда я слышал слова хорошей песни: «Вот солдаты идут, нога в ногу…» или «За столом у нас никто не лишний…», потому что я автоматически переиначивал слово не лишний, на не Лифшиц. Получалось оптимистично – «за столом никто у нас не Лифшиц», хотя широка страна моя родная.

Для веселья обучал нас Анатолий Петрович и пионерским частушкам. К примеру:

Ваня, Петя, Оля, Сима
Просят Горького Максима,
Приезжайте к нам в звено,
Не видали вас давно.

И другая частушка:

Жил за речкой мальчуган,
А за печкой таракан,
У мальчугана трусики,

У таракана усики.

А если поменять местами трусики и усики, то уж получается весело дальше некуда.

Хотя ребята не проявили музыкальной эрудиции и приличные пьесы им напоминали кино или цирк, делалась попытка обращения к классике. К примеру, хором надо было петь басовую арию варяжской гостя из оперы Римского-Корсакова «Садко». Звучало

О скалы грозные дробятся с ревом волны,
И с пеной белою шумя, бегут назад.
Но гордо серые утесы
Выносят волн напор,
Над морем стоя.

И становилось грустно.

Однако тот самый пятый урок, о котором я начал рассказ, окончился очень грустно именно для меня. В конце урока Анатолий Петрович сыграл какой-то минорный отрывок, чтобы мы послушали, но некоторые мальчишки стали бросать в его сторону медяки. Это был, несомненно, обидный хулиганский акт. Почему ребята так поступили, не знаю. Может быть, все мы не раз были свидетелями, когда во двор приходил шарманщик и ему в благодарность за игру бросали из окон монетки, часто завернутые в клочки бумаги, чтобы не закатились. Или потому, что на бульваре няньки, гуляющие с малыми детьми, монетками награждали слепого гармониста и его поводыря – девицу, которая пела сердцещипательный романс, трагически заканчивающийся словами:

Вонзила в грудь ему кинжал
О судьи, я его любила.

У Анатолия Петровича навернулись слезы на глазах, и он призвал директора школы. Может быть, в тот момент он был заведующим школы, ведь классы долго в пику старому режиму называли группами. Заведующий школой не был педагогом. Его просто направили на работу в школу, чтобы возглавил беспартийный учительский коллектив. Он ходил в военной гимнастерке. Ученики почти не замечали его присутствия. Но в этот вечер я его и заметил и запомнил.

Анатолий Петрович указал на меня, как на одного из хулиганов. Заведующий немедленно изрек, что я исключен из школы. Исключение из школы было высшей мерой. К тому же я ничего не бросал, у меня не было медяков, болела голова, и я сидел на своей задней скамье тихо и смирно. От обиды и огорчения я заплакал и побежал на второй этаж, в туалет, место довольно большое и нейтральное. Там я ревел, но вскоре за мной пришли. Оказалось, что в разборе происшествия приняла участие Анфиса Павловна, завуч и настоящий руководитель школы. Ребята сказали мне, что она смеялась и признала мою невиновность. Справедливость восторжествовала, я перестал реветь.

Больше я никогда не плакал. Тогда мне было двенадцать лет. Закончилось детство, наступило отрочество.

Иезуит

Я сидел в комнате один и, «по идее», как теперь говорят, делал уроки, раскрыв учебник. На нем лежала более интересная книжка – «Пятнадцатилетний капитан» Жюль Верна. В момент, когда мы с капитаном терпели страшное кораблекрушение, я услышал, через оглушительный рев бури, шаги матери из соседней комнаты. «Капитан» нырнул под учебник, а я пониже склонил голову. Мама подошла сзади и увидела прилежного сыночка. Материнское сердце не выдержало, она наклонилась и поцеловала меня в макушку. И потихоньку вышла из комнаты. Мне стало стыдно. Очень стыдно. Я расхотел читать «Пятнадцатилетнего капитана». Хотя каяться не побежал.

* * *

– Ты иезуит, – сказал на перемене мне директор школы. – Скажи родителям, чтобы они забрали тебя из школы.

Я молчал. Сказать было нечего. Об иезуитах я слышал и полагал, что слово это очень обидное. А заслужил я его таким способом. Директор был в школе человек новый. Он пришел в школу в конце учебного года и до летних каникул его только видели, но не слышали. Он все ходил и посматривал. Посматривал и помалкивал. Всеми делами командовала

заведующая учебной частью – завуч. Энергичная, строгая женщина со звонким голосом. Очень любила географию и, разумеется, ее преподавала. На ее уроках был полнейший порядок. Ребята занимались географией, как будто это был самый главный предмет. В тетрадки по географии вкладывали бездну изобретательности. Не жалели цветных карандашей, приклеивали из журналов разные картинки. При таком завуче директору оставалось только молчать. Однако, когда мы в сентябре пришли в шестой класс, оказалось, что в школе не работают некоторые учителя. Исчезла наша бывшая классная руководительница… Она частенько кричала на ребят. Ни разу никого не ударила, но, видно было, очень хотела. Ребята на нее не обижались. Она говорила, что раньше учила беспризорников и испортила свои нервы.

Завуч стала говорить не таким уж звонким голосом. Директор был по-прежнему молчалив. Однако молчал как-то по другому. Он стал преподавать русский язык и литературу. Очень хорошо. Объяснял интересно. Один раз для наглядности даже сломал карандаш: «Слышите звук? Дрр… Вот так получился корень славянского слова древо, по-русски – дерево».

Все старались друг перед дружкой. Даже писали дома трудные диктанты. Тренировались…

Потом директор стал давать уроки одновременно трем классам. В зале на скамейках вдоль стен сидели более ста учеников, а директор – за столом посреди. Дисциплина была превосходная. Ребята пикнуть боялись.

Начался такой урок, и директор стал проверять выполнение домашнего задания по русскому письменному. Ребята держат на коленях тетради, а он вызывает. Я тоже развернул тетрадь, но урока не сделал. Со мной такое случалось. Вызванный ученик читает по тетради, остальные следят по своим. Я тоже делаю вид, что слежу. И вот директор вызвал меня. Я захлопнул тетрадь и со всей прямотой признался, что урока не приготовил. И вот я – иезуит.

Родителям я ничего не сказал, хотя директор говорил со мной не просто серьезно, а даже мрачно. Но я как-то почувствовал, что он перегибает насчет «забрать из школы». Я промолчал, и пронесло.

Стыдно мне не было. Неприятно, но не стыдно.

Директора, мастера своего дела, уважали. И я бы уважал его всю жизнь, да только от него неожиданно родила совсем юная учительница младших классов. Об этом все говорили.

С 1929 по 1939 год я был школьником. Быть может это и были лучшие годы в моей жизни; учиться мне было не трудно, общаться со сверстниками было очень легко. Я неизменно подрастал, становился больше и сильнее, бегал, прыгал и так далее, читал запоем самые разнообразные книжки, играл в шахматы, и происходившие за стенами школы эпохальные события задевали мое сознание не слишком глубоко. В стране шла коллективизация, ухудшились школьные завтраки, появились продуктовые карточки, однако связи между этими явлениями я не видел в упор. Кроме того, шла и индустриализация, пятилетки, школу называли ФЗС, что означало фабрично-заводская семилетка. Это явление я воспринимал с полным доверием. Даже однажды на уроке продекламировал четверостишие: «Закончен гигант автострой / И в бой пятилетки вступает гордо / И скоро он даст стране / Миллионы советских „фордов“».

Надобно сказать, что все зарифмованные мною строчки за всю поразительно долгую жизнь могут поместиться на одной страничке. Муза поэзии явно не уделила моему существу никакого внимания. Однако учительница одобрила мои строки, я был рад, но новых поползновений в мир поэзии не обнаружил. Между прочим, фамилия учительницы была Черносвитова. Вряд ли ей нравилась новая эпоха. Конечно, умудренные опытом люди могут смеяться над десятилетним мальчишкой, называть его совковым ребенком, однако я видел в Москве демонстрацию взрослых с радостными лозунгами, говорящими о том, что Московский электроламповый завод выполнил пятилетку в два с половиной года. Между прочим, ликовали взрослые папы и мамы изобретателей этого удачного слова «совок». А в детском журнале я прочитал тогда диалог между сознательным пионером и взрослым несознательным скептиком. Пионер говорил, сколько тонн керосина и чугуна будут вырабатывать на душу населения, а скептик ехидничал, что вот тогда и получишь на завтрак стакан керосина, запить железную гайку. Пионер ставил скептика на место, объясняя, какие грандиозные урожаи и удои обеспечат колхозы и совхозы.

Когда расцвела эта самая замечательная карточная система, я имел возможность вспомнить прочитанный диалог. Ясное дело, что скептик все равно был не прав, просто пионер ничего не сказал о неизбежных временных затруднениях, о головокружении от успехов…

Однако это все присказка, а сказка будет впереди. У нас появился учитель рисования по имени Виктор Владимирович. Высокий и с виду сильный лысоватый мужчина с крупными чертами лица и большими руками. Лысина была прикрыта тюбетейкой. Галстуков бабочкой тогда не носили, очки и шляпа были вторичными признаками неполноценности, а тюбетейки кое-кто носил.

Не знаю, почему он взялся учить рисованию. Эта муза тоже не проявила ко мне серьезного внимания, но Виктор Васильевич мне и ребятам очень понравился. Вероятно, за изобретательность. Как-то на уроке он мелом нарисовал на доске круг, на нем другой поменьше и третий еще меньше, увенчанный шапкой. Получилось что-то вроде снежной бабы. Еще он приладил к этой фигуре бороду, руку с удочкой и другую с дудочкой. А слева в углу доски – маленького человечка, протянувшего ручки к крючку удочки. И печатными буквами эту картину расшифровал: «Не пляши под кулацкую дудочку / Попадешь на кулацкую удочку!». Это произведение, художественное и литературное, ребятам очень понравилось, и они изобразили его своими силами в тетрадях для рисования.

Однако успехи Виктора Владимировича были впереди. Еще он преподавал труд. Наша школа имела шефа – 16-ю образцовую типографию, чтобы оправдывать свое название фабрично-заводской. Нас водили в эту самую типографию на экскурсии. Наибольшее впечатление на меня произвела голубая фанерная будка, изображающая водочную бутылку. В ней находилась касса, выдающая зарплату прогульщикам и выпивохам. Типография пожертвовала школе отработавший свой век автомобильный мотор, но Виктору Владимировичу было недостаточно объяснять ребятам, где цилиндры, где шатуны, где коленчатый вал, и он выставил наших шефов еще и на оборудование класса по столярному делу. Верстаки, рубанки, фуганки, шерхебели, киянки и все такое прочее. Лиха беда начало. И на следующий год появился еще и слесарный класс. В него Виктор Владимирович вложил немалую часть своей души. Стали учиться делать шаблон, гирьку для весов… Если возникла надобность, то учителя следовало подзывать не голосом или поднятием руки, а повернув табличку, висевшую на гвоздике, с одной стороны зеленую, а с другой красную. Но Виктору Владимировичу хотелось не только, чтобы в классе было сравнительно тихо. Он еще желал развивать у ребят конструкторские способности. Однажды он предложил ребятам придумать какое-нибудь рационализаторское предложение. Я предложил надеть на носик чайника свисток. Пусть свистит, когда вода закипит. Виктор Владимирович пришел

в восторг и сказал такие слова, что мне и сейчас неудобно их повторять. А тогда, принимая похвалу, я промолчал. Не сказал, что видел такой чайник у тети.

В классе-слесарной мастерской Виктор Владимирович украсил одну стену лозунгом, из коего следовало, что металлургия – это основа индустриализации или еще чего-то в этом роде. Это произведение мне запало в память и, когда, позже, пришлось писать сочинение на тему «Кем я хочу быть», я, недолго раздумывая, написал, что хочу быть инженером-металлургом.

А в шестом классе и седьмом классе Виктор Владимирович преподавал черчение. И делал это здорово и с огоньком. Когда фабрично-заводская пора школьного обучения ушла в прошлое, в восьмом классе школы-новостройки, куда я перешел, педагоги были все новые, черчение преподавал Иван Архипович, седоусый говорливый человек, любивший на уроках вспоминать о гимназических годах в ущерб трем проекциям и прочим премудростям черчения. Он очень обижался, когда ребята путали его имя-отчество и называли Архип Иванович.

Как-то он рассказал на уроке занимательную, на его вкус, историю. Все выслушали молча, а Наташа, красивая и не слишком успевавшая в учебе девочка, сидевшая на первой парте, спросила невинным голоском: «Это анекдот?». Иван Архипович очень обиделся.

А Виктор Владимирович свою карьеру в школе закончил в должности завуча. Ничего особенного в этот период не произошло, однажды, правда, первый в школе хулиган Женька Кисляк полез к нему драться. Это был сильный верзила, но он успеха не имел.

Позже оказалось, что Виктор Владимирович учился на вечернем отделении в каком-то институте, окончил его, стал инженером, может быть металлургом, но из школы исчез.

То, что он научил меня держать в руках рубанок и напильник, в жизни мне пригодилось. Чертить не пришлось, хотя, может быть, и от черчения осталась какая-то польза. Мне кажется, что Виктор Владимирович сеял разумное, доброе, вечное.

Горе от веселья

– Так я пролетал свое счастье! – со смехом и гримаской сказал второгодник Боря.

В его груди билось сердце клоуна. Быстрым и глупым словом он, как солнечным зайчиком, радовал класс. Ребята смеялись, учителя стыдили Борю. Старались уязвить, называли клоуном. При этом удивлялись, что Боря не обижается.

В шестом классе вместо экзамена по немецкому Боря пошел в кино смотреть комедию «Летающее счастье». В году у него были почти удовлетворительные отметки по немецкому, но его оставили на второй год. Быть может, это укрепило в школе дисциплину, но Боря не изменился. Он не без удовольствия рассказывал о том, как пролетал свое счастье.

Новый класс знакомился с Бориным репертуаром. Предметы по второму разу казались проще, и учиться Боря стал хуже. Его жизнь, только что начавшаяся, покатилась под откос.

Позже он пытался смешить в суде, когда сидел на скамье подсудимых в группе каких-то воришек. Может быть, он шутил и в лагере, куда попал по приговору, ведь находил он что-то смешное и во время суда. На свободу он не вышел. Умер.

Боря пострадал за то, что не хотел сдавать немецкий. Он хотел в кино. У него были маленькие и шустрые серенькие глаза. И большие, забавно оттопыренные уши. И он предчувствовал, что пролетал свое счастье.

Мой брат Павлуха

Последний экзамен был по географии. «СухОна, сливаясь с рекой Юг, образует Северную Двину», – ответил я и окончил восьмой класс. А дальше каникулы. Пароход шлепает плицами колес по воде, плывем по течению. Матросы не похожи на морских волков. Один исполняет свои обязанности босиком. Другой матрос – просто женщина. Нет, первое плаванье не оставило в моей шестнадцатилетней душе глубокого следа.

В серый предрассветный и холодный час мы высадились в Междуреченске. В прошлом и, вероятно, ныне Шуйске. Оказалось, что на экзамене я допустил неточность. Здесь реку называли СУхоной, а не СухОной. Междуреченск оказался тишайшим городком, без заводов, железный дорог и трамваев. Тысяч пять жителей существовали по старинке. Город окружали леса и болота. Я, увы, не любопытен и лишь однажды за все каникулы пошел в лес.

Ягоды, дичь, дрова – все это было в лесу, вестимо. В Сухоне

рыба водилась в достатке. Мать пекла пироги с ягодами в большой русской печи. Запомнился лещ в коричневатой кожице, поджаренный на противне. Величиной он был как те легендарные рыбины, что срываются с крючка у бывалых рыболовов. Жарить такого красавца на газовой плите немыслимо. На базаре продавали много даров природы и дешево по сравнению с Москвой. Базары бывали по воскресениям, а страна, заводы, школы, учреждения жили тогда по шестидневкам. Выходных получалось больше, а безработных, соответственно, меньше. Все текло и изменялось, но междуреченцы говорили, гордясь:

«Мы – медвежьи уголки России». Почему-то во множественном числе. Иногда называли свой городок Шуйском, как в прошлые века. Междуреченцы валили лес, охотились, рыбачили, служили на пароходах, буксирах, баржах, трудились грузчиками. Отмечали не только революционные, но и престольные праздники. Умели выпить. К сожалению, не все. Случались на праздники и бессмысленные кровопролития.

Мне предстояло есть, пить, отдыхать, словом, делать, что хочешь. По неопытности я не мог представить, как мне хорошо. Восьмой класс я окончил неплохо, впереди был девятый, а там недалеко и Будущее.

Сестра принесла родителям очередную похвальную грамоту, на этот раз за пятый класс и тем более могла заниматься, чем хочет.

Третьим, но, вероятно, основным действующим лицом был мой двоюродный брат Павлуха. Так я называл его в отличие от взрослых, более вежливых. Родного брата у меня не было, но наши матери были родными сестрами. Тетка доверила своего единственного сына моей матери на лето, избавясь от выезда из города на дачу.

Как-то в прошлом нас поручили на лето тетиному вниманию. В тот год дачу сняли в настоящей деревне. Деревни той нет, на ее месте, на Воробьевых горах, построили Университет.

Напротив нашего дома проживала семья, владевшая многими коровами. Я не раз наблюдал, как коровы возвращались под вечер с пастбища домой. Интересно было, какая корова идет впереди стада. Считалось, что от этого зависит завтрашняя погода. Радио тогда у простых людей не было, погоду по радио не слушали.

Очень любопытно было смотреть, как отпирают крепкие и широкие деревянные ворота и в них степенно, не толкаясь, входят, словно вплывают, огромные коровы. Девять подряд.

Тогда я не знал еще, как и коровы, что эпоха требует хозяев раскулачить.

Павлуха был ровесником моей сестры и полным ее

антиподом. Сестренка – худенькая, черноволосая и черноглазая, а Павлуха – чрезвычайно упитанный, с золотистыми курчавыми волосами. Комплекция не мешала ему опровергать ходящее представление, будто толстые дети спокойны и флегматичны. Павлуха носился, дразнился, что-то организовывал, не знал покоя и другим покоя не давал. В отличие от своей двоюродной сестрицы, Павлуха страдал от существования грамматики. Он не мог писать без ошибок. Еще в школе была и другая трудность. Он хотел писать и рисовать левой рукой, а учителя заставляли правой. Шагать лучший поэт эпохи требовал «Левой, левой, левой!», а писать педагоги велели только правой.

Павлуха был добр по природе. Однажды мне подарил маленький перочинный ножик. Просто так, без намерения подлизаться.

И вот, доброго малого заставляли писать правой рукой.

Если бы на землю прилетели марсиане и назначили Павлуху главным вождем, он мог бы заставить всех педагогов писать левой рукой. Но марсиане задерживались, и бедняга выписывал буквы правой, выписывая их поодиночке. Только учитель рисования разрешил рисовать левой. Но разве учитель рисования в школе равноправный учитель?

Поставленная перед Павлухой на лето задача оказалась не простой. Отдыхать легко. Труднее подтягиваться по русскому письменному и давать отдыхать другим. В подтягивании принимали участие сестра и я. Отец работал и отсутствовал, наезжая изредка. Мать кормила, воспитывала, обстирывала, следила за здоровьем поколения.

Мы быстро приспособились к междуреченским порядкам, и блаженные каникулярные дни помчались чередой.

Сестра вела себя просто, без затей. Я вошел в круг местных футболистов и регулярно переправлялся на лодке на правый берег, где находился стадион. Скромненький. Скромненьким был и класс местных футболистов. Дважды я сподобился играть в междугородных матчах. На пароходе прибыла футбольная команда городка Тотьмы и обыграла сначала команду леспромхоза, а потом сборную города. Вероятно, мое физическое развитие опережало умственное, и поэтому я играл за взрослых.

Мы с моим тогдашним другом, который отдыхал в Калуге, затеяли сыграть партию по переписке. Письма доходили очень медленно, за лето успели сделать всего несколько ходов. Будучи уже тогда квалифицированными шахматистами, мы с Юрой, будущим гроссмейстером, не дали себе труда прикинуть, сколько же месяцев может продлиться партия по переписке. Типичный случай юношеского оптимизма. Разок-другой за лето я держал в

руках областную газету. Там писали о местных врагах народа и другие малоинтересные тогда мне вещи.

Павлуха же быстро нашел себе компанию. Это были трое местных ребятишек – один побольше, средний и маленький, которого они называли Клычин, по фамилии. Этот квартет обычно сопровождал большой лохматый пес. Ребята звали его Боян, а не Баян, потому что буква «О» была в Междуреченске в большом почете.

Типичная картинка утром: Павлуха сидит у окна на втором этаже. Ждет появления дружины. Они прибегают в сопровождении Бояна и дружно кричат: «Повлин, пойдем купатьсо!». Павлуха ждет повторного приглашения, а потом бежит вниз, на улицу, чтобы возглавить ватагу. Место у окна занимаю я. А шпингалеты исполняют специально для меня песенку: «Товарищи матросы / Курили папиросы / Товарищ капитан / Окурки подбирал!».

У Павлухи слуха нет, у его друзей тоже не заметно. Родители Павлухи как-то попытались учить его играть на скрипке. Увы…

Простенькая песенка почему-то задевает меня. Злобные пигмеи замечают это и поддают жару. Молчит только Боян. Он смирно сидит, вывесив набок здоровенный красный язык. Видно по всему, что сочувствует он не мне. «Повлин» дает отбой, и вся компания по росту, гуськом, бежит к воде. «Купатьсо». День далеко не жаркий, но Павлуха одет легко – черные сатиновые трусы, а на ногах почему-то носки. Трудно сказать, почему он так одет. Может, не хватило времени, чтобы обуться, а может быть, принципиально.

Кудрявые светлые золотистые волосы, белая, слегка покрасневшая от северного солнца кожа, упитанный, но подвижный, бежит Павлуха впереди по грязи от ночного дождика. За ним ребятня: меньше, меньше и, наконец, Клычин. Вот и Боян поднялся и побежал за друзьями. «Купатьсо». А вода в Сухоне очень прохладная, но ребята не ждут милостей от природы и непреклонно бегут.

Вечером у Павлухи поднимается температура. У него в раннем детстве что-то было с ухом, и ему сделали трепанацию черепа. Поэтому, наверно, и температура. Мерить он не хочет, и некоторое время сопротивляется своей тете. Но потом сдается. Утром температура снова нормальная, снова появляется компания с Бояном и все повторяется.

После обеда Павлуху ждут тяжелые времена. Диктант и тому подобное. Ему трудно, и он досадует. Как же не трудно, если он и в устной речи не придерживается правил. Говорит «укрючина», вместо уключина. «Тетя! Зачем вы меня попекаете!» – вместо

упрекаете. Пароход «Сольвычегодск», периодически проплывающий по Сухоне, называет на заграничный манер «Сан-Вычегорск».

Когда урок доводит его до отчаяния, он начинает писать родителям письмо, требует своего возвращения в лоно семьи, к папе и маме. Понимая, что одного его не отпустят, пишет, что может уехать в Москву «с дядем Абрамом». Сестра замечает, что не с дядем, а с дядей, и Павлуха гневно рвет письмо…

Потом наступает мое футбольное время. Я собираю необходимые вещички в чемоданчик. Павлуха, прощая все обиды, везет меня на лодке на ту сторону Сухоны и провожает на стадион, с гордостью неся мой чемоданчик.

Покинули мы Междуреченск-Шуйск в конце августа вечером. Прощались с Сухоной в темноте. Пароходик плыл в Вологду.

Война застала Павлуху учеником девятого класса. Первого июля я собирал дома миску, кружку, ложку и другое, чтобы отправиться в институт, а оттуда, вместе с другими студентами, на Киевский вокзал – место сбора тысяч студентов, направляемых на рытье противотанковых рвов, эскарпов и т. д. Павлуха прибежал к нам домой попрощаться со мной. А третьего июля я увидел его в Сухиничах, куда медленно приполз эшелон. Оказалось, что и девятиклассники понадобились. Немцы наступали.

Павлуха рассказал мне, что в эшелоне он играл с ребятами в очко и кое-что выиграл. Я, уезжая из дома, воображал, что Родина всем нас обеспечит, и почти не взял родительских денег. Павлуха предложил мне немного по своей инициативе. Я взял, но сделал ему замечание, что не надо играть в очко. Он не стал спорить.

Позже еще раз встретились. Он увидел меня во время обеденного часа на берегу реки, который мы «эскарпировали». Он был худ и голоден, а у нашего так называемого отделения водились кое-какие продукты. На противоположном берегу, откуда была вероятность появления в недалеком будущем немецких танков, располагалась деревенька и, по моей инициативе, чем я гордился, мы изловчились вплавь доставлять горлачи с молоком, яйца и так далее. Это было жизненно важно, так как кормило нас начальство в этот период мало и плохо. Эту встречу Павел позднее вспоминал как светлый момент.

Павлуха окончил школу, подрос, похудел, окреп и воевал. Рассказывал, что форсировал Днепр два раза. Один раз туда, а потом «форсировал» обратно, вплавь под обстрелом. Дошел до Венгрии и уцелел. Вернулся и женился на своей однокласснице Вере. Вера стала учительницей русского языка и литературы. А Павлуха, скрытно от жены, исправлял в сочинениях ее учеников,

которые она брала домой проверять, орфографические ошибки. Так он понимал свой долг перед угнетаемыми грамматикой.

Женился он на всю жизнь. Окончил институт и работал.

Женя защищал Родину

Маленький мальчик шел от Консерватории в сторону Никитских ворот и дальше, следя за трамваями. Он знал, что в Боткинской больнице лежит его мама. Давно. Иногда мимо проезжал трамвай нужного номера. Он шел долго. Денег на билет не было, а ехать зайцем он не решался.

Он спрашивал в больнице у многих людей, как найти ему маму, и узнал, наконец, что мама умерла. Отец это от мальчика скрывал.

Мальчика звали Женя. Скоро он пошел в школу, и я учился с ним в одном классе. У него появилась мачеха, семья жила в небольшой узкой и длинноватой комнате, в коммунальной квартире, в капитальном дореволюционном доме. На двери, ведущей в квартиру, много звонков. Однажды Женя показал мне дверь этажом ниже. Там было интересно написано, чьи звонки: Панин, Понин, Лунин, Шор. У Жени вообще был вкус к забавным вещам. Он сочинял веселые куплеты, бойко рисовал, непринужденно общался с мальчиками и девочками. О своих поэтических и художественных способностях был самого скромного мнения. Считал свои упражнения не более чем забавой. Он любил читать и делился с товарищами своими соображениями о прочитанном. От него я узнал, что есть такие ребята, которые любят в классе сидеть в уголке, не высовываться. А другие с удовольствием сидят на самом виду, посредине. Много лет спустя я услышал об интровертах и экстравертах. Казалось, что Женю не смущает внимание окружающих. Мальчишки на переменках любили возиться, бороться, но Женя в этом почти не участвовал. Учился он хорошо, на судьбу не жаловался. Его отца я видел один раз. Мне он показался мрачным. А мачеху не видел.

Окончив в 1939 году десятилетку, Женя решил поступить в военно-морское училище, чтобы обеспечивать себя самостоятельно. Это оказалось непросто. Нужно было сделать операцию по поводу грыжи, да еще при дальнозоркости суметь пройти глазника. Женя сумел сделать и то и другое, и уехал в Севастополь.

В 1946 году мы встретились в Риге. Я работал там после окончания института, а Женя сказал, что он сельский учитель. Это была шутка, потому что он был капитан-лейтенантом, отлично выглядевшем в красивой морской форме, украшенной несколькими боевыми орденами. Войну он служил на подводной лодке, а в момент встречи преподавал в военном училище что-то по штурманскому делу.

Приятно было встретить одноклассника. Он рассказывал мне истории из своей морской жизни, отводя в них себе скромную роль.

Подводники на Балтийском море несли большие потери, но Жене посчастливилось – не утонул. Его капитан был лихой моряк, герой в бою и Герой юридически. Женя был штурманом. Однажды, рассказал он, лодка шла под водой, на глубине. Женя предупредил капитана, что есть риск задеть какие-то камни. Капитан не внял предупреждению, тогда Женя сказал, что сказанное записывает в журнал и дальше прокладывать курс отказывается. Захлопнул журнал, и в этот момент раздался звук, вроде скрипа. Герой на глазах побелел как скатерть. Авария грозила трибуналом, а этого он боялся больше смерти. Слава Богу, обошлось.

Женя рассказал, что у них на подлодке был фельдшер, весьма любопытный субъект. Однажды он упросил капитана, чтобы тот разрешил ему посмотреть, как будут топить транспортный корабль, торпедировать в надводном положении. Капитан разрешил. Он стоял на мостике, голова фельдшера торчала из люка у его ног. Капитан голосом скомандовал готовность носового торпедного аппарата, а фельдшер не расслышал и голосом передал про кормовой. Капитан скомандовал: «Огонь!». Торпеда устремилась в открытое море. Капитан в ярости треснул фельдшера по голове башмаком, а фельдшер потом сказал: «Тут я услышал взрыв и увидел пламя».

Война повлияла на характер Жени, он по-прежнему любил юмор, но стал немного грустным. Немудрено, если каждое боевое задание могло закончиться катастрофой. Он рассказал мне любопытную историю. Один подводник напился, набедокурил, был задержан и не попал на свою подлодку, ушедшую на боевое задание. Лодка погибла, а про него говорили: «Молодец! Остался жив».

Другой подводник поскользнулся и сломал ногу. Тоже остался на берегу. Про него говорили: «Хитрый!». Все относительно.

В Риге у Жени была комната в квартире, где жили местные люди. Они относились к нему недружелюбно, придирались,

встречаясь на кухне. Женя нашел способ, как добиться уважения. Иногда он выходил на кухню, садился за свой столик и молча, на виду у соседей, чистил свой пистолет.

Прошла молодость, и Женя вернулся в Москву. Дожил до преклонных лет.

Как-то так получилось, что мы лишь изредка переговаривались по телефону. Линии наших жизней не пересекались.

Абрам

Давным-давно, в школе, я узнал, что в повествовании случаются лирические отступления. Это когда автор вдруг начинает рассказывать про погоду, про пейзаж, оттеняя смысл происходящего, настраивая читателя на нужную волну. Быть может, о лирическом отступлении надо говорить не так, но ведь за семь десятков лет не грех кое-что подзабыть.

Одним словом, первого человека, с которым я подружился почти в младенчестве, звали Абрам. И хотя лирические отступления случаются, когда повествование в разгаре, я себе позволю с него начать.

К большинству имен прилагаются уменьшительные: Николай – Коля, Василий – Вася, Георгий – Гога, а то и Жора, и так далее. С именем Абрам получается затруднение. Называть младенца полным библейским именем не с руки, Абрашкой – грубо, Абрамчиком – имеет оттенок, отмеченной в песне Галича: «Я папаше наливаю двести граммчиков / Анекдотик сообщаю про Абрамчика». В семье его называли, кажется, Абатиком, ласково, а ребята – как могли.

Мы познакомились, когда мне было почти четыре года, ему – почти три, а моей сестренке почти год. Его не то привели за ручку, не то принесли на ручках в нашу квартиру, спустившись на один этаж. Получилось так, что Абрам с моей сестренкой, сидя на коврике, что-то складывал из кубиков. Я наблюдал. Неожиданно сестренка, оказавшаяся позднее очень миролюбивым человеком, взяла кубик и ударила им Абрама в лоб. Он безутешно заплакал, и на этом первая встреча завершилась. Первоначально он вообще любил задавать ревака. Я был старше, и до меня первого дошло, что плакать стыдно. Однажды я спросил его, почему он часто плачет. Он объяснил, что, например, сегодня утром его маленькая

сестра отняла у него детский стульчик, вот и заплакал. А позднее он плакать перестал. Наверное, на него повлиял отец. Не плакал даже на похоронах своей мамы, которая умерла из-за неудачной хирургической операции совсем молодой. Абраму было тогда тринадцать лет.

Отец трудности воспитания преодолевал по-своему. Иногда странно. Как-то Абрам рассказал мне, что однажды, когда он хотел пить, отец посоветовал ему налить из графина, что стоял на буфете. Абрам послушался, налил, хлебнул, поперхнулся, потому что это была водка, а не вода. Может быть, поэтому, а может быть, и не поэтому, но Абрам всю жизнь отрицательно относился к алкоголю.

Настала пора поступать в школу, и Абрам пошел в первый класс. Отцу, высококвалифицированному бухгалтеру, удалось убедить школьное начальство немедля перевести сына во второй, и до четвертого класса включительно успехи Абрама в учебе были очень скромными. Однако он старался, трудился, и открылось второе дыхание: с пятого класса и до конца вуза он получал одни пятерки.

В детстве мы много свободного времени проводили вместе. Он гораздо лучше меня ориентировался в московских улицах и переулках и всегда прокладывал курс, так как я в топографии очень туп. Телефонов в наших квартирах не было, но я успешно внедрил перестукивание по паровому отоплению. Когда мы собирались гулять и родители спрашивали, куда идем, а если далеко (например, собрались ехать в Покровское-Стрешнево купаться), то задавали вопрос мне: разрешают ли Абраму? Я авансом говорил «да», а он уже совершенно честно говорил, что мне разрешили. Не помню, чтобы мы когда-нибудь ссорились. Научившись играть в шахматы, я научил и его. Пришла пора школьных турниров, и я играл успешней. Он учился лучше. Однако мы оба не склонны были к зависти и к ссорам тоже. Абрам с малых лет имел выдержку.

Когда мы окончили шестой класс, неподалеку построили новую школу, в Трехпрудном переулке.

Не знаю, сам ли Абрам сообразил, что надо переходить, или же его отец надоумил, но он перешел, а я оказался консерватором, остался в своей семилетке, которая все-таки поближе к дому. В итоге у нас из трех параллельных классов остался один, а учителя оказались не самые квалифицированные.

Как многие ребята нашего поколения, Абрам захотел стать инженером. Школу окончил отличником и поступил в Высшее техническое училище имени Баумана. Учился превосходно, получил сталинскую стипендию. Комсомольские поручения

выполнял старательно, и, хотя был скорее молчалив, чем речист, но как-то само собой оказался в авангарде комсомольской организации Училища. Эта вот «карьера» сыграла в его жизни существенную роль. Окончил вуз он с красным дипломом, хотел продолжить занятия в аспирантуре, да не тут-то было. В это время из Московского городского комитета партии погнали важное лицо, а это был выпускник Бауманского училища. Стали наводить порядок и в Училище. В итоге Абрам, казалось бы, мог поступить в аспирантуру, предложение делали несколько заведующих кафедрами, но «ведущая и направляющая» сказала «нет» и поехал он инженерить в Пермь, на военный завод, за Камой-рекой. Где и протрубил лучшие и почти все остальные годы.

Через год после окончания Абрам приехал сдавать приемные экзамены в аспирантуру своего Училища. На этот раз на экзамене по истории партии, или еще как-то эту науку называли, поставили ему двойку. Наглядно пояснили, чтобы не совался. Он узнал, что именно этого хотело высокое министерское начальство. Маленький пример традиционного отношения к естественным богатствам в нашей солнечной стране. Абрам, поступив в аспирантуру, стал бы дельным профессором. Это как минимум.

К Перми Абрама привязывало еще одно обстоятельство. Он был счастливо женат на однокласснице, но ее брат, офицер, попал после войны под «чистку» в армии. Его генерала расстреляли, а офицера посадили. Родители лишились московской квартиры и уехали в Пермь.

Зато на заводе, в коллективе, к Абраму относились хорошо. И когда прошло много лет и он доработался до первого инфаркта, освободили его от непосредственного изготовления пушек или еще чего-то там важного и перевели на преподавание в филиал института, что был при заводе. Стал Абрам «молодым» доцентом.

Пришла эпоха реабилитаций, появилась возможность вернуться в Москву. Но сердце болело, жизнь клонилась к закату, дожил почти до конца века.

Он был моложе меня, но ушел раньше.

На похороны приехали заводчане, друзья-пермяки. Говорили хорошие слова.

Мы редко встречались в последние годы. Болтать по телефону Абрам был не склонен. Но когда он умер, я часто вспоминаю его. Вспоминаю, что когда-то было детство.

Ляля

Девчачьим именем Лялька звали мы нашего одноклассника. Полным и настоящим его именем было Лавр, родители называли Лялей, а ребята попроще. Хотя он был тонкокостный, беленький, однако на девчонку не походил, а по части озорства превосходил всех в классе. Он постоянно придумывал разные каверзы. То принесет в школу на урок большую игрушку, то живого котенка. Однажды он предпринял затею и посерьезнее. Принес из дома кусачки и организовал маленькую диверсию – перекусил электропровод, идущий в класс, одну его жилку, и в том месте, где провод еще не вышел из трубочки, что специально проложена в стене. Сделали это на перемене после четвертого урока, мы учились во вторую смену, дело было зимой, на дворе темно. Свет в классе погас, разрез учителя не обнаружили, и мы довольные ушли по домам, избежав пятого урока.

На другой день место разреза электропровода было обнаружено, и начался розыск диверсанта. Нас было почти четыре десятка, и все дружно говорили – я не я и лошадь не моя. Дрогнул только один. Звали его Колей, он был в нашем седьмом классе новеньким, пришел из другой школы. Он оказался сильнее всех в классе, лучше всех рисовал и не задавался. Ребята его уважали. Не знаю, что заставило его «пролегавить». Ляльку строго не наказали, а с Колей все ребята поголовно, не сговариваясь, перестали разговаривать. А его поступок не обсуждали. Учителя не вмешались. То ли они решили, что так надо, то ли вообще не заметили ситуации. Родители перевели Колю в другую школу, хотя семья жила в нескольких минутах ходьбы от нашей.

Любопытно, что через много лет я случайно встретил Колю в киностудии. Оказалось, что он стал художником. Мы немного пообщались, но я почему-то не спросил его, как это удалось взрослым уговорить или же заставить его «стукнуть».

Отец Ляльки имел какое-то отношение к спортивным товарам, Лялька не раз давал мне на игру бутсы. Я запомнил их, они были белого цвета. Он вообще был добрым и дружелюбным, и отношения у нас были прекрасными. Однажды, уже весной, он притащил в школу две пары боксерских перчаток и в школьном дворе ребята на переменках боксировали, а точнее сказать – валяли дурака. Непременным уговором было – «по морде не бить». Случилось мне «боксировать» с Лялькой. Он был одним из слабых ребят, и я вел «бой» очень скромно. Неожиданно для меня он стал атаковать изо всех сил. Потом ребята мне разъяснили, что за нашим поединком наблюдала из окна второго этажа Тоня, а

Лялька в нее влюблен.

Тоня была скромной тихой девочкой, приветливой, молчаливой. Черноглазая и очень стройная, как сказали бы теперь, худенькая, как говорили раньше. Ее отчим был немец, работал техническим служащим в посольстве Германии, что находилось неподалеку от школы.

Шли годы, и оказалось, что любовь Ляли и Тони была взаимной и настоящей. Очень даже сильной. Но грянула война, и Тоня вместе с матерью, братом и отчимом уехали в Германию.

Лялька окончил юридический институт и стал народным следователем, но остался таким же добрым человеком. Ему, я слышал, удалось однажды повидаться с Тоней, она каким-то образом побывала после войны в Москве, но уехала обратно в Западную Германию. Политика раздавила любовь. Такая судьба. И эта же судьба-злодейка устроила Ляльке еще одну довольно редкую комбинацию. Он вел следствие по обвинению одной девушки. Какое-то служебное правонарушение. Провел следствие честно, девушку осудили на несколько лет лишения свободы. А Лялька ее сильно пожалел, а может быть, даже и полюбил, и писал ей письма в лагерь, слал посылки, за что его и уволили из нашей самой гуманной в мире прокуратуры. Стал адвокатом. Эта профессия гораздо больше подходила его натуре. Вот только лет на земле ему было отпущено судьбой совсем немного.

Тактик и стратег

В школьные годы я познакомился с Гариком в шахматном кружке Дворца пионеров. Он играл неплохо, но больших успехов не имел. Был улыбчив, приветлив и неразговорчив. Много позже, в 1944 году я встретил Гарика в Московском городском шахматном клубе. Я оканчивал Юридический институт, и он попросил у меня на денек мою зачетную книжку. Он прямо сказал, что хочет проникнуть в число студентов-старшекурсников, нарисовав себе в зачетной книжке отметки по предметам, которые ранее не получал. Я дал зачетку, хотя понимал, что соучаствую в подлоге. Однако в военные годы Юридический институт эвакуировали из Москвы и слили его с другим институтом, и вообще была большая неразбериха. Первый опыт Гарика принес ему успех. В дальнейших его комбинациях я, слава Богу, участия не принимал.

Однажды Гарик заявился в шахматный клуб с орденскими планками на пиджаке. Я ткнул пальцем в одну ленточку, и спросил знает ли он какого ордена эта ленточка. Он не знал, а я пояснил – ордена Суворова, полководческого. Этим орденом награждают генералов. Позже я слышал, что Гарик, повздорив с институтским профсоюзным «вождем», уважаемой студенткой, оскорбил ее действием. Но его, якобы заслуженного фронтовика, наказали не слишком строго.

Мой школьный товарищ Олег, знавший Гарика, как-то рассказал мне, что встретил его зимой в одном из арбатских переулков. Гарик, пыхтя, вез на детских саночках платяной шкаф. Олег полюбопытствовал и Гарик объяснил, что выиграл этот шкаф у знакомого, с которым играл в очко на его квартире. Партнеру нечем было расплатиться. Позже при встрече в клубе Гарик поведал мне, что из Юридического института он ушел, поступив в открывшийся Институт международных отношений, особо престижное заведение. Он успешно прошел собеседование при приеме с самим Деканозовым, высокопоставленным чекистом. Тот не смог видеть Гарика насквозь. Я удивлялся, а Гарик, рассказывая, улыбался. Эта ошибка Деканозова не имела серьезных последствий. Прошли годы и близкого соратника Берии, как водится у нас, расстреляли. Однако, несмотря на промахи кадровиков, дипломатом стать Гарику не было суждено. В комсомольской газете появился фельетон под заголовком «Голубая марка». Склонность к рисованию подвела Гарика. Он нарисовал голубые марки членских взносов, наклеил их в профсоюзный билет, сэкономил мелочь, но был разоблачен и из института с треском изгнан. Последний раз мы встретились с Гариком в Риге. Я работал там адвокатом, окончив институт, а как туда попал он, я не знаю. Гарик рассказал мне, что работает в порту, отвечает за правильную загрузку кораблей. Помнится он назвал свою должность красивым иностранным словом стивадор. Любопытная трансформация коренного жителя берегов славной Москвы-реки. Как будто стать специалистом по морским сухогрузам помогла ему мама, ответственный сотрудник ведомства, имеющего отношение к морям и сухогрузам. Однако загружал корабли Гарик недолго. То ли не смог, то ли расхотел. Я поинтересовался, на какие средства он существует, и Гарик рассказал, что у него есть женщина, вроде гражданской жены, он живет у нее, она вяжет шерстяные рейтузы, а он вполне успешно продает их на толкучке. Что было дальше с Гариком, какие он предпринимал новые тактические маневры и насколько успешно, мне неизвестно. Больше наши пути не пересекались.

Как-то мой друг рассказал мне о своем сокурснике, тоже

склонном к рисованию. Тот воспользовался своими способностями скромно, зато успешно. В голодное военное время Бауманский институт был эвакуирован в Ижевск. Студенты – будущие инженеры жили впроголодь. Хлеб отпускали по карточкам. И вот этот способный к рисованию студент ежедневно подделывал по одному талончику на 400 грамм хлеба. Фунт хлеба можно было съесть, можно было поменять на рынке на, скажем, молоко. И ни разу этот скромный художник не попался. В отличие от острокомбинационного Гарика, у него была душа осторожного позиционного стратега.

Закон притяжения

Жила была девочка. Ей было пять лет. Ее уже учили лопотать по-французски, хотя звук «эр» ей еще не удавался, получался «Эл».

Набожная няня как-то привела ее в церквушку, что стояла на углу Большой Никитской и Чернышевского переулка. То есть какое-то время улицы Герцена и Станкевича. Девочка, увидев, как люди крестятся и бьют поклоны, очень удивилась. Она, шагнув вперед, возгласила: «Дулаки! Бога нет! Есть одна плилода!».

Перепуганная няня схватила ее на руки и вынесла из храма. Что после этого в храме произошло, мне неизвестно. Знаю, что через несколько лет там устроили небольшое общежитие. В духе эпохи. Однако та эпоха завершилась, и ныне там вновь церковь.

Тем временем девочка росла, прекрасно училась, окончила институт и аспирантуру, стала доктором и профессором, очень видным специалистом в своей гуманитарной области и… православной.

Почему из десятков вариантов веры в Бога она выбрала именно этот? Быть может, потому, что большая масса притягивает?

Вечно с этими евреями что-то случается.

Способный мальчик

– Почему в Конституции сказано, что судьи выборные, а выборов судей не было? – спросил на уроке конституции ученик седьмого класса Леня в 1937 году.

Прошла война, закончил ее Леня – офицер-переводчик – в Вене. Потом арестовали его генерала и Леню вместе с ним. Предъявили генералу какое-то страшное обвинение, стоившее ему жизни. Когда было окончено следствие, Леня увидел в материалах дела, предъявленного ему, как положено по закону для ознакомления, свой детский вопрос. Оказалось, что учительница сообщила о находчивом мальчике куда надо.

Леня не отсидел положенных ему двадцати пяти лет. Его освободили, реабилитировали. Он получил комнату в Москве, высшее образование, позднее кандидатскую степень и прекрасно работал. Правда, стал слаб здоровьем, да избегал разговоров даже со знакомыми. Прожил семь десятков лет.

Учительница в свое время вышла на пенсию, на заслуженный отдых.

Судей много раз выбирали.

Отметка

В последнем классе школы появилась астрономия. Математика, рисование, литература, физкультура и другие предметы давно стали родными, а эта астрономия – вроде белой вороны. И преподаватель астрономии был не похож на настоящих учителей. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Быть может, звезды были ему понятнее, чем ребята и школа. Небольшой, лысоватый и раздражительный человек с усиками под Чарли Чаплина. Он надеялся учить нас, нас, которые стали почти взрослыми. После школьных вечеров и товарищеских вечеринок ребята ходили с девочками под ручку, знали танго из удивительного заграничного фильма «Петер», и еще множество полезных и бесполезных вещей. У нас были свои идеи и свои заботы. Перед всеми простиралось загадочное блестящее будущее. Мы пели: «Если завтра война / Если завтра поход…» и понятия не имели, что года через три будут петь грустную «Землянку»: «До тебя мне дойти нелегко / А до смерти четыре шага». И дальше про гармонь, про ускользнувшее счастье.

Итак, астроном спросил Валю, закоренелого отличника: «Что такое азимут?». Валя был немного рыхловат, но деятелен и

неугомонен. Он имел обыкновение зубрить уроки по ночам, а днем, иногда зайдя ко мне и застав с учебником в руках, говорил: «Бросай зубрежку! Кому это надо!». Аттестат отличника – лист плотной бумаги с золотой каемочкой – мерещился Вальке наяву. Аттестат в «золотых штанишках» давал право поступить в институт без приемных экзаменов. Институт уже был выбран – ИФЛИ. Институт философии, литературы и истории. Получить такой аттестат в нашей школе было нелегко. Валька, наверно, имел понятие об азимуте, но не сдержался и переспросил: «Азимут? Ах да, это отличная рифма к слову на зиму».

Это астроном стоически перенес, но когда полтора десятка ребят друг за дружкой отказались отвечать урок он, похоже, осатанел. И вот Милька, маленькая и своенравная красотка по прозвищу Сарделька согласилась отвечать. Отвечала откровенно плохо, но подлость астроном вознаградил четверкой. Это был циничный союз осатаневшего педагога и непостижимой Мильки. При чем тут была астрономия? За что страдал Коперник?

Мы все глубоко дышали, нам открылось то, что раньше не видели, мы стали зорче. Нам стало немного горько. И все благодаря четверке, добытой неправедно.

А Милька? Да наплевала она на все. Осталась такой же, как и до астрономии. И класс ее простил.

Едва окончив школу, Милька выскочила замуж. За какого-то мужика лет двадцати пяти – тридцати. Старика, одним словом. Редчайший мезальянс в наших глазах. До женитьбы Милька выдавала его за двоюродного брата. Стеснялась.

Валька же, не взирая на азимуты, бесконечность вселенной и прочие чудеса природы, получил все же аттестат в «золотых штанишках».

Я где-то прочитал, что отметки изобрели отцы-иезуиты. Вполне возможно.

Советы, советы…

Арон Григорьевич, профессор математики, жил в Ленинграде, а когда приезжал по делам ненадолго в Москву, обязательно навещал моих родителей. Он был приветлив, доброжелателен, вежлив по-петербургски. Как-то он захотел мне, мальчонке, сделать подарок по моему вкусу. Мы зашли в магазин, где продавали игрушки и разные игры. Он спросил меня, не умею ли

я играть в шахматы, и предложил научить. Дал такой совет. Но я предпочел игру «морской бой». Судьбе было угодно, чтобы играть в шахматы я научился позднее. Позже, через годы, я узнал, что Арон Григорьевич любит играть в шахматы со своими коллегами, следит за событиями в мире больших шахмат, что было характерно для ленинградцев. Еще он любил поплавать брассом, а из спортивных соревнований предпочитал смотреть единоборства, но не командные соревнования.

Когда начался учебный год в седьмом классе, у меня обнаружилась близорукость. В классе я сидел подальше от доски, на так называемой камчатке, а становиться очкариком не хотел. Шла первая четверть, и я поотстал по математике. Арон Григорьевич приехал в Москву, посетил нас и по просьбе моих родителей позанимался со мной алгеброй часа два-три. Это совпало с другим событием: учительница математики, она же классный руководитель, пересадила меня на первую парту. Может быть, она догадалась, что я не вижу написанное на классной доске, или же за болтовню на уроках. Скорее всего, и по тому, и по этому. Она была худенькая, тонкоголосая и старалась казаться строгой. Хорошая учительница и очень хороший человек. Однако одноклассники за глаза ее называли макакой. Ведь не только взрослые бывают плохими и злыми.

После профессорского урока и пересадки я стал частенько решать задачки первым в классе. Некоторое время ребята называли меня «алгеброидом», но прозвище не привилось. Какой-то особый ребячий слух уловил фальшь.

Как-то мама пожаловалась Арону Григорьевичу, что я часто не делаю уроки и часами сижу за шахматной доской. Занимаюсь теорией. Арон Григорьевич посоветовал маме не беспокоиться, потому ежели отрок упорно часами чем-то занимается, пусть шахматами, то это хорошо. Мама, вероятно, успокоилась, но однажды у нее возникла идея насчет репетиторов. Отец смотрел на эти вещи просто: «У моих детей не было репетиторов и не будет». Так и не было. Моей младшей сестренке на роду было написано радовать родителей отличными отметками и грамотами, а я без грамот чувствовал себя прекрасно.

Когда дошло дело до тригонометрии, я уже подрос, заимел довольно широкие плечи, в школу, что находилась близ дома, бегал всю зиму без пальто и не желал таскать портфель со всякими там учебниками. Исключением стала «Тригонометрия» Рыбкина. Не по тому, что мне нравились синусы и тангенсы, просто это был самый тонкий из учебников. На переплете вокруг фамилии автора я нарисовал две дуги. Впереди они соприкасались, а справа пересекались. Еще две маленькие дуги и

точка вместо глаза, и получилась рыбка. Ребятам этот скромный вклад в тригонометрию понравился. Думаю, что он мог бы понравиться и автору учебника. В учебник я клал общую тетрадку. Тонкую, о десяти листках. Она был общей по физике, химии, истории и других важным наукам, без которых не может существовать цивилизованное человечество. Итак, налегке я бегал в школу, успевая к звонку, а изредка и обгоняя учителя, поднимающегося из учительской на втором этаже в наш класс на четвертом.

Не всегда удавалось обходиться «Тригонометрией» и общей тетрадью. Иногда приходилось нести тяжкое бремя науки и учебников. В целом же все обходилось благополучно.

В школу я ходить очень любил, занятий не пропускал, и три последних класса просто мелькнули. Настало время выбирать институт. Арон Григорьевич посоветовал поступать на математический факультет. Я самокритично сказал, что ничего особенного в этой области из себя не представляю. Вот по шахматам, к примеру, я пробился среди московских школьников в самые передовики. Арон Григорьевич попытался мне объяснить, что школьная математика это еще не математика, да и вузовская тоже… Этого понять я не сумел и в конце концов написал Арону Григорьевичу письмо, в котором сообщил, что хочу поступить в Юридический институт Прокуратуры. Причин было две – совет школьного учителя, аспиранта этого института, и близость института к моему дому. О причинах я, разумеется, не написал. Арон Григорьевич ответил. Он недоумевал, откуда у меня такое человеконенавистничество.

Шел 1939 год. Мне было семнадцать лет. Я не был туп, но был наивен, воспитан в духе господствующих идей и склонен делать глупости.

Выводы? Какие уж теперь выводы. В чем там дело с разными ступенями математики, я так никогда и не понял. Однако понял, что к советам надо относиться очень внимательно.

Понял с некоторым опозданием.

Друг детства

Утро. Телефонный звонок. Я беру трубку и не надеюсь, что услышу голос Вальки. Он уже там. Где нет телефонов, да и, по-видимому, вообще ничего нет. Совсем недавно мы регулярно

общались по телефону. Личным встречам препятствовала старость.

У Вальки очень больное сердце, однако, каждую неделю он по нескольку раз ездит на работу в свой институт. Работает консультантом в лаборатории, которой прежде заведовал. Я представляю, как трудно дается ему эта дорога. Метро, автобус… Час для здорового человека. А он не может пройти 300–400 метров не остановившись, чтобы глотать таблетки. Ему тяжело нести даже зонтик.

На закате жизни Валька был озабочен получением звания заслуженного деятеля науки. Волновался. Я, подозревая тщеславие, спросил, на кой черт ему нужно это звание. Оказывается, платят на столько-то рублей больше. И этот тяжело больной человек, терпеливый и талантливый, был до конца своих дней озабочен тем, как свести концы с концами.

До перестройки Валька получал приличную профессорскую зарплату. Степени и звания давали ученым не только почет и уважение, но и средства к существованию. Он любил свою науку и гордился ею. Иногда я сообщал ему, что слышал по радио о каком-нибудь достижении зарубежных ученых. Нередко он отвечал, что у нас это уже давно известно. Если я спорил, он горячо напоминал мне, что в этом деле я профан.

Нам доставляло удовольствие в регулярных беседах по телефону вспоминать различные эпизоды детства и юности. Природа не обидела нас памятью. Иногда Валька любил пофасонить. Привязавшись к какому-нибудь слову в разговоре, он начинал декламировать длинное стихотворение. Он знал наизусть множество стихов. Я возвращал его на грешную землю упреком, что опять его мысль уходит по касательной от темы разговора.

Мы познакомились и подружились, учась во втором классе. За семь с лишним десятков лет дружбы ни разу не поссорились. Это выглядит невероятным, однако так и было, значит, возможно. Так случилось, в первую очередь, благодаря Валькиному характеру. Правда, я тоже не большой мастер ссориться. Однако есть в моем характере и жесткость. Не люблю мириться.

Какие только эпизоды прошлого не возвращала нам память! Согласились, что очень счастливым днем в нашей жизни был осенний денек, когда мы, десятилетние мальчишки, сидя на очень широком подоконнике в Валькиной квартире, сером, из шлифованного камня, кололи и ели орехи фундук. У каждого было по молотку, фундука много, его тонкая скорлупка трещала, лаская слух.

Впервые у Вальки, придя к нему домой, я увидел глобус неба.

Черный, испещренный звездами, созвездиями. Валька, тыкая в глобус пальцем, называл красивые имена созвездий. Я подумал тогда, что, глядя на обыкновенный глобус, ты как бы видишь земную поверхность снаружи, а звезды правильно видеть только изнутри глобуса.

Научившись играть в шахматы, мы увлеклись. Однажды затеяли сыграть партию с записью ходов. На столе, покрытом скатертью с ковровым рисунком, стояла большая стеклянная чернильница. Вечные перья тогда были редкостью, а карандаши для этого случая нам показались неподходящими. Макая свои перья, мы немного накапали на скатерть. Это, конечно, не понравилось Валькиному отцу, человеку нрава горячего. Он отругал нас и применил выражение вроде: Подумаешь? Великие шахматисты записывают посмертную партию!

Мы знали, что бессмертная партия есть, а посмертной нет, но сочли за благо помалкивать.

Мы с Валькой не были похожи друг не друга. Он часто болел, а я исхитрился из детских болезней отдать дань только кори. И то врач не был уверен – сыпи не было видно.

Валька постоянно освобождался от физкультуры, а мне эти уроки очень нравились. Я любил бегать, прыгать в длину и высоту, гонять футбольный мяч…

Оказалось, что способностей к шахматам у меня побольше. Это задевало Валькино самолюбие, но вскоре он меня простил. Удовольствовался вторым местом.

От Вальки родители требовали отличных отметок. Мне родители давали в этом плане свободу, и я ею пользовался.

Валька рос в литературной среде, читал много, с толком и разбором, а я много, но бессистемно. Валька, когда мы учились в старших классах, мог поговорить с учительницей по литературе об акмеистах и прочих материях, далеких от моих интересов. Он сочинял для школьной самодеятельности инсценировки. Участвовать в этакой «художественной самодеятельности» полагалось безоговорочно. Помню его поставленные в школе инсценировки по мотивам «Хаджи Мурата», а также произведения модного, но затем репрессированного писателя Бруно Ясенского «Я жгу Париж!». Я же мог только более или менее занимательно пересказать на уроке о детских годах Чичикова. И то это выяснилось в старших классах. Сочинения я писал скучные. На конкурсных экзаменах в институт абитуриентам предложили для сочинения три темы. Две литературные, а третья – вольная – «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». Я выбрал последнюю. Не знал тогда, что хоть бронепоезд и на запасном пути, но иногда постреливает.

В десятом классе семья поставила перед Валькой задачу – получить аттестат отличника. Однако Валька вообразил, что у него нет способностей к математике. Между прочим, многие уверены в такой своей слабости. Наверное, это проистекает из-за неудачно сложившихся на первой стадии обстоятельств. Ошибка, другая, испуг и в итоге страх перед математикой. У меня есть одно доказательство этому, но от противного. Девочка в нашем классе в начальной школе вообразила, что у нее хорошие математические способности. И хотя в целом она училась очень посредственно, но по математике успевала.

У маленького Вальки обнаружили музыкальный слух. Родители определили его в какое-то заведение при консерватории, благо близ дома. Музыке он учился параллельно со школой и прошел весь курс.

Некоторое время и мои родители приобщали к роялю мою младшую сестру, я же после первых двух-трех уроков расстался с этим делом раз и навсегда. Однако мне доставляло удовольствие слушать оперы при посредстве имевшейся в квартире так называемой радиоточки. Был такой репродуктор (громкоговоритель) «Рекорд». Черная тарелка из полукартона. Быть может, это чудо экспонируется в наши дни в политехническом музее.

У нас дома стояло дядино пианино. В его маленькой комнате в коммунальной квартире пианино не помещалось. Мне нравилось слушать в Валькином исполнении его нехитрый репертуар: «Неаполитанскую песенку», «Турецкий марш», «Шествие гномов». Валька играл, не чинился. Однажды ему надоело бисировать, а я все просил повторять «Неаполитанскую песенку». Валька, улучив момент, накинул пальто, шапку в охапку и попытался удрать. Я выскочил на морозную зимнюю улицу в рубашонке, настиг беглеца и притащил его к инструменту. Валька сопротивлялся умеренно, смеялся и согласился сыграть еще разок.

В десятом классе Валька проявил примерное прилежание, занимался по математике с репетитором и задание родителей выполнил. Поступать он решил в медицинский. Редкий выбор среди наших знакомых. Модно было идти в инженеры. Пятилетки, романтика созидательного труда…

Решил стать врачом Валька, вероятно, чтобы потрафить своему любимому деду. Он называл его дединькой. Последние свои годы дед жил в семье дочери, Валькиной мамы. Это был седой массивный и широкоплечий старик с добрым лицом и неторопливой речью. До революции он практиковал в собственной водолечебнице в украинском городе Елисаветграде,

где пользовался большим уважением горожан. Он имел большой дом, с библиотекой, двумя классными роялями… Обладал хорошим голосом.

Революция избавила его от права собственности на водолечебницу. Кажется, он подарил ее городу. Отечественная война лишила дома. До войны Валька часто жил у деда в летние каникулы. В год поступления в институт его вызвали оттуда телеграммой в Москву на собеседование с директором. Он добирался не без трудностей, с пересадками. На собеседовании его спросили фамилию, и хочет ли он стать врачом. Валька ответил и услышал, что принят.

«И это все? – спросил Валька. – Ради этого я ехал?». Последовал ответ, что таков обычай. «Дурной обычай» – позволил себе резюмировать Валька. И удалился, гордый и довольный.

Не только дединьку Валька любил искренне и сильно. Он горячо любил маму, папу, младшую сестренку…

В шестом классе, когда мальчишки и девчонки, почти все без исключений, стали влюбляться, Валька полюбил одноклассницу Галю, красивую и решительную девочку. Будучи открытым от природы, Валька таить своих чувств не стал и написал Гале записку, где сообщил, что он любит ее «…не платонически, а морально». Текст стал известен в классе, и один малец сказал, что теперь мама не будет Галю одну выпускать на улицу.

Первая любовь осталась именно платонической. Галя с годами превратилась в очень красивую девушку, участвовала в войне, а потом вышла за другого одноклассника замуж. Однако Валька на всю жизнь сохранил к ней теплые чувства и гордился тем, что предмет его первой любви так прекрасен.

Тут я позволю себе маленькое отступление от темы. Как-то я сообщил одному приятелю предположение. Поведение молодых людей напоминает мне детскую игрушку – заводной автомобильчик. Вот он заведен, бодро катится, покоряет девушек. Завод кончился – автомобильчик остановился. И вот тут-то он женится. Не автомобильчик, конечно. Мой приятель сказал, что с ним так и было. Поэтому я решил своей «теорией» поделиться.

В продолжительных телефонных разговорах мы вспоминали, как я «отдал» Вальку в аспирантуру. Окончив институт, он работал врачом в Подмосковье. Наблюдательный, он иногда рассказывал о любопытных пациентах. Запомнился почему-то такой эпизод. К нему – невропатологу – пришел на прием небритый и грязно одетый мужчина. Он снял фуражку, и Валька увидел вошь. Попытался пристыдить пациента, но тот, нимало не смутившись, ответствовал: «Доктор! У каждого человека есть свое засекомое». Доктор решил его не поправлять и не стал спорить.

Как-то я сказал Вальке: «Шел бы ты в аспирантуру, учиться привык, а за ученые степени стали прилично платить…». Валька согласился и, не откладывая, при мне поведал о своем намерении отцу. В этот день у отца настроение было неважное, не ладилась работа, беспокоила контузия, полученная в ополчении в первый год войны. Он вздыбился и сказал, как отрубил, что хватит сидеть на родительской шее, работать надо, а не учиться…

Время в стране было, если можно так выразиться, достаточно голодное, действовала карточная система. Валька понурил голову, а я подал реплику, что аспирантам дают карточку эн-эр, как научным работникам. На эту карточку можно было купить по твердым ценам гораздо больше продуктов, чем отпускали рядовым гражданам. Отец мигом изменил свое решение. Он сказал: черт с тобой, иди. Что Валька исполнил безотлагательно. Был принят в аспирантуру и успешно проходил ее курс и в это время тут же на кафедре влюбился и, в итоге, женился. Предметом его пылкой любви оказалась Ольга, сотрудница кафедры. Она отличалась видной и крепкой фигурой и, главное, очень твердым характером. Быть может, улыбка Джоконды таинственнее, чем улыбка Ольги, но у Ольги она была несомненно добрее и веселее. Да еще светились карие глаза. Одним словом, влюбился Валька на всю жизнь.

Валька-юноша был довольно красив, общителен и, как уже сказано, любвеобилен. Но, видно, завод кончился, и Ольга затмила горизонт.

Роман развивался бурно. Однажды Валька пожаловался мне: Ольга его очень сильно обидела. Правда, в это время ей нездоровилось. Я без обиняков сказал жестко: «Плюнь и руки не подавай!».

Валька, разумеется, меня не послушался. Они поженились, прошли годы и как-то на отдыхе Ольга сказала мне, что ей известно о моем «Плюнь…» и так далее. Валька, конечно, протрепался. Но Ольга на меня не обиделась. «Мужик», – сказала она. И улыбнулась своей доброй и веселой улыбкой. Так что баланс наших с Валькой отношений не пострадал.

На склоне лет в одном телефонном разговоре со мной Валька стал в своей несколько сентиментальной манере расхваливать доброту моей покойной матери. Я попытался его остановить, но он неожиданно сказал, что именно тогда, когда я посоветовал плюнуть и руки не подавать, моя мать придерживалась другого мнения. Она сказала Вальке, что раз любит, пусть женится. Так он и поступил.

Валька окончил аспирантуру, защитил диссертацию и был направлен в Витебск, в разоренную войной Белоруссию. Он

организовал в медицинском институте кафедру гистологии, работал увлеченно, привязался к Витебску, но не порывал с Москвой. Ольга периодически жила и работала в Витебске, каникулы вместе проводили в Москве. Бытовые трудности не смущали его. Он научился хорошо готовить, полностью обслуживать себя. Так пролетело 13 лет, которые он считал счастливыми. Много позже на встрече бывших одноклассников по случаю какого-то юбилея один товарищ позволил себе непочтительно высказаться о городишке Витебске. Валька обиделся на него надолго.

Возвратясь в Москву, Валька работал в научно-исследовательских институтах. Работал успешно, приобретал авторитет в своих кругах. Был доволен своим поприщем и семьей. В свободное время поигрывал в турнирах медиков в шахматы.

Гордился удачно проведенной партией с кандидатом в мастера, ничейным исходом партии с мастером. Впрочем, и в Витебске он участвовал в местных соревнованиях.

Потом наступили другие времена. Ушла из жизни Ольга. Как принято говорить, после тяжелой и продолжительной болезни.

Вальке пришлось сполна отведать прелестей перестройки. Он как огня боялся потерять работу, потому что пенсия не обеспечивала мало-мальски сносного существования. А годы и болезни давали себе знать. Свобода предпринимательства была ему ни к чему. К этому он имел еще меньше талантов, чем к математике. Как-то раз он заработал сотню долларов за то, что помог претенденту на ученую степень доктора, исправив в диссертации орфографические, синтаксические и некоторые другие ошибки, (быть может, тот ученый не имел крепкого среднего образования), Валька поведал мне, что обменял зеленую купюру на рубли и положил их на сберкнижку. Напрасно пытался я объяснить ему что-то про отрицательный процент из-за инфляции. Он и слышать об этом не хотел. Он был просто ученый, медик высокой квалификации с широким кругозором и талантами в некоммерческих областях.

Я слышал, что один наш выдающийся экономист сказал, что наука может подождать. Идея сомнительная вообще, а в частности Валька обещанного на этот раз светлого будущего не дождался. (И не он один).

Я слышал от него, что директор института академик Шумаков, знаменитый хирург, тепло к нему относится. Было за что уважать Валентина. Не только за научную работу. Наперекор своим тяжелым болезням он находил силы и время для того, чтобы сочинять пьесы для фортепиано, издал тетрадь нот и радовался вниманию преподавательниц каких-то детских

музыкальных школ, которым дарил свою тетрадь для учеников. Записывал свои пьесы на кассеты и дарил кассеты друзьям и знакомым. Не порывал связи со многими своими соучениками и друзьями из мира музыки. Находил силы встречаться с ними. Заводил новые знакомства. Это давалось ему легко, потому что он готов был вступить в разговор с незнакомым в любой момент.

Следил за событиями в мире шахмат, разыгрывал дома примечательные партии. Любил смотреть по телевизору спортивные состязания – футбол, хоккей, теннис.

Кроме всего прочего продолжал писать стихи. Однажды пожаловался мне по телефону, что сестра, известный критик, не одобряет его увлечений музыкой и поэтическим творчеством. Категорически заявляет, что его назначение – наука, а стихи заурядны и так далее. Мне было за Вальку обидно. «Скажи сестре, что у нее нет музыкального слуха», – посоветовал я. Валька посмеялся.

Он издал маленьким тиражом книжку своих стихов. В обращении к читателю написал: «В эту книгу, которую я осмеливаюсь опубликовать на семьдесят восьмом году жизни, я включил, в основном произведения, отражающие мое отношение к родным местам, природе, поэзии, музыке, к жизни и смерти, мою любовь к дорогим мне людям – живым и умершим».

И еще:

Мы часто в рифму говорим
И думаем, что мы поэты
Но мы не звезды, а планеты
Поскольку светим не своим
А только отраженным светом.

Он совершенно особенно относился к моим попыткам писать рассказики. Я читал их по телефону, благо короткие, именно ему, потому что он меня одобрял и делал критические замечания, давал советы. Он говорил, что ему не терпится увидеть напечатанную мою книжку. И еще говорил, что хочется дожить – дотянуть до восьмидесяти лет. Безграничная любовь к людям укрепляла его волю к жизни. Но не сбылось. Не дотянул полгодика.

Я очень мало знал

В 1940 году отменили обязательное посещение лекций и семинаров в вузах, потому что отменили стипендии для всех, кроме отличников, и ввели плату за обучение. Свободное посещение давало студентам возможность подрабатывать. Кстати, и в школе ввели небольшую плату за учебу, хотя в Конституции было написано, что обучение бесплатное. Моя младшая сестра сформулировала четко: «Бесплатное обучение за деньги». И никакого противоречия между Конституцией и жизнью.

В институте стали уделять большое внимание военному делу. Строевая подготовка, лыжи, еще повыбрасывали коврики из тира. Учись стрелять лежа не на коврике! Говорили, что так надо, будто бы велел новый нарком обороны Тимошенко.

Шла война между Англией и Германией, оккупировавшей чуть не всю Западную Европу. В газетах печатали речи Черчилля и Гитлера. СССР уже имел договор о дружбе с Германией, уже протянул братскую руку помощи Западной Украине и Западной Белоруссии, Бессарабии и странам Балтии. Наш студент Курт из Республики немцев Поволжья явно не сочувствовал англичанам. Он, конечно, не догадывался, что скоро мы будем воевать против немцев в союзе с англичанами, а немцев из Поволжья и других советских областей отправят в ссылку поголовно. Молодой же профессор политэкономии Дашевский, демократичный и симпатичный студентам, как-то ответил на мой вопрос во время перерыва между занятиями, что экономический потенциал Англии плюс поддерживающих ее Соединенных Штатов выше и поэтому Германию ждет поражение.

Студенты отлично знали слова песен: «Ведь от тайги до британских морей / Красная армия всех сильней / Так пусть же Красная / Сжимает властно / Свой штык мозолистой рукой / И все должны мы / Неудержимо / Идти в последний смертный бой», а также «Броня крепка и танки наши быстры…». Еще: «Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин / И первый маршал в бой нас поведет». А первый маршал и товарищ Сталин убедительно обещали, что мы ни одной пяди своей земли не отдадим, что чужой нам почему-то не надо, что на удар ответим тройным ударом, что воевать будем на чужой территории. Правда, когда зимой случилась «справедливая» война с маленькой Финляндией и из четырех наших ребят, принявших добровольно в ней участие, вернулись двое, да еще мы слышали, что померзло там и погибло много наших, это как-то дисгармонировало с твердыми представлениями. Правда, вернулся Костя, парень, который раньше учился в соседней школе, да еще с орденом Красного Знамени, очень почетным тогда, как и позже.

Несмотря на сложное международное положение и скромный бюджет семьи, я не проявил предприимчивости, не искал себе работы. Родители кормили и не упрекали. Быть может, из-за национальной традиции, что учеба – это первейшее дело. Так что совесть моя дремала, и я пропускал лекции из-за шахмат, в которые играл неплохо, и баскетбола, в который играл плохо.

Настала весенняя экзаменационная сессия, и у меня появились самые натуральные головные боли в первой половине дня.

Ушлые ребята посоветовали мне попросить бюллетень в поликлинике, и я отправился туда в первый раз в жизни самостоятельно.

Врачом оказалась красивая молодая женщина. Ей были к лицу серьги с длинными подвесками. Она не признала меня больным. Я обиделся. Наверное, потому, что отказала красивая и молодая. Хотя я не имел понятия о ее существовании, когда ждал приема в коридоре.

Пришлось готовиться к очередному экзамену – гражданскому праву. По свойственной многим молодым студентам фанаберии мне больше нравилось уголовное право, гражданское же казалось скучным. И зря его называли юридическим сопроматом. Просто толстый и скучный том.

Приближался понедельник, день экзамена. В воскресенье с утра я зубрил, сидя у большого окна на улицу. Улица умеренно шумела, солнце ярко освещало ее, видна была каждая пылинка, надвигалась неминуемая духота. Голова болела, я примирился с этим. Все равно вечером станет свежо, головная боль пройдет, и я пойду на Тверской бульвар погулять. Пройдусь с товарищем от памятника Тимирязеву до памятника Пушкину, в кругах света от электрических фонарей будут попадаться знакомые лица, а завтра пойду сдавать гражданское право. Спокойно, без паники. На это я был способен и иногда об этом качестве не без самоуважения напоминал окружающим.

Неожиданно на улице заголосило, загремело радио. Обычно оно молчало, а включалось только по праздникам, да еще в дни выборов в Советы.

Я выглянул в окно и на другой стороне улицы увидел мужчину в бежевом коверкотовом макинтоше. Было тепло, но он надел эту модную и ценную тогда вещь, вероятно, по случаю воскресенья. Навсегда запомнил, что лицо его было поднято к высоко висевшему громкоговорителю, левая нога стояла на мостовой, а крепкий желтый ботинок правой ноги стоял на тротуарном бортике. Он стоял и внимательно слушал радио. И на улице все переменилось. Будто под лист бумаги, на котором

рассыпаны железные опилки, поднесли магнит.

Я включил репродуктор. Говорил Молотов. Он сказал, что враг будет разбит. Победа будет за нами. Началась война. После речи Молотова передавали песню рурских шахтеров. Пел Эрнст Буш, певец-коммунист. И я надолго захлопнул толстый учебник гражданского права.

И побежал в институт. Там было много ребят, но не все знали, что началась война. Нэля и Роза услышали, что бомбили Киев, и заплакали. Там жили их родители и близкие. Роза еще не знала, что первая бомбежка для киевских евреев – пустяк. Бабий Яр был еще впереди.

Во дворе собрали митинг. Доцент Щукин выступил с пламенной речью. Что-то говорил о тройном ударе, о международной солидарности, о мировой революции. Остальные профессора и доценты глядели серьезно и сурово.

Ребята говорили, что у Щукина дома полные собрания сочинений классиков марксизма-ленинизма и на любой странице подчеркнуты строчки. Он был доброжелательным преподавателем и студентам нравился. Одна студентка, вдвое моложе его, когда он вернулся с фронта в звании и с наградами, вышла за него замуж.

Потом писали заявления о вступлении в Красную Армию… Потом я с некоторыми товарищами пошел в соседний Леонтьевский переулок. Он тогда назывался улица Станиславского. Хотели посмотреть на немецкое посольство. Оказалось, что большое зеркальное стекло входной двери разбито. Как будто его разбил со зла немец-фашист, когда уезжал. К посольству подкатила открытая легковая машина, полная чемоданов и саквояжей из хорошей кожи.

Милиционер спокойно стоял на своем посту и был порядок.

Как-то утром, довольно рано, объявили воздушную тревогу. Я вышел во двор и примкнул к кучке людей. Иногда грохотали выстрелы. Кто-то соврал, что на Пресне что-то горит. Потом узнали, что тревога была учебной.

Разрывающиеся маленькие белые зонтики зенитных снарядов напоминали парашюты, и один мужчина сказал: «Теперь немец пойдет на Минск, потом на Смоленск, потом на Москву…». Ему никто не возразил, хотя это звучало странно. И его не задержали.

Город затемнили, и ночью он стал совсем непохожим, необычным. Отец в это время добирался из командировки. Из Тверской области в Москву. Связи не было, и мать беспокоилась.

В понедельник утром я все-таки сдавал гражданское право. Очень уважаемый профессор Карасс спрашивал меня недолго. Перед экзаменом я старательно брился и умывался, выглядел

этаким чистеньким. У профессора были очень грустные глаза, серые. Он внимательно посмотрел на меня. Володька Мерварт, мой приятель, сталинский стипендиат, не сухарь, а отличный парень, видел эту сценку и сказал мне: «Он тебя, наверно, пожалел. У него сын твоего возраста». Позже я слышал, что сын профессора погиб. И Володька тоже. Он тогда, конечно, не знал, что вскоре мы вместе три месяца будем копать противотанковые рвы, начав в Смоленской области и пятясь поближе к Москве.

В какой-то суматохе пролетели дни до первого июля. Куда-то записывали и две ночи студенты провели на матах физкультурного зала, дежурили. Потом ходили на Миусскую площадь, где были райисполком и райком, записываться в истребительный батальон. Экзамены закончились сами по себе, и головные боли немедленно исчезли.

Благополучно вернулся отец. А первого июля днем я в толпе многих тысяч студентов стоял на площади перед Киевским вокзалом. Мы ждали отправки на оборонные работы.

Когда студенты нашего института проходили на отведенное место на площади, нас провожали. Запомнились грустные глаза директора института Зусмана. Это был полный молодой человек с небольшими усами. Недавний аспирант бывшего директора института профессора Мокичева, что читал лекции по теории государства и права. Основатель нашего института генеральный прокурор достопамятный Вышинский забрал Мокичева, как будто его бывшего аспиранта, на работу в Прокуратуру Союза. А Зусмана, несмотря на молодость, назначили директором. Он провожал студентов и еще, наверно, не знал, что на днях его назначат на генеральскую должность прокурора Юго-Западного направления, которым командовал маршал Буденный. Позже я слышал, что Зусман не глянулся и его «произвели» в комиссары. Кажется, батальонные. И он немедленно погиб.

Я шел с сатиновым рюкзачком за спиной, наспех сшитым матерью, и улыбался провожающим. Обычно мою улыбку одобряли. Один только раз умная студентка сказала: «Надоела твоя вечная блаженная улыбка!». Ее звали Ренэ, и она была круглой отличницей.

Затемно мы вышли к железнодорожным путям, ждали, когда откроют товарные вагоны и начнется посадка. Ждали долго, и я сел на землю. Сел в новом пальто, которое недавно купили в Мосторге. Его тогда еще некоторые называли старым именем Мюр-Мюрелиз. Пальто я берег.

А тут я осознал, что началась война.

Когда я был адвокатом

Профессор ГУБС'а

ГУБС – это вовсе не иностранное слово. Это такой предмет. Государственное устройство буржуазных стран, сокращенно – ГУБС. Буржуазные страны со всех сторон окружали Советский Союз, поэтому студентам-юристам надлежало знать, как они устроены.

Шел 1940 год. Германия оккупировала половину Европы и бомбила Англию. А профессор ГУБС'а читал студентам лекции. Он предпочитал не стоять за кафедрой, а сидеть подле кафедры, стоявшей на невысоком помосте. Говорил он быстро и не очень внятно. Записывать лекцию было затруднительно, учебника по этому предмету не было. Когда в зале возникал ропот, профессор прибавлял темп. Таким способом он требовал уважения к себе. Еще он любил ставить на экзамене двойки, и был в этом деле среди профессоров явным лидером.

Когда профессор вел экзаменационный допрос, студенты испытывали психологическую пытку. Кто вздыхал, кто дрожал, кто потел от страха. А профессор экзаменовал споро, по ходу острил, иногда грубовато. Не сумела, например, девица дать профессору понять, что город Кантон отличается от кантона в Швейцарии и профессор, внимательно посмотрев на ее маникюр, сделанный специально к экзамену, говорит: «Берите зачетку и уходите вон».

О профессоре было известно, что он знает иностранные языки. В частности, немецкий. И Курт, парень родом из существовавшей тогда Республики немцев Поволжья, попросил разрешения отвечать по-немецки. Профессор сказал: «Спасибо, я хорошо понимаю по-русски». Иногда он реагировал на промахи и вовсе интересно. Партии и в Японии называются по-японски.

Названия трудные. Например, кукомин-домей. И еще – куку хонся. (Кажется, ужасно реакционная.) И вот бедный студент перепутал и сказал домей-хонся. Профессор немедленно поставил двойку и добавил: «Мяу-мяу, плохо-плохо». Профессор написал докторскую диссертацию: «США – государственное устройство, классы, партии». Неизвестно, почему он выбрал именно эту тему.

Возможно, потому, что партий, заслуживающих внимания, в США всего две. Классов тоже, как у других, немного – рабочие, крестьяне и капиталисты. Да еще пресловутая прослойка.

Защита проходила в большом лекционном зале, студентов пускали послушать. И я тихонько сидел, надеясь услышать что-то выдающееся.

На этот раз профессор уже не сидел, а стоял. Говорил внятно, громко и не торопясь. Иногда с пафосом восклицал. Например: «Даже прославленный американский Бог, которого всегда упоминают в конце официальных речей, не может защитить против пикирующего бомбардировщика!». Мне такой пафос очень не понравился. Не потому, что обиделся за Бога, а просто из-за гитлеровского пикирующего бомбардировщика. Между прочим, у профессора были все основания беспокоиться в связи с достижениями вермахта.

По ходу защиты профессор упомянул Монтескье. На лекциях мы часто слышали красивые и знаменитые имена: Монтескье, Руссо, Беккариа и другие, однако профессора доказывали как дважды два, что все эти знаменитости ошибались в вопросах государства и права. Поэтому я и многие другие полагали, что не стоит тратить время на чтение их работ. Но на защите присутствовал профессор-историк. Он-то все читал и жестко возразил диссертанту, хотя всегда говорил мягким голосом, а двойки ставил редко. Он сказал, что цитата в диссертации, приписанная Монтескье, тому не принадлежит. Профессор ГУБС'а не согласился, сказал, что где-то там она есть. Однако историк высоко поднял голову и, нацелив свою бородку клинышком на профессора ГУБС'а, отчеканил: «Я специально просмотрел все труды Монтескье на французском языке и этого там нет». Всем было ясно, что историк прав. Мне и, наверно, еще кое-кому это было приятно.

В тот вечер диссертант стал доктором. Двойку ему не поставили, ни за бомбардировщика, ни за Монтескье. Его поздравляли.

А я, уходя из зала, посмотрел на него и подумал: «Мяу-мяу, плохо-плохо. Так тебе и надо!».

И, наконец, моя формулировка…

Как-то отец сказал мне, что человек с таким низким лбом и

таким подбородком ему отвратителен. Бандит. Убийца. Я не согласился. Я был убежден в интеллектуальной мощи и стальной воле этого человека. В это время я собирался поступать в институт. Здесь общественное воспитание показало свою силу.

В то время на все лады превозносили подвиг Павлика Морозова. Этот пионер донес на отца, пособника кулаков. Павлик погиб за правое дело, о нем даже писали стихи известные поэты.

Неестественная мысль подражать этому несчастному малому у меня появиться не могла. В моем сознании торжествовала первобытное чувство почтения к любящему отцу. Но объяснить ему, что он стихийно стоит на позициях антропологической школы, которую основал итальянский криминалист Ломброзо, я не мог. Тогда этого не знал.

В институте я узнал всю правду про реакционное учение Ломброзо. Преступность, оказывается, не может быть врожденной. Да и внешний вид не имеет отношения к духовному облику. Все это популярно доказывал профессор Маньковский, читавший курс лекций по уголовному праву. Он стоял на кафедре с гордо поднятой головой, не первой молодости человек с красной апоплексической шеей, стоял, как юный капитан на капитанском мостике под восхищенными взглядами девиц на берегу, и легко разделывался с формулировками знаменитых юристов – предшественников классической школы уголовного права, социологической, антропологической. И каждый раз завершал разгром стандартной фразой: «И, наконец, моя формулировка, принятая Институтом права Академии наук СССР и одобренная лично академиком Андреем Януарьевичем Вышинским…».

Профессор женился на нашей студентке: маленькой ростом, прехорошенькой и с виду злючке. Дочке важного генерала.

Мой отец и я узнали много нового после XX съезда КПСС. И об Андрее Януарьевиче Вышинском.

Единогласно

Мой путь в ряды Ленинского Комсомола был прост, как у большинства сверстников. В первом классе мы стали октябрятами и нам вручили темно-красные суконные звездочки с портретиком Ленина в младенческом возрасте. Их можно было прикалывать к курточкам или рубашкам, но они были очень непрочными. Потом

красные пионерские галстуки, одинаковые у всех. Торжественное обещание: «Я, юный пионер СССР, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю…» Непродолжительные собрания – сборы, лыжные вылазки с пионервожатым, добрым и хорошим парнем, летом для желающих пионерлагеря. Я однажды собрался было в лагерь, но когда узнал, что купаться там разрешат не более пятнадцати минут – забастовал.

Пели веселые и глупые песни. К примеру: «Как однажды лорд Керзон / Ночью видел страшный сон / Как его ведут / На советский суд / Пионеры там стоят / Грозно на него глядят…». Позабыл, что дальше случилось во сне британского империалиста.

В старших классах большинство вступало в комсомол. Редкие ученики нашего класса, вернее ученицы, не торопились, причин этого не объясняли, да их и не спрашивали.

Чтобы стать комсомольцем, уже нужно было подать письменное заявление и пройти общее собрание. На собрании нередко зачитывали заявления с грамматической ошибкой: «Прошу принять меня в члены комсомола, чтобы участвовать в социалистическом строительстве». И так далее. Тут следовал неизменный вопрос к общей радости: «Ты это участвовать написал от слова чавкать?».

Сын директора нашей школы был, как и я шахматистом. Он учился в другой школе, но мы часто встречались. Позже я узнал, что он задавал своей маме – директору вопрос: «Неужели ты не можешь сделать так, чтобы Миша был круглым отличником?». Мама одобряла мое участие в юношеских шахматных соревнованиях, но сделать круглым отличником меня не смогла. Не так я был устроен. Однако под ее влиянием меня выбрали комсоргом десятого класса. Комсомольская карьера мне тоже была на роду не написана, и после того как я провел комсомольское собрание нашего класса, она незаметно закончилась. На собрании я поставил вопрос о том, что нужно хорошо учиться. Никто не возражал, и я объявил собрание закрытым. Так что не получилось из меня ни круглого отличника, ни комсорга.

Комсомольские собрания в Юридическом институте, куда я поступил, были многочисленными. Большой лекционный зал вмещал сотни людей.

Однажды в начале первого учебного года на нашем курсе произошло чрезвычайное событие. Рядовыми событиями были завязывающие узы дружбой между студентами и студентками, кое-когда переходившие в довольно тесные. Это мало кого волновало. Однако на нашем курсе училась с виду очень

серьезная девушка Таня. Она ходила в очках, редко улыбалась и, как оказалось, писала стихи. Одно ее стихотворение получило огласку. В нем она описала эпизод дружбы однокурсников – Риты и Саши. Причем очень художественно, хотя и не нормативными словами, описала, что и чем делал Саша. Не знаю, из ревности ли она описала это или просто из любви к поэзии.

Полный текст стихотворения попал в руки секретаря парторганизации института. Собрали партбюро и не допустили на заседание секретаря комсомольской организации института Петю, хотя он присутствовал на всех заседаниях партбюро. Берегли его моральный облик.

И вот состоялось общее собрание комсомольцев нашего курса с целью заклеймить порнографическую вылазку, льющую воду на вражескую мельницу.

Выступил один старший товарищ-аспирант. Он был очень способным парнем, преуспевал в науках, но среднее образование получил в глуши и, клеймя западные гнилые нравы, сказал не кафешантан, а кафе шайтан. Это я выдержал хладнокровно. Кстати, аспирант позже женился на нашей сокурснице, прекрасно владеющей французским языком, чьи родители не имели никакого отношения к пролетариату.

Однако, когда ростовчанин Володька, хороший товарищ и футболист, клеймя с кафедры чуждые нравы, темпераментно объявил, что русские поэты не позволяли себе аналогичного похабства, я, на один момент потеряв самоконтроль, выбился из общего настроения и задал громким и приятным голосом вопрос: «А Лермонтов?». Володька запнулся и умолк, а зал, обнаруживая достаточное знакомство с поэзией, включая юнкерские поэмы, дружно захохотал. А потом успокоился, и Володька завершил свою обвинительную речь.

Мой вопрос последствий не имел. Хотя он был шагом влево.

А я с грустью подумал: «Вот бы поставили вопрос, и меня бы запросто единогласно могли исключить из комсомола. Может, и не по этому поводу, так по какому-нибудь другому. Главное, что единогласно».

Кто послал?

Куликова назначили командовать тысячным отрядом студентов на оборонительных работах. Он ввел строгую военную

систему, разбил ребят на так называемые батальоны, обращаться велел «товарищ полковник». Командиром нашего батальона назначил Симака, в миру строителя. Симак ничем особенным не отличался, разве что все его подчиненные имели более высокое образование. Батальон часто перебрасывали с одного объекта на другой, и Симак организовал себе лошадь. Бесхозных лошадей было немало, так что он действовал вполне легально. «Полковник» Куликов передвигался на машине «ЗиС-101» – первой в нашей стране представительской машине для высокопоставленных особ. Большая, неуклюжая, совершенно непригодная для плохих проселочных и лесных дорог.

С вечера одному из наших сокурсников стало худо. У Сергея появились нарастающие боли в животе. Он то лежал, то вскакивал, стонал. Перед рассветом боли стали невыносимыми, и он сказал, что не хочет больше жить. Быть может, это был заворот кишок. Он страдал, а большинство ребят, переутомленных за долгий рабочий день с лопатами, спало.

Вдруг всех разбудили и сказали, что неподалеку, в лесу, застрял «ЗиС» полковника Куликова. Надо помочь.

Мы вытолкали забуксовавшую машину и попросили самозванного полковника забрать Сергея. Быть может, Сергею нужна срочная операция. Куликов решительно отказал. И уехал.

Ранним утром мы кое-как организовали отправку Сергея из деревни.

Вскоре направили наш батальон на другой объект. Спозаранку отправились в путь налегке. Наши рюкзачки покидали в грузовик. Перед этим ночью прошел сильный дождь и идти оказалось очень непросто. Кое-где на лесных дорогах образовался настоящий летний «гололед». Растянувшись, мы брели неведомо куда. Подошло обеденное время, и мы, проголодавшиеся, пришли на лесную поляну, где стояли большие навесы. Возможно, для сена или же для другой сельской надобности. Под одним навесом выдавали по куску хлеба, куску масла и куску селедки. Есть сильно хотелось всем. Выстроились длинные очереди на раздачу. Комбат Симак спешился и спокойно наблюдал. Получив свои куски, передние отходили, и вскоре я оказался близ раздачи. Кто-то скомандовал, чтобы все выходили строиться, приехал полковник Куликов. Несколько стоявших впереди меня и я не покинули своих мест. Комбат Симак подошел почему-то ко мне и повысил голос. Я ответил по-простому: «Пошел ты на…». Симак промолчал, но раздачу кусков прекратил. Нас построили в колонну по двое. «Полковник» Куликов, возбужденный и бледный, прошел назад, стал за нашими спинами и произнес пламенную речь. Он говорил, что немцы

наступают, над Родиной нависла опасность, мы несем потери, необходима железная дисциплина, сказал и об отдельных случаях саботажа. Не знаю, почему он ораторствовал так, чтобы мы его не видели. Может быть, применял раньше такой прием при других обстоятельствах. Дав гневную отповедь саботажникам, полковник вопросил: «Кто послал комбата Симака на хуй?!». Я, конечно, промолчал. Полковник гневно повторил вопрос и потребовал, чтобы саботажник проявил гражданское мужество.

Я твердо решил не сознаваться: подумал, что если сознаюсь, то этот псих может запросто приказать меня расстрелять. Почему-то я подумал, что из малокалиберной винтовки.

Не выявив саботажника, Куликов уехал. После этого случая мой товарищ Володя Мерварт не раз практиковал такую шутку: подкрадется сзади и крикнет: «Кто послал комбата Симака на…?!».

А Симак оказался нормальным парнем, таким, как все. Он говорил, что запомнил меня, я был заметным, в тельняшке. Запомнить-то он запомнил, но самозваному полковнику не сказал. Видно, ему не сочувствовал.

Тактика

Ранним утром нас привезли на двух грузовиках копать противотанковый ров по лугу, подле берега речушки. Начальники и грузовики остались в лесу, на опушке, в тени. Начальниками были люди со строительства Дворца Советов, того самого, что начали строить на месте взорванного Храма Христа Спасителя. Как известно, не достроили. Похоже было, что раньше эти начальнички командовали не студентами, а зэками.

Мучила июльская жара и мелкая пыль, тучами летевшая из-под лопат. Неожиданно пронесся слух, что на том берегу речушки появились немецкие броневички. Будто бы разведка. Неподалеку от меня на взгорке неожиданно возник младший лейтенант. Его сопровождали младшие командиры. Он был рослый, ладный, гимнастерка пригнана, пилотка сдвинута на затылок, выгоревшие на солнце белесые брови. Он приказал ребятам залечь. Потом, обращаясь к командирам, распорядился о флангах и, посмотрев на середину предполагаемого поля боя, насупился и серьезно сказал: «А тут…», сделал паузу, сдвинул пилотку на лоб, почесал в затылке и вдруг просиял: «Х… с ним, поставим пушку!».

Вытянул свисток из кармашка ремешка портупеи, свистнул и, незаметная до этого момента, из-за кустов появилась противотанковая пушка. Замелькали спицы больших колес. Развернулась и смотрит в сторону речки. Лицо младшего лейтенанта выражало уверенность, а может быть, даже удовольствие.

Ребятам скомандовали очистить луг, отползать к опушке леса. Я почему-то подумал, что, кроме стратегии, существует тактика.

Грузовиков на месте не оказалось. Начальники не стали нас ждать. Мы побрели по лесной дороге, по которой нас привезли.

Через полчаса появились наши грузовики. То ли начальники одумались, то ли у них была своя тактика.

Русскоязычный

Был жаркий день. Вдруг набежали тучи, и пошел дождь. Стало несподручно продолжать копать противотанковый ров и мы, студенты, укрылись в стогах. Паша, он же Павел Иванович, по прозвищу Чичиков, достал книжечку в мягкой обложке и стал читать хорошим голосом. Позднее он даже стал певцом. Читал неплохо. «Евгений Онегин» моментально заставил забыть чуть ли ни обо всем на свете, о фронтовых сводках, о более чем суровых условиях… Кем-то очень тонко сказано – магия слова…

Я вспомнил этот эпизод 1941 года, когда услышал по радио передачу, где ведущий объяснял научно и популярно, как трудно переводить Пушкина на английский язык. Мне всегда было любопытно: почему Пушкина, нашего самого-самого, не превозносят заграницей, где писают кипятком от Достоевского, преклоняются перед Толстым. Ведь их понимают! А Пушкина не чувствуют.

Я родился и вырос в среде, где все говорили по-русски. Папа и мама, правда, иногда, когда хотели, чтобы дети в разговор не вникали, общались на идиш. При этом употребляли много русских слов и, конечно, понимали, что секретности не получалось.

Так и сформировался я, как спустя много лет было хлестко замечено, русскоязычным.

Ученые-гуманисты еще в давнюю пору убеждали, что человек – это «табула раса», то есть, по латыни, чистая дощечка, в

смысле лист для письма. Лист, на котором пишет жизнь. Но вот у моего хорошего знакомого, человека талантливого, когда-то родились двойняшки, девочки. Жена его – финка. Блондинка, конечно. А он настоящий брюнет. И девочки получились одна в папу, другая в маму.

Та, что в папу, стала лопотать по-русски чисто, а мамина дочка – с иностранным акцентом.

Не хвалясь, скажу, что я здорово говорю по-русски. Хоть так, хоть по радио. Но мне неясно – может быть, я лучше говорил бы на древнееврейском? Или даже соображал?

Бритва

Я не знал, куда девать эту бритву. На деревянной ручке и стальном клинке густо запеклась кровь. В первый раз я увидел ее на полу, в луже крови. По всему было видно, что бритва выпала из руки старика Худокормова. Старик лежал на неопрятной постели, его горло было раскромсано, левая рука свесилась к полу.

– Левша, левой зарезался… – подумал я, двадцатилетний следователь, и старался углядеть, что-либо говорящее против самоубийства.

Худокормов страдал жестоким туберкулезом. Время было голодное – Северный Урал, первый год войны. В тумбочке самоубийцы остался кусок твердой колбасы – грамм сто, сто пятьдесят. Редкость по тому времени.

Лицо пожелтевшее, тощее, небритая седая щетина. Большая светлая комната двухэтажного стандартного дома, рубленного из сосновых бревен. Молчащие родственники. Свесившаяся рука, бритва и темная кровь. Много крови, если смотреть просто глазами и не думать при этом, что для такого случая крови маловато. А на полу бритва.

Сделали все, что положено. Бритву, как вещественное доказательство, изъяли. Она лежала в тумбочке моего кабинетика, среди нескольких других вещественных доказательств. Что с ней делать? Самоубийцу давно похоронили.

Недель через семь пришел младший Худокормов.

Парень лет двадцати пяти. Рабочий. Светлое бледное лицо. Тускловатые глаза.

– Можно мне получить бритву отца? – спросил молодой

Худокормов.

– Можно. Скажите, пожалуйста, для чего она вам? – мне самому было не по себе от этой бритвы. А сыну…

– Бриться дома нечем.

Адреналин

Мне было сорок пять. Доктор готовилась удалить зуб. Что-то не получалось с уколами, с заморозкой. Доктор говорила с сестрой о том, что адреналина не надо, нужен новокаин. Я подумал, что хорошо, потому что вспомнил про адреналин, как его не оказалось двадцать пять лет тому назад.

При мне врач старался оживить молодую женщину. Она повесилась от стыда. Боже мой, какая глупая. Молодая, небольшого роста, но крепкая, наверно даже красивая, но тогда по молодости я не мог этого понять. Она работала уборщицей в горсовете, на третьем этаже. Я работал на втором. Мы иногда здоровались при встрече. Она попалась на краже с работы графина, электролампочки, еще каких-то копеечных мелочей. Я не знал об этом. Увидел ее, когда пришел по своим делам в милицию, а Шура (так звали ее) ожидала допроса. Я кивнул Шуре, она отвернулась к стене.

И вот Шура лежала на спине, на полу, а врач старался искусственно вернуть ей дыхание. Помогали санитар и медсестра. Шура немного порозовела, а потом щеки снова стали бледнеть. Медсестра Настя побежала в аптеку за адреналином. Его не оказалось в аптечке врача. Настя была здоровая и добрая девушка. К тому же спортсменка. Она бежала изо всех сил, но вскоре вернулась без адреналина. В аптеке его не оказалось. Это было почти нормально: маленький уральский город, декабрь 1941 года. Все-таки адреналин нашелся. Ампулы притаились в аптечке врача. Он сделал укол прямо в сердце. Не помогло. Наверно, поздно.

Шура, видно, не собиралась вешаться. Она поставила ведро воды на дровяную плиту. Готовилась помыть голову. У нее была большая пушистая коса. А потом накарябала на страничке из ученической тетради укоряющие начальника слова. Это начальник догадался, что она украла мелочь. Написала бессвязно, а закончила: «Пусть он нажрется моей кровью».

Привязала шнурок к печной вьюшке, да и повисла…

Когда врач прекратила старание вернуть Шуру к жизни, вода в ведре на заглохшей плите остыла. Была чуть теплой.

Через несколько дней беднягу похоронили на песчаном кладбище, на краю города. Так и засыпали могилку песком.

Маленькая дочурка осиротела. Муж-солдатик приехал на похороны. Он молчал, стоя в серенькой потертой шинелишке, съежившись, с красным лицом, казавшимся мне обгоревшим. Приехал с фронта. Живой.

Сарепта

Невысокое строение железнодорожной станции. Низкая металлическая ограда отделяет платформу от поселка. Ограда – ромбики из железных прутиков. И широкая калитка. А перед станцией рельсы, рельсы, рельсы… Двенадцать железнодорожных путей. Напротив, за путями одноэтажные дома, домики. Такой я видел станцию Сарепта в ту пору, когда Сталинград был еще Царицыном.

Царицын растянулся по правому берегу Волги на много-много километров. А Сталинград позже стал еще длиннее.

Слово Сарепта знали повсеместно. Когда-то немцы-колонисты стали растить в Сарепте горчицу. Сарептской горчицей сдабривали еду, еще она шла на горчичники. Позже я сам видел горчичник, на котором стоял тираж – 400 миллионов экземпляров. Такой мог присниться самому знаменитому автору. Когда немцев-колонистов выслали, сарептскую горчицу переименовали в русскую горчицу. В соответствии с национальной идеей.

Совсем недавно закончилась Сталинградская битва, и наш эшелон, один из первых, медленно полз по восстанавливаемым путям в южном направлении. В одном из товарных вагонов двигалась в освобожденные районы Ставрополья группа работников прокуратуры и других органов власти на местах. Восстанавливать советскую власть в освобожденных районах.

Не доезжая более ста километров до Сталинграда, начиналась зона разрухи. От станции Арчеда еще не восстановили водокачки. Март, первый весенний месяц, но поля заснежены. Эшелон остановился, и перед глазами возникла невероятная, какая-то циклопическая картина: огромное поле усеяно битой военной техникой. Множество танков, орудий, даже

сбитый немецкий «Юнкерс» – транспортный самолет. Непонятно, как все это очутилось на одном поле.

Молодой офицер попутчик сбегал к этому «Юнкерсу» и по ребячливости притащил показать пробитый немецкий шлем, а в нем кусок замерзшего мозга.

Разные люди встречаются по пути. Молодой майор успел получить недавно введенные золотые погоны, полон надежд на дальнейшее восхождение по офицерской лестнице. Раненый и подлеченный солдат направляется на поправку домой. Он недоумевает, что не был убит… Эшелон стал на станции Бекетовка. Это уже вроде бы Сталинград. Стоит долго, и мы с товарищем решили сходить в областную прокуратуру. Она в Бекетовке. И разное видим по дороге. Удивляют уцелевшие большие кирпичные дома. Еще удивительнее ребятишки, играющие подле барака. Играют наперекор всему. Как они уцелели?

На заснеженной дороге раздавленный труп в немецкой шинели. Его не убирают, через него едут автомашины, трамбуют.

Конвоируют военнопленных. Один, идущий позади, отстает, и конвоир ударяет его сзади прикладом по голове. Звук удара, твердым по твердому. И двое пленных сразу подхватывают его подмышки, чтобы не упал.

В прокуратуре коллега угостил нас водой. Достал кувшин из канцелярского шкафа.

Эшелон потихоньку проехал город и остановился на станции Сарепта. Я спрыгнул из вагона и пошел к станции. Пересек платформу и шагнул в ту самую калитку, что была здесь и полтора десятка лет тому назад. Я вдруг узнал ее и почувствовал себя маленьким мальчиком. Я иду в поселок, в кулачке у меня зажата монетка, которую дала мама, чтобы я полакомился мороженым. Его продает мороженщик на главной улице, где по краям растут желтые акации… А мама смотрит в окно, как я осторожно пересекаю все двенадцать путей.

«Все сочинил» – может подумать иной скептик, но в том-то и дело, что все было именно так, хотя я не склонен к мистике.

Вспышка памяти, когда я шагнул в калитку, осветила давно забытое. Вот отец несет меня на руках в дом, где предстоит жить. Зима. У меня жар. В поезде я опрокинул стакан кипятка на ногу. Кожа вспузырилась. На станции Грязи меня отнесли в медицинский пункт. Там остригали пузыри кривыми ножницами, перевязывали, и было больно. В Сарепте, в доме, хозяевами которого были Долгополовы (странно, что я запомнил фамилию), я долго лежал в небольшой кроватке, деревянной. Мне было больно, когда перевязку делал фельдшер. Отцу посоветовали

пригласить местного лекаря. Это был маленького роста мужчина с небольшой бородкой. Он говорил со мной тихим голосом, ласковым. Мазал обожженные места какой-то мазью гусиным перышком. Мне не было больно. Было хорошо. Про этого доброго человека я слышал, родители говорили, что раньше он служил в церкви.

Когда я был послушным, мне давали в кроватку берданку. Я с наслаждением щелкал затвором, целился, воображал охоту.

Потом все прошло, и настала Пасха. Неподалеку от дома по узкой канаве быстро текла вода. Через канаву была переброшена какая-то железная рама. Я с увлечением перебегал по ней через канаву и, наконец, свалился в холодную воду. Неподалеку по случаю праздника отдыхали взрослые. Они немедленно выудили меня, и я с ревом, сопровождаемый дружным смехом, побежал домой. Дома мама раздела меня, растерла водкой, укутала и уложила в постель. Напоила горячим чаем. Я успокоился и на всякий случай спросил: «Мама, я не умру?». Не умер и продолжал резвиться.

Летом хозяйская кобыла Машка родила жеребенка. За домом был лужок. Он казался мне большим. Через несколько дней я резвился на нем вместе с жеребенком. Мы друг друга понимали, и нам было весело. Правда, когда я попытался сесть верхом, он взбрыкнул и слегка поцарапал мне кожу на животе. Мама, укладывая меня спать, увидела ссадину и спросила: «Откуда это?» Я, конечно, молчал, как партизан на допросе.

Любопытно устроена память.

Быть может, правда, что в предсмертную минуту промелькнет вся прожитая жизнь?

Непохожие прокуроры

Окончив два из четырех курсов Юридического института Прокуратуры СССР, я оказался народным следователем прокуратуры Красновишерского района Пермской, а тогда Молотовской области. Район северный, прокуратура маленькая – прокурор, следователь, секретарь и уборщица.

В каникулы, в институтские годы, студенты, случалось, ездили в однодневный дом отдыха. Помню в электричке мы горланили:

Трусов родила наша планета
Все же ей выпала честь!
Есть прокуроры, есть прокуроры
Есть прокуроры, есть!

Это была подредактированная песенка мушкетеров из детской радиопередачи. Я был убежден в необходимости торжества Права, с большой, конечно, буквы. И вдруг мой первый в жизни начальник, Михаил Митрофанович Ильиных, как-то сказал мне: «На нашу прокуратуру можно повесить замок, и ничего в районе не изменится».

Михаила Митрофановича я стал уважать, как только с ним познакомился. Он, по собственным словам, окончил четыре класса и пятый коридор. При этом грамотно писал, да еще красивым почерком. Он происходил из коренных уральских крестьян. Фамилия, как он объяснил мне, свидетельствовала о том, что его предки принадлежали помещику Ильину. Чьи крестьяне? Ответ – Ильиных.

У Михаила Митрофановича было продолговатое лицо, тонкие черты. А руки, как мне казалось, были похожи на руки пианиста. Он и в самом деле обладал музыкальным слухом. Здоровье у него было неважным. Страдал туберкулезом легких. Но болезни своей не боялся и ею не бравировал. У него была хорошая жена и трое детей. Честным он был по натуре.

В 1938 году Михаила Митрофановича исключили из партии, но он не погиб, его не посадили, потому что наступил отлив в кампании репрессий и обком его в партии восстановил.

Он иногда неправильно, по-уральски, ставил ударения. Говорил, к примеру, прОтокол. Эрудитом он не был. Однако, по моему разумению, был интеллигентом. Слово это, как известно, непростое и в русском языке наполнено особым смыслом.

Так что мнение о том, что на районную прокуратуру можно повесить замок в чьих-либо устах мне показалось бы нелепой.

А то, что это сказал Михаил Митрофанович, заставляло задуматься. Год с лишним я проработал в Красновишерске, затем меня перебросили на Северный Кавказ. За долгие годы мы обменялись несколькими письмами. В конце концов Михаил Митрофанович оставил прокуратуру и перешел на хозяйственную работу. Он умер немолодым человеком. Его старший сын Володя стал музыкантом. Он жил в Подмосковье и как-то навестил нашу семью. Он был похож на отца.

Совсем другого поля ягода оказался мой второй в жизни начальник. Звали его Иван Степанович. Мы вместе добрались с

Урала до освобожденного от оккупации села и станции Курсавка, «столицы» одноименного района Ставропольского края. Вместе холодали в нетопленой комнате. Во сне, я заметил, он скрипел зубами. Когда позднее я проходил судебную психиатрию и читал про эпилепсию, мне думалось, что Иван Степанович был либо эпилептиком, либо эпилептоидом. Скорее всего, это мне казалось из-за возникшей обоюдной антипатии.

Иван Степанович был совсем не похож на Михаила Митрофановича. Плотный, аккуратно скроенный мужик, смуглое лицо, выглядевшее как грязное. Он подолгу грыз семечки и молчал.

Семечки – это деталь северокавказского быта. Однако мне известно, что если шахматист за игрой обдумывает ход и грызет семечки, то он ничего не соображает.

Иван Степанович невзлюбил меня первым. Не знаю, за что. Как-то он сказал: «У меня два следователя ушли, оба с высшим образованием». Я спросил: «Почему?». Он ответил: «Не смогли работать», и пожал плечами. В смысле: «Чего уж тут объяснять. С высшим-то часто бывают неполноценные работники».

Как-то я написал обвинительное заключение по простому делу. Принес ему на утверждение. Он наложил резолюцию: «Короче, яснее». Я переписал, но ему не понравилось. Тогда я, не долго думая, сказал, что у меня лучше не выходит, вот вы напишите, покажите, как надо. Он промолчал. Но стал очень внимательно следить, куда я хожу в рабочее время. Даже когда я выходил по малой нужде.

Если бы не чрезвычайное событие, то на счету у Ивана Степановича, вероятно, появился бы еще один ушедший следователь, правда, с незаконченным высшим образованием. Однако ему не повезло. Конечно, шерше ля фам.

О семье Ивана Степановича я ничего не знал, но что он свел дружбу с заведующей столовой, женой фронтовика, общительной женщиной, пышущей здоровьем, в Курсавке знали почти все. Мужики были в цене, даже не кавалеры. А война многое списывала. Но любовь Ивана Степановича к жизни на этом не ограничилась. Подружился он еще в соседней станице с бывшей любовницей немецкого коменданта. Она не ушла с немцами.

Был чудный денек, из ульев брали мед, варили хмельной медок. Напиток, пожалуй, повкусней уральской браги.

Иван Степанович сидел на травке с «комендантшей» в саду, под легким хмельком и куражился. Он выстрелил из пистолета в землю, но попал почему-то в ногу.

В районе было неспокойно, постреливали разные типы. Ивана Степановича привезли в больницу, мне сообщили, и я прибежал.

Он пожаловался, что ранен в ногу бандитом. Показал забинтованную ногу. Я сказал, что не верю, потому что ранение сквозное, вход пули под коленом, а выходное отверстие близ стопы. Я спросил: «С горы что ли стреляли?». Он не возразил. Сказал, что это версия не для меня, а для прочих. За этот боевой подвиг его перевели из Курсавского района в Кизлярский округ. Там, где, по слухам, песок и жара.

Больше я о нем не слышал.

С первым начальником мне крупно повезло, а со вторым – не очень. Как любит говорить один мой товарищ: «Не каждый день суп с клецками».

Следователь Матвей

С Матвеем мой отец познакомился в Смоленской области, откуда сам родом. У Матвея было круглое лицо, карие глаза и добрая улыбка. Я знал, что он увлекался криминалистикой и заочно окончил юридический институт. Его первая жена умерла при родах, оставив ему новорожденную. Матвей сам нянчил девочку. Он поставил в своем рабочем кабинете люльку, примус… Работал и грел ребенку пищу, кормил, пеленал… Другого выхода не было. Позже он женился во второй раз. На доброй женщине, которая не могла иметь детей. Сложилась дружная семья.

От природы он был здоровым и жизнерадостным и, возможно, поэтому общительным. А знал он больше, чем в ту пору следовало знать человеку общительному. Он тяжело переживал 1937 год. Отец считал Матвея добрым человеком, а Матвей отца – сдержанным. Оба, вероятно, не ошибались. По своей душевной организации Матвей хотел с кем-нибудь делиться своими мыслями. Я слышал от отца его рассказ о том, что арестовывали людей, которые переписывались с заграницей. Будто бы за невинными фразами их писем скрывался тайный предательский смысл. Их репрессировали, и Матвей не мог забыть их мук. Из области пришел приказ следователю арестовать начальника – прокурора, врага. Матвей выполнил приказ.

Защищаясь от кошмара, Матвей прибег к распространенному заговору: «Не верю никому, верю только Сталину!».

Отец Матвея выслушал, но не утешал, не спорил. Не знаю, стало ли Матвею легче на душе.

Я видел Матвея, майора юстиции, после войны. Он остался

жив и цел.

Вроде бы не изменился внешне, но другим стал взгляд и улыбка. Скорее сочувственная, понимающая, но не веселая. Оно и немудрено.

В книжке отца кибернетики Норберта Винера я обратил внимание на слова: «…Коммунизм, национал-социализм и другие религиоподобные системы».

Выговор

Став членом Латвийской коллегии адвокатов, я был направлен в юридическую консультацию Московского района Риги. Так называемый Московский форштадт, окраинная и бедная часть города.

Долгие годы там проживали русские люди, в ходу был русский язык. Коммунисты прокуратуры, суда, адвокаты входили в одну парторганизацию. Приближались выборы, надо было открывать, агитпункт и мне оказали высокое доверие – руководить агитпунктом. Желание у меня, естественно, отсутствовало, но обстоятельства обязывали.

Инструктор райкома по фамилии Игнашкина объясняла мне, что надо делать. «Агитпункт надо украсить, – твердила она и повторяла: украсить». При этом она показывала руками, как надо украсить. Получалось обычно что-то вроде буквы О в пространстве.

Я знал, что она по образованию агроном. Голой земли и растений в московском форштадте было всего ничего. Преобладал даже не асфальт, а булыжные мостовые. Агроному тут не разгуляться. Может быть, поэтому у худой и бледной агрономши вид был тоскливый, а голос скучный. Однако я принялся украшать по мере способностей. С помощью уважаемых товарищей из нашей организации вытащил кресло из-под директора районного промкомбината и ковер из его кабинета, добавили еще кое-что, разложили газеты и журналы и стали ждать избирателей. Первым пришел мужчина в легком подпитии и произнес громко: «Я буду голосовать за маршала Жукова, – подумал и добавил: И за Суворова!».

По идее, как говорится, все неплохо, но Жуков по нашему избирательному округу не баллотировался, не говоря уже о Суворове. Избиратель этот, с виду работяга, русский, прожил

жизнь в Латвии. Одним словом, основной наш избиратель. Мы вежливо уговорили любезного пойти домой отдыхать.

Все-таки агитпункт работал слабо, и мне на собрании по предложению Игнашкиной влепили выговор. Я, правда, вел себя неправильно. Не каялся, а шумел, доказывал, что ради агитпункта забросил профессиональную работу при сдельной зарплате, а на критику, что вечерами играл в шахматном чемпионате Риги, возражал, что это правильно: не уступать же звание чемпиона города фашисту! Ни Игнашкина, ни прокурор, ни другие со мной не согласились. Меня поддержал только старый судья по фамилии Дрей. Он был старым латышским коммунистом, очень больным, но неизменно веселым человеком. Позднее он умер, и врачи после вскрытия удивлялись: «Как он мог жить?».

Секретарь райкома Гурьев, крупный рябой мужчина с быстрыми глазами, меня принял и одобрил. Выговор моментально отменили. Гурьев сказал: «Снять!». В речи он отдавал предпочтение повелительной и инфинитивной формам. К примеру, сказал как-то, что на первомайской демонстрации в ответ на провозглашаемые с трибуны лозунги коммунисты должны кричать «Ура!». И не стесняться. Так и повторил: «Кричать!».

После того, как инфинитив с императивом дошли до сознания Игнашкиной и прокурора, они стали интересоваться моими успехами в чемпионате. Я показывал таблицу. От заведования агитпунктом меня освободили. Я занял первое место и стал чемпионом города. А судья Дрей, веселый, как обычно, подарил мне ненужный ему просроченный ордер на пальто. Действие ордера благополучно восстановили, и пальто было куплено. Выборы прошли в обстановке большого политического подъема с прекрасными процентами участвовавших и голосовавших за. Так что все завершилось отлично.

Тихий Марк Борисович

Когда я появился в юридической консультации Московской городской коллегии адвокатов, что в Первомайском районе, в ней бушевала склока. Группка адвокатов старалась съесть очередного заведующего. Однако разговор пойдет не о причине склоки, а о том, как она закончилась. Заведующий перенес сердечный

приступ после очередной разборки на президиуме коллегии и ушел в отставку. Прислали нового, Марка Борисовича. Он появился как-то незаметно, но через несколько дней казалось, будто он всегда здесь находился. Он глотал какие-то таблетки, говорил не повышая голоса и неторопливо. Имел инвалидность второй группы по болезни сердца. Как-то, проглотив таблетку и запив, сказал, что на лекарства для него и семьи уходит вся полковничья пенсия. По тем временам немалая. Иногда он улыбался. Сияли золотые зубы и ярче становились небольшие черные глаза. Он не делал резких движений, не проводил горячих собраний, но обстановка как-то сама собой стала меняться. Я слышал от него, что в шестнадцать лет, во время революции, он был комиссаром полка. А полк состоял из одесских головорезов. Юноша читал им отрывки из «Капитала» Маркса, и головорезы почему-то его терпели. (Совсем недавно я узнал фантастические сведения об участии Марка Борисовича в Гражданской войне. Юношей он был выдающимся разведчиком.)

После Отечественной войны Марк Борисович продолжал служить в погонах. Служба, как он как-то говорил мне, была интересная. Она заносила его и в Иран, и на Новую Землю.

Без дела Марк Борисович не мог существовать. Если он не писал, не давал устных указаний, тихим, конечно, голосом и с улыбкой, он сам рисовал стенгазету, либо делал еще что-нибудь. В консультации стали сами собой кристаллизоваться порядок и тишина. Кого надо перевели в другие консультации, кому-то настоятельно посоветовали вообще уйти из адвокатуры. Появились новые члены коллектива, знающие и воспитанные люди. Склока выдохлась, будто ее и не было. Еще Марк Борисович наладил чтение адвокатами лекций по правовым вопросам на предприятиях и в учреждениях, что было одобрено районными властями. Лекции, естественно, не оплачивались, хотя занимали немало времени, так как район раскинулся широко.

Работой я был доволен, но однажды мне привалила удача. Я участвовал в слушании группового дела в Московском городском суде. Кого-то защищал. Одного из подсудимых защищал знаменитый и уважаемый всеми адвокат Николай Николаевич. Были и еще известные адвокаты. Один из них спросил Николая Николаевича: не взять ли меня в их консультацию? Чем-то ему мое выступление понравилось. Николай Николаевич согласился. Его слова было достаточно, чтобы решили вопрос о моем переводе в престижную консультацию на Большой Дмитровке.

Я сообщил Марку Борисовичу, что хочу перейти. Во-первых, центр, во-вторых, это много ближе к моему дому. Он посоветовал не торопиться, немного подумать. Я не возражал, подумал совсем

немного и через день повторил свою просьбу.

После рабочего дня мы ехали с Марком Борисовичем домой на трамвае, от Андроньевской площади до Политехнического музея. Там я обычно продолжал путь троллейбусом. Однако Марк Борисович попросил немного проводить его. По дороге пригласил зайти в какое-то стоячее, но приличное заведение.

Угостил коньяком. Чокнулись, выпили, и он спросил: твердо ли я решил? Я сказал: да. Он улыбнулся, сверкнув золотыми зубами, и согласился. Переход состоялся, и началась новая страничка моей адвокатской работы. Последняя.

Малиновые галифе

– У всех карьера идет снизу вверх, а у меня сверху вниз! – громко сказал Аркадий Львович. Он всегда говорил громко, потому что был глуховат – последствие контузии еще в гражданскую войну. Тогда он, мальчишка по возрасту, командовал эскадроном красных конников. Гражданская война окончилась, и Аркадий появился в Москве, в малиновых галифе, ногастый, носастый, с зычным голосом и неизменным сангвиническим весельем. Он вспомнил о том, что раньше был студентом-юристом и без сопротивления вступил в Московскую коллегию адвокатов. Старорежимные присяжные поверенные и помощники с удовольствием воздержались бы от его приема. Отталкивающе действовали малиновые галифе, но именно они и предопределили прием. Без труда со стороны Аркадия его вдруг вознесли. Он стал юрисконсультом Коминтерна. На работу ездил на машине, хотя жил в двух шагах от работы. Таков порядок, объяснили ему. Дел в судах почти не вел – никто с Коминтерном не судился. Правда, было несколько случаев, но Аркадий уверял, что все дела он выиграл, просто показав роскошное удостоверение.

Так же неожиданно, как он вознесся, Аркадий был низринут. Причина – беспартийность. И стал рядовым адвокатом. На клиентов, не обремененных высших образованием, без осечки действовала привычка Аркадия зычным голосом читать вслух обвинительные заключения, статьи из кодексов и всякие другие кислые плоды юриспруденции. Клиенты внимали и приобщались. А адвокат был доброжелателен, старателен и говорил уверенно.

Аркадий рано ринулся в водоворот любви и вращался в нем с

удовольствием и весельем. Не делая разницы между интеллигентками и девками самыми простыми. И ко всем относился с сочувствием, одаривал частицей своего веселья. Он пристал в трамвае к корпулентной женщине с толстой косой вокруг головы. Захлебывался от удовольствия, когда делился впечатлениями о том, как ловко познакомился. А потом долго писал ей какие-то длинные заявления, жалобы и другие юридические бумаги, разумеется, безвозмездно.

Женился он настолько неожиданно для себя, что до конца дней жены, а она была значительно старше его, так и не понял, почему он, собственно, женился.

– Правда, она была красивая, актриса. А тогда праздновали Пасху, и я много дней подряд был пьян.

Жену Аркадий старался не огорчать, хотя она отлично знала, какого поля он ягода. Вечерами, после работы, Аркадий носился с другом, моложе его по возрасту, в поисках приключений. Они путешествовали по Москве, судьба заносила их и на чердаки, и в подвалы. Придя домой, после ужина в ресторане, Аркадий покорно съедал борщ, котлеты и компот – для спокойствия жены.

После ее смерти он вскоре вышел на пенсию и женился на последней своей настоящей любовнице, хорошей женщине с неустроенной семейной жизнью. На этот раз моложе его.

Он отпустил бороденку, обзавелся тростью, так как хромал из-за появившегося тромбофлебита и ходил со своей второй женой под руку. Забыты были чердаки и подвалы.

Когда я встретился с ним, он смеялся, но уже не по-старому. В маленьких глазках с частыми короткими белесоватыми ресницами видна была неожиданная для сангвиника элегическая грусть. Светлая, но грусть. О пролетевшей жизни.

«Счастливчик»

«А рыба в Каме все-таки была!». Так утверждал один персонаж Аркадия Райкина, разоблачая ужасы царизма. Я не политолог, а просто констатирую, что в Москве, близ Никитских ворот, при социализме существовала шашлычная. Сациви, шашлык по-карски (!), коньячок, кофе по-турецки, и все это по доступной служащему человеку цене. Заведение процветало, в обеденное время нередко очередь желающих приобщиться стояла на улице. Издательство, где я работал, находилось неподалеку, и

однажды я увидел в очереди Юру с незнакомой мне девицей. Раньше мы несколько лет работали вместе в одной юридической консультации, потом долго не встречались. Однако я знал, что Юра попал в страшную аварию, но остался жив. Он ехал в Тулу по адвокатской надобности на рейсовой автомашине «ЗиМ». Случилось лобовое столкновение, и он один не погиб. Правда, пострадала здоровая нога и сломался протез другой. Юра потерял на фронте часть ноги пониже колена, но хорошо ходил на протезе. Когда протез натирал культю, случалось, Юра, не стесняясь, прямо в юридической консультации отстегивал его и делал перевязку.

Юра назвал мое имя спутнице, она произнесла свое и отвернулась, а Юра, предварительно с улыбкой взглянув на спину выше средней упитанности своей спутницы, вступил со мной в разговор. Он рассказал, что его переломанную ногу собрали, хотя она стала на несколько сантиметров короче. Протез сделали новый, и ходить достаточно удобно. Он выглядел отлично, румяный, как прежде, чуть-чуть навеселе. Он всегда так выглядел, даже без допинга. Завершил Юра свой рассказ известным афоризмом, что кому суждено умереть от веревки, не умрет от пули. На фронте пуля его миновала, хотя он воевал разведчиком, младшим командиром.

Юра обладал качествами, которые часто встречаются по отдельности, но вместе, в комплекте, крайне редко.

Он любил свою красивую жену, но не забывал о других женщинах. Имел привлекательную внешность, кудрявые светлые волосы, что одобряется многими нашими девушками, чувство юмора и широкую натуру. Все это обеспечивало успех. Кроме того, Юра имел блестящие способности и был деловит. Учебу в юридическом институте он начал, когда лежал в госпитале. Сперва заочно, а потом быстро окончил институт. Позже, работая адвокатом и ведя немало дел, он поступил в очную аспирантуру. Легко сдал приемные и кандидатские экзамены. Оказалось, что диссертацию он писать не собирается. Экзамены сдавал, чтобы три года получать аспирантскую стипендию. Скромную.

Юра имел привычку выпивать почти ежедневно. Одобряя пиво, вино или что покрепче, но не перебирал никогда. Предпочитал делать это не в одиночку.

Когда-то мы вместе были заняты весь день в процессе и не успели пообедать. Я вечером должен был играть в шахматном турнире без освобождения от работы. Юра проводил меня до клуба. В те времена бойко торговали водкой в розлив на улице. Мы выпили по сто грамм, по Юриной инициативе, съели по пирожку. Я в тот вечер выиграл и очень обрадовал Юру.

Подтвердил верность его установки.

По этому поводу я вспомнил случай из своей практики. Свидетель в суде сказал, что он выпил сто грамм и закусил пирожком. Я задал ему каверзный вопрос: почему же он на следствии сказал, что пообедал, а в суде говорит другое? – Именно пообедал! На первое сто грамм, а на второе пирожок. Так ответил свидетель.

Жизнь Юры, этого талантливого, жизнерадостного и веселого человека, оборвалась нелепо. Он хорошо водил машину и в отпуск поехал на юг. При переправе на пароме с Кавказа в Крым случилась беда. При разгрузке парома машина упала в воду. Юра был за рулем. Машину быстро удалось зачалить, и кран начал подъем. Но канат не выдержал, машина сорвалась, Юра не смог выбраться и утонул.

Такое фатальное совпадение – пуля миновала, а погиб от веревки. Вроде, себе накаркал.

Детектор лжи

– Уж я-то знаю, когда кто врет, а когда говорит правду! – сказал мне поздним вечером громко, чтобы слышали и другие товарищи, в чьей компании мы только что поужинали в ресторане и вывалились тепленькой гурьбой на затихшую и стылую центральную московскую улицу, адвокат Юрий Сергеевич.

Он сказал это своим обычным адвокатским голосом. Таким же, вероятно, голосом говорили и его дед и отец, присяжные поверенные в прошлом, которое еще помнили многие старики в коллегии адвокатов.

Людям свойственно хвалить себя. Не таким способом, так другим. Трудно скрывать внутреннее убеждение в собственном уме, убеждение, которым щедро наделены философы и дураки. Однако я нутром почувствовал, что Юрий Сергеевич не хвалится, а на самом деле овладел волшебным кристаллом…

Что помогало ему? Природный ум, гены, как теперь говорят, профессия и опыт отца и деда? Адвокат, как и судья, живой инструмент, который регистрирует по шкале – «врет, не врет». И он должен слышать фальшь, как музыкант с абсолютным слухом. Но абсолютный слух на ложь это еще не все, что нужно адвокату, вернее, чтобы не только называться адвокатом.

– Не можешь назначить микст вперед? Тогда иди в

монастырь!

Так сказал в веселый обеденный час Юрий Сергеевич молодому товарищу-адвокату. А микст на адвокатском жаргоне это деньги за ведение дела, которые клиент дает адвокату помимо платы в консультацию; возбраняемое вознаграждение. Такого слова не было до революции, тогда клиент просто законно платил адвокату.

Дед и отец Юрия Сергеевича микста не ведали. Отец защищал революционеров в царском суде.

Когда в 1914 году началась война, Юрий Сергеевич был мальчишкой. На Кузнецком мосту толпа громила магазины, принадлежащие немцам. Били витрины, тащили товары, проявляли черносотенный «патриотизм». И Юрий, глядя на интересное зрелище, прихватил домой большую яркую жестянку чая, свою долю контрибуции. Отец единым словом пристыдил его, да так пристыдил, что он помнил весь эпизод и через сорок лет.

Все помнил, но вел игру по тем правилам, которые диктовала жизнь.

Он сказал мне, что адвокат Г. получил за ведение дела, которое слушалось в зале по соседству с нашим залом, где мы участвовали в заседании утром, ни много, ни мало – 140 тысяч от подпольного воротилы, попавшего под суд.

– Не могу себе простить. Как я опростоволосился! Ведь ко мне же по этому делу обращались, а я отказался! Идиот.

– Да врет, наверное, Г., – пытался я утешить патрона, – хвастает.

И вот тут-то он и объяснил мне свои возможности.

Он был адвокатом, во время войны офицером, адъютантом маршала, потом снова адвокатом, защищал подсудимых, сам был подсудимым дважды. Один раз обвиняли в контрреволюционном преступлении, и зря. Выпустили. Снова работа, снова выпивки и острые слова, снова четкое сознание происходящего, оценка и спокойное нежелание что-либо менять. В другой раз посадили за адвокатские грехи. Отсидел, вышел, пришла пора пенсии, а жена тем временем, пока сидел, нашла другого мужа. Тоже яркого человека, необычной судьбы. Может быть, я к ней несправедлив, но мне кажется, что бывают такие бабы, которые имеют предназначение пить талантливую кровь.

Когда я уходил по доброму желанию из адвокатуры, Юрий Сергеевич сказал:

– Вы поступаете правильно, я одобряю и рад за вас, но как человек я скорблю.

– Почему?

– Мне жаль, что мы теперь почти не будем встречаться.

– Почему же не будем? – возразил я с пылом. – Живем-то ведь рядом!

– Да, но такова жизнь…

И он оказался прав. Каждый шел по своей колее.

Ташкент, июль, жара

Я свалился с неба, не прочувствовав путешествия, не понюхав гор, арыков, барханов… Ничего. Просто меня изъяли из загона, где сидели пассажиры и ходила стюардесса. Зелень аэропорта оказалась пыльной и противной. Садовник накрутил из нее какие-то арочки. На мой вкус восточная роскошь великолепна лишь в сказках Шахерезады. А вот мухам здесь нравится, особенно в буфете.

Я прибыл по делу, а точнее – читать дело и не простое, а уголовное. Однажды в суде я слышал, как один подсудимый сказал: «Мое дело, граждане судьи, шибко уголовное». Самокритично и романтично.

Вокруг – жара. Самая обыкновенная, ташкентская, июльская. Терпеть жару не могу. Все время хочется пить, пью часто, но жажда неутолима. Яростно не желаю потеть, да не тут-то было. Начинаю борьбу со стихией: покупаю чесучовые брюки и белую шляпу в основном из дырочек. Все три дня в Ташкенте в этом и ходил, восхищаясь своей изобретательностью. А потом чесучовые клеши долго хранились дома. Носить невозможно, выбросить жаль.

Я запомнил огромный каменный тюльпан – фонтан посреди центральной площади. Высоко в раскаленное небо бьет могучая струя воды. Да еще, говорят, горной, ледяной. Однажды пьяный, а в жару там тоже, как ни странно, пьют, залез на верхушку тюльпана и насладился холодным душем, а потом замерз и захотел слезть, но не смог, потому что протрезвел. Оказалось высоко и страшно. Так и замерзал в жару, пока его не сняли пожарники.

Это отличный, на мой взгляд, сюжет. Дети могут видеть, как отвратительно и нелепо пьянство. Взрослые в очередной раз отметят, что пьяному море по колено и ко всему великолепный финал: появляется пожарник, легендарный добрый гений детских книжек – картинок со стихами, тот, что спасает из огня ребенка и

котенка.

Сам я этой сцены не видел, о чем жалею. Но она несомненно была, я так отчетливо ее представляю.

На краю площади в теньке сидит хитрющий старикан, похожий на московского чистильщика сапог. Но он чистил одежду, выводил пятна. Сидел на земле, как говорят по-турецки, рядом стояли пузырьки с химией. Химчистка. Сам приемщик, сам рабочий, сам себя эксплуатирует. Все сам, да еще с прибаутками.

Я остановился и наблюдал, тихо взмокая и просыхая под лучами. Старикан был отличного коричневого цвета. Точнее, руки и морщинистое лицо. Он загорел раз и навсегда. Седая щетинка обнаруживалась на его щеках и волосатых руках с быстрыми пальцами. Он чистил что-то белое. Полил большое грязное пятно из пузырька, подул, поколдовал, и черное пятно исчезло, зато появилось светло-желтое, побольше размером. Заказчик выразил неудовольствие, а старикан сказал: «Я тебе обещал, что желтого пятна не будет? Нет, не обещал. Я обещал – черного не будет. Вот черного и нет. Правильно?».

При этом его глазищи блестели. Ходжа Насреддин и все тут. А пальцы продолжали колдовать над желтым пятном.

Старик показывает этот фокус, вероятно, каждый день. Отработан до предела.

Женщина в белом одеянии, иначе как рубахой не назовешь, держит на руках ребеночка. Боже мой, как ему жарко. Вспотел, преет бедняга… На личике какая-то сыпь. Трудно тут мамам и детенышам. Но ничего, тоже, видать, отработано.

В гостинице с гордым названием «Интурист» я попал в большую общую комнату на первом этаже. В комнате – удобство: водопроводный кран. Моя кровать рядом. Ночью жарко как днем, но соседи закрывают окна. Чтобы не залезли мои вероятные клиенты. Ведь я адвокат. А мой сосед – инженер. Он прилетел сюда не в первый раз. Все время летает и что-то возит на завод. Говорит, что на этот раз привез дистиллированную воду. Самолет – водовоз, похоже на бред от жары.

Вечером перед входом в гостиницу вижу немирную группу. Не дерутся, но видно, что хотят друг друга бить, а может быть и убить. Один небольшого росточка ладненький парень пристает к верзиле: «Хочешь меня убить? Можешь резать. У меня есть товарищи!». И ничуть не трусит, видно уверен, что товарищи отомстят, а не побегут за милиционером. При этом условии ему загнуться приятно и радостно.

Может быть, правы мои соседи, когда закрывают душной ночью окна? Сомневаюсь, наверно, из-за духоты и жары.

На следующий день читаю в трибунале дело. Парень

выстрелил приятелю в голову. Приятель остался жив. За несколько лет до этого приятель прыгал в плавательном бассейне, но угодил не в воду, а в камень. И тогда не умер. Трещина в черепе и все. Тоже смахивает на какой-то бред, но все святая правда.

Трибунал в тенистом месте, в невысоком домике, окна настежь, казалось бы, должно быть немного прохладно, но жарко, и все тут. Читаю, делаю пометки, потом встаю и шагаю, борясь таким образом с перегревом. Потом снова читаю…

«Зачем он стрелял товарищу в голову? Товарищу, то есть человеку, который гарантирует жизнь?» Непонятно. С жары, наверно…

И снова читаю, делаю пометки. Дохожу до листа, который называется «Акт баллистической экспертизы». Акт как акт. Экспертиза оружия, баллистическая. В акте все правильно. Пистолет осужденного, пуля вылетела именно из него, попала в голову и, конечно, деформировалась.

В мою голову приходит досужая мысль: «Эксперта интересует, как голова деформировала пулю, а врача, как пуля деформировала голову». Быть может, и эксперту было жарко. И тут я вдруг обращаю внимание на фамилию майора, подписавшего акт. Сомнений нет – учились вместе. Все время он таскал чемоданчик со спортивным барахлом. И на занятия по физкультуре выходил в динамовских трусах и майке. Знал знаменитых спортсменов и сам чем-то занимался. Говорил, что боксом.

«И чего я к нему привязался? Говорил, что боксом. Форсил, значит. Быть может, от жары вредничаю?».

В институте ребята называли его Бумой. Прошу секретаршу вызвонить мне майора. Много лет не видались, объясняю я… Секретарша молодая девушка, проникается сочувствием, улыбается…

И вот мы идем с Бумой по Ташкенту. Он несет маленький чемоданчик. Он тут живет и служит. Вспоминаем профессоров, студентов. Много их было, а вот мы почему-то встретились. Он приглашает в гости и извиняется заранее. Говорит, что с женой не все ладно. Трудная беременность. И у меня пропадает охота продолжать вечером воспоминания. И мы расстаемся друзьями.

Ранним утром я покидаю Ташкент. Еду на такси мимо базара, покупаю такие яблоки, на которые в Москве я бы и не посмотрел. Цена, правда, московская. Однако с юга принято привозить фрукты. Таков порядок. Не я установил, и не мне его менять.

Последний раз жарко. Последние мухи в буфете. Снова стюардесса. И я дома, а от Ташкента остался звон в ушах. Но я его

видел. Он оказался для меня таким, а другие подробности я узнал из книг. И еще: прошли годы, и я узнал, что был заграницей.

Ответ по существу

Однажды защищал начитанного рабочего парня, имевшего жену с высшим гуманитарным образованием и младенца. Суд шел при закрытых дверях. Обвинялся парень в развратных действиях по отношению к десятилетней дефективной девочке. Жена его стояла в коридоре перед закрытыми дверями, а небольшой зал заполнили привилегированные лица: секретарши, машинистки, судебные исполнители…

Развратные действия, гласило обвинительное заключение, подсудимый совершил в магазине игрушек, на Арбате. Свидетелями оказались трое в штатском. Старый Арбат был правительственной трассой. В их показаниях царил разнобой. Защита акцентировала это, однако в главном все трое сходились – все обвиняли.

Прокурор в модном по тому времени костюме, гладко причесанный (мне он был несимпатичен, что естественно), задал подсудимому каверзный вопрос: «Кто из свидетелей знаком вам?» – «Никто». – «Значит, между вами нет вражды, личных счетов?». – «Нет». – «Объясните, почему три незнакомых вам человека свидетельствуют против вас?».

«Потому, граждане судьи, – не задумываясь, ответил мой подзащитный, – что, к сожалению, у нас еще сохранились люди, избегающие физического труда и неспособные к умственному. Так вот, такие сволочи на кого угодно что хочешь наговорят».

Я слышал от старого и опытного адвоката, будто бы один знаменитый английский адвокат предостерегал молодых коллег, советовал не задавать вопроса, если не уверен в ответе.

«Супермен»

Зимним вечером прямо с какого-то собрания в юридической консультации двинулись мы с Федором Сергеевичем на

Савеловский вокзал. Ехали в город Кимры. Федор Сергеевич заранее достал билеты в купейный вагон, по какому-то знакомству. Вскоре выяснилось, что вагон почти пуст.

Федор Сергеевич раньше работал судьей. Он был старше меня лет на десять, круглый, подвижный, дружелюбный. Грамотностью речи не отличался. В подпитии я никогда его не замечал.

Застучали колеса поезда, Федор Сергеевич извлек из портфеля бутылку, начался дорожный ужин.

В Кимрах нас встретили родители подзащитных мальчишек. Мы приехали изучать дело об обыкновенном убийстве.

Отец моего подзащитного, как скоро выяснилось, считал жителей города Кимры очень отсталыми людьми. Сам он был поджар, мосласт, с острым профилем, напоминавшим о «ястребином профиле» Шерлока Холмса. Он очень твердо произносил букву «л», почти глотая этот звук. Обращало внимание его темное видавшее виды драповое пальто. Широченные подложенные плечи, очень большие накладные карманы. По дороге на квартиру он рассказал, что регулярно катается на коньках, но большинство аборигенов этого не понимает. Об отце подзащитного Федора Сергеевича мой «супермен» был мнения самого невысокого, считал его первобытным, но сообщил, что он плотник и зарабатывает отлично, поэтому должен платить хорошо. Жена моего супермена, мать подзащитного, маленькая женщина, как бы спрятавшаяся под большим коричневато-серым вязаным шерстяным платком, горестно молчала.

Мы остановились в просторном доме плотника. Хозяин, не тратя времени, усадил всех за стол. Появились бутылки, закуска. Отказываться от ненужной мне водки я не помышлял, не подозревая, что начинается некий малый марафон. Я не отказался и от второго захода в этот день. Федор Сергеевич, прежде чем опрокинуть стопку, согревал ее в руках. Объяснял, что простужены голосовые связки и никак нельзя пить холодное.

Утром, наскоро позавтракав и слегка опохмелившись, пошли в суд, читали дело, встречались с подзащитными. Работали. В конце рабочего дня обедали в какой-то столовой, не то чайной. Было холодно, мы сели поближе к печке. Федор Сергеевич пристраивал граненый стакан к ее беленому боку. Грел водку – заботился о горле.

«Супермен» разговаривал. Он рассказал, что в Кимрах население в четыре раза меньше чем в Калинине (Тверь), а водки выпивают вдвое больше. В любом доме имеются «липки» – чурбаки, сидя на которых потомственные сапожники тачают сапоги и ботинки. И даже милиционеры, говорил он, придя домой

и скинув мундир, садятся на липку – тачают обувь. Потом обувь из Кимр течет в Москву, на рынки. Я не сходил с дистанции, выпивал.

Следующим утром оказалось, что мой организм не склонен более впитывать водку, и за завтраком я сошел с дистанции. Плотник, тихий хромоватый мужчина, без осуждения сказал, что у меня «стало быть, нутро не принимает, слабое». В других обстоятельствах я, вероятно, был бы глубоко задет. Как это слабое нутро? А моя мускулатура, богатырский сон и неизменный аппетит, бодрый нрав, и вдруг! Однако тогда я понял, что рассчитан только на короткие дистанции, но не на марафон.

Наши подзащитные поздним осенним вечером на какой-то безлюдной кимрской дороге побили пьяного мужчину, татарина. Забрали мелочь и еще нанесли ножевые раны, от которых человек скончался. С ними было еще несколько ребят. Следствие провели безграмотно в высокой степени, но народный суд осудил. Областной суд приговор отменил, и дело снова слушалось в Кимрах, в клубе. Процесс был, как говорится, показательный. Мальчишки вину отрицали, но суд признал ее доказанной. Надо было жаловаться в Верховный суд Республики, в Москву. Поэтому и появились в Кимрах московские адвокаты.

Кассационных поводов в материалах дела оказалось предостаточно. Однако особое впечатление на меня произвела в протоколе судебного заседания фраза отца о моем подзащитном, вожаке группы. На вопрос о характере сына отец сказал: «Он у меня настоящий джигит».

Мне показалось, что он даже горд: сын – настоящий мужчина! И ничуть не жаль по-идиотски загубленного человека.

Защита добилась успеха. Приговор отменили, и дело направили на дополнительное расследование. Федор Сергеевич продолжил защиту, а я расстался с «суперменом» под благовидным предлогом.

Все было расставлено у «супермена» по своим местам: сын – джигит, татарину скатертью дорога, адвокаты обязаны защитить, а плотник платить.

Резиновые ботики

Еремей, помощник машиниста из Рузаевки, утром приехал на паровозе в Москву и вечером должен был отправиться назад.

Однако задержал милиционер на Перовском рынке.

В тот год, в конце сороковых, большим спросом пользовались резиновые женские ботики. Этакие блестящие, из того же материала, что галоши. Из-под прилавков магазинов ботики текли на рынок, где их успешно продавали подороже. Московские власти, незаконно присвоив себе права законодателя, определили, что продажа хотя бы одной пары бот по завышенной цене есть спекуляция. Статья 107 Уголовного кодекса. То есть от пяти до десяти лет лагерной жизни на просторах Родины. И конфискация имущества. И пошли дела… Адвокаты критиковали это постановление и в суде, а чаще в разговорах между собой.

Две разбитные девицы заявили, что хотели купить у Еремея ботики по рыночной, разумеется, цене. Еремей отрицал, но завертелись тяжелые жернова юстиции, и настал день, когда помощника машиниста паровоза доставили под конвоем в народный суд Первомайского района в качестве спекулянта.

Суд размещался в дореволюционном одноэтажном особнячке, близ Андроньевского монастыря. В прошлом хозяин скромного особнячка, вероятно, купец, наверно, изрядно морочил голову архитектору, если он был, или же подрядчику-строителю. Образовалось какое-то хитросплетение небольших комнат и комнатушек, каморок и коридорчиков. Громоздкая, гробоподобная дубовая мебель, сработанная по образцу дореволюционной мебели судебных присутствий, выглядела в так называемых залах судебных заседаний довольно странно. Из-за тесноты комнат психологический эффект, трепет перед законом не достигался. На мебель пороху хватило, а уж на здания для судов – извините. В самой большой комнате размещалась канцелярия. Я вошел в нее, стараясь выглядеть серьезнее, чем был на самом деле. Адвокат не спортсмен, молодость – не достоинство.

Канцелярию разделял барьер, за ним сидели девушки-секретарши. Они работали и иногда цыкали на посетителей, а также и на адвокатов из других районов.

Когда по большим праздникам, которые нужно было совместно отметить служащим суда, прокуратуры и юридической консультации района, столы в канцелярии ставили так, чтобы было удобно разместить на них бутылки и незамысловатые холодные закуски. И был доклад, а потом тосты и умеренное веселье.

Я подошел к барьеру, спросил что-то у Тамарочки, очень симпатичной секретарши, и тут меня окликнула Тоня, Антонина – народный судья. Я считал, что отношения между адвокатом и судьей должны быть сугубо официальными, чтобы не порождать у

клиентов несбыточных надежд. Мы с Тоней учились в одном институте в одно время. Правда, и в то время мало общались. Она была скромной молчаливой девушкой, маленького роста, но чемпионкой института по лыжам. Тоня попросила меня принять защиту Еремея. Его доставили в суд, денег у него не было, адвоката тоже. В судебном заседании собрался участвовать прокурор. Нужно было защищать в порядке статьи 55 Уголовно-процессуального кодекса, то есть без гонорара. Я, конечно, согласился. Секретарша вручила мне тощенькую папку дела. Обвинительное заключение гласило, что Еремей, проживающий там-то, работающий помощником машиниста на железной дороге, женат, имеет двоих детей, участник Отечественной войны, прибыв в Москву, на Перовском рынке пытался продать пару резиновых ботиков по спекулятивной цене. Виновным себя не признал, но изобличается показаниями свидетелей…

Я быстренько сделал выписки, нужные для ведения защиты, начал так называемое досье (иногда досье проверяли, для повышения ответственности адвоката и качества его работы).

Потом встретился с находящимся под стражей Еремеем. Он глядел сумрачно. Сказал, что не продавал ботики, а покупал их у этих свидетельниц для своей жены. Мне представилось, что он говорит правду, а свидетельницы лгут. Дело маленькое, проще простого. Один единственный эпизод, а вот, поди же ты, прокуратура пожаловала.

Помощник районного прокурора Володька, так звали его, когда мы учились вместе в одном институте, был умен и речист. В форменном кителе, с серебряными узкими погонами и зелеными кантиками, точь-в-точь таком, как при царе, он выглядел серьезно. Один рукав пустой. Рука осталась на фронте. К счастью, левая. Случалось, он представлял прокуратуру в больших процессах, даже в городском суде. Казалось бы, светит ему карьера. Хоть и строг Володька, въедлив, но с адвокатами общается не заносчиво. Предвидел, надо думать, что судьба ему – пересесть из-за прокурорского дубового столика за адвокатский.

Антонина за судейским столом, сидя в кресле с высоченной спинкой, украшенной гербом, выглядит солидно. Хоть и маленькая.

Еремей сидит за деревянным барьерчиком, прижимающим подсудимого к стене. Барьерчик ограничивает узкое пространство, чуть подлиннее могилы. Подле подобия калиточки в барьерчике стоял милицейский старшина. Охранял. Молчал. Караулил, чтобы Еремей не сбежал: железных клеток для подсудимых в ту пору еще не соорудили.

Еремей недолго сидел до суда, и его черная грубая шинель

железнодорожника, кирзовые сапоги, все выглядело так, как будто он несколько часов назад сошел с паровоза.

Очень мне не нравилось, что нормальному человеку, семейному, участнику войны могут впаять по незаконному закону пять лет.

Огласили обвинительное заключение, Еремей себя виновным не признал, а девки-свидетельницы держались уверенно. Вот только они плохо подготовились и путались насчет размера бот, хотя утверждали, что покупали для одной из них. А я-то знал номер обуви жены Еремея. Он мне сказал.

Получалось, что ботики покупательнице не подходят. Однако все прошло быстро. Прокурор гнул свое, я свое. Суд удалился в свою совещательную каморку, вскоре появился, все встали, и Антонина огласила приговор: «Именем РСФСР… Бу-бу-бу… Пять лет лишения свободы…».

«Приговор понятен?» – спросила, как положено, судья. Еремей кивнул и сказал очень тихо: «Да». Молчаливый старшина увел его из зала. Я посмотрел вслед. Та же шинель, кирзачи, но спина стала другой. Словами передать не могу. Еремей был раздавлен.

Я огорчился, но не сказал Антонине и Володьке ни слова. Написал кассационную жалобу. Еремея я больше не видел.

Немного позже в канцелярии суда я узнал, что кассационная коллегия городского суда жалобу удовлетворила и дело прекратила.

И уехал Еремей в свою Рузаевку. К семье. Без бот. Девкам-лжесвидетельницам ничего не было. Антонина удачно вышла замуж за того самого старшину, что караулил Еремея. Володька стал известным адвокатом и оказался моим соседом по даче. Мы частенько встречались, но Еремея не вспоминали.

Получился отличный советский «хэппи энд».

Алиментное дело

Однажды, году эдак в пятидесятом прошлого века, у меня появился клиент – директор спиртзавода в Смоленской области. Внешне он походил именно на сотрудника этой важной промышленной отрасли, обеспечивающей государству немалые доходы, а его гражданам счастливые часы и, к сожалению, нелегкие последствия. Цвет лица, а также носа говорили о том,

что директор не чуждался дегустации. Однако он был совершенно трезв и вежлив. Он рассказал мне, что его бывшая сотрудница, молодая одинокая женщина, уволилась и переехала в Кунцево, что под Москвой. Она назвала директора фактическим отцом своего новорожденного и потребовала алименты, а Кунцевский народный суд иск удовлетворил. Закон разрешал матери подавать иск по ее месту жительства. Директор в судебном заседании не присутствовал. Он сказал мне, что не он отец ребенка и попросил вести это дело дальше. И вот в одно прекрасное утро я отправился в Народный суд, в Кунцево. Судья находился в своем кабинете. Он встретил меня недружелюбно. Это был сравнительно молодой человек в военной гимнастерке. Я предъявил ему ордер на ведение дела, он осмотрел мои очки, импортные, портфель и шляпу критическим взглядом и сделал замечание, что, вот мол, адвокат выспался, позавтракал, побрился, наодеколонился и пожаловать изволил, когда у судьи настало время обеденного перерыва. Я, конечно, промолчал.

Читая дело, я обратил внимание на то, что истица работает в нотариальной конторе. Между тем, еще не переступив порога суда, я заметил вывеску нотариальной конторы. Она находилась по соседству с судом. Стало быть, неприязнь судьи могла быть мотивирована сочувствием не только к матери-одиночке, но и к тому же знакомой труженице «правового поля», как нынче любят высокопарно выражаться.

Знакомясь с делом, я с удовольствием заметил, что в протоколе судебного заседания в двух местах обозначена дата, исключающая утверждение будто директор – отец младенца. Написав кассационную жалобу, я проявил «нордическую хитрость». А именно: в кассационной жалобе упомянул дату на одной из страниц протокола, но умолчал о другой странице, на которой красовалась та же дата.

Выступая в кассационной коллегии Московского областного суда, я доказывал несложную теорему, что сама истица и суд опираются на события, которые не могли произойти в упомянутые на странице такой-то дате. Директор в эти дни был в отъезде. Председательствующий строго спросил меня, утверждаю ли я, что в протоколе стоит именно эта дата? Я ответил утвердительно. Судья велел мне подойти к столу и, открыв дело, показал, что дата другая, именно такая, какая истице требуется. Я посмотрел и заявил, что дата подчищена. Судья еще строже спросил, на каком основании я обвиняю в подлоге суд. Тут я попросил открыть другую страницу дела и судьи увидели, что там красуется именно та дата, которая опровергает иск. Решение суда было отменено, директор был рад и называл меня золотым

человеком.

Вывод напрашивается очень простой: надо внимательно читать документы, которые подписываешь. Особенно когда творишь липу.

В наши дни наука без промаха может установить – отец ответчик или же нет. А полвека тому назад время генетики, сексологии и прочих наук еще не настало.

Был на самом деле директор папашей младенца или нет, мне неизвестно. Клиент утверждал, что не был. Меня устраивала формула, что клиент всегда прав.

Чертова дюжина

Многие уверены, что «13» приносит неудачу, скверное число. Некоторые верят, что им оно приносит успех. К ним относится 13-й чемпион мира по шахматам Каспаров. Правда, он и по другим поводам частенько имеет особую точку зрения. На мой взгляд, это число не заслуживает внимания. Простое число, ни на какое-либо другое не делится. Только и всего. Однако в память врезался один эпизод, случившийся в декабре 1952 года именно тринадцатого числа.

В тот памятный день я с начала и до конца рабочего дня читал материалы уголовного дела в канцелярии Львовского областного суда. Мне предстояло написать жалобу в порядке надзора, вернувшись, домой, в Москву. Я хотел улететь из Львова назавтра утром и поэтому работал не вставая. Без перерыва на обед. Дело было заурядным. В ту пору аптекари и чиновники изобрели простенькую комбинацию, позволяющую направлять потоки мелочи за сдаваемые в аптеку порожние бутылочки и пузырьки прямиком в свои карманы. Ручейки тогда были мелкими – сотни рублей, максимально тысячи. Обстановка для комбинаций с миллионами и миллиардами долларов в стране еще не созрела. Протоколы судебного заседания и материалы следствия были на украинском языке, однако стандартные судейские обороты речи были понятны, и лишь один раз я попросил мне помочь, когда не знал, какой месяц украинцы называют словом липень.

Мне удалось управиться, и я вышел усталый и голодный на плохо освещенную и какую-то мглистую и промозглую декабрьскую улицу. Побрел в гостиницу, думая о прочитанном, о

противной погоде и не замечая ничего вокруг. Когда я вышел на площадь, меня вывел из некоторого оцепенения могучий рык уличных репродукторов. Бас диктора буквально рокотал, когда произносил слова «…Шпигунов та диверррсантов» и «… инфарррктмиокарррда». Я остановился и понял, что вещают о зверствах врачей-убийц. Стало ясно, что сделан важный шаг в борьбе против космополитов. Среди еврейских фамилий профессоров убийц затесались, для отвода глаз, имена Егорова и Виноградова, личного врача Сталина. Похоже было, что наступает решительная фаза.

В гостиничном буфете не оказалось ни водки, ни коньяка и я с горя удовольствовался стаканом ликера, приторного и противного.

Ранним утром я улетел в Москву. В салоне самолета оказался еще только один пассажир, молодой офицер. Так мне не доводилось летать никогда. Он предложил мне сыграть партию и вынул из сумки дорожные шахматы. Я попытался развлечь себя тем, что вначале нарочно сделал несколько нелепых ходов, но затем заиграл старательно. Офицер играл не сильно, и бессмысленные первые ходы его не удивили. Вскоре он сдал партию, поблагодарил и убрал шахматы. Я думал, что он спросит, какая у меня шахматная квалификация, а я удивлю его, признавшись, что я мастер. Увы. Улучшить настроение не удалось.

В Москве вечером я зашел к товарищу. Его отец, русский литератор еврейской национальности, был мрачен. Он сказал, что надо запасаться полушубками, валенками и кирзовыми сапогами. Возможна поголовная ссылка, как уже случилось с разными народами.

До сих пор историки спорят, реально ли готовилась депортация евреев в отдаленные районы после суда и казни врачей убийц или же нет. Угадать, что планировал Сталин, практически невозможно. Он был великим мастером неожиданных вариантов и, когда надо, не оставлял следов.

(Мне кажется, он совершал и крупные ошибки: переоценил способность предвидения Гитлера, самоубийственно напавшего на СССР; признавая образование государства Израиль, быть может, понадеялся, что евреи, склонные к социалистическим идеям, будут продолжать выступать против Англии. Впрочем, это рассуждения дилетанта.)

Домашняя работница родителей моей жены Шура, молодая и добрая девица, рассказала мне по секрету, что Феклуша-дворничиха уверяла, будто вскоре в квартирах освободится немало еврейских комнат. Она была, как и Шура, деревенской,

улыбчивая и приветливая. Однажды, когда обыскивали перед арестом комнату нашего соседа по подъезду, нашего доброго знакомого, Феклуша, как дворничихе положено, была понятой, то есть представителем власти, по разумению Шуры. Получить комнату в Москве было пределом Шуриных мечтаний, однако она сочувствовала мне и явно была огорчена. Я счел за благо опровергнуть прогноз дворничихи. Фамилия Шуры была Егорова, и я сказал, что обвиняют не только еврейских профессоров, но и ее однофамильца. Шура не спорила. В марте наш родной и любимый оставил свой безутешный народ, а вскоре, когда ярко светило солнышко, Центральный Комитет партии сообщил, что врачи вовсе не убийцы, дело было умышленно сфабриковано. Об этом я узнал из газеты в Подольске, куда ездил на заседания суда по одному групповому уголовному делу.

В перерыве молодая и симпатичная адвокатесса, участница процесса, сказала, что дело не сфабриковано, просто власть сделала шаг в угоду западным странам. Коллега шепнул мне, что ее муж – офицер госбезопасности. Евреи же возрадовались, старики даже вспоминали праздник Пурим, когда отмечают чудесное и неожиданное избавление от гибели народа много веков тому назад.

В июне 1953 года случился еще один сюрприз. Арестовали Лаврентия Берию. Потом его судили. Дело слушалось при закрытых дверях. Эти двери были закрыты так плотно, что мне не довелось видеть ни одного человека, который был бы знаком хоть с кем-нибудь из побывавших в зале суда.

Коммунистам и беспартийным разъясняли, что Берия – шпион, что он пытал и расстреливал невинных советских людей, что хотел распустить колхозы и отдать Германскую Демократическую Республику западногерманским капиталистам, и к тому же он ужасный развратник и насильник. Мало того, он лгал, будто он, а не ЦК разоблачил фальсификаторов дела врачей-убийц.

Народ был возбужден, и кто-то сочинял частушки: «Как товарищ Берия / Вышел из доверия…» и «Цветет в Тбилиси алыча / Не для Лаврентия Палыча…». А мой товарищ по адвокатуре, старше и опытнее меня, сказал: «Ты думаешь, это Берию судили? Это Сталина судили!» Такое смелое умозаключение тогда показалось мне сомнительным. Однако наступали новые времена, времена новых неожиданностей, надежд и разочарований.

Насчет чертовой дюжины я остался при том же мнении. Просто чертова дюжина послужила зацепкой для памяти.

Юридическая консультация помещалась в Гостином дворе. Клетушки грандиозного и запущенного здания заполняли разнообразные конторы в самых неожиданных сочетаниях. Совет добровольного спортивного общества и зуболечебница, котлонадзор и контора по сбору утильсырья… Формации менялись, а Гостиный двор плыл, как Ноев ковчег.

Что находилось в тесном помещении юридической консультации в прошлом, никто не знал. В комнате были выгорожены фанерными перегородками кабинки-закутки. В каждый втискивался за специально изготовленный письменный полустолик адвокат, напротив садился клиент. Из кабинок доносились невнятные голоса. Зачастую там рождались и гибли надежды, переплетались устремления клиентов и адвокатов, скрипели перья и переходили из рук в руки ассигнации. Фанера скрывала все.

В часы моего дежурства в кабину протиснулся невзрачный мужичишка. Пальтецо его было выношено, но, тем не менее, способно сопротивляться времени. Физиономия не чисто выбрита, но терпимо. Улыбка блуждающая, не без смысла. Клиент пришел посоветоваться насчет развода и для начала сообщил, что он работает не то завхозом, не то кладовщиком. Такая хозяйственная деятельность всегда занимает его в те периоды, которые он находится вне Канатчиковой дачи.

Я, хоть и был молод, но не выразил удивления по поводу причастности моего клиента к когорте психически нездоровых. Удивление могло обнаружить недостаточный адвокатский опыт.

Потертый, но неунывающий взял инициативу беседы в свои руки. Я едва успел сообщить ему тривиальные сведения о бракоразводном деле, как он принялся убеждать меня, что раньше разводили гораздо лучше. «Раньше, – рассказывал он, – я приходил в загс, писал заявление, и готово. Из загса слали открытку жене, и конец. Вот я однажды сижу дома, обедаю. Приходит почтальон, приносит открытку. Жена читает – развод. Она мне говорит: „Что же ты, мерзавец, раньше мне ничего не сказал?“ Дескать, я должен был предупредить. А я продолжаю хлебать щи и говорю: „Не люблю напрасных разговоров“.»

Вскоре мой затейник выбрался из клетушки и пошел по каменным длинным коридорам Гостиного двора. И затерялся навсегда. Быть может, он сел в трамвай и поехал на Канатчикову дачу, а может, и в кладовую. Больше я его не видел.

То, что я сообщил ему, он, вероятно, знал. Быть может,

просто хотел поделиться своими соображениями.

Простая трагедия

– Ты мало изменился, – сказал мне Борис, приятель юных лет. – Вот только волос стало меньше.

Он вернулся в Москву из мест весьма отдаленных, где провел семнадцать лет. Еще раз пристально взглянул: «Губы изменились, мягче линия была…». Так закончил обзор Борис.

Мне кажется, что глаза художников отличаются от глаз других людей. Про всех говорят, что глаза это зеркало души, а у художников они напоминают инструмент для наблюдения.

В тот момент волос у меня было вполне достаточно, чтобы не думать на тему, что все течет, все изменяется.

В юности Борис был очень видным парнем, гимнастом. Густые светлые волосы гладко зачесаны назад. Открытая улыбка. Собирался стать художником. Серьезно играл в шахматы. Подавал надежды. Затем увлекся играми с девушками. Стал курсантом военного училища. Из Ярославля двое штатских доставили его в отдельном купе поезда в Москву. Оказалось, что ошибся в некоторых девушках. Будто бы их папы были видными врагами народа. И замелькали лагеря. Колыма, Тайшет и другие. Сказал мне, что выжил благодаря умению рисовать. И даже как-то давал сеанс одновременной игры в шахматы в таком «обмундировании» и такой обуви, сделанной зэком из автомобильной шины, которая едва ли встречалась у сеансера когда-либо в многовековой истории шахмат.

Под конец лагерно-ссыльной жизни дослужился до положения художника театра. Полусвободным женился на красивой высокой девушке, голубоглазой татарке, отбывшей срок за контрреволюционную агитацию. (Была тогда в уголовном кодексе такая милая статья – 58 /10.)

Равия, так звали ее, привезла мне в Москву от Бориса письмо. Разыскала меня в юридической консультации. Я написал жалобу, она сама ходила в прокуратуру, хлопотала. Гляделась привлекательной и жизнерадостной. Добилась. Борису разрешили вернуться в Москву. У них родился сын. Борис стал сотрудничать в издательствах внештатным художником. Играл в шахматных турнирах и стал кандидатом в мастера. Жизнь, наконец-то, налаживалась.

Как-то при встрече я пожаловался Борису на сложности, с которыми столкнулся при обмене моей квартиры. Он, исполненный благожелательности, сказал: «Брось ты суетиться. Зачем менять? Жить-то нам сколько осталось?».

И непринужденно рассмеялся. Мудрость лагерника. День прожил, и слава Богу… Полжизни отдал Борис на ее усвоение.

Равия неожиданно и в один момент умерла от кровоизлияния в мозг. Молодая.

Для счастья не хватило времени. Обыкновенная история.

Круги

– Правильно говорить «крУги», а не «кругИ», – мягким и приятным голосом проникновенно убеждал на семинаре доцент криминалистики, обучая студентов премудростям дактилоскопии. Доцент был невысок, широкоплеч и немного нескладен. Голову держал высоко, напрягая бедную шею. Хотел быть стройным. Звали его Емельяном, а по отчеству Ушеровичем. Получался ерш: Пугачев и Шолом-Алейхем. Но это игра слов, а на деле доцент наследовал настырность многих поколений талмудистов. В своих статьях он цитировал зарубежных и отечественных классиков криминалистики, произносил имя австрийской звезды полицейской науки Ганса Гросса, как музыковед имя Бетховена. И не меньше, чем уважение к криминалистике, доцент старался привить студентам любовь к русскому языку. Он ссылался на классика, утверждая часто, что настоящему русскому языку надо учиться в Малом театре и у московских просвирен.

В свободные часы доцент увлекался яхтой. Благородный вид спорта.

На институтском воскреснике, когда разгружали дрова для плохо отапливаемого здания (шла война, и студенты сидели на занятиях в пальто), Емельян Ушерович трудился тихо, но чрезмерно, и вечером лежал с сердечным приступом.

Любовь к цитатам и звучным иностранным именам сделала доцента легкой добычей в период борьбы с космополитизмом. Цитаты из русского гения полицейской науки Буринского ему в вину не вменили, а вот Ганса Гросса припомнили. И никаких просвирен! Его ученик, который стал кандидатом наук в юном возрасте, был толстым и радушным малым и огорчился, лишь

когда его – кандидата наук! – не приняли в Высшую Дипломатическую школу – этот самый добряк и воспитанник вплел свой голос в довольно жидкий хор негодующих, когда на заседании ученого совета настал момент ликвидации космополитизма на кафедре криминалистики. Емельяна погнали. Позже погнали ученика. От этого Емельяну не стало легче… Инсульт!

Быть может, московские просвирни сказали бы: хватил кондрашка.

Я встретил доцента много позднее. Он получал пенсию, на партийном учете состоял в юридической консультации, где я работал. Аккуратно приходил на партийные собрания, вежливый, чисто выбритый, тихий. Иногда выступал. В голосе сохранились мягкие убеждающие интонации, но слова… Слова сливались в комки. Он написал заметку в нашу стенную газету. Почему-то вдруг о Пушкине, о его памятнике.

Умер Емельян как-то незаметно, тихо. Будто не хотел кого-либо побеспокоить. До конца старался быть вежливым и правильным. Как речь в Малом театре.

Три доцента

Почему-то я часто вспоминаю разных доцентов. Я слышал, будто один талантливый поэт во хмелю утверждал, что он доцент. Он был признан, но этого ему было недостаточно. Высшего образования не имел, но магическое слово доцент притягивало.

Молодой доцент-юрист и историк Абрам Матвеевич объяснил мне, что правильно сказано у Сталина, что Россию били за отсталость монгольские ханы, польские паны и другие, но права и история, которая позже утверждала, что Россия побеждала всех. Просто ее били в те моменты, когда она отставала. А во все остальные она побеждала.

Это объяснение заслуживало внимания. Мне, студенту, было девятнадцать лет.

Абрам Матвеевич был моим школьным учителем истории, в ту пору аспирантом. Он убедил меня поступить в юридический институт. Желая мне добра, объяснил, что четыре курса юридического плюс три года аспирантуры дают кандидатскую степень и доцентское звание. А чтобы стать всего лишь инженером, нужно затратить пять лет с половиной. Эта

занимательная арифметика мне понравилась. Еще он сделал комплимент, что я будто бы четко формулирую свои мысли.

В итоге я не стал ни доцентом, ни инженером. Убедился в том, что некоторые юристы могут обходиться минимумом мыслей. Уметь формулировать мысли, правда, надо.

Абрам Матвеевич долго писал докторскую диссертацию. Личная жизнь его не шла безоблачно. Он женился, имел сына. Первая жена его оставила, зато он бросил всех остальных.

* * *

Доцент Уманский, историк из МГУ, вел семинар в Университете марксизма-ленинизма. На одном семинаре он освещал прогрессивность политики Ивана Грозного. Так было тогда принято. Во время перерыва я спросил его, как понимать приказ Ивана зарубить слона, подарок персидского шаха? Этот вроде бы дрессированный слон не захотел поклониться Ивану. Может быть, Иван Грозный был психически больным?

Доцент ответил: «Что же вы, сами не понимаете?».

Я, конечно, понимал, что кукиш показывают в кармане. Так и делал. Как многие другие. Такие вот странные нравы и обычаи.

* * *

Вовочка на мой вопрос, зачем же он пьет, ответил: «Миша! Ты же умный парень, ты все понимаешь!».

Мне понравилась оценка моих умственных способностей, и я спросил: «Я все понимаю, но только не понимаю одного: почему все всё понимают, а делают наоборот?».

В восьмом классе школы Вовочка был самого маленького роста. И голосок у него был тонкий-претонкий. Ребята влюблялись в девочек, а Вовочка пищал. В десятом классе он вдруг вытянулся. С войны вернулся живой, правда, хромой. Поступил в Университет и стал кандидатом юридический наук, доцентом. Был на хорошем счету и съездил года на два преподавать в Китай. Тогда пели: «Москва – Пекин, Москва – Пекин / С нами идут народы / Москва – Пекин, Москва – Пекин / Пусть зеленеют всходы…».

Всходы зеленели, а Вовочка стал крепко пить. Развелся с первой женой, а вторая покинула его. Пил уже на троих, возле магазина у Никитских ворот. Отовсюду его уволили. Разжаловали.

В сорок лет Владимир умер от инфаркта. Последним в классе созрел и первым от инфаркта умер. Такая судьба.

Университет марксизма

Профессор с чудной фамилией Зись говорил с акцентом. Буква эр ему не удавалась. Но ораторствовать он умел. Я бы ничуть не удивился, узнав, что тысячи две лет тому назад какой-нибудь его предок подвизался в роли пророка, где-нибудь в Иудее или Галилее. Словом, там, где водились вдохновенные пророки.

На лекции ходили люди с высшим образованием, многие преуспевшие на профессиональном поприще, не пришли бы, будь их свободная воля. Ходили, как бы нанося визит вежливости. Однако приятно, придя в гости без желания, угоститься чем-нибудь вкусненьким. Профессора слушали с интересом.

– Поклон вашему дурацкому колпаку, Егор Федорович!

Так обращался в каком-то своем произведении к Гегелю неистовый Виссарион Белинский, сказал профессор.

Немецкие родители дали будущему философу имя Георг Фридрих, а Белинский предпочел вольный перевод, по-нашему, по-простому. Дурацкий же колпак пожаловал за философские ошибки.

Профессор оживил лекцию старинным ироническим стишком: «В тарантасе, в телеге ли / Еду ночью из Брянска я / Все о нем, все о Гегеле / Моя дума дворянская».

Вообще Гегелю сильно попадало. За рациональное зерно в идеалистической шелухе, за то, что он что-то ставил с ног на голову, за неправильное отношение к прусской монархии…

Попадало, главным образом, не во время Виссариона, а во время Виссарионовича.

Как-то Гегеля крепенько покритиковали в журнале «Коммунист». Даже удостоен был постановлением ЦК. На заседании кафедры марксизма-ленинизма все это обсуждали. Доклад делала некрасивая, но симпатичная кандидат наук. А другой кандидат, мой добрый знакомый, сказал мне: «Ей все ясно, а вот Маркс писал, что он не сразу смог понять Гегеля». И пояснил, что Маркс где-то там писал, что он бегал на берег Рейна и плакал, когда читал «Феноменологию духа». Трудно было понимать.

Гегелю импонировала прусская монархия. Профессору

нравилось читать лекции. Рядовым слушателям импонировало в душе, что Гегеля допустимо называть дураком.

Когда я был адвокатом

Распростившись с адвокатурой и став на десяток лет редактором шахматных книг, я познакомился с Мишей, тезкой и художником. Он иногда оформлял книги в нашем издательстве, и случилось так, что в отпускное время мы оказались с ним в туристическом плавании на пароходе. Иногда болтали, вспоминая кое-какие эпизоды прошедших лет. Мне запомнился рассказ Миши о том, как его супруга однажды разгневалась на него, и чуть было не сорвала его выезд в заграничную командировку. Он должен был улетать через пару дней, а она порвала билет и паспорт, но не порвала, между прочим, валюту, командировочные. Он проявил большую энергию, документы восстановил, и поездка состоялась. А я начал было рассказывать ему свой эпизод такими словами: «Когда я был адвокатом…». Миша засмеялся и сказал, что это выражение он не раз от меня слышал.

Прошло еще четыре десятка лет и мне захотелось вспомнить застрявший в памяти адвокатский эпизод.

Итак, ко мне обратился мужчина лет сорока, работник авиационного завода. Он оказался претендентом на наследство – дом в Подмосковье. Однако не единственным. Спор между родственниками разбирался в суде. Ознакомившись с материалами дела, я с удовольствием заметил, что, как говорится, противная сторона имеет какую-то важную расписку, однако не заверенную нотариально.

Мой друг Юра, с которым нас свели и объединяли шахматы, пожелал послушать, что я говорю и посмотреть, что делаю в судебном заседании. И вот мы приехали на этот самый процесс. Адвокат противной стороны выглядел отлично. Пожилой седой мужчина с хорошим голосом и грамотной речью. Он убедительно изложил претензии своих доверителей, убедительно говорил о морали. Доверители выглядели довольными, а мой клиент сидел пригорюнившись. Затем наступил мой черед. Не обнаруживая достаточного почтения к старшему коллеге, я довольно нескромно заявил, что он все рассказал очень интересно, однако лучше бы он затратил свои усилия на то, чтобы объяснить своим

доверителям бесплодность их претензий, так как закон требует нотариального оформления расписки, а его как раз-то и нет. Суд решил дело в пользу моего клиента, и он воспрял духом. Никто мне не сделал каких-либо замечаний и не посоветовал быть поскромнее, оппонируя заметно старшему по возрасту коллеге. Правда, потерпевший фиаско истец напомнил мне о моей национальной принадлежности, когда мы с Юрой, выйдя из суда, садились в машину. По дороге мы вспоминали рассказ Зощенко, в котором один мужчина, прослушав в суде речь прокурора, говорит, что сурово засудят, а другой возражает: «Шесть месяцев исправительно-трудовых работ». После речи адвоката голос: «Оправдают!» Нет, – шесть месяцев исправительно-трудовых работ. Суд так и приговаривает, соседи удивляются точному прогнозу, а герой говорит, что все очень просто – статья кодекса предусматривает именно шесть месяцев.

Мой клиент радовался, благодарил, рассказывал о своей жизни, о работе и вскользь пожаловался на то, что иногда недомогает, потому что в цехе, где он работает, случается, выбивают манометры и ртуть попадает на бетонный пол. Убирать ее начисто очень трудно, а пары ртути ядовиты. Я, имея некоторый опыт, посоветовал ему обратиться за медицинским заключением, и помог подготовить иск о причинении вреда. Он согласился, все было сделано, иск удовлетворен и он получил существенное материальное возмещение. Мы расстались довольные друг другом.

Прошло два года, и мой клиент, неожиданно позвонив мне по телефону, попросил помочь его дочери, окончившей школу, поступить в какой-то институт. Пришлось мне его огорчить, что в данном случае закон не помогает, а адвокат обязан закон любить…

Молчание – золото

Владимир Евгеньевич, бессменный секретарь парторганизации физкультурного издательства неспешно читал брошюрку в тоненькой красной обложке – изложение доклада Хрущева на XX съезде партии. Брошюрка была под номером, ее надлежало возвратить в райком партии. Однако несколько позже, я слышал, такие брошюры продавали на толкучках из под полы за весьма приличную цену. Шло закрытое партийное собрание.

Поместительный кабинет директора был заполнен до отказа. Все слушали внимательно. Чтение директивного документа напоминало проповедь. В тот вечер проповедь оказалась интересной и из ряда вон выходящей. Докладчик читал текст внятно, бесстрастно и долго. Он как-то странно заканчивал слова со звуком «я» на конце. Получалось партие, а не партия. Он был поджарым, довольно стройным. Видавший виды офицерский китель без погон украшала планка орденских ленточек. Сотрудники его уважали. Владимир Евгеньевич отличался незаурядной выдержкой, был доброжелателен и любил животных. Дома он держал не только собаку и кошку, но и другую живность. А по работе редактировал охотничью литературу и знал свое дело не понаслышке. (Как-то любопытно, почему некоторые охотники, любя животных, находят радость в смертоубийстве). В целом Владимир Евгеньевич производил благоприятное впечатление.

Мне, увы, был известен один эпизод, довольно неприятный. Однажды в 1937 году, работая редактором шахматного журнала, он написал передовую статью под заголовком «Раздавим гадину!». И подписал ее своей фамилией, хотя передовые статьи, как правило, не подписывают. Такое вышло у него колебание вместе с генеральной линией партии.

Закончилось чтение и следовало перейти к выступлениям по поводу разоблачения культа личности. Возникла пауза. Все, вероятно, понимали, что настало такое время, о котором можно сказать словами поэта: устои рушатся в провалы.

Мне, да и, пожалуй, большинству выступать не хотелось. Я пытался понять, как это Хрущев, который был первым секретарем горкома партии в Москве в 1937 году, да еще тогда же был награжден орденом Ленина, как и нарком Ежов, вдруг выступил с такими обвинениями покойного вождя.

Слово взял Алексей Алексеевич редактор одного журнала. Неизменно корректный, аккуратно одетый и гладко причесанный, он всей внешностью свидетельствовал безупречность своей персоны. Хотя в прошлом был на партсобрании случай, когда обсуждали его небезупречные действия. Случилось однажды, что он выписал на себя слишком большую часть гонорара, отказав другим авторам в возможности публикации.

Тогда Алексей Алексеевич оказался на высоте. Он с достоинством признал свои ошибки, выразил глубокое сожаление и дал искренние обещания. И все это обтекаемо, спокойно. И сейчас Алексей Алексеевич был спокоен, как всегда.

Кроме сотрудников издательства, в нашей организации состояло четверо прикрепленных. Две дамы приятной наружности – адмиральша и писательская жена. Они не служили,

на собраниях скромно помалкивали. И еще два пенсионера.

Молчал персональный пенсионер, бывший очень ответственный работник. Он приходил на все собрания. Отличный костюм, чисто выбрит и даже слегка надушен. Джентльмен, одним словом. Он всегда проявлял интерес к издательским делам и, похоже, в отличие от издательских сотрудников, получал от участия в собрании удовольствие и домой не спешил. Не раз, когда предлагали прекратить прения, он приятным басом нараспев возражал: «Нет, нет! Это очень интересно».

Другой прикрепленный, отставной майор-политработник, выступал на собраниях регулярно и всегда говорил о том, что не надо лить воду на мельницу наших врагов. На этот раз он просто лил воду, но не на вражескую, конечно, мельницу.

В нашей организации был лишь один представитель класса гегемона – кладовщик Василий Смарагдович. Правда, я не уверен, что кладовщик это рабочий, а не служащий. Он был офицером невысокого звания в отставке, скромным товарищем, В свободное время от хранения, учета и прочих служебных обязанностей он охотно чинил за скромную плату радиоприемники, часы, бытовые электроприборы сотрудников. Василий Смарагдович не стал витать в эмпиреях. Он просто обратил внимание товарищей на то, что надо платить авторские гонорары не только москвичам, но и тем, кто живет на периферии. Он, вероятно, был уверен, что авторские гонорары это просто халява. (Термин содержательный, хотя и жаргонный).

Мои товарищи, приобретенные за годы совместной работы в издательстве, помалкивали. Надобно отметить, что по части молчанки ведущая и направляющая проводила регулярную и небезуспешную педагогическую работу. Правда, анекдоты все равно рассказывали. Например: что такое уцененный анекдот? Это такой анекдот, за который раньше сажали на десять лет, а теперь на пять. А как надо вести себя на собраниях, пример однажды подал сам товарищ Сталин. На XIX партсъезде он сидел в президиуме рядышком с Мао Цзэдуном. Все на них смотрели, а они молчали. Один по-китайски, другой по-русски.

Молчала Татьяна Николаевна, Таня, очень миловидная и приятно грассирующая женщина. Неагрессивная, хотя была настоящей героиней. Девочкой она добровольно пошла на фронт, стала летчицей, и сотни раз совершала ночные боевые вылеты на так называемом «кукурузнике» – маленьком тихоходном самолетике. Осталась жива, хотя многие ее подруги погибли. Они были легендарными летчицами, немцы называли их ночными ведьмами. Таня была награждена многими боевыми орденами, но

никогда не надевала даже планки с орденскими ленточками.

Мой ровесник Борька тоже уцелел на фронте, был награжден солдатским орденом Славы, демобилизовавшись, изучал в институте восточные языки и французский. Думал, что пошлют на романтический невидимый фронт. Однако предложили должность учителя французского языка, похвалив за отличные успехи по этому предмету. Тогда Борька не смолчал. Пошутил, что у него первый разряд по баскетболу, может быть, лучше направить учителем физкультуры? Случилось же, что стал корректором в физкультурном издательстве. Не пропал – позднее перевели литературным сотрудником в шахматный журнал, хотя к шахматам отношения не имел. Быть может, начальство решило, что национальность подходит. В журнале освоился, писал очерки о шахматистах, научился профессионально фотографировать. Отдав дань прошлому, написал повесть о баскетболистах и не горевал, что не приняли в Орден рыцарей плаща и кинжала.

Саше, напротив, французский язык очень даже пригодился. Он детские годы жил за рубежом и знал язык в совершенстве. Спортивное начальство ценило блестящего переводчика, Он часто сопровождал начальство в зарубежных поездках. К тому же Саша был веселым и общительным, но, естественно, не на партсобрании. Так что мое поколение безмолвствовало.

Однако Давид Григорьевич, старый издательский работник, неожиданно попытался взорвать обстановку. В годы расцвета борьбы с космополитизмом его посадили, а реабилитировали после смерти Сталина. И вот Давид Григорьевич рассказал, что его сначала посадили, а задним числом разоблачили на партсобрании. Тогдашний секретарь фальсифицировал в протоколе собрания дату. Вроде бы издательские коммунисты, а некоторые из них сейчас присутствуют, оказались бдительнее чекистов и помогли им. Сегодня они могли бы это подтвердить, сказал Давид Григорьевич. А бывший секретарь, совершивший подлый подлог, пошел на повышение и сейчас работает в Главке, сказал он. Никто из старых сотрудников Давида Григорьевича подтверждать его слов не стал. Председатель собрания объявил перерыв. Все вышли в коридор. Я подошел к Давиду Григорьевичу и спросил, стоило ли выступать, хотя ясно было, что это глас вопиющего в пустыне? Давид Григорьевич ответил мне эмоционально: «Мальчик! Я пять лет в лагере ждал этого партсобрания, мечтал о нем, и мечта сбылась!».

Писатель и бард Александр Галич, когда-то пел о молчальниках, которые вышли в начальники: «А молчальники вышли в начальники / Потому что молчание золото». В наши дни оказалось, что в начальники и элиту вышли демагоги. Вероятно,

молчаливость полезное, но недостаточное условие для продвижения в начальники.

История страны шла своим чередом. Дружное одобрение морально-политического единства партии и народа сменилось борьбой с культом личности, затем с волюнтаризмом. Потом наступил застой и, наконец, грянули изменения.

Древние греки говорили, что все течет, все изменяется. Однако давно, когда меня принимали в октябрята, мне вручили суконную бордовую звездочку с металлическим значком в центре. На значке был изображен Вовочка. Знаете наверно: «Когда был Ленин маленький / С кудрявой головой…»? Я вспомнил об этом, увидев по телевизору красивую цветную детскую книжку-картинку. На обложке улыбался другой Вовочка, он тоже был маленьким. Стало быть, не все изменяется. Кое-что остается.

Был товарищем

Давным-давно я сидел на профсоюзном собрании юридической консультации в Риге. Принимали в члены профсоюза очень старого адвоката по фамилии Зиемелис. Он должен был рассказать свою биографию и начал так: «Я родился так давно, что забыл, когда это было». Обнаружил чувство юмора и, вероятно, неуважение к общественным институтам великого государства, в котором он оказался вместе со своей Латвией.

Я тоже не помню, когда родился, но, конечно, знаю. Зато помню, как папа держал меня на ручках, и мы смотрели в большое, так называемое итальянское, окно на улицу. Зима, трескучий мороз, поток людей шел по Большой Никитской в сторону Красной площади. Мы хотели увидеть маму. Она пошла на прощание с Лениным, проявляя высокую гражданскую сознательность, хотя готовилась вскоре родить мою сестричку. Отец воздержался. Как я это запомнил? Не знаю, но думаю, что очень просто. Стало быть, такая память.

Потом я рос, развивался, учился, работал и женился в эпоху руководства страной гениальным другом всех народов, детей и даже физкультурников. Повзрослев, я некоторое время помогал преступникам попасть на скамью подсудимых, а через несколько лет защищал преступников в суде.

Вождь ушел в лучший мир, и настала эпоха «Кузькина мать», как однажды остроумно выразился новый вождь. Я сменил

профессию и стал стараться обеспечивать победы наших шахматистов над представителями других стран, в первую очередь, капиталистических. Необходимо было доказывать превосходство нашей общественной формации над устаревшей, постепенно сходящей с исторической сцены. Временами отвлекался на писание недлинных сочинений, которые один очень ответственный товарищ – руководитель спорта в стране – критически назвал «Байки Бейлина». Мне показалось, что это была рекомендация: занимайся своими служебными обязанностями и не отвлекайся!

Настала эпоха «сиськи-масиськи» и «сосиски сраны». Шли годы, и я дослужился до персональной пенсии. Вскоре началась перестройка с ускорением, строительство коммунизма приостановили, персональных пенсионеров демократично уравняли с простыми смертными. Немного погодя решили восстановить эту бывшую несправедливость. Ведь хотя все равны, но все-таки некоторые равнее, и нашлись новые люди, достойные привилегий.

Для меня персональная пенсия имела главное преимущество: разрешала работать, получая в известных пределах зарплату. Однако природа делала свое, и выяснилось, что работать мне уже поздно. Вышло, что ничего я не потерял.

Я не слишком огорчился, что не смогу принять деятельного участия в перестройке, потому что жизненный опыт привел меня к мысли, что кто не сумел построить, тот уж наверняка не сумеет перестроить.

Закипела титаническая работа, начали ломать, хотеть, чтобы было лучше и получалось как всегда.

Классик проникновенно сказал: «Как хороши, как свежи были розы…». Не так уж хороши, но я тогда был гораздо моложе, хотя и поглупее. И неожиданно стал господином, а не каким-то товарищем.

Дыхание Чейн-Стокса

Государственный голос Юрия Левитана, голос, вещавший о победах и вечной славе героям, отдавших жизнь за свободу и независимость нашей Родины, голос, который нравился почти всем, пророкотал, что у вождя народов появилось дыхание Чейн-Стокса.

Справедливости ради замечу, что я слышал от сестры об одном студенте философского факультета, которому этот голос решительно не нравился. «Похож на голос торжествующего осла», – говорил он. Этот студент плохо кончил.

Моя теща, опытный врач-невропатолог, кратко пояснила, что такое дыхание Чейн-Стокса. Выходило, что дело табак. И все же, когда прозвучала по радио последняя медицинская информация, я взволновался и немедленно поехал на работу, в юридическую консультацию. Она находилась как раз напротив Октябрьского зала Дома Союзов. В консультации собралось немало адвокатов. Такой день… По обычным дням бывало много меньше. Дежурные, да те, что назначили встречи клиентам.

На улице было людно. Стояла цепь милиционеров. Мы решили пройти в Колонный зал. Вперед пошли наши девушки. Милиционеры не устояли перед их улыбками и пропустили всю группу.

(Отвлекусь: тогда милиционеры были немного другими. Однажды, после того как мы в консультации отметили праздник, в моей машине «Победе», кроме меня оказалось еще шесть человек. Милиционер остановил, пожурил и посмеялся).

Гроб на каком-то постаменте стоял не горизонтально, а наклонно. Головная часть приподнята. Кто-то сказал, что это грузинский обычай. Не знаю. Траурная музыка и много-много цветов. Запах валерьянки. И какая-то неприбранность помещения. Мы прошли мимо гроба и покинули Колонный зал через главный вход. Вышли в Охотный ряд, и я заметил двух мужчин. По их одежде, по аккуратным траурным атласным повязкам на рукавах было видно, что они не рядовые граждане, а, как теперь говорят, из элиты. Их ухоженные лица выглядели озабоченными, но скорби я не заметил.

– Может быть, кое-кто даже доволен, – подумалось мне. Не так давно я слышал, что Сталин снял с должности заместителя генерального прокурора Мокичева. Бывшего директора нашего института. Будто бы он неправильно оценил так называемое мингрельское дело. Партбилет отобрали, но не посадили. Стал профессор работать скромным юрисконсультом в системе, где главным юристом был его бывший студент, мой товарищ. Мокичева вскоре после смерти Сталина в партии восстановили. Так что моя догадка была близка к истине.

Мой тесть, ученый, имевший к тому же немалый политический опыт, беспартийный, был встревожен и опечален.

Через несколько дней я прочитал в «Литературной газете» слова знаменитого Константина Симонова. Он написал, что в ближайшие пятьдесят лет задача советской литературы –

создавать образ великого Вождя. Быть может, десятки орденов и премий привели его к такому выводу? Бытие все-таки определяет сознание.

Утром того достопамятного дня не приходило в голову, что будет жуткая Ходынка, что раздавят насмерть сотни людей. Да как же ей было не случиться, этой страшной тризне?! Позже говорили, что Колонный зал в сутки мог пропустить не более полутора сотен тысяч человек, а двинулось в несколько раз больше. Не заметно было мудрости направляющей и куда-то ведущей партии.

Один мой знакомый отбывал в то время срок в лагере. Он получил по решению так называемого особого совещания пять лет. Вскоре после смерти Сталина его освободили по амнистии. Рассказал, что заключенные реагировали спокойнее, чем свободные. Кое-кто говорил: «Умер Максим, ну и х… с ним».

Окончилась странная эпоха. Началась другая…

Расставание с Фемидой

В Московскую городскую коллегию адвокатов было нелегко попасть. Редко кто оставлял ее добровольно. Однако почти через семь лет я попросил освободить меня от обязанностей адвоката, хотя работал в престижной юридической консультации, в окружении интересных коллег. Для такого решения были две причины.

Мне предложили занять открывшуюся должность старшего редактора шахматной литературы в издательстве «Физкультура и спорт». А шахматами я занимался серьезно еще до того, как выбрал профессию юриста. Обычаи работы адвокатуры не укладывались в рамки советского закона. В юридическую консультацию клиент вносил установленный официально гонорар за ведение дела, его размер не учитывал квалификации адвоката. Половина этого скромного гонорара уходила на сборы в пользу коллегии и налоги. Поэтому укоренилась практика – клиент платил адвокату дополнительно, напрямую, так называемый микст. Изредка случались «короткие замыкания».

Адвокат получал выговор или его исключали из коллегии. Иногда попадал под суд. Получение «микста» иногда старались квалифицировать как взятку, хотя адвокат не должностное лицо и поэтому не может быть субъектом данного преступления.

Воспитательная политика едва ли приносила желаемые результаты. Однако мне и другим обеспечивала психологический дискомфорт.

В те годы был такой анекдот: армянское радио спрашивают: «Должен ли коммунист платить налоги с взяток?». Радио отвечает: «Хороший коммунист должен». Самочувствие моей супруги и близких, получавших зарплату без всякого микста, было получше моего. Поэтому они одобрили мое решение перейти на работу в государственное издательство. И в конце 1954 года я решил расстаться с богиней правосудия Фемидой.

Один мой коллега, многоопытный и востребованный клиентами адвокат, побеседовал со мной, сделав попытку направить на путь истинный.

Михаил Александрович выделялся высоким ростом, мощным сложением, деловитостью и очень уравновешенным характером. Он не тратил времени попусту, но иногда общался со мной, рассказывал интересные эпизоды из своей практики. Эпизоды по сути страшные, но по форме смешные.

В годы интенсивных репрессий он однажды защищал рабочего, бесплатно, по существующему закону.

Рабочий трудился на землечерпалке, на таком, с позволения сказать, кораблике, единственным членом экипажа. Друзья дали ему прозвище – директор.

Обвиняли его в контрреволюционной агитации. Между тем, он, вероятно, до ареста не знал таких слов вообще.

На суде он при всяком случае твердил: «Граждане судьи, я не директор». До суда адвокат пытался объяснить ему, что его обвиняют не в директорстве, но безуспешно. У работяги на этот счет было свое мнение. Знал, что директоров сажают. В последнем слове он в последний раз сказал: «Я не директор». Его оправдали. Редкий, конечно, случай, но бывало. Когда приговор огласили и спросили, понятен ли он ему, он подтвердил и, повернувшись к адвокату, сказал: «Я же вам говорил, что я не директор».

Другой эпизод был посерьезнее. Михаил Александрович направился в подмосковный город на выездной процесс военного трибунала. Ехал вместе с членом трибунала, которому предстояло быть председателем суда. Их разместили вместе, в один гостиничный номер. Такие существовали простые нравы. Среди ночи член трибунала вскочил и разбудил Михаила Александровича.

«Я знаю, – ты член разветвленного контрреволюционного подполья!» – сказал он. Михаил Александрович молниеносно нашел спасительный ход. «Знаешь, я не буду запираться! Я скажу,

что возглавляешь это подполье ты!». К трибунальцу вернулось сознание, и он дал задний ход: «Нельзя такое говорить, даже в шутку!».

Голыми руками Михаила Александровича было не взять. Однажды молодой чиновник из органов юстиции затеял проверку регистрационных карточек клиентов Михаила Александровича. Вызывал их для беседы. Искал материал для шантажа. Сделал он это по наводке коллеги, шустрой адвокатессы, пожелавшей, вероятно, уравнять свой доход с доходом видного адвоката. Дело кончилось плохо, не для адвоката, а для предприимчивой парочки.

Михаил Александрович был здравомыслящим человеком. Он как-то рассказал, что в сорок лет у него случился инфаркт. До этого вел образ жизни, включающий ночной преферанс, коньяк и так далее. А после инфаркта резко изменил режим и бросил курить. «По-другому себя почувствовал, память лучше стала, даже голос улучшился. Это для адвоката тоже важно», – рассказал он.

И этот серьезный, внушающий доверие человек попытался мне объяснить, что я делаю большую ошибку. Он говорил, что, по сравнению с другими профессиями, адвокатская в наше время сказочная. Не надо ежедневно от и до ходить на работу, на обеденные перерывы. Адвокат в большой степени хозяин своего времени. Завоевывая признание, он сам определяет содержание своей работы, берет наиболее интересные дела. Он полагал, что у меня неплохое будущее.

Я не считаю себя упрямым человеком. Однако помню несколько эпизодов в своей жизни, когда я проявлял жестоковыйность. (Слово, понравившееся мне в Библии.) И я перестал служить Фемиде, как оказалось, навсегда. Жалею ли я об этом? Из шахматной практики я усвоил, что если вы обдумываете очередной ход, не надо думать о ходах, которые вы сделали раньше. Не надо искать ошибки в прошлом. И не надо огорчаться.

Скептик

Николай был активным комсомольцем в небольшом городке Горьковской области. Высокий, крепкий, он увлекался физической культурой. Аккуратный от природы, стал знатоком орфографии и синтаксиса, школьным учителем. По

комсомольской путевке – чекистом. В зените – капитаном государственной безопасности. При крутом повороте истории страны вылетел из органов без пенсии. На эту тему распространяться избегал, но однажды сказал, что его обвинили в допросах по ночам, хотя это явление не было исключением. Получил должность редактора в издательстве. От авторов требовал грамотности и четкости. С сотрудниками общался приветливо, любил юмор. Имел некоторые хобби. Профессионально фотографировал, методично собирал коллекцию авторучек. Внимательно следил за развитием бытовой техники. Пройдох и взяточников недолюбливал. Науке доверял с оговорками. Не только медицинской науке, которой не доверяют многие, а разбираются почти все. Как-то я обсуждал с ним одно древнейшее событие по материалам популярного журнала «Наука и жизнь». Неожиданно Николай вышел из круга привычных аксиом: «Да все это туман! Ты что думаешь, это на самом деле было двадцать тысяч лет тому назад? Наверняка раньше на земле были более высокие цивилизации, чем нынешняя».

Я что-то стал лепетать про калий-аргоновый метод, позволяющий определять возраст предметов, но сразу почувствовал, что слова мои отскакивают.

Трудно было заподозрить Николая в жестокости, но однажды он сказал: «Были в 1937 году и полезные действия. Уголовный розыск в Москве хорошо знал профессиональных преступников. Это был целый мирок. Когда социально-вредный элемент расстреляли, исчезла профессиональная преступность».

Одна из главных задач у него была сохранение здоровья, хотя ничем не страдал. Спиртное употреблял очень умеренно.

Искренне ждал шестидесятилетия, чтобы немедля уйти на пенсию. Спокойно фотографировать, коллекционировать, беречь здоровье.

Странгуляционная борозда

Николай Николаевич, новый заведующий редакцией, попал в наше издательство после неприятнейшей истории, случившейся с ним под пьяную руку. Это был сильный мужчина выше среднего роста. На пятом десятке не забывал, что в юности занимался боксом. Держался авантажно, но не перебирал. В ресторане, в курительной, какой-то пижон оскорбил его и получил по

физиономии. В дело вступили два милиционера и оба несколько пострадали. Милиционеры простили, однако из номенклатуры Николая Николаевича вычеркнули. Понизили до заведующего редакцией. А был заместителем директора более важного издательства. Он глубоко переживал, но на аппетите и любви к юмору это не отражалось. Он подозревал, что в организации злоключений замешен был один «приятель», которому всегда помогал.

Он был общителен, открыт. Как-то он сказал мне: «В век расцвета кибернетики будет приятно знакомиться. Сразу спросишь у человека его индекс, сопоставишь со своим и прогноз немедленно известен. Если неблагоприятный – извинился и откланялся».

Однажды Николай с иронией признался, что уже с год как им овладела, несомненно, шизофреническая идея: проявить мужскую активность ко всем приятельницам, с которыми в прошлые годы были платонические отношения. Потом стал страдать от сложностей в семье. Беспокоился о здоровье жены-сердечницы. Из памяти не уходила первая жена, повесившаяся после ссоры. Болезнь Николая развивалась. Он ругал себя. Лечение давало скромные результаты. Он возвращался из «санатория», каждый раз теряя частицу блеска и все при этом понимая. Жаловался, что стало трудно вставать, одеваться, выходить из дома. Неприятно, как погружаться в холодную воду. Но он все еще приходил на работу в отутюженном костюме, подтянутый. Все еще силился улыбаться, но, как мне показалось, избегал разговоров. Я думал, что навязываться с разговорами невежливо. Наверно, ошибался.

В последний день его работы в издательстве было партийное собрание. Николай уходил на пенсию по состоянию здоровья, собирался заниматься литературной работой дома. В этот день он был задумчив и молчалив.

Собрание затянулось, председатель долго не делал перерыва, Николай, как другие, вышел покурить. Через некоторое время с нижнего этажа прибежали: Николай повесился в уборной. Многие кинулись вниз. Он лежал на лестничной площадке, мертвый. Еще пытались восстановить дыхание. Без успеха. Появились сотрудники милиции.

На другой день мы обсуждали, как будем хоронить. Директор издательства назидательно сказал: «Вообще самоубийство у нас не поощряется». И напирал при этом, по своему обыкновению, на букву «О».

Двоюродный брат Николая, человек с высоким положением, помог в организации похорон. Но сам не пришел, уехал в командировку. На лентах венка ничего не написали. Николая

вынесли из морга в открытом гробу. Противно пахнущие осенние цветы, озабоченные чем-то служащие морга. Голова Николая немного повернутая вбок. Шея как была в петле от его поясного ремня, так и окоченела. Белый воротничок едва прикрывал темную борозду на шее. Странгуляционную, как ее называют судебные медики. На его лице я не увидел покоя. Тяжесть и обида до последнего мига жизни.

Впервые я увидел странгуляционные борозды на фотографиях. На первом курсе мы занимались французским языком в кабинете криминалистики. Преподавательница называла мою фамилию по правилам французского произношения. Получалось смешно. Рядом со мной сидела симпатичная девочка. Я оказывал ей внимание, скребя на уроке кончиком пера по стеклу очков. Ее от этого коробило, но до ябедничества она не унижалась. Француженка удивлялась ее вынужденным гримаскам, а я тихо радовался. А на стенах вокруг висели фотографии, казавшиеся нереальными. Повесившиеся в различных позах. Странгуляционные борозды.

Жила-была девочка

Жила-была девочка

Девочка была единственным ребенком у своих родителей. Одна ее бабушка имела пятерых детей, другая – четверых. Такие были обычаи и нравы до революции. Но девочка родилась после революции, в другую эпоху. Когда состоялась советская власть плюс электрификация всей страны. Быть может, из-за власти, а может быть благодаря электрификации, но рожать стали заметно меньше.

Елена

Папа с мамой очень любили единственную доченьку, кормили ее, одевали, делали все то, что делают любящие родители. И она старалась вести себя хорошо, слушаться, учиться

изо всех сил, старалась радовать своих родителей за пятерых. Окончила школу, затем институт и аспирантуру, вышла замуж и родила своего единственного, когда в ее возрасте бабушки имели уже целую стайку ребятишек.

Было море счастья, радостных забот и тревог… Радость и доброта переполняли ее душу и изливались не только на сыночка, но и понемножку на всех окружающих. Сотрудники на работе даже наградили ее ласковым прозвищем – херувим.

Сын исправно рос, учился и со временем стал совсем взрослым. Женился и перестал нуждаться в маминых заботах. И тут, ставшая бабушкой, бывшая девочка обрушила всю нерастраченную энергию, которой ее наградила природа для любви и заботы о детях, на супруга, на деда. Регулярно стала таскать его по врачам, делать электрокардиограммы, анализы, заставляла глотать пилюли, сидеть на строгой диете, словно поставила перед собой задачу – не дать деду умереть вообще. Дед привычно подчинялся, понимал, что все неудобства надо терпеть, что все это быть может на пользу… Однако иногда выдержки не хватало и, как большинство пациентов, вел себя неадекватно, как говорят интеллигентные люди. А если сказать попроще, то немного хамил. Бабушка не зря давала когда-то клятву Гиппократа и, стараясь не навредить пациенту, многое не замечала, однако неуклонно вела свою линию.

Что побудило бабушку постоянно жертвовать своими силами, временем, нервами ради деда? Подозреваю, что виновата генетика. Та самая лженаука, родная сестра продажной девки империализма – кибернетики.

Трудно, конечно, не дать деду помереть никогда. Задачка не легче чем построить коммунизм. Однако промежуточные результаты серьезны. Дед скрипит девятый десяток и продолжает получать от жизни некоторое удовольствие. Несмотря на пилюли и диеты.

Государственная дисциплина

Директор сидел за дубовым письменным столом, крепким, фундаментальным и без затей. Лицо его было открытым, взгляд приветливым. Казалось, что Владимир Дмитриевич, так звали его, по натуре должен быть простым и надежным. Это подтверждали некоторые события недавнего прошлого. Он потрудился на

научном поприще на просторах Родины, очень своевременно выступил против модных, но дурных опытов одного профессора, верного последователя лысенковской биологии. Выступил в пору, когда это выглядело очень опасным, и, завоевав в медицинских научных кругах несомненный авторитет, пошел в гору, возглавив столичный научно-исследовательский институт.

Я явился пред директорские очи по просьбе жены. Она работала в этом институте. Забегая вперед, скажу – от аспирантуры и до пенсии. Сама постеснялась пойти к директору с просьбой. Попросила меня.

С первым и единственным

Недолгий декретный отпуск в связи с рождением ребенка заканчивался. Хотелось иметь дополнительный отпуск без сохранения зарплаты, так как первый, и он же единственный наш наследник был слабоват. Обычная проблема матери и ребенка.

Жена послала на переговоры меня, аргументируя это моей адвокатской профессией.

Сын родился в июне 1953 года, когда вождь всех народов уже покинул грешную землю.

А незадолго до этой утраты директор уволил из института подругу моей жены, тоже научную сотрудницу. Они раньше вместе учились в институте. Уволил по сокращению штатов, хотя это было предлогом. А причиной, как считали многие, были некоторые совпадения. Вождя не стало, но «дело врачей» жило. Среди «убийц в белых халатах» случайно оказалось большинство

лиц нехорошей национальности. У подруги моей жены как раз совпали со злодеями некоторые признаки: белый халат и национальность. Директор не стал ждать естественного развития событий и приступил к сокращению штатов.

Подруга желала продолжать свою работу именно в этом институте, нуждалась в заработной плате и пыталась восстановить свои права. Она советовалась со мной, мы писали петиции. Советы она выслушивала внимательно, но действовала, как говорится, наоборот. Я не обижался, так как из практики успел сделать вывод, что чем выше образование клиента, тем меньше он склонен доверять адвокату. Кандидат наук или доктор это вам не слесарь и не рыбак, к примеру.

Семья

Владимир Дмитриевич внимательно меня выслушал. Я коротко остановился на младенческих проблемах, акцентировал внимание на том, что жена трудолюбива, старательна, да еще и науку любит. Директор подтвердил, что это ему известно. Быть может, напрасно я не привел один серьезный аргумент. Увы, постеснялся. В научной деятельности моей жены случился любопытный эпизод. В один прекрасный день мы зарегистрировали брак, вечером взамен свадьбы состоялся торжественный ужин вместе с нашими родителями. А на утро она, схватив портфельчик, помчалась на работу, хотя имела право на три свободных дня.

Директор выразил сожаление, что он не вправе нарушать государственную дисциплину и в просьбе отказал.

Жена вышла из декретного отпуска на работу, вливая свои усилия в могучий поток трудового народа.

Подругу моей жены директор на работе не восстановил, хотя «дело врачей» прекратили и даже осудили. Он так и не смог признать, что сокращения штатов не было. Просто события совпали. Однако ее принял на работу другой директор института, ничуть не хуже того, из которого выгнали. Да еще решил ее жилищный вопрос. Она трудилась очень успешно, была отмечена высокими научными степенями и второго своего места работы не покинула.

Между прочим, мне кажется, что трудовое постоянство чаще случается у женщин.

Младенец окреп, с отличием окончил университет и так далее. А директор, почитатель государственной и трудовой дисциплины, методично продолжал свое восхождение: стал академиком, президентом и прочая, прочая, прочая… У него была одна очень даже красивая научная сотрудница. Говорили, что любовница. Правильный был человек.

В мире все изменяется, непременно изменяется к лучшему. Так считал Панглос, один из героев вольтеровского «Кандида».

Рифма и смысл

Малыши любят стихи. Они их радуют. Когда-то даже учебники арифметики писали в стихах. Мой малыш, вскоре после того, как научился ходить, но до того, как его заинтересовали почтовые марки, сделал для себя открытие. Он обнаружил, что в стихах есть рифмы и есть смысл. Стихи ему читали по книжкам-картинкам папа и мама, дедушки и бабушки и целый ряд представителей славного прошлого, которые имели формальное или кровнородственное право называться дядями и тетями. Но ему этого казалось мало. И он, как малышу положено, пытался сочинять сам. Скажет несколько слов, подумает и делает вывод: «Рифма есть, а смысла нет». Снова несколько слов и другое: «Смысл есть, а рифмы нет»…

В раздумии глубоком...

Мне показалась любопытной его неприязнь к формализму. Смысл, видите ли, ему нужен! Еще я заметил стремление к анализу и отнес это на счет научной мамы. Унаследовал, видно.

Однажды в субботу вечером, когда я отдыхал, и мысли мои гуляли сами по себе, мне вспомнился стишок, который я давным-давно прочитал в энциклопедии. Он иллюстрировал объяснение слова каламбур. Вот он, без ручательства за точность, так как я читал его очень давно, и за это время многое изменилось. Мог измениться и стишок

Царство рифм моя стихия
И легко пишу стихи я
Даже к финским скалам бурым
Обращаюсь с каламбуром.

Вспомнил, и вдруг мой досужий ум, склонный рассчитывать варианты, подсказал: «Даже к финским скалам бурым / Выхожу я с калом бурым».

В чем же смысл жизни? А кто его знает…

Про высокие, про материи

Когда мой сын был совсем маленьким, я попытался научить его считать. Показав ему палец, я спросил – сколько? Он ответил – один. Потом два, потом три. Тогда я загнул большой палец и, повернув к себе ладонь, показал четыре. Он внимательно оглядел пальцы, зачем-то осмотрел ладонь и заключил осмотр: «Ну-у, это много…»

Позже он освоил счет и как-то спросил, сколько мне лет. Я сказал – тридцать шесть. Юный хомо сапиенс рассмеялся. По-видимому, решил, что папочка шутит, такой возраст невероятен.

Позже ребенок как-то незаметно полюбил математику. Стал ходить на математические конкурсы для школьников, поступил в заочную математическую школу, достиг там приглашения перейти в очную. Пока мы с мамой решали, как быть, сын, забрал свои документы из «элитной» английской школы, куда был принят после значительных родительских усилий, правда, обошлось без взяток, не вступивших тогда еще в моду, и перешел в очную математическую. Любопытно, что среди документов, полученных в «английской» школе оказалось несколько грамот математических олимпиад. Их послали раньше в школу, а там ему не вручили, а послали в школу. Не знаю уж по каким педагогическим соображениям дирекция этой самой «элитной», известной в Москве школы на Вспольном переулке воздержалась от вручения грамот своему ученику. Однако ее нельзя упрекнуть в полном невнимании к деталям биографии сына. Особо была подчеркнута национальность и фамилия папаши.

Крым. Коктебель

(Пользуясь случаем, замечу, что если я слишком часто касаюсь национального момента, то это исключительно потому, что о нем добрые люди слишком часто напоминают. Без этой причины не было бы и следствия.)

Итак, «англоязычная» школа рассталась со своим учеником без сожаления, а он к ней, да и вообще к гуманитарным наукам большого уважения не питал. Прошло время, и сын обратился ко мне с вопросом: «Папа, я не могу понять, что такое бесконечность». Я, не заботясь о своем авторитете, честно признался, что я тоже не могу.

Однажды я сказал сыну, что негоже иметь «тройку» по истории, надо бы заниматься историей посерьезнее. «А зачем?» – спросил сын. Я, игнорируя остроумный афоризм, о том, что история учит, что она ничему не учит, сказал, что, зная прошлое можно предвидеть будущее. Сын рассмеялся, как мне показалось несколько оскорбительно.

Так он и не стал любителем газет, публицистики и так далее. Быть может в этом великая сермяжная правда, как выражался Васисуалий Лоханкин.

Бабушкин внучек

Среди своих близких родственников бабушка явно выделяла внука Витюшу. Он ее тоже любил, хотя вряд ли уважал. Во всяком случае, я наблюдал занятный момент. Витюшка ел манную кашу, а бабушка старалась ее подсластить. Тогда общественность еще не доросла до мысли, что сахар – это белая смерть. И вот бабушка, намереваясь подсыпать сахарный песок, по рассеянности подсыпала из кулька сырую манку. Витушка, заметив ошибку, проявил великодушие. Ухмылялся, посматривал на меня, помалкивал и ел.

Когда он подрос и начал тайком покуривать, бабушка отказалась принимать на веру самые неопровержимые доказательства. Жизнь показала, что бабушка была дальновидной. Коротко говоря, любимый внучек преуспел в науках и стал резво подниматься по академической лестнице.

Не удовольствовавшись докторской степенью в молодом возрасте, он стал, в конце концов, важным академиком. Еще в те годы, когда академий было совсем мало и никому в голову не приходило, что настанет время и академии начнут появляться, как грибы после дождя (включая поганки).

Сердце Витюшки оказалось открытием для всех близких родственников. Он не унаследовал строгой избирательности своей бабушки. И еще он испытывал большое уважение и симпатию к своим учителям и старшим товарищам. Качество не только достойное, но и весьма полезное для восхождения наверх.

Елена и Виктор Кабановы

Прошло время, и Виктор женился по любви и родил сына. Вероятно, бабушка, доживи она до этих дней, одарила бы своей любовью и правнука. Мальчонка рос сообразительным и занятным. В раннем детстве на популярный вопрос, кем бы он хотел стать, Саша ответил: «Пограничной собакой с револьвером». Тогда в большой моде были пограничники с их удивительными собаками. О том, как они охраняют наш счастливый народ от закордонных шпионов и диверсантов, писали рассказы и снимали фильмы.

За словом Саша в карман не лез. Однажды я столярничал на даче и что-то у меня не ладилось. Заметив, он сказал: «Давай, я буду тебе помогать». Я возмутился: «Чем это ты можешь мне помочь?». Саша хладнокровно ответил: «Советами».

Взгляды с детства Саша имел твердые. В Москве на Бородинской панораме случился пожар, и ходили разные слухи. По древней традиции вычисляли виновных. И вот у нас дома один солидный ученый сказал, что ходят слухи, будто панораму подожгли китайские диверсанты. Братские отношения с китайским народом в тот период дали трещину. Дошкольник Саша, сидя за столом с взрослыми, уверенно сообщил: «Китайцы всегда поджигают панорамы».

Саша преуспевал в учебе не хуже папы. Он не стал пограничником, а стал молодым советским профессором в области естественных наук. Женился, родил дочь, тоже на редкость способную.

Однажды я вспомнил о раннем Сашином желании стать пограничной собакой с револьвером. Я гулял с его Машенькой близ дачи. На безлюдной тропинке мы прошли мимо стоявшего мужчины. Машенька прошептала: «Это бандит». Я удивился и спросил у нее, почему она так думает. «У него в руке револьвер», – ответила Маша. Опять револьвер, подумал я и не стал спорить. Я подумал, что с фантазией у ребенка все в порядке и не стоит ее огорчать.

Машенька училась не хуже своего отца и деда, но предпочла не естественные науки, а вовсе поэзию. В отрочестве писала стихи и их печатали. В Московский университет ее приняли шестнадцати лет. Сделали исключение из правил.

История, в том числе и история науки в нашей стране, шла совсем извилистыми путями. Саша стал уважаемым американским профессором.

Надо отдать должное бабушкиной интуиции. Хотя она и говорила, что у нас все прогнило, но к ее внуку, правнуку и праправнучке это не относилось.

Прекрасный вечер

Бронзово-хрустальная люстра, висевшая до революции в иной квартире под высоким потолком, ярко пылала, нависая прямо над столом, уставленным по всей поверхности свежими и вкусными закусками.

Копченая благородная рыба, икра, ветчина, салаты – все было рекордного для Москвы качества. На стене красовался огромный, не по комнате, портрет Максима Горького – подарок студентов хозяину дома. Горький был изображен молодым, в широкополой мягкой черной шляпе на фоне морского простора с витающим буревестником. На красного дерева пианино, на котором никогда не играли, утвердился белый гипсовый бюст генералиссимуса, размером под стать люстре и Горькому. Одну стену украшали тарелки с Наполеоном и тарелки эпохи Наполеона, на другой стене – фотографии хозяина при исполнении служебных обязанностей, общественных обязанностей, просто портреты, портреты с трубкой. В антикварном книжном шкафу красовалась коллекция трубок, а также здоровенные камни, которые хозяин-профессор извлек в разное время из почек и мочевых пузырей. Один камень был круглый и белый, большой и похожий на гипс, из которого изваяли генералиссимуса, другой – зазубристый, весь острый, чем-то напоминающий боевую палицу.

На затиснутом в угол письменном столе главным действующим лицом была сооруженная из антикварной фаянсовой вазы лампа, увенчанная огромным шелковым абажуром. Большие и дорогие предметы не помешали разместиться за столом множеству людей, родственникам и друзьям хозяина.

Хозяин неутомимо поддерживал застольное веселье. Ему помогали два друга – толстенький генерал-майор и крепкий, с открытым и честным лицом важный прокурор. Сам хозяин начинал свою биографию в учреждении, близком к воинскому и прокурорскому, однако не вынес, перешел на стезю здравоохранения и достиг многого – директорства, высоких званий, почетных должностей. Даже участия в групповой фотографии неподалеку от оригинала бюста. Правда, ко дню торжественного ужина он, пережив страшную угрозу, стал рядовым профессором.

Прокурор неназойливо, но значительно объяснял соседям,

что он уже много лет по утрам обязательно ест борщ с мясом, и это очень хорошо. Генерал-майор, живо помнящий свою комсомольскую юность, запевал по этому поводу: «Щи горячие, с кипяточечком…», хозяин подхватывал, тряся величественной седой шевелюрой, все веселились… Вечер удался на славу.

Когда мы расходились, бабушка моей жены, подтянутая, энергичная и непримиримая, несмотря на восьмой десяток и долгую трудовую жизнь, рано потерявшая мужа и поставившая на ноги четырех дочерей, любившая только близких кровных родственников и ни в коем случае зятьев, сказала:

– Ничего веселого. Отставной директор, отставной генерал, отставной прокурор. Ну что тут веселого?

У нее вообще были твердые взгляды. «Все прогнило!» – говорила она.

Как-то бабушку, проработавшую много десятков лет зубным врачом, спросили, не смогла бы она, несмотря на возраст, вырвать зуб. Она, не задумываясь, ответила: «С удовольствием!».

Отпуск в июле

В лагере никого нет, ни людей, ни собаки. А я сижу на пне, дежурю. Все ушли по грибы. Стоят пять пузатых палаток, пять несуразных матерчатых животных. Пониже, ближе к воде, лежат кверху черными пузами пять байдарок. Они – как длинные и узкие рыбы. Похожи на спящих акул. Еще этажом ниже течет река Молога. Течение малозаметно. Его хорошо замечаешь, когда гребешь против течения. В реку впадает ручей. Он неумолчно бормочет, будто хочет что-то рассказать, но сам не может понять, что. Вода в ручье холодная, чистая и вкусная, а дно илистое. В дно прикопан алюминиевый бидон со сливочным маслом. Ручей – прекрасный холодильник. Бидон привязан за ручку к стеблям куста. Чтобы не вздумал уплыть. Масло в бидоне не простое, а из «бывших» – вологодское. Оно дороже и вкуснее, не портится и напоминает о том, что было время, когда лишь немногие старались постичь диалектический материализм. Когда крышку бидона открываем, на поверхности масла выступают холодные слезинки.

Солнце стоит высоко, но я в густой тени. Удивительно, как от тонких сосновых иголок получается такая густая тень. Ветра нет, и белье висит на веревке между деревьями неподвижно, лениво.

Купальники, трусы и рубашки вниз головой…

Под моими ногами вереск. Сухой и мягкий, без всякой гадости. Сосны и вереск, солнце и река, запах смолы и тень. Июль. Отпуск.

Поют птицы. Однотонно, но музыкально. Быть может, они просто разговаривают. Просто у них вместо разговора пение, как у людей в опере. Одна пичуга объясняет соседке, где найти вкусных червей, другая славит любовь, третья вспоминает курортное зимнее время, которое она провела в Африке, где на солнце подле реки грелись не байдарки, а крокодилы. А вот эта птица несимпатична. Она явно диктует передовую статью. Тук-тук, бум-бум и никакой информации. Птичий гомон удивителен. Он не умолкает, но не мешает, не утомляет.

Туризм — лучший отдых

Нет людей далеко вокруг. Ни деревень, ни хуторов. Москва не так далеко, а здесь простор. Вспоминаются люди – тупые и одаренные. Первые дни отпуска, первые дни разлуки с обществом. Если бы спросили – не соскучился ли? В самый раз было бы рассмеяться басом. Как Мефистофель.

Рыба попряталась на дно. В некоторых рюкзаках лежат лески, крючки. Один смех. При мыслях о рыбе вспомнилась малосольная семга, копченый угорь, осетрина. Синтез миллионов лет удачного естественного отбора, романтического труда рыбаков, тайн

солильно-коптильного искусства и удачи при покупке.

Что по сравнению с этим торты, конфеты? Так, манная каша.

Эти рыбы попадаются в торжественной и душной обстановке, на белых тарелках, когда пахнет табаком, когда вместо птичьего гомона гремит электронная музыка и гогочут живые люди.

Я не спеша спускаюсь с ведрами к ручейку, по воду. Дежурному положено притащить из ручейка по осыпающемуся песчаному обрывчику воду для готовки. Среди спутников есть физики. И когда они вернутся из грибного похода, я скажу, что понял, что такое тяжелая вода. Шутку одобрят, посмеются, хотя родили такую шутку атомные бомбы. Они изготовлены и где-то ждут своего часа. Потаенный страх рождает смех.

Я не спешу. Ныряю в речку, вынырнув, проплываю десяток метров на боку, потом переворачиваюсь на спину. Полежу на воде. Напоследок отфыркаюсь, отплююсь, выжму трусы и причешусь. И лягу на надутый резиновый матрац рядом с пнем. Совсем как первобытный человек.

Потом придут мои спутники и собака. Спутники сплошь ученые люди. Кандидаты наук и некоторые в будущем профессора. Молодыми студентами-аспирантами они, когда собирались по какому-нибудь поводу, с удовольствием распевали «А это был не мой чемодачик» и, разумеется, про бригантину, про то, как она поднимала паруса.

Когда мы с Еленой собирались пожениться, одна из спутниц, ее подруга, сказала: «Но он не из нашего круга!». А когда я пишу эти строчки, позади уже золотая свадьба. Не в кругах, очевидно, дело.

Собаку зовут почему-то Гоби. Она из породы боксеров. Страшна, молода и добра. Никто не называет ее по имени правильно. Кличут Гобкой, фамильярно. А хозяйка иногда зовет его Свинохрюком. Бедняга отзывается, а хозяйка уверена, что у нее вообще талант давать прозвища.

Только мой малолетний сын величает пса «Губернатором». У него рано обнаружилась слабость по грамматике. Губернатор – слово латинское. Хорошо, что в школе нет латыни. Могли бы быть сложности. Зато, в отличие от взрослых у мальчика с Гобкой крепкая мужская дружба. Хотя малец способен, едва проснувшись и не умывшись, сделать Гобке по-дружески подсечку. Но Гобка не обижается. Он все понимает.

Я учил мальчонку плавать. Он делал скольжение, «поплавок», а грести руками затруднялся. А потом смог и заявил, что его научил Гобка. Так что он поплыл по-собачьи в прямом смысле.

У Коли, так его зовут, множество забот. Он изобрел ловлю мальков половником. Ловит и отпускает. Потом ему надо срочно

слетать на луну и вернуться назад. Перестрелять из пистонного пистолета множество зверей и фашистов. Еще сопротивляться, когда будут заставлять читать страницу детской книжки, хотя буквы крупные.

Принесли много грибов. Чистка, выбрасыванье червивых, отдиранье липкой шкурки со шляпок маслят. Общий шум и экстаз при лицезрении белых.

А потом обед. Суп, второе и компот. Как в лучших домах. Из мисок. Наступает мертвый час. Дежурный бодрствует, так надо, хотя я обычно спать здоров.

Во сне супруга на момент почувствует, что с нее снято бремя ответственности за ребенка, за меня, за целый мир. Если дела на планете до сих пор развертываются по разумному плану, это свидетельство ее неусыпного бдения.

Под вечер из неизвестности появятся три дружелюбные крестьянки. Им любопытно. Они поговорят, посмеются, оглядят спокойными глазами палатки, шмотки на веревках, банки от недешевых консервов. Больше всего их развлечет Гобка.

«Батюшки! – скажет одна из них, молодая и жизнерадостная – Вот так собака! Отродясь такой не видела. Лицо у нее похоже на свинью, а жопа ни на что не похожа».

Все рассмеются, кроме Гобки и мальчика. Большие черные глаза Гобки будут печальны.

А мальчика крестьянки пожалеют: надо же, такому хорошенькому мальчишке Бог послал таких дурных родителей. Таскают его в отпуск, как цыгане.

Это было давно.

Сын вырос, женился и позже пошел в байдарочный поход с маленькой дочкой, моей внучкой, по Мологе. Когда он вернулся, я спросил: «Ну как там?».

«Молога течет, солнце светит, байдарок и туристов тьма. Палатку иной раз негде поставить».

Ишачий перевал

Приближался сентябрь, месяц моего отпуска, а в месткоме издательства, где я трудился, лежали две путевки в альпинистский лагерь. Дешевые, но спросу на них не было. Под влиянием семьи я уже приобщился к отпускному туризму – на байдарке и пешком, на машине. Однако гор не видел. Вернее,

видел из окошка самолета да из вагона поезда. Словам песни, что лучше гор только горы противоречили слова другой песни: «Умный в горы не пойдет, умный гору обойдет». Однако я решился проверить все лично. Почему? Во-первых, моя жена уже однажды побывала в Архызе, на Кавказе, а тесть вообще имел альпинистский стаж, кучу фотографий и в 65 лет восходил на Эльбрус.

Я сказал Саше, сотруднику и знающему спортсмену, что решил дебютировать в альпинизме, потому что кончается четвертый десяток, а потом будет поздно. Саша рассмеялся и спросил: может быть, уже поздно? Еще он сказал, что в сентябре в горах на Кавказе холодно.

Я не сомневался в том, что Саша компетентен и доброжелателен, но я думал, что он меня недооценивает.

По пути в альпинистский лагерь мы с женой приехали в Кисловодск. Тут я чувствовал себя горным орлом, потому что все «пики» Кисловодска мы немедленно покорили. Большое и Малое седло, туристская тропа, завтраки в забравшемся на Красное Солнышко ресторанчике… Словом, в несколько дней выполнили программу, рассчитанную на недели для тучных отпускников, надеющихся похудеть.

Остался лишь ресторан «Храм воздуха». Воздух там был действительно первой свежести, а кусок попавшей в мою тарелку осетрины – второй. Позднее я узнал, что этого осетра поймали близ Баку и отправили в Москву, а оттуда обратно на юг, в Кисловодск. В итоге получилось пищевое отравление, однако в 1960 году в Кисловодске продавали свежий творог и тому подобное. Я быстро пришел в норму и на зависть кисловодским толстякам стал стройнее. Мы ринулись вперед и вверх. Ранним утром выехали из Нальчика.

В автобусе обнаружилось, что я старше всех, даже шофера. Впервые в жизни вспомнил Сашу, но духом не пал. Дорога кончилась, автобус развернулся, а мы все пошли по тропинке в горку. У жены рюкзачок, у всех то же самое, а у меня чемоданчик. Горка выглядела небольшой, эдак этажей на тридцать, но без лифта. На «крыше» этой горки нас ожидала дорога.

Единственный в своем роде экземпляр в мире автомобилей не приехал. По всему миру автомобили бегают стадами, а этот живет отшельником и один-одинешенек бегает взад-вперед по четырнадцатикилометровой дороге. Но нас подвезти не пожелал. Предстоял марш ножками. Подъем не крутой, называется почему-то Ишачий перевал. Воздух был так свеж, окружающая природа так красива, что, пройдя километр, я понял, что с меня этих прелестей довольно. Мое тело вступило в конфликт с духом, а

пройти оставалось еще чертову дюжину километров. На первом привале я лег на спину, положив ноги на окаянный чемодан. Затем моя хрупкая супруга изъяла из чемодана кое-какие вещи. Переложила в свой рюкзачок. Морально было тяжело, но на короткое время легче.

Затем я услышал, что за моей спиной зреет заговор. Два здоровых хлопца, подстрекаемые моей женой, соглашаются нести мой чемодан. «Он будет сопротивляться, добровольно не отдаст. Падать будет, но не признается…» – услышал я тихий голосок. С одной стороны, критика, с другой – одобрение…

Из-за горных красот, окружавших нас, я счел неудобным скандалить. Ненадолго стало легче. В голове пусто, сердце бухает.

И тут меня осенило: оказывается, что если упереться в себя руками и подталкивать вперед, двигаться гораздо легче. Так я победил Ишачий перевал и на полной черепашьей скорости ворвался в альплагерь под названием Адырсу на высоте 2400. Я остановился, снова стал человеком, дух победил несчастную материю.

Ужинал я наравне с альпинистами – два горячих блюда. Чувствовал себя на высоте, а там, где-то внизу, в больших городах суетились человечки. А мы были по соседству с облаками, и на нас по-дружески глядели снеговые вершины. Потом мы получили снаряжение и комнатку. В ней две кровати и тумбочка. Ночь, как в горах положено, наступила сразу. Незабываемая ночь. Кровать оказалась хитро замаскированной дыбой. Тяжелая часть тела стремилась вниз, оттягивая предательскую сетку. А снизу, через дырки сетки, веяло дыханием соседнего ледника. Матрасик жиденький, одеяльце узенькое. Отопление? Исключительно дурной тон. Так считают альпинисты. Я подоткнул края одеяла под себя и замер, боясь разгерметизации. Быть может, наши волосатые предки в ледниковый период крепко спали, но у меня не было даже альпинисткой бороды… Два остывших горячих блюда оживили память об осетрине второй свежести. И пришлось совершить кросс в кромешной тьме горной ночи, к одиноко стоящему на обрывистом берегу рокочущего потока дощатому павильону. Я бежал и вспоминал стихотворение Гейне – «Durch Nacht und Wind», то есть сквозь ночь и ветер. А потом завивался в одеяло, как одинокий ледяной младенец. И это не один раз. Поток все время рокотал. Одобрительно.

Все-таки взошло солнце, улыбнулась отвесная снежная стена перед моим окном и закипела жизнь лагеря. Настало время медосмотра.

Врач оказался альпинистом, красивым и добрым человеком.

Он сказал, что из вновь прибывших я один мастер спорта, хотя и по шахматам. Его жена, тоже врач, улыбнулась мне ободряюще.

Я сделал двадцать приседаний, врач померил пульс, давление.

Через несколько дней был новый осмотр. Решался главный вопрос: кого пускать на восхождение? Первыми шли на осмотр девушки. Из кабинета врача вышла наша новая знакомая Леночка. Рослая и крепкая девушка. Она обогнала меня километров на пять. Сдерживая слезы, она пожаловалась: «Не допустили!». А потом не допускали и других. И среди них жену. Она пыталась давить на доктора своей кандидатской степенью по медицине, требовала допуска под личную ответственность, но без успеха. Врач был неумолим.

Девушки прошли, настала и моя очередь. Я поголодал и окреп. Снова двадцать приседаний, измерения, прослушивание…

– Как вы себя чувствуете? – спросил доктор.

– В каком смысле?

– Ведь вы на голодной диете, не ослабли?

– Да как сказать, есть вот хочется.

– Если вы настаиваете, я могу допустить вас на восхождение.

– Что вы, доктор! Нельзя так нельзя. Зачем настаивать?

– Да нет, можно, хотя с желудком еще не все ладно. Но время еще есть.

– Куда же я пойду, доктор? Жену не допустили – разве она мне простит?

– Знаете, – улыбнулся доктор, – первый раз в эти дни слышу нормальный разговор… Все требуют, клянчат…

Чуть позже ко мне прибежала запыхавшись жена. «Давай деньги!» – скомандовала она. Я не понял, зачем в горах деньги, и пошел за ней. На площадке перед столовой девчонки окружили двух женщин, горянок в головных платках. Они продавали шерстяные носки, варежки.

– Откуда они в альплагере, зачем появились? – спросил я.

– А помнишь селенье, близ которого нас высадил автобус? Оттуда, – ответила жена. – Просто связали и продают.

И заказала то, что ей больше подходит. Оказалось, что они сюда ходят очень часто.

Допущенные двинулись на восхождение. Группу недопущенных повели на ледник. Пошла, естественно, жена. Я не отстал от коллектива. Солнышко светило ласковее, чем рассказано в детской хрестоматии. Правда, в глазах юных честолюбцев и даже кандидата медицинских наук иногда вспыхивали мрачные огоньки.

В ущелье посвистывал холодный ветер, а в кулуарах –

теплынь. Хоть снимай лыжный костюм и загорай. Выбирай на вкус. Ночью выпал снег, свежий, чистый. Он лежал и таял на нежнозеленых листьях березы. Зима на глазах превращалась в лето. В кулуаре тишь. И земляника. Чудеса расчудесные.

Первый раз в жизни я видел ледник. Пробовал ледниковую воду. Удивительно вкусная, особенно если посидишь несколько дней на чае с сухарями. Мои ноги согревали пушистые белые носки. Пожилые горянки доставили их своевременно.

Не зря я пытал свою плоть, преодолевая Ишачий перевал.

Диета

Родители говорили, что первые три года жизни я был довольно упитанным и неторопливым ребенком. Когда меня подталкивали, чтобы на прогулке я побегал, то, сделав пяток шагов, я останавливался. Такая во мне была инерция покоя. Позже я стал расти быстрее, чем прибавлял вес и превратился в сорванца средней упитанности с вечно ободранными коленками, реактивным и немного вспыльчивым. Еще позже выяснилось, что нормальная для меня температура не 36,6, как у порядочных людей, а на градус меньше. И пульс гораздо реже. Не исключено, что сказалась та самая заложенная во мне инерция покоя. До тридцати с небольшим лет проблема излишнего веса меня не интересовала. Костюмы годились сорок восьмого размера, Аппетит был, пожалуй, не ниже среднего. Быть может, известную роль сыграли скудные военные годы. Дома готовили вкусно, за столом я не зевал и как-то незаметно вырос из сорок восьмого размера на два номера. Пиджак и брюки стали тесноваты. Как-то один хороший и добрый знакомый, встретив меня на улице, ахнул и сказал: «Что же вы с собой сделали!». До этого момента мы не встречались с год. Я чувствовал себя хорошо, однако задумался и решил, что любовь к вкусной и здоровой пище пора поумерить. Настала пора обратить серьезное внимание на так называемую диету. В ту пору была в моде очковая диета. Продукты оценивались в очках, в день следовало наесть не более предельной суммы очков. Был вариант и попроще: ешь три раза в день по куску несоленого вареного мяса и запивай стаканом кофе с молоком, но без сахара. Оказалось, что помогает, терпеть можно, удалось похудеть на пол пуда. А еще пробовал разгружаться раз в неделю, ограничиваясь несколькими

стаканами несладкого чая и одним лимоном. К вечеру лимон, такой кислый утром, волшебным образом становится сладким. Однако мясо-кофейный вариант сильнее, и действует быстро. Проявляя волю, я ухитрялся ходить на работу, что-то делать и не кусать окружающих.

Итак, в зрелые годы я боролся с лишним весом небезуспешно и утвердился во мнении, что хитрить бесполезно, просто надо поменьше жрать. Во время войны я не слышал, чтобы кто-то жаловался на ожирение. Зато сейчас наизобретали множество расчудесных диет. Я в чудеса верить не склонен и подозреваю надувательство. Однако врачам доверяю, а они предостерегают меня – рекомендуют не допускать в организм излишний холестерин, калий и еще что-то.

Когда-то одна учительница рассказала мне о сообразительном мальчике. Он лихо ответил приезжей англичанке. Дело было в послевоенном году, во время карточной системы, а та англичанка с гуманными идеями пришла в класс и спросила мальчика, что он ел на завтрак. Мальчик оказался политически грамотным и дал иностранке отпор. «Кофе, какао и компот!», уверенно сказал он. Я сочувствую тому мальчику. Ведь для меня в какао и компоте много калия, а в кофе кофеина. Между прочим, меня просветили, что этот самый калий проник и в картошку, про которую когда-то пионеры пели, что она милая картошка, пионеров идеал. Да и вообще картошка это же второй хлеб. Всюду этот калий лезет! И в ягоды и во фрукты. Не слишком ли его много в природе…

Итак, я получил диету. Перечислять то, чего нельзя есть займет времени больше, чем то, что можно. Сказано не есть апельсины, лимоны, бананы, свеклу, баранину и так далее. Вино и то нельзя, правда, водку и коньяк гуманная наука разрешает. Оказалось, что одна из двух моих почек ведет себя плохо, и калий ей очень неприятен. Представьте себе – борщ нельзя, шашлык нельзя и так далее. Казалось бы, конец света, однако остается еще немало интересного.

Есть такой анекдот. Подсудимого приговорили к расстрелу. Родственники рыдают, а адвокат говорит, что это еще не самое страшное. Еще случается расстрел с конфискацией имущества. Итак, сижу я смирненько на этой самой диете, мечтаю о картошке и фасоли, но супруга требует, чтобы я показался врачу нефрологу самой высокой квалификации. А я чувствую себя хорошо и опасаюсь, что профессор еще что-нибудь запретит и успешно тяну время. Когда супруга настаивает, я говорю, что мне не по душе слово нефролог, уж очень оно походит на некролог. А когда ей все же удалось сломать мою оборону, то оказалось, что я

сопротивлялся себе во вред. Профессор разрешила есть картошку. Получилось, что я сам себя наказывал.

Интересный взгляд на диету сообщил один смирный работяга своему товарищу. Они стояли на площадке трамвая, а я стоял рядом. Товарищ вслух читал вывески над магазинами, трамвай ехал мимо них. «Диеты…» прочел он и спросил друга, что это такое. «А это такие люди, которые пьют капиченое молоко… Одним словом, евреи», задумчиво ответил он.

Юмор Молхомовеса

Я ехал с женой к врачу в поликлинику. Выехал из дома на машине за целый час, хотя в те годы, когда я ездил на работу постоянно, а к врачам обращался крайне редко, достаточно было тратить на дорогу полчаса. Машин развелось множество, все спешат, торопятся жить и работать, а скорость движения машин снижается. Вот у меня в тот раз постоянно случались задержки, и я сетовал по поводу бесполезной потери времени. А невидимый мне Молхомовес улыбался. Опоздал я совсем немного, и с удовольствия обнаружил, что обычной длинной очереди у двери кабинета врача нет. И у врача я пробыл совсем недолго. Это было так приятно, что я обрадовался и сказал жене, что мы выиграли много времени. А этот самый Молхомовес ехидно хихикнул.

Врач сказала, что с одной стороны, сделанные заранее анализы не очень хороши, но в целом совсем неплохи и подробно объяснила жене, какие пилюли я должен принимать, что мне можно есть и чего нельзя, и обнадежила ее, сказав, что все складывается неплохо. Жена предпочитает не отпускать меня одного к врачам, хотя я отношусь к сохранению своего здоровья и попыткам продления довольно продолжительной жизни не хуже, чем все другие люди. Однако она уверена в том, что это не так и поэтому вынуждена беречь меня сильнее, чем на это способен я. Вообще она склонна не щадить себя и не обращает никакого внимания на мои постоянные замечания о том, что у нее ослаблен инстинкт самосохранения. Я постоянно критикую ее стратегию, направленную на нереальную цель – чтобы я вообще не умер. На этот раз она осталась довольной визитом к врачу. И я сказал, что все получилось быстро и славно. А этот подлый невидимый Молхомовес расхохотался, как говорится, от души.

Чуть было не забыл сказать, что этот самый Молхомовес –

еврейский ангел смерти.

Письмо любимой внучке

Дорогая Оленька!

Сегодня 12 июня, твой день рождения и я желаю тебе здоровья, удачи, счастья.

Внучка Оля

Как ты хотела, я начал попытку изложить на бумаге то, о чем говорил тебе в ужасные дни, когда моя лучшая половина – твоя бабуля – покинула нас.

Когда-то я затруднился назвать, какой день был в моей жизни самым счастливым. Их было немало, счастливых дней. Теперь я прожил самый несчастный день, горестный безгранично. В половине второго ночи второго июня, на руках нашего сына, твоего папы, Леночка сказала свое последнее слово: «Все». И умолкла. Остановилось ее удивительно доброе сердечко.

Раньше долгие годы первые дни июня были в нашей семье праздничными. Третьего июня родился твой папа, четвертого – мой день рождения, И вот второго июня – беспощадный удар судьбы. На похоронах при прощании люди говорили добрые слова, о том, что она прожила достойно и счастливо, что до

преклонных лет сохраняла энергию и разум, и неустанно трудилась. До самых последних минут сохранила ясное сознание. Говорили, стараясь утешить, что она умерла дома, среди своих. Эти слова разумны, но моя душа страдает, не может смириться с тем, что время ограничило счастье. Мы прожили вместе пятьдесят восемь с половиной лет.

По статистике очень много.

Статистика говорит, что половина браков расторгается, вычисляет через сколько лет супруги охладевают друг к другу, а я на старости любил Ленусю еще больше, чем раньше. Сейчас я лучше понял, как глубоко люблю ее.

Бабушка Лена

Без преувеличения, у Леночки было немало ангельских черт характера, но она была упрямой. Мне кажется, что женщины вообще упрямый народ, но она было особенно упрямой. А я вспыльчивый и недостаточно выдержанный. Из-за столкновений упрямства и вспыльчивости случались мелкие конфликты. Но такие короткие замыкания не разрастались в ссоры. Мы доверяли друг другу, никогда не унизились до сцен ревности, не имели привычки непрошено лезть в душу.

Леночка избрала своей профессией научную работу в области медицины. Быть может потому, что отец и дед были профессорами, мать врачом. Окончив институт и аспирантуру, она всю свою трудовую жизнь проработала в одном НИИ.

Когда в 67 лет я после серьезной операции стал инвалидом, она бездну сил и времени посвятила моему здоровью. Она

старалась сверх меры. Я шутил, что он поставила невыполнимую задачу – добиться того, чтобы я никогда не умер. Но, благодаря ее заботам, я дожил до 86 лет и еще обнаруживаю признаки рассудка. Никакие уговоры не могли заставить ее позаботиться, как следует, о своем здоровье.

Она была на редкость деятельна и иногда казалась неутомимой. Я понимал, что она просто не бережет себя, уговаривал не перегружаться, говорил, что у нее очень слабый инстинкт самосохранения, но она неизменно упрямилась. Я старался в чем-то помогать ей по дому, но недостаточно. Она никогда не жаловалась на плохое самочувствие, на недомогание, а когда это случалось, то каждое утро, улыбаясь, говорила, что ей лучше, чем вчера. И так же было в последний день ее жизни утром первого июня. Она сказала тогда, что вот через два-три дня почувствует себя еще лучше, и мы поедем в супермаркет покупать продукты. Последнее время, беспокоясь за меня, она всячески препятствовала моим поездкам за рулем. Я спорил, доказывал… В те дни не нужны были покупки, просто она хотела подбодрить меня, сделать мне приятное. Между тем, во время болезни она сказала твоей маме, где потаенно лежат колечки, брошки и тому подобное.

Недавно весной, желая забивать гвозди, я мастерил терраску. Леночка относилась к этой затее иронически, но не препятствовала, а когда болела, то сказала твоей маме, что вот поправлюсь, и мы будем на этой терраске все вместе пить чай.

Я сокрушался, когда она испытывала приступы боли, но она не раз говорила мне, что не надо так страдать, ведь мы дружно и счастливо прожили очень долгую жизнь.

Мне не хочется вновь и вновь возвращаться к моментам течения болезни в последний месяц ее жизни. Однако мысль о том, что могло бы сложиться по-иному, не покидает и гложет меня. Одной из причин фатального исхода оказался, возможно, ее оптимизм. Она верила, что вот-вот справится с болезнью, некстати заражала своим оптимизмом близких, рвалась из больницы домой, давила на врачей. В ней было столько жизненной энергии, что я подчинялся ей. И от этого мне еще горше.

Старость вносила свои грустные коррективы, У Леночки ухудшался слух, у меня обоняние, но мы относились к этому спокойно и порой шутили. Находили светлые моменты в настоящем.

Мне странен вопрос, который теперь задают друзья, как я себя чувствую. Так вот и чувствую, хотя окружен вниманием и заботой близких. Если бы Леночка видела их заботу, она была бы

рада. Нет у меня бытовых проблем.

Настоящее сейчас стало каким-то бессмысленным, о будущем в моем возрасте не стоит думать. Мысли постоянно бегут в прошлое. Постоянно гложет тоска. Она несколько отступает, когда внимание занято физическим трудом или работой за компьютером.

С младенчества мы жили по соседству, близ Никитских ворот, близ Тверского и Никитского бульваров, где в детские годы гуляли. Не познакомились тогда, быть может, потому, что я на два года старше. Познакомили нас не без умысла моя сестра Мира и ее подруга Юля, жившая этажом выше нашей квартиры. Мира знала Лену, а Юля даже приходилась ей родственницей.

Юля и Мира резонно полагали, что в 24 года Лене пора бы выходить замуж. И без предварительных объяснений они привели Лену и еще кого-то к нам. Все сидели за столом, что-то пили, что-то ели, болтали, я рассказывал какие-то среднего качества анекдоты. Лена сидела рядом со мной, не протестовала, хотя позже призналась, что анекдоты ей совсем не понравились. А мне соседка понравилась. Стройная, тонкие черты лица, большие веселые глаза, какое-то естественное благородство.

Весной 1947 года я вернулся в Москву из Риги, где после института проработал два года. Вернулся потому, что старые и больные родители нуждались в моей поддержке.

С помощью институтского друга, ставшего в некотором роде начальником, стал членом Московской городской коллегии адвокатов и, естественно, на первых порах зарабатывал скромно. О женитьбе не думал. Шли месяцы, я иногда приходил к Лене в гости, Мы о чем-то болтали, иногда вместе гуляли. О чем говорили, убей Бог, не вспомню. В таких ситуациях важнее не содержание разговора, а сам процесс.

Летом 1948 года я встретил Леночку, когда она вернулась из туристического лагеря на озере Селигер. Отдохнувшая, загорелая, веселая, очень красивая. Короче, тогда я понял, что влюблен. Леночка была готова связать себя брачными узами. Забрать ее в свою маленькую квартиру, где жили мои родители и сестра было нереально. Будучи аспиранткой, Леночка в полном достатке и уходе жила под крылышком родителей. Тогда ученые не были в таком унизительном социальном положении как теперь. Я что-то лепетал, но не объяснял четко, что не хочу стать примаком. А она не понимала моей проблемы.

Когда мы объявили родителям Елены, что решили пожениться, Александр Николаевич душевно одобрил, а Фаина Яковлевна стала что-то говорить о неожиданности и, может быть, преждевременности такого решения. Я не предвидел такой

реакции ее родителей. Предполагал, что будет наоборот. Стало быть, не проявил особого ума. Несмотря на это, мне повезло и с тестем и с тещей. Отношения сложились на всю жизнь ровные и прекрасные. Леночкины подруги реагировали по-разному. Склонная к анализу Галя отметила, что я «не нашего круга», а эмоциональная Люда, что у меня очень длинные ресницы. Прошли годы, и я как-то приспособился к «нашему кругу», правда, ресницы куда-то подевались.

Леночка, окончив аспирантуру в НИИ микробиологии и эпидемиологии, работала в этом Институте до пенсии. Защитила кандидатскую диссертацию, стала научным сотрудником, потом старшим научным сотрудником. Работа ей нравилась, сотрудники относились по-доброму. Она с пиететом относилась к науке и не была склонна делать карьеру. Она овладела каким-то новым методом, Ей предложили оформляться в поездку в Данию на какой-то симпозиум по этой теме. Она возразила, что следует послать не ее, а профессора Мейселя, возглавлявшего эту тему. С ней согласились на половину. Не послали никого. Ей советовали готовить докторскую диссертацию, но она не согласилась. Считала что для докторской эта тема недостаточна. Она, повторю, с пиететом относилась к науке и недооценивала себя. Ее коллега, без лишних комплексов, воспользовавшись разработанным методом для работы по другой инфекции, без сложностей сделала и защитила докторскую диссертацию. Я никогда не старался воздействовать на ее решения, уважал ее скромность по отношению к работе и людям. Я слышал, что коллеги на работе называли ее херувимом.

Моя трудовая биография развивалась по-иному. Наверно мне на роду была написана егозливость. Юриспруденцию я избрал не по любви, а просто так. В детстве увлекся шахматами, как оказалось на всю жизнь. Окончив институт, не захотел оставаться в Москве и поехал в Ригу. Там работал адвокатом два года, выступал в шахматных соревнованиях и стал регулярно печататься в газете по шахматной тематике. Возвратившись в Москву, проработал в адвокатуре шесть лет, стал мастером по шахматам, (тогда в стране было немного мастеров, инфляционный процесс пошел позднее). Печатался в центральных газетах и журналах и специальной шахматной прессе. Мне предложили стать редактором шахматных книг, и я расстался с адвокатурой. Десять лет проработал в издательстве, а потом решил перейти на вольные хлеба. Леночка не препятствовала. Сначала были трудности, но потом все хорошо наладилось. В 1967 году новая перемена: согласился стать главным шахматным чиновником и снова стал ходить на службу. На этот раз в

Спорткомитет и до пенсии. Лена снова не возражала. Она могла спорить и упрямиться, когда я, скажем, желал передвинуть в доме мебель, однако не давила и поддерживала, когда я принимал решения по моим важным вопросам.

Мой тесть был заядлым туристом. В 65 лет восходил на Эльбрус. Леночка пошла по его стопам, она была динамичной, во многом похожа на отца. И вовлекла меня. Мы вместе путешествовали в байдарочных походах по Мологе, Нерли, Угре, Гауе, Днепру, на шлюпке по озерам Карельского перешейка, на машине путешествовали по Кавказу, Прибалтике, Польше и ГДР. Однажды нас занесло даже в альпинистский лагерь Адырсу. Это было так прекрасно. Эпизоды прошлого в памяти не тускнеют, мысли бегут к ним. Я так благодарен Леночке.

Я постоянно ловлю себя на том, что хочу поделиться с Леночкой приятной новостью или что-то хочу у нее спросить… Желая меня утешить, друзья говорят, что такое бывает со всеми. Все предметы, окружающее меня в доме, говорят, даже кричат о Леночке.

За окном виден большой куст махрового жасмина. Некоторые ветви его искривлены, другие засохли. Сразу видно, что он глубокий старик. Он начинает цвести позже всех других кустов жасмина. Очень красивыми и стойкими цветами. Правда, без запаха. Последние годы мы каждое лето ожидали: зацветет или нет? И вспоминали знаменитый рассказ О'Генри о смертельно больной девушке и осеннем листке. В этом июне, оставшись один, я тоже ждал, глядя из окна на куст. Бутоны появились, он все-таки расцвел. Моему доброму знакомому, определенному агностику, я сказал, что удивляюсь, тому, как после трагических моментов, когда зашкаливал прибор, измерявший мое кровяное давление, оно вдруг сделалось допустимым. «Это Леночка вам помогает», – ответил он.

Осыпались цветы старого жасмина. Все до одного. Однако спустя несколько дней, я вдруг заметил новый одинокий цветок. Так хочется верить, что он появился по воле Леночки, что это не вторичное цветенье. «Блажен, кто верует / Тепло ему на свете», – сказал поэт. Мне, увы, страшно холодно…

Один товарищ, соболезнуя и желая приободрить меня, сказал, что я сильный человек и должен справиться. Быть может, и был сильным. Раньше.

Почти шестьдесят лет мы прожили вместе. В этом был смысл моей жизни. Не стало Леночки, не стало и моего оптимизма.

Мне сказочно повезло в жизни. Я прекрасно понимал это, но не мог себе представить, что Леночка уйдет раньше меня. Теперь я глубоко прочувствовал слова сказки Андерсена: они жили долго

и счастливо и умерли в один день.

Как была бы счастлива бабуля, узнав, что ты блестяще завершила курс учебы в Милане.

Твой любящий дед.

P. S. Оленька разрешила мне включить это письмо в книгу.

Кино и шахматный орилым

Ловушка

Новый математик был худ, костляв и высок. Один малый предложил прозвище – «бесконечная дробь». За рост. Ребята посмеялись, но не согласились. Может быть, потому, что он не сам выдумал, а вычитал в какой-то книжке.

Математик в разговоре сильно напирал на букву «о». Он говорил так: «ПОсОхин не знает приведения пОдОбных. Неуд». И, довольный, улыбался. Длинные желтые зубы, длинное лицо. Потом спрашивал: «Тетрадь есть? Нет? Тем паче неуд». И явно получал удовольствие. Однако неудов зря не ставил. Любить его было не за что, но и ненавидеть тоже.

Я сидел на уроке и ритмично крутил на карандаше небольшой треугольник. Не знаю, сколько минут я занимался этим приятным, хотя и монотонным упражнением. Наконец мой вращающийся треугольник был замечен, и математик сделал мне ироническое замечание: «Есть игры и поумнее. Например, шахматы». Я на миг замер, как охотничья собака, почуяв дичь. Математик сам шел в ловушку. «Если можно, я хотел бы сыграть с вами», – сказал я смиренно-лживым голосом. Это был удачный для меня выход из неловкого положения.

Через день специально к уроку математики мой друг Борька принес из дома небольшие шахматы. Математик держал слово, и мы сразились на большой перемене. Нас окружили ребята. Много. Все жаждали математической крови. Математик оказался слабым шахматистом. Он скоро попал в скверное положение, и, быть может, думал: «На кой черт я стал играть с этим балбесом? Пусть уж лучше бы он крутил свой треугольник».

Проиграв, математик улыбнулся, но совсем не так, когда ставил неуд. И заковылял из класса, слегка прихрамывая на своих длинных ногах, возвышаясь над злорадными пигмеями.

В ребячьих глазах мой авторитет подрос. Мое самомнение тоже.

Ананиашвили был строен, при усиках и, вероятно, красив. Он был дружелюбен и предупредителен даже ко мне, хотя мне было всего-то пятнадцать лет и, следуя общественному мнению, со мной можно было говорить на ты. Меня разрешалось даже выгонять из класса. Одна учительница этим правом пользовалась, да еще приговаривала: «Пойди-ка, поговори с нянечкой». Нянечками почему-то называли уборщиц.

Я и сам уважал себя не слишком сильно и поэтому без раздумья согласился, когда друг Борька предложил записаться в шахматный турнир под фамилией его дяди, которого я сроду не видел. Турнир проходил в Доме журналиста. Помнится, тогда он назывался Домом печати.

Я имел третью всесоюзную категорию по шахматам, густую шевелюру и очки, которые носил преимущественно в кармане.

На партию со мной Ананиашвили немного запоздал. Он влетел, извинился, всем поулыбался и уселся за столик. На край столика положил кулек шоколадных конфеток. Маленьких, кругленьких, кажется, называются драже. Предложил угоститься мне и нескольким мальчишкам, державшим наш столик под наблюдением. Мы посопели, застеснялись.

Хотя Ананиашвили мальчишкам нравился больше, чем остальные взрослые участники турнира, все-таки ребята болели за сверстника и жаждали поражения взрослого. Про Ананиашвили говорили, что он известный технический редактор или же редактор технической литературы, словом, стоящий человек.

Ананиашвили играл черными. Он двигал фигуры быстро, решительно, как лихой джигит. Тогда входила в моду игра блиц. Я блиц любил без памяти и изрядно набил руку. Поэтому я тоже ходы делал в темпе, сохраняя при этом тупое выражение лица.

На доске возникло положение, где можно было провести стандартную комбинацию. Я пожертвовал слона, объявив шах. Ребята обступили столик. Ананиашвили принял жертву, последовали шахи, и черный король направился вперед, на погибель. И вот мат! Ананиашвили вдруг исчез, хотя было немыслимо, чтобы он мог уйти, не попрощавшись. Мы с ребятами стали разбирать сыгранную партию и попутно съели все драже, оставленные Ананиашвили при бегстве.

Заканчивал турнир я под своей фамилией. Инструктор узнал меня и вывел из подполья. Кроме нашего турнира, где я занял первое место, провели турнир посильнее. Состоялось почти торжественное закрытие обоих турниров. Мне вручили приз –

шахматы. Потом провели общий блиц для участников турниров. Тут Ананиашвили мог заметить, что зря он в партии со мной делал ходы быстро. Потому что я в блиц-турнире занял тоже первое место и был награжден кулем испанских апельсинов. Я взял шахматную доску – коробку подмышку, в другую руку куль апельсинов и направился к выходу, мрачный от смущения и гордости. И тут я услышал, что Вадим Андреевич, победитель сильнейшего турнира, объясняет группке каких-то мужчин и женщин мое общественное положение: «Школу он бросил, все время играет в шахматы и живет с призов».

Мне показалось это крайне обидным. Жил я исключительно на средства родителей, что принято считать приличным. В школу я ходил, не прогуливая. Мне там нравилось. И имел хорошие отметки по всем предметам. Даже по литературе. Но вот не понял, что в словах Вадима Андреевича содержится гипербола и юмор. Он тогда был просто журналистом, а потом стал известным писателем.

Когда я выиграл у Ананиашвили, ребята ликовали, но я-то знал, что эту жертву слона изобрели еще тогда, когда и Ананиашвили, и вообще технических редакторов еще не было на свете.

Фианкетто ди донна

В пяти километрах от старинного города Рославля, что в Смоленской области, а прежде губернии, расположилась между рекой Остер и покрытым щебенкой ухоженным шоссе деревня Козловка. Вокруг лес, в основном смешанный, густые орешники, грибные места…

Летом в Козловку на отдых наезжают семьи с детьми из Рославля, Москвы, Ленинграда. Не слишком много, но регулярно. Снимают комнаты с верандой, либо полдома, либо дом, если у хозяев есть другое летнее жилье. В тридцатых годах прошлого века я несколько раз жил в Козловке. Самодеятельно научился в Остре плавать и днями вел земноводный образ жизни. Про Остер говорили, что, хотя он и мелеет, но каждый год требует новых жертв – утопленников. Близ дома, где наша семья снимала пристанище, находилось два отличных места для купания и игр с мячом в воде. Там Остер разливался пошире. При одном был маленький мелкий заливчик. В нем плескалась мелюзга

дошкольного возраста. Другое место отличалось глубиной, и здешние жители обозначали его словом вир. Нигде позже мне не пришлось слышать это слово. А в словаре Даля сказано: «ВИР м. запад. Омут и водоворот…»

К берегу вел спуск с пригорка. Вероятно, в далеком прошлом Остер был здесь очень широк. На небольшой песчаной террасе по пути к речке – криница, маленький родник. В чистой песчаной ямке накапливается и протекает студеная вода. Остановился я на этом потому, что вкус той воды запомнился на всю жизнь. (Быть может, из таких малых с виду черточек и складывается чувство родины.)

Родители мои родом из Рославля, да и я там родился и подрастал первое свое полугодие. В 1921 году в Москве было голодно, а в Рославле многие держали коров, было молоко. Разумеется, я ничего не помню об этом периоде, закончившемся пожаром дома, часть которого занимали моя мать, домработница и я. По семейному преданию, я знал, что мама спасла нас, когда по сеням этой половины дома уже разливался горящий керосин. Хозяин дома спекулировал керосином, табаком. Дверь на улицу примерзла, и домработница не смогла ее отворить. Мать завернула меня в шубу, передала ей, бросила табачные ящики на пол и, схватив полено из поленницы в сенях, вышибла им дверь, открыв выход в сумеречною зимнюю стужу. Семья хозяина погибла, а он сам во время пожара находился в кино. После пожара мать со мной поехала к отцу, в Москву. Так что ходить и говорить я уже научился в Даевом переулке, близ Сретенки, а затем и на Большой Никитской.

В Козловке я познакомился с Вадимом. Он проводил летние каникулы в соседнем доме, в семье своего родного дяди и тети. Вадим был сиротой. Его мать рано умерла, отец женился на своей секретарше. Вадим нередко в своих разговорах вспоминал свою мать, похоже было, что мачеха его недолюбливала. Он был старше меня на три года, занимался в спортивной секции волейболом. Небезуспешно, несмотря на скромный для волейбола рост. Он умел делать стойку на руках и пользоваться уважением в разновозрастной ребячьей компании. Хотя мы редко встречались в Москве, Вадим был для меня старшим товарищем, а в Козловке он со мной дружил. Он немного водился с блатными ребятами, курил. Однако мне посоветовал ни в коем случае не курить, иначе я буду хуже нырять, труднее станет под водой подолгу задерживать дыхание. Этот аргумент представлялся мне очень важным и подкрепил наставления отца, завзятого курильщика. Так я и остался некурящим при всех жизненных обстоятельствах.

Тетка Вадима, он звал ее тетя Лиза, относилась к сироте-

племяннику очень тепло. Она ставила в пример младшим мускулатуру Вадима, хвалила его спортивность. Двоюродный брат Вадима был моложе его на шесть лет и поэтому в друзья не годился. Его звали Люсик, так сокращали имя Илья. Люсик – очень ему подходило. У него был красивый овал лица, нежная кожа, большие пушистые ресницы и тихий голосок. Он не стеснялся играть вместе с девочками. У Вадима, напротив, голос был довольно громким, и он любил распевать разные песни. Знал все слова, но признавал, что слух у него не слишком хорош. Он напевал блатные песенки, модные танго, кое-что из опер. Как-то Вадим рассказал, что, не разобрав в арии Фигаро слова «Мальчик резвый, кудрявый, влюбленный, Адонис женской лаской прельщенный», он с удивлением подумал, что не Адонис, а онанист женской лаской прельщенный. Память у Вадима была превосходная. Он знал множество стихов, и в том числе юнкерские Лермонтова. Декламируя их, он хотел производить впечатление рубахи-парня, скрывая свою застенчивость. На замечание тети Лизы, что у него губы как трубы, Вадим к общему удовольствию ответил, что толстыми удобнее целоваться.

Тогда, естественно, не было еще ни транзисторов, ни плееров и, кроме арий Вадима, для удовлетворения музыкальных потребностей имелся лишь хозяйский граммофон с большой трубой, несомненно дореволюционного происхождения, и старые пластинки. Запомнилась почему-то пластинка, у которой на одной стороне был марш «Тоска по родине», а на другой «Тоска о прошлом» в исполнении духового оркестра. Мне так понравилась мелодия «Тоски по родине», что она не забылась до сих пор. (Странная штука память!)

Неподалеку от нас снимал дачу доктор Рафаил Владимирович. Нам он казался старым. У него была небольшая лысинка и короткие с проседью волосы. Вероятно, ему не было и сорока.

Доктор приезжал на дачу из Рославля в выходные дни, и Вадим, прознавший, что доктор любит играть в шахматы, а я увлечен этой игрой и даже превзошел в школьном турнире старшеклассников, организовал нашу встречу на докторской веранде. Он что-то подзагнул доктору насчет моих якобы способностей, выбор партнеров был беден, и доктор согласился.

И вот я играю белыми. Доктор предпринял фланговое развитие своего ферзевого слона, я знаю, что этот дебют называется красиво по-итальянски – фианкетто ди донна. Донна – королева – звучит торжественно. Название дебюта я узнал недавно, читая книжку в переплете с черными и желтыми квадратами. Автор книги Алехин – первый русский чемпион

мира. В ту пору все знаменитые шахматисты жили за границей, но книги Алехина все равно издавали, гордились им. А после его смерти доказывали, что он больше всего на свете желал вернуться из эмиграции на родину.

Из книги Алехина я узнал, что фианкетто ди донна – неправильное начало, оно ведет к трудной игре, если белые займут и укрепят центр.

Доктор не читал книг Алехина. Он скромный любитель, любит играть и не любит проигрывать. А мальчишка сосредоточен и нажимает.

За партией наблюдают ребята и взрослые. Они чувствуют, что идет напряженная схватка, хотя сами играть не умеют. Кто сидит поодаль, кто прогуливается, кто отдыхает в гамаке. Люсик и две девочки его возраста играют в магазин, используя примечательную сосну, раздвоившуюся почти у самой земли. Одна девочка – моя сестренка, другую зовут Мурочка, она за главную. Это она затеяла игру в магазин. У нее толстая коса и не по возрасту низкий голос. Еще она научила ребят говорить на непонятном взрослом языке: вместо Люсик – Люхтарми, вместо Миры – Михтарми, и так изменять все слова. Заинтересовался даже школьник Юзик, сын доктора, очень егозливый мальчуган, предельно тощий и принципиально отказывающийся есть, несмотря на уговоры. Однажды он был застигнут за тем, что, съев по принуждению яйцо всмятку, забежал за угол дома и сунул два пальца в рот, чтобы избавиться от ненавистной пищи.

Доктор надолго задумался, я – в ожидании его хода.

По укатанной щебенке шоссе маршируют красноармейцы. Этим летом появился их лагерь в лесу за шоссе. Палатки и все такое. Наверное, возвращаются с какого-то ученья. А ранним утром красноармейцы бегут мимо нашего дома на Остер. Обнаженные до пояса бегут в ногу, грохая сапогами. Физкультура…

Я посмотрел на красноармейцев, марширующих по шоссе, и почему-то вспомнил, как прошлым летом, стоя на шоссе, слышал гул толпы на окраине Рославля. Там люди стояли за хлебом и, видимо, шумели.

В то лето часто побирались худые изможденные люди. Один попросил как-то: «Дайте кусочек хлеба, хоть на раз у рот…»

Красноармейцы маршируют с песней.

Доктор передвинул фигуру аккуратными длинными пальцами, и сразу из моего сознания исчезли и красноармейцы и голодные… Улетели, но, оказались, не навсегда.

Я все усиливаю давление, и наступает развязка. Доктор корректно признает свое поражение, его супруга недовольна,

отпрыск тоже, а Вадим, Люсик и девочки, временно закрыв свой «магазин» из сосны, похожей на лиру, удовлетворены поражением, постигшим взрослого.

Пролетели годы, можно сказать высокопарно – прошла жизнь.

Почему мне приходит на ум, что, может быть, сотни лет тому назад неизвестный черноглазый итальянский мальчонка играл в тени пиний, средиземноморских сосен, в шахматы с доктором, старинным врачом и на их партию смотрели…

Ушли из жизни взрослые, наблюдавшие мою партию, кто по старости, кто по болезни. Вадим погиб на Ленинградском фронте. Когда он окончил школу, его приглашала к себе в Италию бабушка, чтобы продолжил образование. Вадим написал бабушке, что самое лучшее высшее образование в СССР. Правда, ему не посчастливилось на конкурсных экзаменах в институт, несмотря на превосходную память. Работал инструктором физкультуры. Помог волейбол. А потом армия и война.

А нежный Люсик стал танкистом в конце войны и сгорел в танке.

Летят годы, меняются поколения, проходят века.

Венька – шахматист

– Я что! Вот у меня есть друг Колька Глазков, вот это да! Поэт! – восклицал Венька Левин, юный шахматист, рыжий кудрявый весельчак. Его рот был постоянно растянут до ушей. При этом на самом виду не хватало зуба. Когда он серьезно задумывался над ходом, то надувал губы. Он был постоянно не только весел, но еще и изобретателен. На запотевшем зимнем оконном стекле в момент рисовал пальцем шарж на тренера. Радуясь, сообщил ребятам, что у них в школе немку, то есть учительницу немецкого, зовут Ионина Мартемьяновна, а он предложил музыкальное прозвище – Пианина Фортепьяновна!

Однажды перед партией он положил на шахматный столик перед часами гривенник. Партию выиграл и объяснил, что гривенник лежал к нему единичкой, а к противнику нулем. Некоторые стали подражать, правда, недолго.

Он ловко сочинял эпиграммы. Молодому Льву Аронину посвятил такую: «Пусть авторитет уронен / Как совсем ненужный груз / Для меня не Лев Аронин / Для меня он просто трус». Это было, конечно, художественным преувеличением. Лев Аронин

многого достиг на шахматном поприще. А Мише Бонч-Осмоловскому, будущему мастеру, Венька сказал в стиле Маяковского: «Бонч! / В шахматы играть кончь!».

Венька не был первым среди сверстников, были и посильнее, но однажды он удивил всех редкой по красоте комбинацией: пожертвовал несколько фигур и форсированно получился пат! Спас безнадежную партию.

Он сыпал цитатами из стихов своего друга Глазкова, но ребята сомневались в том, что Глазков существует на самом деле. Просто очередная Венькина выдумка.

Когда мы учились в десятом классе, Венька вдруг пришел в шахматную секцию Стадиона Юных Пионеров не просто в обычной ковбойке, но еще нацепив на нее галстук. Ни к селу, ни к городу.

– Женился, – коротко и серьезно объявил он.

Ребята поверили. Но не на сто процентов. Однако он оставил школу, стал работать инструктором по шахматам в спортивном обществе при комбинате «Красная Роза». Поэтому и потому что был огненно рыж, получил прозвище – Красная Рожа.

На войне Венька пропал. Долго не могли в это поверить. Мрачно шутили, что самое большее – могла быть рана в пятку. Все сроки вышли, а Венька не воскрес. Хотя, появись он живой через лет двадцать после войны, я бы обрадовался, но не удивился.

Венька жил в Проточном переулке, известном благодаря Илье Эренбургу. У него были братья и сестры. Жаль, я никогда не был у него дома и не знал их. А Венька приглашал. Да разве мог я по молодости сообразить, как много солнца в этом рыжем человеке.

После войны мы узнали, что Николая Глазкова Венька не выдумал. Есть такой поэт. Узнали, что он, проиграв партию на бильярде, сидя по условиям игры под столом, сочинил такое четверостишие: «Я на мир взираю из-под столика / Век двадцатый – век необычайный / Но чем интересней для историка /Тем для современника печальней». И, будто бы, за это его «прорабатывала общественность», подтверждая тем самым необычайность века…

Женился ли Венька в десятом классе на самом деле? Думаю, что нет. Хотя я думал в свое время, что и Глазкова нет.

В конце-концов я узнал, что Венька действительно погиб на фронте, защищая грудью, как говорится, свою Родину. Есть такое выражение. А ведь меткое выражение, если сопоставить числа погибших советских солдат и немецких.

На старости лет наш любимый гениальный вождь решил уделить внимание проблемам языкознания. Глобальные проблемы диамата, истмата и так далее он уже успел ярко осветить, доказал неизбежность построения социализма не сразу во всем мире, а сначала в одной стране, подправив классиков науки наук. Позже жизнь доказала мудрость его предвидения. К примеру, в пределах Рублевского шоссе под Москвой появились даже зримые черты коммунизма. Юморист предложил именовать шоссе не Рублевским, а Долларовским. Оказывается, что можно жить по потребностям, а работать по способностям.

И вот, когда появились «Вопросы языкознания», я, имея в виду, что вождь лучший друг не только всех мужчин и женщин, но также физкультурников и шахматистов, стал их внимательно читать. Эти «Вопросы» не только читали, но старательно изучали в кружках и семинарах. Большинство восхищалось мощью интеллекта вождя, однако несколько языковедов попытались сделать некоторые критические замечания. Главный языкознатец утверждал, что мысль обязательно выражается словами, а наивные критики что-то мямлили про глухонемых, тех, что языком не владеют, но что-то мыслят. Им пояснили, что это случай аномальный и, я слышал, даже перевоспитали.

Передо мной встал вопрос: что я делаю, обдумывая ход, когда играю шахматную партию? Сижу, смотрю на доску с фигурами и что-то думаю… Но слова получаются почему-то одинаковые – я туда, он туда, я туда… и так далее. Между тем позиции и варианты разные. Я не совсем понимал, почему вождь увлекся языкознанием, однако сообразил, что писать ему о своем наблюдении не следует. Проще не обижаться на то, что мысли у тебя аномальные.

Прошли годы, и новый вождь Никита Сергеевич состарился и тоже заинтересовался грамматикой. Одобрил реформаторские идеи в области орфографии. Поддержал намерение писать в слове огурцы последней буквой не грубое «ы», а просто «и». Однако огурцы, особенно соленые, таких операций не заслужили. А предложение писать не заяц, а заЕц вообще посягательство на всенародного любимца и героя мультяшек. Быть может, интерес вождей к языкознанию возникает на старости лет? Должен же вождь успеть осчастливить людей, благодаря своему знанию всего на свете! Вроде идей чу-чхе.

Проблема языкознания все же не обошла шахматистов. Я слышал о любопытной сценке, случившейся на заседании

руководства Спорткомитета СССР. Обсуждали заключение комиссии, созданной по заявлению одного мастера. (Он сейчас в лучшем мире и не хочется называть его имени.) Мастер был человеком талантливым, но характер имел, мягко говоря, трудный. Он подверг критике работу редакции журнала «Шахматы в СССР». Намекнул на целесообразность укрепить редакцию. Председателем комиссии был кандидат в мастера, а по должности цензор. Он отозвался о содержании журнала в целом положительно, однако заметил, что в последних номерах нет ни слова о проблемах языкознания. Тут председатель комитета встал во весь рост и грозно вопросил: «Что?!». Цензор смущенно пролепетал: «Ну, хотя бы немного…». А председатель Комитета прогремел: «Немного?! Все должно было быть о языкознании!!».

Между прочим, председатель был исключительно толковым человеком. Просто проблемы языкознания овладели сознанием широких масс.

За двумя зайцами

– Конечно, добью, – думал Князь, идя на доигрывание, – хотя шахматы есть шахматы, бывают и неожиданности.

Князем его прозвали товарищи. Не исключено, что его предки были князьями.

Он шагал, смотрел вниз и видел только свои здоровенные ботинки. Левый, правый, левый, правый…

Вдруг впереди, на сером асфальте, возникли красные туфельки. Цокают тонкие каблучки, шагают ножки стройности необыкновенной. А тут еще налетел легкий ветерок с той стороны, где кондитерская фабрика. Густой сладкий аромат, волнующий с детства, сдул обрывки шахматных тревог.

Здоровенные ботинки замелькали вдогонку красным туфелькам. Через минуту, на параллельном курсе, Князь спросил: «Извините, вы не знаете, где здесь клуб Совета Министров?».

Очень важно было услышать ее голос.

Девушка встрепенулась. Совет Министров это не «который час?». Посмотрела в глаза князю. Они лучились, жаждали общения, гнали одиночество. Добрые и, пожалуй, опасные…

Все она знала. И где клуб, и как играют в шахматы.

Князь объяснил ей, что он быстро доиграет отложенную партию, выиграет и будет свободен.

Туфельки и башмаки дружно зашагали в ногу.

Девушка не спеша, прохаживалась вдоль ряда шахматных столиков. Князь провожал ее взглядом. Он глядел на ее ноги и повыше…

Противник задумался, Князь встал и скоренько рассказал товарищам, где успел познакомиться и о том, что будет вскоре. Товарищи одобрили лихость Князя и девушку тоже. А противник, наверно, был хитрым малым. Он поставил маленькую ловушку. Так, пустячок…

Князь еще раз взглянул на ножки и… попался. Шахматы есть шахматы. Князь больше не смотрел на ножки. Он неотрывно смотрел на позицию. Ускользнула победа.

И она ушла. Легко, незаметно. Как появилась.

Ничья.

Вдоль по Невскому

Князь легко и, пожалуй, даже грациозно бежал по главному проспекту Империи, воспетому классиками, навстречу нам в сторону Московского вокзала. Поравнявшись, он махнул рукой, мы обернулись и без труда поняли, что это не бег от инфаркта. Просто он старался догнать девицу, стройную и студенческого возраста. Естественно, с целью познакомиться.

На прозвище Саша не обижался, так как нрава был добродушного. Не исключено, что даже получал удовольствие.

Мы с товарищем шли в шахматный клуб, где происходил представительный турнир, Князь же не принимал в нем участия и имел, как мы узнали на следующий день, много свободного времени.

Он навестил нас в гостинице, отличной гостинице, как случалось на шахматных соревнованиях и при социализме. Быть может, потому, что шахматисты тогда были золотыми рыбками в аквариуме советской пропаганды, как сказал один капиталистический журналист.

Посетив нас, Саша, приятель и коллега, поведал о своем житье-бытье. Он недавно женился и переехал в Ленинград, где жил в семье своей молодой, не испытывая материальных трудностей, ибо ее родитель занимал какой-то важный пост в торговой сфере.

Саше, конечно, очень нравился город, Невский проспект и

другие его несравненные достоинства, но особенно нравилось, что по Невскому ходят много симпатичных девушек. Студентки и их ровесницы.

Свободного времени у него оказалось достаточно, потому что работа в качестве руководителя шахматного кружка не обременяла.

Это был не просто визит вежливости. Саша попросил оказать ему товарищескую услугу: дать ключ от номера на то время, когда мы сражаемся в очередном туре, то есть часов на шесть. Мы по-товарищески не отказали.

В другой раз Саша навестил нас и сравнительно долго сидел молча и курил. Было совершенно ясно, что ему нужен ключ. Быть может, он посчитал, что попросить запросто не совсем удобно и прервал молчание неожиданным заявлением: «Лично я сразу обещаю жениться». Нас с товарищем это развеселило, а Саша продолжил: «У меня такой метод». Тут уж мы расхохотались: тоже, поразительное изобретение! А Саша немножечко обиженным тоном спросил: «А что вы смеетесь?». Тут уж мы вовсе стали подыхать от смеха. Когда мы отсмеялись, Саша поставил логическую точку: «У каждого свой метод».

Саша поведал, что бег по Невскому дает свои результаты, что он успел познакомиться с разными симпатичными девицами, назвал несколько имен. Можно было сделать вывод, что Саша в этом плане интернационалист. Имена девушек выдавали их национальную принадлежность. Я запомнил имена – Ниеле, Мухлиса. Скорее всего, литовское и татарское.

Мой друг как-то спросил его: «Саша, почему грузинские евреи так похожи на грузин? Не отличишь». Саша, он в это время курил, сделал паузу и ответил: «Ми отличаем!». Это тоже нас развеселило. Между прочим, мрачное напряжение во время турнирной партии иногда предопределяет смешливость в свободные часы. Надо как-то расслабляться.

Турнир подходил к концу, и Саша неожиданно поведал нам, что он хочет уехать в родной город, хочет развестись. Дома начались скандалы, ему не удавалось скрыть последствий «оздоровительных» пробежек. Вскоре Саша пришел к нам с чемоданом и железнодорожным билетом и попросил моего товарища, склонного к приключениям, сесть в вагон поезда. Вроде бы он всамделишный пассажир, а Саша за минуту до отправки заменит его. Товарищ согласился. Все прошло по плану, но последняя минута была ужасной для Саши. Законная и ее родственники атаковали его, он сидел съежившись, тихий и маленький, как мышонок.

Турнир подошел к концу, и настала моя очередь бежать

трусцой с чемоданчиком в руке к Московскому вокзалу. Финиш оказался счастливым. Я успел влететь в последний вагон поезда за минуту до его отправления. Запыхался, конечно. Закололо сердце.

Когда я, определившись в свой вагон и на свое место, пошел в туалет умыться перед сном, то в момент, когда в голове пронеслась мысль, что гораздо лучше умереть, когда придет время, от инфаркта, чем от инсульта, в зеркале отразилась физиономия с довольно глупой улыбкой.

Прибыв в Москву, я узнал, что Сашу в родном городе на перроне встретили его папа и мама, а также теща и номенклатурный тесть. Конечно, и молодая законная.

Ленинградцы покорили пространство и время, как поется в песне о молодых хозяевах страны, и опередили Сашин поезд на самолете.

Не удалось Саше разорвать узы Гименея.

Рассказ о Великом плане

Название я не придумал, просто в детстве я читал книжку с таким названием, и оно мне понравилось.

Походило к концу хорошее лето 1956 года. Погода в августе стояла отличная, да и к тому же я получил приглашение поехать на сентябрь в Сочи в качестве главного судьи международного турнира. Сочи, море, шахматы, гонорар… Сочетание прекрасное. Однако, когда я попросил у заведующей редакции Татьяны согласие на освобождение от работы без сохранения зарплаты, она стала меня уговаривать отказаться от поездки. В редакцию поступила рукопись будущей довольно толстой книжки «Курс дебютов» и ее необходимо было отредактировать в сентябре. Таков был план издательства.

Очень хотелось в Сочи, но Татьяну я уважал. Она была доброжелательной начальницей, имела привлекательную внешность и героическую биографию. Воевала в женском авиационном полку и была многократно незаурядно награждена. За выполнение плана редакции отвечала именно Татьяна, а попросила она так деликатно, что я не смог отказать. Однако не успел я глубоко погрузиться в дебютные дебри, как райком партии потребовал от издательства послать на помощь колхозу в подшефный район несколько человек. По ряду причин помочь

колхозу должен был и я. Раньше я не ведал, что в Московской области существует Кривандинский район, но оказалось, что есть такой отстающий район сравнительно недалеко от столицы и в нем есть деревня Марчуги, где находилось правление колхоза, а также сельпо с более чем скромным ассортиментом продуктов. Водка самого дешевого сорта, а селедки отличались худобой. Еще был дом тети Мани, в котором мне и моему коллеге по издательству Борису предстояло прожить четыре недели. Тетя Маня жила одиноко, гордилась тем, что когда ранним утром бригадир Иван Михайлович обходил дома, убедительно призывая колхозников к коллективному труду, тетя Маня забиралась в подпол и была, так сказать, в нитях. Она пояснила нам с Борисом, что отработала самую малость трудодней, что в полевой бригаде вообще работать неинтересно, домой ничего не принесешь, это же не садоогородная бригада… Мы с Борисом не делали никаких попыток перевоспитывать тетю Маню.

Еще в доме поселили девочек с какого-то швейного предприятия. Молодые девочки не выражали какого-либо неудовольствия по поводу работы в деревне, так как колхоз обеспечивал за помощь самыми незамысловатыми продуктами, а дома шла зарплата и увеличивалась возможность приобретения колготок, либо других необходимых девочкам вещей.

Пейзаж Морчугов несколько разнообразили оправа очков Бориса, золоченая, и моя – роговая. Председатель колхоза с нами вежливо здоровался. Выглядел он грустным и немного подавленным. Мы узнали, что он демобилизованный полковник, что он послан для подъема сельского хозяйства. Тогда это было достаточно распространено, печатались даже сердцещипательные романы, о том, как удачно расцветали бывшие отцы-командиры на колхозном поле, и как счастливо складывалась их личная жизнь.

Перед правлением колхоза стоял фанерный щит с социалистическими обязательствами колхоза. В нем предусматривались детали. К примеру, число яиц, которое должна в год снести каждая несушка. Число было мизерное, курам на смех. Однако колхоз все равно отставал и председатель огорчался.

Наши соседки – девчонки относились к нам уважительно. Еще бы – старики на их взгляд, в очках и так далее. Одна девочка по имени Рая как-то специально для нас вскипятила воду и помогла помыть головы. А когда я оказался с ней в кузове грузовика, в который из комбайна грузили на ходу царицу полей – кукурузу, Рая своевременно и молниеносно пригнула мою голову, предотвратив травму. Железный желоб хедера (так,

кажется, называется эта штука) проехал над моею головой.

Шофер этого нашего грузовика тоже был москвичом, мобилизованным и призванным, как говорил поэт. Незадолго до этого эпизода он, после того как мы с Борисом прокатились по соседним селениям в качестве резервных грузчиков, сказал нам, что вечером пойдет на блядку. Грузить нам с Борисом ничего не пришлось, но шофер и Иван Михайлович заходили в какие-то дома и видно было, что слегка нагрузились.

Хотя шофер по имени Петр был мал ростом и неказист, но судьба ему благоволила. Он познакомился с нашей соседкой Раей, тоже далеко не писаной красавицей, и они серьезно подружились.

Работой нас с Борисом не переутомляли. Он находил удовольствие вставать чуть свет и удить незнамо что в какой-то луже. Ему нравилось наблюдать различную скотину, а бык производитель с красными глазами и стальным кольцом в носу вообще восхищал его.

Однажды мы сказали Ивану Михайловичу, что надо бы съездить в Москву, помыться, как следует. Он разрешил сделать это послезавтра, а на завтра поручил нам полить лук в теплице. Работенка была плевая, в теплице имелся водопровод и шланги. Мы упражнялись недолго, но Иван Михайлович сказал, что он нами очень доволен. Он был инвалидом, на фронте потерял руку, получал за работу копейки и говорил, что кому-то надо быть бригадиром. По утрам, после обхода домов, он делал перерыв, переводил дыхание после приема в некоторых домах порций самогона.

Вечера наступали рано, мы иногда собирались компаниями с другими сотрудниками нашего издательства и не теряли бодрости духа, гуляя по густой пыли темных улочек. Погода благоприятствовала и дни летели. Настал день отъезда. Запомнился базарчик на станции. Собственно это были недлинные доски на деревянных ножках и деревянная лавка для двух-трех продавцов зеленого лука и чего-то еще.

Посильную помощь Кривандинскому району мы оказали сполна, а в редакции меня ждала рукопись «Курс дебютов». Я мог наслаждаться шахматными вариантами не спеша. Оказалось, что план можно корректировать, существует такой маневр. Поэтому ущерб издательству не был нанесен.

Единственно, международный турнир в Сочи обошелся без моего судейства, но Сочи я позже видел не раз, а сельское хозяйство больше не нуждалось в моей помощи, чего нельзя сказать об овощных базах.

Память

Моя память начинает звучать, невпопад, конечно. Она так ведет себя часто. Почему? Потому, что она богата, я напитал ее. Память гуляет сама по себе. Это ее закон.

Я вижу Вильнюс двадцать лет тому назад. Высоко над городом солнце. Яркое и незлое солнце конца лета. Выше всего города – освещенный солнцем холм Гедиминаса. Пилес Гедимино – замок знаменитого князя. Над замком красный флаг Победы. И мы поднимаемся на холм, мы осматриваем средневековые развалины, дорогие камни истории. Сверху видна главная улица города, она – как вогнутая дуга. И совсем незаметны тени. По улице строем маршируют курсанты и громко поют:

Непобедимая и легендарная,
В боях познавшая радость побед…

Мы не слышим слов песни, но знаем это наверняка. Курсанты проходят по главной улице утром и вечером и все с той же песней.

С нами на холм не пошел Женя. Мы – мальчишки, нам далеко до тридцати, а ему почти сорок. На нем элегантный клетчатый пиджак, иногда на лице появляются темные очки, которым позднее суждено войти в моду. У Жени фигура сошедшего с ринга полутяжеловеса. Так оно и есть. У него холеные белые руки и массивные запястья. Он говорит:

– Вот вам и заниматься девочками, а я уже старый пес.

И радостно смеется. И все безукоризненно: зубы и пробор, а букву «р» произносит с французским грассированием.

Мы ему, конечно, не верим. Девочки тоже.

По утрам Женя любит поздно вставать. Песня курсантов его будит. И он выходит на улицу из гостиницы «Интурист» в полной боевой форме, в темных очках, и объясняется с курсантским командиром, грассируя как француз, и добавляя несколько французский слов. Он бы мог и одними французскими говорить, да, надо думать, тогда было бы непонятно. Командир поверил, и после того разговора курсанты по утрам, проходя перед гостиницей «Интурист», не будили иностранцев громкой песней.

С холма видно большое здание Дома офицеров. Это дворец,

он хорошо нам знаком. Там огромный зал с удивительным паркетом. Будто бы там танцевал Наполеон, когда шел на Москву.

Пройдут годы, и я попаду в Витебск. И друг детства, медик, который окажется в Витебске заведующим кафедрой, провожая меня ранним утром, покажет на большой дом и скажет:

– Здесь танцевал Наполеон, когда шел на Москву.

Наполеон, Наполеон, наполеоновские войны… Кодекс Наполеона, пирожное «наполеон»… Оказывается, он повсеместно танцевал…

Многое застревает в памяти, даже то, чего не видел. Гедимин и Ольгерд, Ядвига сочеталась браком с Ягайлой, Наполеон шел на Москву… По Можайскому шоссе… Мимо нашей дачи. А танцевал ли он в Москве? Обошелся несколькими афоризмами да засунул руку за борт сюртука? На нем треугольная шляпа и серый походный сюртук.

А какой титул весомее – император или генералиссимус?

Еще с холма видны развалины гетто. Это совсем новейшая история. Ее я вижу и не знаю. Не знал тогда даже, что в гетто было восстание.

Походы, войны, унии, союзы, город и развалины – все отчетливо видно под честным августовским солнцем.

А правду ли говорил Женя о нас и о девчонках?

Мы сидим в ресторане. Я, Юра, Володя и Лев Павлович. Нас обслуживает белокурая и крупная девица. Мы пьем водку, ради удовольствия и порядка ради. И иногда говорим девице любезные слова, не обременяя фраз логической нагрузкой. А Юра договаривается с ней встретиться назавтра, когда мы собираемся кататься по Вилие на байдарках. Девушке двадцать восемь лет. Она соглашается, без тени неохоты. И не приходит. Тогда Володя скажет плоскую шутку. И все будут смеяться.

Отчаянно шумит в голове водка, когда выходишь из ресторана. И выход какой-то не такой – длиннющий подъезд. Кто-то играет на гармошке в этом подъезде, а пьяноватый блондин кружится, танцует. Вдруг он останавливается около нас и спрашивает:

– А ты во власовской армии служил?

– ???

– А я – служил! Поручником!

И снова гармошка, и снова кружится веселый бывший поручник, или же просто врун.

У подножья холма Гедиминаса гадает цыганка:

– Молодой, красивый, хороший! Давай погадаю! Что было, что будет – всю правду расскажу.

– Юра! Давай ты.

– Я не могу, я комсомолец. Давай лучше я заплачу, а Володьке пусть гадает.

Бедная цыганка пыжится угадать, зачем мы сюда приехали. Здоровые ребята, болтаются в будний день без дела… Поди сообрази, что мы приехали на шахматный турнир.

Да, нас собрали шахматы. И никакая цыганка не сможет угадать, что Юра и Володя станут гроссмейстерами, что Лев Павлович забросит свою бухгалтерию и станет шахматным судьей. Что будет он пить фужер водки и запивать рюмкой нарзана. Что Женя исполнит предсказание своей матери о том, что в их роду мужчины живут либо долго, либо умирают пятидесяти лет. И он, побывав на своем веку инженером, шахматистом, знаменитым преферансистом, соберется стать писателем и успеет, да только в пятьдесят два года умрет от инфаркта, на пороге признания.

Всего лишь двадцать лет пронеслось. И все эти двадцать лет я буду помнить солнце над Вильнюсом, цыганку, официантку, «поручника», булыжники гетто. И большие, гладкие, как поля шахматной доски, квадратные плиты площади перед собором…

1966 г.

Кино и шахматный орилым

Виктора я знал много лет. Иногда он звонил мне и спрашивал что-нибудь про шахматы. Он окончил философский факультет МГУ, его почему-то назначили редактором в киностудию, он отнесся к этому философски и спокойно проработал там всю жизнь. Виктор сказал мне, что один молодой режиссер загорелся темой шахмат и хочет снимать короткометражную картину, потом спросил: «Кто лучше напишет сценарий, Котов или Флор?». Я никогда не писал сценариев, но почувствовал досаду. Сказал, что не знаю.

Через два дня, опять утром, Виктор снова позвонил и спросил: «А не хочешь ли ты написать сценарий вместе с режиссером?». И через день ко мне пришел Вадим. Он был действительно молод, позже оказалось, что выглядел моложе своего возраста. Образован, окончил технический вуз и институт кинематографии, сам в шахматы не играет, а на мир взирает с интересом и вдумчиво. Однако в его облике сохранилось что-то юношеское.

Я спросил Вадима тоном мудреца: «Разве шахматы годятся для кино? Два лба, упертых друг в друга, неподвижные руки и ноги, что-то там думают… Разве это киногенично?».

«Да, колоссально!» – выдохнул Вадим. Он покраснел и начал ходить по комнате. Он рассказал мне про страсти и надежды шахматиста, про великую драму мысли. В общем то, что известно шахматному мастеру, но я увидел то, чего не знал раньше и, продолжая сидеть, пошел за шахматным дилетантом.

Потом мы писали сценарий о шахматах, о борющихся людях, о необычайных зрителях шахматных сражений…

Мы были увлечены темой и довольны. Наконец, доказав, что шахматы воспитывают стойкость, изобретательность и так далее, мы написали слово «Конец». Вадим сказал, что теперь он знает, как снимать фильм.

«Богатый материал, шахматы? Верно? – спросил я. – Как вы думаете, можно на шахматной теме сделать полнометражный художественный фильм?». – «Конечно, можно, – ответил Вадим. – Но наш фильм будет лучше!». И в его улыбке светилась гордость.

Настал день обсуждения сценария на художественном совете. Началось настоящее кино.

Стройная голубоглазая и темноволосая женщина, лихо причесанная, оказалась директором. Она походила на генерала в женском платье, но все называли ее по имени и на ты. Пожилая дама, похожая на школьного заведующего учебной частью, оказалась режиссером. А седой человек в темно-синем скромном костюме, с виду инженер или чиновник, на самом деле был видный художественный руководитель. Все это я уразумел по подсказке Вадима.

Едва ли стоит говорить о людях, чьи слова мне понравились. Скажу лишь об одном курносом режиссере. Он заявил, что в сценарии много понаписано, что Вадим и я видим фильм. Значит, спорить не о чем. Надо фильм снимать и Вадиму не мешать. Будет хорошо.

Вдруг раздался львиный рык другого режиссера. Он обладал, кстати, еще и львиной гривой. Он объявил, что в сценарии все банально…

«Банально? Вот скотина!» – подумал я. И молниеносно вспомнил, как ребята тайком поспорили, кто лучше угадает мои ответы на подготовленные ими вопросы. Я тогда проявил оригинальность, а этот обвиняет меня в банальности! Однако рык не прекратился: «Весь сценарий надо перестроить. Снимать надо про людей, а не про шахматы. Здесь полный набор мусора, который кочует из сценария в сценарий…».

Слово взял Вадим и обвинил льва рычащего в том, что он не

прочитал сценарий. Тот признал, что, может быть, не все читал, но то, что есть хорошего, потоплено в груде мусора. «Как это у вас написано: маршируют армии? Как это снимать? Ходы – то делают по очереди!».

«Пожалуйста, потише», – неожиданно спокойно сказал я. И стало тихо. И тут я поставил дымовую завесу – стал образцово объяснять, что настоящие армии противников движутся синхронно, а шахматные фигуры – дискретно. Военачальник может в уме представить себе дискретность маневров военных частей, а шахматный мастер движет в своем уме шахматные полки синхронно. При этом я показал пальцем на собственный лоб. Тут львиная грива закачалась в знак согласия, и мир временно водворился.

Общее мнение стало склоняться к тому, что есть возможность снять интересный фильм, но вот сценарий не то плохо написан, не то плохо прописан.

Редактор Виктор заявил, что сценарий написан блестяще, таких нет… Вадим отметил в сценарии какой-то литературный алмаз. Это прозвучало забавно, но у Вадима в тот момент был такой грозный взгляд, что ему не возразили.

Банальный, алмазный, мусорный, небывалый… Любопытная картинка.

Мое внимание с самого начала привлекла брюнетка, одетая скромно, но, похоже, по моде и дорого. Она иногда отпускала остроты, надувала и без того полные губы и, наверно, была очень довольна собой. Я подумал, что у нее очень хорошо с гормонами, но это наблюдение ни к месту и ни ко времени. Однако брюнетка заявила: «Ты, Вадим, да и Виктор тоже, не говоря об авторе, вкладываете в защиту сценария столько темперамента, что ясно – для сценария не осталось ровным счетом ничего. Там одни прописные истины. Я вот дура и то знаю, что шахматные часы двойные, что шахматам надо уделять внимание при воспитании детей. Я сама купила сыну шахматы, но я не даю Виктору играть в рабочее время, почти на глазах у Тихона (так называли самого главного и старшего по возрасту), поэтому я враг шахмат! Двадцать минут смотреть на людей за доской неинтересно. Я и раньше говорила, что фильма не будет». Так темпераментно она обвинила нас в неправильном расходовании наших темпераментов.

Черту наскоро подвел художественный руководитель. Он сказал, что сценарий надо подсократить, сделать попроще, чтобы прочитал кто-то свыше. Потом все срочно направились в соседнее объединение, провожать кого-то на пенсию.

Я побрел к выходу и в коридоре встретил мужчину. Он

неожиданно сказал: «Здравствуй, Миша! Какими судьбами?». Я не сразу его узнал. Мы когда-то вместе учились в седьмом классе. Потом меня не узнала женщина, с которой я познакомился во время продолжительного путешествия на корабле. В довершение я, сев в троллейбус, на последней остановке обнаружил, что ехал не в ту сторону.

На следующее утро позвонил Виктор. «Такого блестящего обсуждения у нас на студии не было», – сказал он. И мне показалось, что я посетил другую планету, где особые нравы и обычаи.

Вадим снял фильм. Мы там придумали, чтобы гроссмейстеры размышляли над очередным ходом не молча, а вслух. При этом шахматные фигурки двигались, повинуясь их мыслям, потом возвращались в исходную позицию. Эти внутренние монологи отличались своеобразием. Гроссмейстеры думали по-разному. Получилось занятно. Шахматистам фильм понравился. Некоторые критики его хвалили, а на фестивале спортивных фильмом в Ленинграде он даже стал лауреатом.

Как-то на работу из Алма-Аты пришла мне загадочная телеграмма: «Пришлите ваш шахматный орилым». Мы в шахматном отделе разгадали этот ребус. Оказывается, что если небрежно написать букву «эф», то вместо слова фильм получается загадочный орилым.

Фильм назвали простенько – «Шахматисты». Ответственные товарищи определили тираж копий фильма. Маленький. Председатель Шахматной федерации страны (это общественная должность) хотел тираж увеличить. Он пригласил в авторитетное учреждение, где работал, товарища. Товарищ работал по соседству в еще более авторитетном учреждении. Он пришел в номенклатурном синем костюме и светло-бежевых ботинках. Молча просмотрел фильм и лаконично заключил, что гроссмейстеры подолгу молчат, как теперь модно. Музыка, сопровождающая фильм, модерновая. Это тоже нехорошо. Тираж не увеличили.

Один умный шахматист сказал мне, что напрасно я согласился работать начальником Отдела шахмат, лучше бы продолжал писать сценарии. Это выглядело как комплимент, но нельзя исключить, что он сомневался в успешности моей работы в должности начальника.

На этом мое кино завершилось.

Путешествия на шахматном коньке

Загадочная лошадка

От нечего делать летом 1931 года мой ровесник десятилетний Яша предложил научить меня играть в шахматы. Яша думал, что конь прыгает две клеточки вперед и одну вкось, а не вбок, как положено. И я приступил к первой в своей жизни и почти настоящей шахматной партии. Вскоре мой конь забрел на центральное поле, и я объявил шах Яшиному королю. Яша, после раздумья, сказал, что ходить некуда, его король окружен собственными фигурами. Это мат. Мне понравилось ходить конем. Быть может, и шахматная лошадка обратила на меня внимание. Я сначала стал выигрывать у ровесников, затем у старшеклассников и меня послали играть в турнире на первенство Краснопресненского района Москвы. Турнир проходил на Стадионе юных пионеров, там была шахматная секция, и случилось, что шахматы заняли важное место в моей жизни. Между прочим, карты, домино и тому подобное были и остались мне абсолютно неинтересными. Компьютерные игры тоже. В пору учебы в девятом и десятом классах, стал чемпионом Стадиона, перворазрядником. Тогда в Москве было всего три перворазрядника школьника – Юра Авербах, Юра Гусев и я. Шахматы сдружили нас на всю жизнь.

В 1939 году в Москве американский гроссмейстер Решевский давал сеанс одновременной игры школьникам. В перерыве тренер, мастер Юдович, сказал мне, что Решевский спросил у него, сколько играет в сеансе перворазрядников, и он ответил что трое, но кто – это секрет. Решевский сказал, что они станут мастерами, а одного он заприметил точно, у него ладьи сдвоены по линии «b». Ладьи были мои, но прогноз гроссмейстера мне показался преувеличенным. Ведь тогда мастеров в стране было совсем мало. Я был довольно самоуверенным, но каким-то образом в то же время довольно скромным. Не обещал маме, как один сверстник, стать чемпионом мира. Занимался шахматами потому, что мне нравился сам процесс игры. Очень любил гонять блиц и недооценивал роль дебютной подготовки. Надеялся на атаку, на то, что запутаю противника в осложнениях, хотя иногда

в них путался сам. Но Решевский угадал – мы с Гусевым стали мастерами, а Авербах даже гроссмейстером.

Окончив школу, я поступил в Юридический институт. Тогда примером был Михаил Ботвинник – чемпион, но студент, аспирант, ученый. Общественность считала, что спортсмен должен быть рабочим, офицером, еще кем-нибудь, а своим видом спорта заниматься в свободное от работы или учебы время. То есть быть любителем. И десяток лет, не считая учебы, я был юристом, а играл вечерами, в выходные дни, по отпускам.

Шахматы были на втором плане. Однако шахматный конек-горбунок выкинул хитрый номер: в издательстве «Физкультура и спорт» открылась должность редактора шахматных книг, и я оставил юриспруденцию. Стал тружеником шахматных полей. Редактировал, тренировал, судил, писал о шахматах, администрировал. До поры, до времени играл в турнирах.

Став мастером, я был доволен и не имел наполеоновских планов. Быть может, в награду за скромное поведение, волшебный конек-горбунок решил прокатить меня по многим странам. И это в то время, когда выезд за рубеж был событием чрезвычайным. Многие мои друзья желали путешествовать, но сидели дома. Сейчас путешествия за рубеж стали делом обыденным, а я сижу безвыездно дома. Сказать по совести: и никуда не тянет. Но в памяти крепко застряли эпизоды прежних путешествий, и нередко получаешь удовольствие, когда эти стоп-кадры всплывают в памяти.

О путешествиях написано великое множество книг, очерков, эссе. Авторы описывают страны, города, природу, свои свершения и приключения. Мои познания и наблюдения в области географии, истории, экономики и так далее незначительны, а приключения малоинтересны. Однако есть три причины, подвигнувшие меня на эти заметки. Первая – если стоп-кадры сохраняются в памяти столь долго, не исключено, что они могут оказаться кому-нибудь интересными. Второе. Моей половине нравятся мои литературные упражнения. И, наконец, у меня есть время для того, чтобы развлечься и доставлять себе невинное удовольствие. Так что вперед, в прошедшее!

Австрия

1953 год ознаменовался выдающимися событиями. Первое –

для всех. В марте скончался вождь народов, лучший друг шахматистов и прочая, прочая, прочая. Второе – для моей семьи. Супруга родила нашего первого и единственного отпрыска. Третье событие не столь масштабное, однако, в ту пору незаурядное. Я впервые выехал за пределы Родины. Можно выразиться фигурально – выехал на шахматном коньке. Мой товарищ Юрий Авербах предложил мне стать его тренером и секундантом на турнире претендентов за звание чемпиона мира по шахматам.

Мы познакомились в школьные годы, когда участвовали в юношеских турнирах. Много лет позже Юра сказал мне, что первую предложенную им кандидатуру – мастера Михаила Бонч-Осмоловского – начальство отклонило. Это был его друг, энергичный, талантливый и добрый человек. Мотив не скрывали – сын репрессированного. Ни Юрий, ни Михаил не сказали тогда мне об этом ни слова. В том году была большая амнистия. Такая широкая, что напоминала строчку Маршака: «Что ни делает дурак / Все он делает не так». После амнистии на улицах Москвы появилось много людей стриженых наголо. Это были амнистированные, в том числе и уголовники. Черт меня дернул тогда побрить голову на лето. Так прежде поступал мой отец и иногда я. Жена увидела мою прическу из окна роддома. Ребенок, к счастью, появился несколько дней тому назад, так что мой поступок не спровоцировал преждевременные роды. Однако для меня возникли некоторые затруднения. Надо было фотографироваться для оформления так называемого выездного дела. Но все обошлось, и первое путешествие на шахматной лошадке за рубеж началось в урочный час. Турнир претендентов проводили в Швейцарии, но прямых авиарейсов туда в те годы не было. Так что первый этап был самолетом до Вены. Позже я видел классический фильм Чаплина «Диктатор». Там действие происходит в счастливой стране Остерлич. Можно думать, что прообразом страны была Австрия, хотя, конечно, у Австрии счастье было особого рода.

По пути в Вену из аэропорта ранним утром я обратил внимание на домики, а может быть дачки. Двухэтажные с островерхими крышами. На фасаде по одному окну на этаже. И у мансарды тоже одно. А из окон вывешены перины. «Спят мягко, а встают рано», – подумал я.

Почему-то наша довольно большая делегация остановилась в Вене на несколько дней, прежде чем поездом проследовать в Швейцарию. Позже я не раз бывал в Вене, но именно в первую поездку, по дороге в Швейцарию и обратно, охотно осматривал город и достопримечательности. Шенбрунский дворец,

нетопленный он выглядел неухоженным. Комната, в которой умер сын Наполеона по прозвищу Орленок, не произвела никакого впечатления. Позже осенью, на обратном пути, постоял на берегу Дуная, не голубого, а какого-то серого.

Город был разбит на сектора оккупационных войск. Американский, английский, французский и советский. Границы были виртуальные, как теперь говорят. Однако нашим гражданам, находящимся в Вене, не разрешали выходить за пределы сектора. К шахматистам это не относилось. В то время у нас в стране с огромным успехом прошел музыкальный романтический фильм «Большой вальс», об Иоганне Штраусе. И в один из первых дней наша группа поехала посмотреть знакомый по фильму Венский лес. Однако наверху возвышенности я увидел лишь прозаическую асфальтовую площадку, машины, кафе, где я впервые отведал империалистический напиток кока-колу. Да еще увидел группку американских солдат, в их числе одну «солдатку».

Вена была столицей империи с многонациональным населением. Я обратил внимание на вывески со славянскими фамилиями. Запомнилась вывеска: «Романовский частный детектив». У нас Романовский известный шахматист, а у них детектив, притом частный. Как говорится, два мира, две системы.

По прибытии в Вену нам выдали валюту – австрийские шиллинги. Командировочные. И я совершил первую в жизни покупку на валюту. Подарок теще – несессер. Товарищи были поражены – неужели теще? Я подтвердил, не полностью осознавая величия своего поступка. Теще несессер очень понравился.

В Швейцарию путь продолжили поездом, ехали через Тироль. Проезжая, я внимательно смотрел в окно вагона, чтобы дома меня не упрекнули, что я в Тироле был, но ничего не видел. «Тироль похож на Кавказ», сказал мне Володя Симагин, тогда секундант Смыслова. Он отличался правдивостью и прямотой суждений. Как-то он отказался от экскурсии на озеро Рица. «Подумаешь – сказал он – просто озеро в горах».

Глядя из окна вагона, я обратил внимание на то, как валят лес на крутых склонах. Спиленные стволы опускали вниз по одному при помощи троса и лебедки. Каждому дереву надо было кланяться. Очевидно, игра стоила свеч.

Некоторое удивление вызвал пожилой официант в вагоне-ресторане. Он работал быстро и владел разными языками. «Такая работа», прозаически пояснил он.

Американцы выписали пропуск для проезда через их зону. Никто его не проверял. В моем была переврана фамилия и дата рождения. Вероятно, такие важные бумаги во всех странах помогают чиновникам быть при деле.

Возвращалась делегация из Швейцарии снова через Вену. Турнир претендентов принес большой успех нашим гроссмейстерам. В Вене делегацию принял верховный комиссар советской оккупационной зоны И. И. Ильичев. Он оказался приветливым и остроумным человеком. Комиссар с серьезным видом предложил шахматистам два варианта. Первый – задержаться в Вене на неделю и выступить с сеансами одновременной игры в военных частях и некоторых городах. В этом случае он устраивает банкет в честь шахматистов. Второй вариант – мы отказываемся. Тогда банкета не будет, а он просто своей властью приказывает задержаться и выполнить программу выступлений. Банкет, конечно, состоялся и прошел в очень теплой атмосфере. Запомнилось, что когда атмосфера достаточно нагрелась, один дипломат рассказал анекдот явно против культа личности недавно усопшего вождя. А пора открытой борьбы с этим культом была еще впереди.

Меня направили давать сеанс одновременной игры в авиационную часть в город Баден, близ Вены. Просто Баден, а не знаменитый Баден-Баден, что в Германии. Мы поехали с гроссмейстером Бондаревским. Состав участников сеанса был довольно легким, Я играл, а гроссмейстер прочитал лекцию. Я помалкивал, хотя на родине работал адвокатом. Бондаревский рассказывал об американском гроссмейстере Решевском, о том, что он не играет в субботу, про вечернюю звезду в пятницу. Потом десятки лет комментаторы упражнялись на эту тему, благо, что и Роберт Фишер не хотел играть по субботам. Командир части играл в сеансе. Гроссмейстер ходил за мной и напоминал, что партия должна окончиться миром. Неожиданно среди зрителей я увидел мою одноклассницу. Она была замужем за летчиком и сама служила в Бадене. После сеанса командир и комиссар пригласили нас на рюмку чая. Мы не отказались, но хозяева ограничились именно чаем, так как находились при исполнении. Домой нас отвезли в прекрасном расположении духа в теплой машине. Еще я дал сеанс в городе Санкт-Пельтен. Там я был совсем один. После сеанса меня попросили дать автограф в местную коммунистическую газету. Я согласился, расписался, и это было моей первой публикацией в иностранной прессе.

В 1980 году я дважды ездил в Австрию в связи с матчем претендентов на титул чемпиона мира Петросян – Корчной. Первый раз с так называемой инспекционной проездкой перед матчем. Он проводился в небольшом курортном городе Фельден-ам-Вертерзее. Попутно мне поручили выступить с сеансами по линии общества дружбы Австрия – СССР. В Вене меня встретил сотрудник этого общества Рихард Вагнер – полный тезка

композитора. Он оказался бывшим москвичом и моим ровесником. Живя в Москве, учился в немецкой школе, которую в целях бдительности прикрыли. Учеников перевели в разные школы, и в наш класс попал Густав, фамилию которого засекретили, потому что, как нам пояснили, кругом шпионы. Кажется, его отец был в высокой должности в германской компартии. Густав позже перешел в артиллерийскую спецшколу и на войне погиб, сражаясь с фашистами. А Рихард вместе с родителями вернулся в Австрию. Мы общались недолго. Рихард как-то сказал мне, что австрийцы отличные горнолыжники, потому что они лентяи: на лыжных гонках надо потеть, а с горы лыжи сами катятся. Я вспомнил о сложностях лесоповала в горах, о ранних перинах в окошках, о крутых поворотах горнолыжников на огромной скорости. Получилось, что, как говорится, дяденька шутит. В курортном городке Фельдене условия для проведения матча были вполне приемлемые. Матч проводился в марте, когда населения города всего пять тысяч. А в курортный сезон оно в шесть раз больше. Помимо прекрасного климата, большого чистейшего и глубокого озера, (максимальная глубина более восьмидесяти метров!), Фельден располагал еще и казино.

Австрия граничит с Германией, Италией, Швейцарией. Всего с девятью государствами. И не везде есть казино, но есть любители поиграть не в шахматы. Мне предложили проводить матч в казино. Я гордо заявил, что шахматы игра благородная и соседство с рулеткой не подходит. Тогда предложили местный дом культуры, если назвать по-нашему. Директор казино на меня не обиделся. Звали его Гермоген. Имя, как мне казалось, подходящее для священнослужителя. В жизни не встречал его тезки. Гермоген был средних лет, симпатичен, элегантен, с кремовым мерседесом и при этом демократичен. Он рассказал мне, что в Австрии восемь казино, и все они принадлежат государству. Известно, что игорный бизнес чрезвычайно прибылен. Его организация и управление не требует высоких технологий. Почему-то наше государство оказалось не в состоянии справиться с этим простым и небезвыгодным делом и начало строительство рыночных отношений с того, что расплодило тысячи частных казино и без числа игорных автоматов с криминальным уклоном.

Когда мы с организаторами обсудили все технические детали проведения матча, мне предложили сыграть блиц несколько партий с сотрудником казино мастером Хельцлем. Вероятно, хотели убедиться, что я из Спорткомитета или, может быть, какого-то другого Комитета.

Когда увидели, что я умею играть в шахматы, то улыбаться

мне стали заметно теплее и чаще.

Матч с Корчным был неудачен для Петросяна. Имя Корчного старались пореже упоминать в средствах советской массовой информации. В песне о матче Карпов – Корчной 1978 года на звание чемпиона мира Владимир Высоцкий так отметил это обыкновение: «Один из них слуга народа / Что пьет кефир в решающий момент / Другой без племени и рода / С презрительною кличкой претендент».

По понятным причинам страсти вокруг матча накалялись. К тому же личные отношения соперников были хуже некуда. Петросян по складу характера плохо переносил конфликтную обстановку. А Корчной в такой обстановке чувствовал себя прекрасно. И тут надо отдать должное австрийским организаторам матча. Они делали все, чтобы наша делегация чувствовала себя по возможности хорошо. Небольшой эпизод. После матча я попросил заказать билеты на поезд до Вены в вагоне второго класса, как нашими правилами предписано. Организаторы не возражали. Они просто забронировали весь вагон этого класса для нашей группы из пяти человек.

Позже в казино Фельдена матч претендентов все-таки состоялся. Это был матч Смыслов – Хюбнер. К организации этого матча я отношения не имел.

Венская площадь Мексико-плац была хорошо знакома советским командировочным. Там располагалось много магазинчиков с самыми дешевыми товарами. Конечно, не высшего качества, но вполне подходящего для подарков, да и для собственного использования. А привозить подарки из-за рубежа обычай обязательный. Мне запомнились два разговора с продавцами. Один из них еврей из Польши, владеющий русским языком. Он и его жена полька работали в магазине продавцами. В разговоре он возмущался тем, что польская власть, коммунисты-«интернационалисты» выставили его из Польши и ему, опытному кондитеру, приходится здесь работать продавцом. «Это еще куда ни шло, – говорил он, – моего друга коммуниста тоже изгнали. А он был подпольщиком в панской Польше, отбывал срок в Березе-Картузской, в концлагере. Виноваты поляки, – сказал он. – Они евреев ненавидят, русских ненавидят, немцев ненавидят, сами себя ненавидят». Глядя на его миловидную голубоглазую блондинку славянку жену, трудно было представить, что она всех ненавидит. Однако от спора по национальному вопросу я воздержался.

Через несколько лет я сказал другому продавцу, что магазинчики на Мексико-плац стали выглядеть наряднее, оформлены побогаче. Продавец оказался парнем из Сокольников,

из Москвы. Он не без юмора ответил: «Это естественно. Едут из СССР советские люди, и поэтому хорошеет капиталистическая Австрия». Деликатно не сказал, что уезжают из Советского Союза люди потому, что Австрия хорошеет, все в ней есть. И чудная природа, и промышленность, и сельское хозяйство. А дома неуютно.

Швейцария

«Наши горы, наши часы, наш сыр, наш шоколад…» перечислил то, чем славится Швейцария в приветственном слове участникам международного турнира сильнейших шахматистов мира президент Швейцарской шахматной федерации Алоис Наглер. Турнир претендентов на титул чемпиона мира 1953 года нередко называют турниром в Цюрихе, это верно, но не совсем точно.

Для проведения международного турнира нужны деньги. Швейцарцы придумали любопытный способ привлечения в турнирный фонд средств. Решено было что кантон, собравший денег больше всех, имеет право провести старт турнира, восемь туров. Остальные двадцать два – в Цюрихе, самом большом городе страны. В соревновании победил кантон Шафхаузен. Поэтому наша делегация в составе девяти гроссмейстеров, восьми секундантов, врача, переводчика, руководителя и его заместителя в штатском прибыла в маленький городок Нейхаузен-ам-Рейнфаль близ города Шафхаузена.

Швейцария – страна небольшая, всего сорок тысяч с мелочью квадратных километров, к тому же ее две трети – горы. И населения с пол-Москвы, но страна знаменитая. И, конечно, не только благодаря первоклассным часам, сыру и шоколаду. Природные красоты вдохновляют писателей, и еще в Швейцарии осели самые авторитетные международные организации, там любят общаться ведущие политики. В Швейцарии селятся доживать свой век старые миллионеры. Здесь и климат, и курорты, и медицина – все на высоте. Уважают Швейцарию политические эмигранты. Много там бойцов «невидимого фронта» из разных стран. Не говоря уже о туристах и любителях горнолыжного спорта.

В Швейцарии двадцать три кантона и четыре государственных языка. Основные немецкий, французский и

итальянский. Ими на планете владеет великое множество людей. Четвертый – древний ретророманш, но о нем мало кто из иностранцев слышал. Потомки аланов говорят по-немецки, бургундцев – по-французски. В стране постоянно проживают сотни тысяч иностранцев. И религиозных конфессий немало. И все мирно уживаются. Не то что, к примеру, в Ольстере, где ирландцы-католики и ирландцы-протестанты враждуют и убивают друг друга.

Мне показалось, что швейцарцы народ довольно смирный, законопослушный. Гостиница «Золотые мечи» в Цюрихе, где сначала поселились наши шахматисты, находилась на улице Нидердорфштрассе, близ небольшой площади Хиршенплатц, от которой идет улочка Розенгассе, где можно посмотреть на окна дома, из которых в свое время выглядывал Ленин. Хозяин дома не склонен удовлетворять любопытство желающих попасть внутрь этого дома.

Напротив гостиницы был бар, и на площадке перед баром шла постоянная, как теперь говорят, тусовка. Молодые люди, девицы древнейшей профессии… Драк не наблюдалось. Лишь однажды видел очень гуманную потасовку. А листовка с портретом кем-то убитой девицы и обещанием полиции выдать пять тысяч франков тому, кто укажет на убийцу, висела на стене дома долго и одиноко. Позже руководство делегации решило переехать из этого отеля в более респектабельный. Он был дороже, а кормили в «Золотых мечах» лучше.

В Швейцарии я впервые столкнулся с тем, что, не в пример нашим землякам, люди охотно уступают дорогу. Да что люди, даже водители машин.

Особая статья – швейцарские банки. Однако перечислять можно многое. Скажу лишь, что шахматистам Швейцария очень нравится; в стране много шахматных клубов, регулярно проводятся международные турниры, можно сказать, бескорыстно, потому что не было еще швейцарского шахматиста экстра-класса.

Четырежды благодаря шахматной лошадке я бывал в Швейцарии. 1953, 1968, 1976, 1985 это годы турнира претендентов, конгресса ФИДЕ, двух межзональных турниров. Цюрих, Лугано, Биль… Лето и осень, недели и месяцы. Из двух десятков стран, что я повидал, Швейцария, пожалуй, понравилась больше всех.

Сотни лет Швейцария строго блюдет нейтралитет. Когда мы приехали, там отмечали прекрасный юбилей – 250 лет без войн. И при этом свободно продается оружие. Как-то я обратил внимание на витрину небольшого магазинчика: стоял пулемет, змеились

пулеметные ленты. Своеобразный ширпотреб, подумалось мне. Позже, в 1968 году, я познакомился с солдатом запаса швейцарской армии. Он был любезным владельцем и управляющим отеля «Аризона», где мы остановились в Лугано. Однажды руководитель делегации Алексей Капитонович пригласил его зайти к нам выпить по рюмашке и закусить икоркой. Тогда икра была более или менее доступна и необходима для международных дружеских контактов. Управляющий сказал, что собирается на недолгий военный сбор. Мы выразили удивление тому, что он рядовой солдат, а не офицер запаса. Он ответил, что для получения офицерских знаков различия надо прослужить в армии лишний год. И при этом потерять в своем бизнесе несколько десятков тысяч франков. Слишком дорого, резюмировал он. Я заметил, что Алексей Капитонович, переводчик Валерий и я – офицеры запаса. Он улыбнулся и сказал, что в этом вопросе мы похожи на детей. Несколькими днями позже мы простились с управляющим. Он ехал на сбор в солдатской форме, с автоматом и вещмешком.

У кого-то из классиков марксизма я в свое время читал, что хотя Швейцария ни с кем не воюет, но повсюду, где идут военные действия, льется швейцарская кровь. Ведь в старину швейцарцы славились как отменные наемные солдаты. А в наши дни наемные швейцарская гвардия охраняет папский престол, радуя взор посещающих Ватикан туристов яркой старинной формой.

Президента швейцарцы выбирают на один год. Большой власти он не имеет. Ведь Швейцария – конфедерация, власть кантонов имеет широкие границы. К тому же многие вопросы выносятся на референдумы. Остается только удивляться, как при всем этом жизнь течет спокойно. Такая сложная система, а действует как швейцарские часы. Во время турнира претендентов президент Швейцарии с занятной фамилией Птипьер удостоил шахматистов совместным ленчем. Сам он оказался роста небольшого, одет в обыкновенный серый костюм, сопровождающие и охрана не бросались в глаза, а скорее просто отсутствовали. Ресторан скромный. Столы накрыли на свежем воздухе. Было тепло. А скатерти оказались просто бумажные. Никто перед президентом не лебезил.

Климат в Швейцарии разнообразный. В Цюрихе обыкновенный для москвича. Как-то в прекрасный день ранней осени мы с товарищем, гуляя, поднялись на близлежащую небольшую горку. Наверху было заметно прохладнее. По шоссе мимо нас проехал огромный грузовик, доверху груженый яблоками. И сильный яблочный дух сделал окружающий мирный пейзаж еще приятнее. Быть может, из-за сильного запаха яблок

этот момент остался в памяти.

Климатические достоинства Швейцарии описаны в художественной литературе и широко разрекламированы. Однако в Цюрихе я узнал слово «фен». Это такой сильный, теплый и сухой ветер, дующий иногда весной, летом и осенью в северных долинах Альп. Так сказано в энциклопедии. От него болит голова. Я слышал, что сделки, состоявшиеся в дни, когда дует фен, могут быть оспорены, а хирургические операции лучше не делать. И играть в шахматы будто бы плохо. Однако перерывов в турнире по причине фена не было.

Швейцария не велика и из северных долин Альп рукой подать до Лугано, где климат средиземноморский и можно продлевать лето на берегу великолепного озера.

Туристов в Швейцарии так много, что власти считают ненужным привлекать любителей азартных игр. И казино под запретом. Однако во время конгресса ФИДЕ в Лугано важная персона в руководстве ФИДЕ, итальянский граф, а может быть князь, Дальверме пригласил некоторых участников конгресса отужинать в ресторане казино в Компьене. Эта деревня – итальянский анклав. Вокруг швейцарская территория, а казино на итальянской земле в соответствии с итальянскими законами. Конечно, никаких пограничников. Ужин был отличным, вина в избытке, оркестр играл, в соседнем зале рулетка крутилась… Богатые личности, которых тогда не величали элитой, ловили миг удачи. Ощущался некоторый общий эмоциональный подъем. Сам граф мало ел и пил, но с удовольствием взирал на своих гостей. Мы с Алексеем Капитоновичем вышли подышать свежим воздухом на балкон. Перед входом в казино на площадке сверкал большой ряд дорогих автомашин. Алексей Капитонович критически заметил: «Так они отдыхают». Наверно, посчитал нужным предохранить меня от неправильного восприятия буржуйской действительности.

На двух межзональных турнирах я почти два месяца прожил в небольшом городе, имеющем, в отличие от других городов мира, двойное название Биль и Бьен. Немецкое и французское. Там даже в гостинице на двери номера я увидел табличку – шамбр / циммер, как говорил великий комбинатор Остап Бендер. Как в Швейцарии положено, город стоял на берегу озера. В то лето в Европе была редкостная жара. В Биле температура воздуха держалась днем на тридцати пяти градусах в тени. Однако переносить это было нетрудно. Вечером спускалась прохлада со снежных соседних вершин.

Своеобразное объявление о том, что магазин закрыт, я увидел на его витрине. Стояли игрушечные рюкзачок и ледоруб. Ясно без

слов – хозяин ушел в горы.

В этом самом немецко-французском Биле одну улицу украшает стройный ряд берез. Соотечественники считают березу русским деревом, между тем березы распространены во многих странах.

Городские власти Биля проявили заботу о друзьях человека – собаках. Для их выгула устроен специальный парк.

В выходной на турнире день организаторы устроили прогулку на катере по озеру. Причалили к небольшой деревеньке, окруженной горами. Она занимала маленькую долину, и вроде бы доступ к ней был возможен только по воде. Оказалось, что в толще горы прорыт тоннель, специально к этой деревушке. Сооружение очень трудоемкое, но швейцарцам оказалось посильное.

Начало турнира претендентов проходило, как уже сказано, в кантоне Шафхаузен, в городке Нейхаузен-ам-Рейнфаль. Длинная центральная улица, на которой находилась добрая половина домов, делала Нейхаузен похожим на деревню, однако в деревне было несколько гостиниц. Наша группа поселилась в новом отеле, еще пахнувшем краской. Из окон был виден Рейн и доносился шум водопада. Перед водопадом возвышается скала. Воды Рейна, сжатые высокими берегами, огибают ее двумя потоками. Они веками точат скалу и, сливаясь, низвергаются с грохотом. На левом берегу замок, на правом небольшая электростанция. Реки в Швейцарии несудоходны, зато гидроэлектростанций множество. Электроэнергия и чистый воздух.

В школе мы учили: «Унд руи флист дер Райн…», то есть спокойно течет Рейн. Но это Гейне писал о Рейне в Германии, а близ Нейхаузена течение быстрое. Вода чистая. Немного поплавав в Рейне, я получил не только физическое, но и, как теперь модно говорить, духовное удовлетворение. Участники турнира и секунданты могли пользоваться также открытым бассейном, принадлежащим небольшому механическому заводу. Бассейн сооружен по всем правилам, вокруг зеленый газон, проволочные корзинки для мелкого мусора, небольшое строение и в нем раздевалка и буфет. При хорошей погоде рабочим приятно и с пользой можно провести здесь обеденный перерыв.

В Цюрихе была небольшая встреча наших шахматистов в обществе культурной связи, и швейцарский коммунист показал нам библиотеку, где занимался Ленин, живя в Цюрихе в эмиграции. Он поведал нам, что однажды Ленин выступил с речью и сказал, что в Швейцарии не будет революции, пока у многих рабочих есть накопления в банке. На вопрос, есть ли у рабочих вклады сейчас, швейцарский коммунист засмеялся и

сказал, что есть. Получалось, что марксистский прогноз об абсолютном обнищании рабочего класса в Швейцарии не подтвердился.

Между прочим, в Цюрихе когда-то жил другой знаменитый человек – Альберт Эйнштейн. Про Ленина долго говорили, что он гений, про Эйнштейна говорили и говорят это самое до сих пор. Но нас не повели посмотреть Цюрихский Университет и Политехникум, где Эйнштейн работал профессором, а самостоятельно я не удосужился. Но позже я видел в Швейцарии жилище Жан-Жака Руссо, удивительно скромное. Глядя на его утлую кровать, трудно себе представить, что на ней мог спать столь великий философ. Хотя философы народ особый. Диоген, говорят, жил просто в бочке.

В Цюрихе произошел занятный эпизод. Портье в гостинице передал Юрию Авербаху солидный пакет. В нем оказалась пропагандистская литература, за которую на родине имеют обыкновение привлекать к уголовной ответственности, и увесистая коробка шикарных шоколадных конфет. Я видел на витрине соседнего с гостиницей магазина такую же самую, по цене хорошей пары обуви. Каждая конфета в коробке лежала в отдельной ячеечке. Мы с удовольствием съели по одной вкусной конфете и от греха подальше решили сдать посылочку заместителю. Когда Юра отнес ему пакет тот, открыл коробку конфет и увидел две пустые ячейки. Он сказал Авербаху, что ведь конфеты могли быть отравленными. Авербах, изобразив серьезную мину, ответил, что он сначала дал попробовать Бейлину. Заместитель промолчал.

Магазины в жизни советского командированного за рубежом играют несравненно более важную роль, чем дома, В один из первых дней в Цюрихе я зашел в довольно большой магазин с молоденьким тогда Тиграном Петросяном. Мы поднялись на второй этаж, где посредине зала на огромном столе лежали рулоны различных тканей. Кроме нас посетителей не было, но из разных углов зала к нам бросились два продавца с такой скоростью, будто они мчались на мотоциклах. У меня даже заболела голова. Когда мы вышли из магазина, Тигран спросил меня о впечатлении. Я сказал, что московские магазины по сравнению с этим похожи на сельпо. А Тигран развил сравнение, сказав, что в Париже он видел магазины, по сравнению с которыми этот цюрихский тоже похож на сельпо.

Однажды руководитель делегации, заместитель председателя Спорткомитета СССР Дмитрий Васильевич Постников, попросил меня сопроводить его в магазин. Я охотно согласился, так как он был доброжелательным и порядочным человеком и, хотя сам в

шахматы не играл, но к шахматам и шахматистам относился с симпатией. Ему жена наказала купить какой-то отрез. Мы зашли в небольшой магазин, покупателей не было, за прилавком стоял солидный господин, в очках в золоченой оправе, похожий на старорежимного доктора. Я выполнял функцию переводчика. Пока шеф знакомился с шерстяными тканями, продавец-доктор узнал, откуда я и спросил, не собираюсь ли я остаться в Швейцарии. Я радостно ответил ему, что совсем недавно супруга родила сыночка, и я очень хочу поскорее вернуться домой. Продавец улыбнулся понимающе, как доктор, и к эмиграции меня не склонял. Отсутствие родных очередей и изобилие товаров, конечно, производили большое впечатление, но домой все равно хотелось.

Однажды в Цюрихе мы с Юрием в послеобеденный час сидели, отдыхая, на скамье сквера близ набережной реки Лимат. Вода реки, казалось, стала плотнее, воздух прозрачнее, листья деревьев готовились к осеннему пожару. Приблизилась золотая швейцарская осень. За водной гладью виднелись снеговые вершины Альп. Неподалеку по чистому асфальту шелестели шины автомобилей. Людей вокруг почти не было. На аллее появилась пара – мужчина и женщина. Они молча прошли мимо нас не прогулочным, а скорее деловым шагом. Они были почти одного роста. Скорее высокого. Одеты в серые костюмы спортивного покроя. Костюм мужчины был заметно не нов. Быть может, они встретились в обеденный перерыв. Пройдя десятка два шагов, они остановились и поцеловались. Крепким и долгим поцелуем. Он придерживал ее затылок рукой, ее рука лежала на его плече. Потом, отпрянув, они зашагали по аллее дальше. Он стройный, она чуть-чуть в теле. Оба загорелые, русые, лет тридцати пяти. Поцелуй был сильный, неторопливый, зрелый. Поцелуй разгара человеческого лета.

«Смотри, запоминай», – сказал Юрий. Он был настроен философически. И заключил: «Потом вспоминать будешь».

Спустя шестнадцать лет, я снова попал в Цюрих. Прошелся по тому самому бульвару. Людей стало больше, машины уже не шелестели, а шумели не умолкая. Стояла поздняя осень. Серая.

Турнир претендентов в Цюрихе был очень долгим. Я успел основательно соскучиться по дому, по стране. Тогда мне не приходило в голову, что порядок вещей в нашей стране может кардинально измениться. Тем не менее, я как-то сказал товарищу за обедом, что швейцарцы просто живут, а мы все собираемся жить, все строим всеобщее счастье в будущем. Сказал и позабыл. Много лет спустя товарищ мои слова напомнил мне. Сейчас мне приятно, что хотя я был изрядно зомбирован, но смог взглянуть в

корень.

Социализм-коммунизм не достроили, принялись строить рыночную экономику. Трудно что-то перестраивать, не умея толком строить. Приходят на память строчки Маяковского:

«Шел я верхом / Шел я низом / Строил мост в социализм / Не достроил и устал / И уселся у моста / Травка выросла у моста / По мосту идут овечки / Мы желаем очень просто / Отдохнуть у этой речки». Так Маяковский критиковал опортуниста.

Ныне у многих моих соотечественников есть счета в банке, есть собственность, та самая, которая священна и неприкосновенна. Немало желающих расширить этот закон и на украденную в суматохе исторических событий собственность. Чтобы и она была священна, как вклады в швейцарские банки.

Копенгаген

Ранним утром 11 января 1961 года наш корабль «Эстония» подходил к столице Дании Копенгагену. На борту появился пожилой и толстый лоцман и еще один господин, который предложил менять доллары на датские кроны. Денег у туристов было всего ничего, зато всем бесплатно раздали буклеты со снимками датских достопримечательностей и сведениями о стране. На обложке красовалась цитата из неизвестного мне автора: «Где у немногих слишком много / И где лишь горсточка бедна». Так представлена Дания, как страна справедливости.

Один день, проведенный в Копенгагене, был посвящен лишь осмотру города, а контактов с аборигенами не было вовсе. Так что достоверность этого заявления датского агитпропа проверить не представлялось возможным.

Корабль причалил прямо к бульвару, который носит название «Длинные линии». Берег низкий и сходишь с палубы корабля прямо в миллионный город. В стране пять с лишним миллионов жителей, и четверть этого числа живет в Копенгагене. Остров Зеландия, на котором стоит Копенгаген, довольно плоский, никаких гор в Дании нет и в помине. На этой набережной – бульваре я обратил внимание на оригинальный дорожный знак для автомобилистов. Был изображен автомобиль, падающий в воду. Справа по ходу движения машин была не твердь обочины или кювет. А просто море. Началась продолжительная автобусно-пешеходная экскурсия по городу. Дома красные кирпичные,

черепичные островерхие крыши тоже красные, рядом светлые современные дома, нередко с плоскими крышами. При известной фантазии можно вообразить, что добрый волшебник сложил город из красных и белых кирпичиков. А над городом возвышаются старинные затейливые башни дворцов, они покрыты позеленевшей от времени медью. Одна из башен спиралью ввинчивается в небо. И эта спираль опирается на четырех драконов. Прямо как в сказке. Оно и немудрено, ведь великий сказочник Андерсен датчанин. Между прочим, в этой башне, стоящей на сказочных драконах, очень реалистическое учреждение – биржа. В Копенгагене есть очень красивая площадь – Амалиенборг. Она круглая. Четыре дворца, как сомкнутые ранние полумесяцы, окружают площадь. В одном дворце живет король, в другом его брат, в третьем наследница престола. Дания самая старая в Европе монархия. Действительно, старше тысячи лет. Воздух в городе чист, хотя в Дании высокоразвитая промышленность.

Уличное движение в ту пору показалось умеренным. Пешеходам хорошо. Велосипедистов множество. И каких только не увидишь багажников на велосипедах. И сзади, и спереди, и разной формы. А перед школами, на площадях, улицах настоящие стойбища велосипедов.

Между прочим, в наши дни туристам обещают давать велосипеды в пользование бесплатно.

В январе снега не было и в помине. Прохожие одеты довольно скромно, преобладают серые, коричневые и черные цвета одежды. Многие в куртках, пиджаках. Дети, напротив, в одежде ярких цветов. Почтальоны в ярко-алых куртках видны издалека. И полицейские, регулирующие движение, в белых шлемах и нарукавниках, опоясаны белыми ремнями, тоже заметны.

Гвардейцы несут караул перед королевским дворцом в черных шинелях, перекрещенных белыми ремнями. Серо-голубые брюки с лампасами и поверх всего огромная меховая шапка, кажется, медвежья.

Зашли в большой собор. Гид сообщил, что он сооружен из миллиона кирпичей. Я не знаю, хорошо это или плохо. Может быть, просто привлекает это число – миллион! Долларов, фунтов, иен и даже кирпичей.

Ненадолго покинув Копенгаген, осмотрели шекспировский Эльсинор, где Гамлет решал очень трудный вопрос – быть или не быть? В действительности это замок Кронеборг, однако автор не только изменил название полюбившегося ему замка, но изменил и его месторасположение. Зато замок стал датской достопримечательностью.

Когда возвращались в город, гид обратил внимание на то, что мы находимся на самой высокой точке Зеландии – 140 метров над уровнем моря. Однажды он продемонстрировал черный юмор: «Налево посольство Соединенных Штатов, направо Советского Союза, а между ними кладбище».

Самый знаменитый памятник в Копенгагене это бронзовая Русалочка на камне среди вод, героиня сказки Андерсена. На берегу туристы, фотографируют, ностальгируют по детству. Досадно было позднее дважды узнавать, что какие-то негодяи отпиливали голову Русалочки. Выходит, правильны слова Гамлета, что не все спокойно в Датском королевстве.

Мне показалось, что датские малыши очень послушные. Во всяком случае, я видел неподалеку от Русалочки маму с коляской и двумя малышами. Старший, лет четырех, держал на руках с серьезным видом совсем маленького братца. И еще видел, как две женщины погрузили в большую низкую тележку целую стайку малышей и перевозили этот детский сад через проезжую дорогу. Малыши стояли смирно, держась друг за дружку.

Общеизвестно, что в Дании превосходное сельское хозяйство, коровы у них по удоям рекордистки. Сейчас даже выращивают и широко экспортируют рождественские елки. При этом в городах проживают в шесть с лишним раз больше людей, чем в сельской местности. Пивовары датчане замечательные, моряки тоже. Высокотехнологичное датское медицинское оборудование славится во всем мире. А из полезных ископаемых у датчан только песок и глина. И воинами в старину были незаурядными. Было время, когда датскому королю подчинялись и шведы, и норвежцы.

За один туристский день не разобраться, сколько в Дании людей, у которых слишком много, и насколько мало бедняков, но нищих я не видел.

Из истории известно, что после Второй мировой войны южную спорную провинцию Шлезвиг, пограничную с Германией, могли передать Дании. Германия была разбита, датчане в лагере победителей. Но они отказались от этого трофея. Посчитали, что им достаточно жизненного пространства. Редкий случай. Думается, можно сделать вывод, что хотя викинги очень любили подраться и были выдающимися вояками, но их потомки, умудренные опытом, успешно применяют свою энергию и талант в мирных целях.

Лондон

Ранним утром 13 января 1961 года корабль «Эстония» вошел в устье Темзы. На карте Темза вроде бы небольшая река, короткая, но я неожиданно увидел, что она широкая и полноводная, а движение кораблей, барж, катеров очень интенсивное. Суда и суденышки мелькали, будто автомашины на широкой улице. Во время приливов в Темзу заходят большие корабли. «Парковка» кораблей – проблема серьезная: берега не резиновые. Нам предстояло пройти вверх по течению 40 километров в порт Тилбери. Первым англичанином, которого я увидел, был лоцман. Его небольшой катерок шел навстречу «Эстонии», борясь с волнами. Дул ветер с моря. Перед каждой волной катерок становился на дыбы, как лошадь перед барьером, но упорно двигался вперед. А «Эстония» лишь слегка покачивалась. С высокого борта лоцману сбросили штормтрап, такую веревочную лестницу. На борт ловко поднялся высокий моряк в черной тужурке, черных перчатках и белой фуражке.

По всему было видно, что такое упражнение ему приходится делать часто. Затем бросили вниз конец, а по сухопутному просто веревку, и подняли с борта катера увесистый портфель. Лоцман приветствовал жестом пассажиров и команду и поднялся на капитанский мостик. Он выглядел спортивно, а его дородному датскому коллеге трап подавали не штормовой.

В Лондон мы прибыли, можно сказать, с черного хода. В Тилбери доки, сюда причаливают грузовые корабли. Подъемные краны, погрузка, разгрузка. После формальностей, когда полицейские пограничники профессионально глядели в глаза, мы ступили на английскую землю, и я обратил внимание на молодого аборигена. Юношу в джинсах украшала затейливая прическа. Неуверенная походка и очень румяные щеки говорили о том, что, в раннюю пору он успел нарушить спортивный режим.

Автобус двинулся в Лондон. Проезжали туннели, сырые, неприглядные. По краям шоссе встречались опрятные домики и кое-где пустыри, следы войны, когда немецкие самолеты жестоко бомбили промышленную и жилую зону Тилбери.

Утро серое, сплошная облачность, освещение спокойное, как на картинах английских художников. И неожиданная для москвича картина: бесснежный январь, а на огородах длинные гряды зеленеющих кочанов капусты. Наконец наш автобус оказывается в городском потоке машин. Неповоротливых троллейбусов не видно, зато встречаются двухэтажные автобусы. Лондонская достопримечательность. Движение, как известно, левостороннее. Англичан не беспокоит, что почти во всем мире – правостороннее. Движение регулируют высокорослые

полицейские, одетые в черные шинели. Специфические черные каски, не то шлемы, знакомые всем по кинофильмам. Однажды во время вечерней прогулки я обратился к полисмену. Спросил дорогу к отелю. Он не понимал по-русски, я по-английски, но он проявил терпение и вежливость и все объяснил. Выдержка, корректность, типичный англичанин – подумал я. Правда есть еще буйные футбольные фанаты, но это просто уроды. Разумеется, я знал, что Лондону более двух тысяч лет. Еще римский историк Тацит упоминал о нем, как о важном торговом центре Римской империи. Столица Великобритании, огромной империи в недалеком прошлом, владычицы морей, да и сейчас на всех континентах миллионы людей говорят по-английски.

В Лондоне грандиозный Британский музей с диковинами всех народов и веков, Национальная галерея, Тауэр, Биг Бен, Вестминстерское аббатство, соборы, дворцы, Гайд-парк, наконец, Бейкер-стрит, улица, где Конан Дойл поселил Шерлока Холмса, оказавшегося живее всех живых. Все это демонстрируют туристам, и расписано на миллионах страниц. Однако хочется кое-что сказать о своих впечатлениях. Ведь во многих памятных местах по всему миру красуются надписи типа «Здесь был я. Вася». Так что позволю себе послабление. В Британском музее я увидел знаменитые фаюмские портреты. Пролетело почти два тысячелетия, а восковые краски не потускнели. Древние египтяне смотрели на меня, как живые. Но мне показалось, что они смахивают на евреев. Хотя история это исключает, и отношение египтян к евреям хорошо выражено словами: «Мерзостен египтянину пастух овец». В чем тут дело, для меня осталось загадкой.

Знаменитый парламент доступен для посещения и осмотра. Палаты общин и лордов похожи друг на друга. В одной палате диваны, на которых сидят члены парламента, обтянуты красным, в другой зеленым сафьяном. На сидении кресла спикера палаты общин подушка набитая овечьей шерстью. Все, как учили в школе на уроках истории. Помните? Овцы съели людей, английские шерстяные ткани. Подушка с шерстью – хранимый символ. Думается, что она будет лежать здесь всегда. А на спинке массивного кресла спикера висит большой кошель для запросов членов парламента. Такая архаика соседствует с многочисленными микрофонами. Светильники, похоже, старинные, но «свечи» все-таки электрические.

Туристы, да и англичане тоже, любят смотреть на смену караула перед Букингемским дворцом. Вышагивают саженого роста гвардейцы, занятно подпрыгивая на поворотах, командует надсаживая голос, разводящий. Старинные команды, старинные

красивые мундиры. Маршируют гвардейцы, впереди ведут полковую собаку, она тоже постоянная участница неизменного спектакля, украшающего будни.

Гостиница, где мы остановились, носила гордое название «Империал». Оконная рама в номере довольно хлипкая. Оно и не мудрено. На улице встречаешь немало людей без пальто, в свитерах, пиджаках. В умывальнике, как уже знаешь заранее, два крана – вода холодная и очень горячая. И никакого смесителя. Можешь смешивать в раковине самостоятельно. Нечего зря воду лить. Богатая страна, но транжирить не любит.

Подле Тауэра я видел стоящего на часах гвардейца. Молодой, рослый, красивый. Вероятно, благородных кровей. На голове высокий меховой кивер. Он невозмутимо проделывал свои цирковые английские повороты, а поодаль трое ребятишек подражали ему. Когда гвардеец застыл на часах, туристы попросили знаками разрешение сфотографировать. Он разрешил, но не пошевельнулся, не кивнул, а просто моргнул.

Я подивился на двух знаменитых воронов в дворике Тауэра. С подрезанными, чтобы не улетели, крыльями. Предание гласит, что если улетят, то быть беде. Это известно, но все-таки видеть этих воронов, так сказать, лично, очень приятно.

Мы с товарищем совершили ранним воскресным утром пешую прогулку по улицам, застроенным небольшими жилыми домами. Перед входными дверьми из почтовых ящиков еще торчали толстенные воскресные газеты, стояли большие бутылки с молоком. Тишина – будто бы ты в деревне, а не огромном городе.

Архитектура, парки, памятники, блестящие витрины на центральных улицах – все говорит о богатстве города. И рынок в воскресенье говорит о том же. Необычный для рынка дополнительный ассортимент: золотые часы, ювелирные изделия, дорогой фарфор…

В универсальном магазине видел покупателей с собаками на поводках, мам с детскими колясками. Тогда курение было еще в моде в общественных местах, но у нас в универмагах не курили. А нынче англичане запрещают курить во многих местах, а у нас дымят не меньше чем раньше.

Нищих в Лондоне не видел. Но видел художника, он цветными мелками что-то рисовал на асфальте тротуара. Рядом выразительно лежала видавшая виды кепка. Одного такого художника я видел на Пиккадили, другого перед Национальной галереей. Видел и музыканта с волынкой. Ему тоже подавали. А как-то днем я видел из окна автобуса плясуна, загримированного под Чарли Чаплина. Он весело отбивал чечетку под

аккомпанемент аккордеона. Играла улыбающаяся женщина. Она одновременно приводила в движение ногой хитроумный агрегат – рычаги и барабан. Заливался аккордеон, гремел барабан, улыбался «Чарли Чаплин». Вечером, гуляя, пришел к тому же месту. Все так же радостно улыбался пляшущий «Чарли Чаплин».

В часы пик в центре тьма пешеходов. Приятно видеть, как они уступают дорогу друг другу. Водители машин тоже вежливы. Я как-то сказал об этом в Москве приятелю, посетовав на хамоватую манеру езды наших земляков. А он ответил: «Чего же ты хочешь? Как живем, та и ездим».

Франция

В конце 1960 года мне пришлось решать финансовый вопрос. Издательскому коллективу предложили путевку на круиз вокруг Европы. Стоило это удовольствие четырех моих основных месячных зарплат. Плаванье на корабле, заход в шесть стран… Заманчиво, но дорого. Дома идею поддерживали, а решающий аргумент я услышал от гроссмейстера Давида Бронштейна. Я сказал ему, что на Англию и Францию отведено по четыре дня, на Италию три, а на другие страны по одному. Он спросил, помню ли я первый день в Швейцарии, во время поездки семь лет тому назад? Я помнил хорошо. «А десятый?» И вот в январе я отправился в мое первое и единственное морское путешествие на симпатичном корабле «Советская Эстония». (Сделано в ГДР). Отправились из Риги вокруг европейских берегов в Одессу. И правильно поступил, потому что впечатлений от посещения шести стран плюс морское плаванье, да еще без исполнения каких либо служебных обязанностей, оказалось, пожалуй, побольше, чем от служебных командировок. Рейс был в известной мере экспериментальный. Зимой океан очень сердитый, туристов не жалует. Но речь идет не о плавании, а о днях во Франции.

Мы вышли на берег в Гавре. Неподалеку от нашего кораблика стоял на причале американский «Юнайтед Стейтс», водоизмещением в двадцать раз больше «Эстонии». Я, задрав голову, не без удивления смотрел вверх, желая увидеть крышу этого плавающего высотного дома. В Париж группа отправилась на автобусе. По дороге в Руане посмотрели знаменитый собор, витражи. Честно признаюсь, что меня это не волнует. Любопытно было узнать, что памятник Жанне д’Арк стоит не на том месте,

где был костер, а по архитектурным соображениям неподалеку. Но то, что сожгли Жанну – это уж точно. Гид Володя, русский молодой человек французского розлива, называл героиню на французский лад Жандарка. По дороге произвел впечатление небольшой стадион, как бы врытый в землю, сработанный рабами древних римлян. Цел до сих пор. Строили на века. Проверено практически.

Дни в январе короткие, в Париж приехали затемно. Гид называл улицы и площади, по которым ехал наш автобус, и все наименования были знакомы по Бальзаку, Мопассану и другим писателям. Разместились в отеле «Бребан», в центре города. Однако обедать нас водили в соседнее кафе, благодаря чему позже приключилась маленькая комическая сценка. В этом кафе на стене на видном месте висел велосипед – реликвия. Память о том, что когда-то здесь решали вопрос об организации велосипедных гонок Тур де Франс.

Меня и моего тезку художника разместили в одном номере. Он сказал, что после ужина мы должны пойти посмотреть знаменитое Чрево Парижа, тогда еще не ликвидированное. Мы просто обязаны не спать, а смотреть, не только ради себя, но и ради друзей, тех, что не в Париже, а в Москве и мечтают о Париже. Кварталы Чрева действительно впечатляли. В одном переулке пахло яблоками, в другом грибами… Машины подвозили продукты, и шла разгрузка. Позже эти разнообразные продукты развезут по магазинам, ресторанам, кафе. Миша делал наброски в блокноте. К нам подошли и, насколько я понял, хотели вступить в коммерческий контакт, полагая, что Миша интересуется ценами.

Особенное впечатление на меня произвела сцена разгрузки фуры, доставившей выпотрошенные коровьи туши. Ловко маневрируя на узкой улице, шофер поставил машину так, что задний бампер почти соприкасался со стеной дома. Поднялись металлические жалюзи, и хромированная штанга внутри складского помещения была соединена со штангой внутри фуры. На последней, на крючьях висело много туш. И один единственный человек, цепляя этакой металлической тростью крюк, на котором висела туша, без усилия увозил тушу по штанге вглубь склада. Разгрузка фуры продолжалась минуты. В тишине, без тяжкого труда и мата.

Времени на сон осталось немного. И когда первым для нас с соседом ранним парижским утром в дверь постучали, никто не хотел вставать открыть дверь. Снова стук, затем щелчок замка, официант открывает дверь и входит с подносиками и ставит их прямо на тумбочки при кроватях. Кофе, булочки… На следующее

раннее утро снова стук в дверь. Сознательный полуголый Михаил вскакивает, дверь открывает официантка, не обращая внимания на мужской стриптиз, ставит кофе и удаляется, не аплодируя.

О специалитете Чрева Парижа – луковом супе – классики рассказали все. И об Эйфелевой башне, Триумфальной арке, Лувре, Елисейских полях и многом другом – тоже. Могу лишь добавить, что в музее Родена мне было очень холодно, а в Нотрдам де Пари священник протягивал туристам для поцелуя руку в лиловой нитяной перчатке. Мы с ним обменялись взглядами, и он мне руку протягивать не стал. То ли сообразил, что я атеист, то ли догадался, что я несу ответственность за ужасную юридическую ошибку далеких предков.

Еще нас сводили в кино, посмотреть фильм будто бы описывающий французские нравы. Моим соседом оказался средних лет мужчина, не то алжирец, не то марокканец. Он пытался вступить со мной в диалог и жестами показывал как он не одобряет французов. Языковый барьер надежно предохранял меня от проявлений солидарности с борцом против французских империалистов.

В программу входило также посещение Версаля. Чудесный парк, но, увы, январь. И кое-где на стенках с огорчением увидел столь знакомые и на Родине автографы. Правда, не кириллицей, а латиницей.

Еще посетили город Сен-Сир, известный своей военной школой, а в нем детский садик. Там, как и положено, ребятишки играют, рисуют и им даже доверяют не только лепить, но и обжигать какие-то керамические штучки. Французские дошколята были веселы и довольны жизнью. Они с интересом изучали туристов. Я высоко поднял одного малыша, и сейчас же ко мне выстроилась очередь. Потом группу приняла директриса школы и мэр – коммунист. Директриса не блистала красотой, но имела французский шарм. А мэр сказал, что если бы во Франции руководящей была бы коммунистическая партия, то они сделали бы все лучше, чем у нас. Нас угостили вином, а на вопрос о том, как бы французы реагировали на полный запрет употребления вина за рулем, он ответил, что была бы грандиозная забастовка, а может быть, революция.

Позже я еще дважды бывал во Франции на шахматных соревнованиях. В 1986 году в Гренобле и в 1988 году в Бельфоре. Там проходил международный турнир, пригласили в качестве гостей М. Ботвинника и, заодно, меня. Небольшой город имеет славную военную историю. На открытие приехал министр внутренних дел Шевенеман, Он немного поговорил со мной по-немецки и, на всякий случай, спросил, где я изучал немецкий

язык. Мне показалось, что это вопрос профессиональный, по линии внутренних дел. Я отчитался о своем прошлом, не имеющем отношения к подобным делам. Свободного времени было немного, и я мало смотрел по сторонам. В Гренобле я обратил внимание на то, что среди группы школьников, которые под руководством учительницы парами шли по тротуару, не меньше половины не европейского происхождения. А названия магазинов какие-то милитаристские – Редут, Полигон и т. д. Отблески военной славы прошлых лет. Снова побывал в Париже. И действительно первые дни в Париже запомнились крепче, чем остальные.

Собираясь в круиз, я решил взять с собой фотоаппарат, хотя никогда ранее этим делом не занимался. Фотоаппарат-лейку взял у тестя, опытного любителя. Он объяснил мне, как наводить и на что нажимать и я прилежно щелкал.

Из Парижа в Гавр мы возвращались поездом. Выехали поздно вечером. Спать хотелось безумно. Вагон отапливался оригинально – пол был теплым. Повесить мою лейку на крючок не вышло, и я положил ее на верхнюю багажную полочку. А в Гавре туристов торопили, призывали к сознательности – задержка отплытия корабля стоит очень дорого. И я, конечно, фотоаппарат забыл. Спохватился в каюте, когда корабль начал отчаливать. Более опытный спутник, услышав об этом от меня, сказал, что это дело нешуточное, дома могут обвинить в том, что я продал фотоаппарат! А это тяжкий грех. И мы быстро поднялись на палубу. К счастью доброго соседа провожал его друг. Я крикнул ему, что аппарат лежит на багажной полке в первом вагоне в первом купе. Повезло, что такой удачный случился адрес. Отплыли. Предстояло обогнуть Пиренейский полуостров и идти в Неаполь. Вскоре прикрепленный к нашей группе переводчик сказал мне, что пришла радиограмма, аппарат найден, его перешлют в Неаполь, и я должен буду оплатить пересылку. Поскольку туристу выдавали на всю поездку 19 долларов минус два на цветы на могилу Маркса в Лондоне и коммунаров на кладбище, Пер ля Шез в Париже, такая оперативность меня не обрадовала. Однако ронять достоинства перед тестем я не собирался. Но аппаратик отправили в Москву, и доллары остались при мне. В Москве меня пригласили в контору Интуриста. В большом кабинете солидный мужчина вручил мне письмо, где по-французски была написана одна фраза, что посылаем аппарат туриста имя рек. Моего убого полученного в институте знания французского хватило, чтобы перевести ее вслух. Но начальник вызвал интеллигентную переводчицу, выслушал ее, а потом вручил мне аппарат, доброжелательно

пожелав не быть забывчивым. Обрадовавшись, выйдя на улицу, я вынул пленку, и она на глазах немедля почернела, засветилась. Это было для меня неожиданно. Я был уверен, что ее засветили бдительные пограничники.

Пропали мои кадры Русалочки в Копенгагене и парка в Версале. Фотографировать я больше не пытался.

Италия

Один мудрый английский писатель саркастически сформулировал, что все скоты скотского хутора равны, но некоторые равнее. Не имеющая к нему отношения женщина как-то сказала: «Польски женщины гаронц, (горячие, стало быть), особливо жидувки». Мне, твердо стоящему на позициях интернационализма, (не в афганском, а в нормальном варианте), симпатичны все нации, однако итальянцы вызывают особую симпатию. Прославлены итальянские художники, скульпторы, архитекторы, строители, композиторы, музыканты, певцы, артисты, поэты. Между прочим, один итальянец был награжден природой множеством талантов сразу. Леонардо да Винчи, конечно. Да, еще и футболисты. Итальянцы мне симпатичны, хотя в древности их предки очень не любили моих древних предков и нанесли им крупные геополитические неприятности.

Побывав несколько раз в Италии, я укрепился в своих симпатиях. Немудрено, что Италию любили такие непохожие друг на друга писатели как Гоголь, Горький, Хемингуэй. И поэт Бродский, завещавший, чтобы его похоронили в Венеции. Так что утром 25 января 1961 года, когда корабль «Эстония» вошел в бухту Неаполя, я испытал некоторый подъем. Я посмотрел на Неаполь с палубы корабля снизу вверх, а позднее со смотровой площадки сверху вниз. Город спускается амфитеатром к Неаполитанскому заливу. Красиво, но, несмотря на рекомендацию «Взгляни на Неаполь и умри», я остался жив. И правильно сделал, потому что позже видел Рио-де-Жанейро с подножья гигантской статуи Христа, возвышающейся над городом. Я не могу согласиться с бакинцами, когда они говорят, что Баку похож на Неаполь, хотя Баку красивый город. Понимаю, что я не вправе претендовать на объективность оценок красоты разных городов. Это просто так, к слову пришлось.

Неаполь по-русски – Новый город. Такой вот – итальянский

Новгород постарше наших. Ему более двух тысяч лет. Город-миллионник с высокоразвитой промышленностью, переполненный шедеврами архитектуры. Кстати, глядя на город со смотровой площадки, я обратил внимание на один большой завод. Вся его территория была застроена производственными сооружениями. Между цехами пролегали узкие проезды с рельсами для внутризаводского транспорта. Земля дорогая. Умеют экономить, однако.

Поздним вечером я в группе спутников вышел погулять по набережной. Один знающий товарищ пояснил, что мы находимся на мысе Санта-Лючия. Мыс знаменит благодаря известной неаполитанской песенке того же названия. Мысок украшало небольшое здание полицейского участка и, неподалеку, прозрачная плексиглассовая будка чистильщика обуви, светящаяся, как фонарь. Молодой парень-чистильщик танцевал в своей тесной будке, и видно было, но не слышно, что он пел. Желающих чистить ботинки я не заметил.

Запомнилась занятная сценка в Историческом музее. Вход в один из залов охранял пожилой дяденька с красным носом. У входа в этот зал роилась стайка школьниц. Стройненькие, улыбающиеся, в модных туфельках на каблуках-шпильках. Они явно хотели посмотреть на статуэтки из раскопок Помпей, но это выходило за пределы плана школьной экскурсии. Эти статуэтки были не то эротического, не то порнографического толка. Мужчины, козы… Девочек не пустили, а наш экскурсовод предъявил натуральный пропуск – бутылку столичной водки. Этот пропуск сгодился в стране винограда и отличных вин.

Несколько часов в Помпеях запомнились на долгие годы. В 79 году нашей эры город был засыпан вулканическим пеплом во время извержения Везувия. Все живое погибло моментально. Через полторы тысячи лет город обнаружили при земляных работах. В середине восемнадцатого века археологи начали раскопки, длящиеся веками. Чего только не сохранилось под тяжелым покровом вулканического пепла. Небольшие каменные дома, очень вместительный стадион. Трибуны могли поместить всех жителей города, граждан и рабов. Были, конечно, водопровод и отличные бани. На мостовой улицы я увидел колею, выбитую колесницами две тысячи лет тому назад. У меня мелькнула фантастическая мысль: вдруг из-за угла выедет настоящая древнеримская колесница? Было в городе питейное заведение и публичный дом. На его фасаде каменная доска, на ней высечены имена жриц любви. Неподалеку от этого заведения за углом красуется указатель, выполненный, мягко говоря, в натуралистической манере. В домах сохранились краски фресок,

украшавших стены. По всему видно, что граждане Помпей жили со многими удобствами. Без электричества, радио и телефона, но с рабами.

Жил в своей небедной вилле в Помпеях некий Менандра. В его доме сохранилась загадочная фреска. На ней среди прочего изображен домик с типично китайской крышей, ее углы загнуты вверх. Между тем, нет данных о сообщениях в ту эпоху европейских стран с Китаем. Но, как сказал Гамлет, «Есть многое на свете, друг Гораций / О чем не снилось нашим мудрецам». Маленькое, пусть косвенное, но вещественное доказательство было налицо. При желании можно легко уговорить многих, что этого доказательства вполне достаточно.

В нашей группе путешествовал писатель с женой. Уважаемый в правлении Союза писателей человек с бородой. В Помпеях его супруга как-то спросила: «Эта дощечка тоже того времени?» Гид честно отрицал. Дощечка, окрашенная масляной краской, явно была нашей современницей.

В Сорренто, в предместье, жил когда-то Максим Горький. Отдавая дань Буревестнику революции, нас подвезли поближе к дому, чтобы мы могли посмотреть. Внутрь дома не пускали. Хозяин не желал. Зато в Сорренто я видел на каком-то бульварчике россыпь валяющихся на земле апельсинов. Попадали. В январе!

Осенью 1967 года мне посчастливилось две недели прожить в Венеции, знаменитом и единственном в своем роде городе. Правда, из-за бесконечных заседаний Конгресса Международной шахматной федерации свободного времени у меня было немного. Заседали в здании казино. В этом здании когда-то будто бы проживал Рихард Вагнер. В одном из залов участникам конгресса показали достопримечательность – большое бурое пятно на стене. Для этого надо было поднять угол гобелена. Специально не закрепленного. След самоубийства азартного игрока неудачника. Застрелился бедняга.

В Венецию чемпион мира Т. Петросян, председатель Шахматной федерации СССР Б. Родионов и я добирались по воздуху. Мне очень понравились названия аэропортов. В Риме «Леонардо да Винчи», в Венеции «Марко Поло». Книгу о великом путешественнике – венецианце я читал в детстве и крепко запомнил. В Венеции Марко Поло за его рассказы о далеких странах считали лжецом, а в Китае канонизировали, как исключительно правдивого человека. Общеизвестно, что Венеция расположена на сотне с лишним островов. Острова разделены каналами. По каналам движутся для услады туристов гондолы. Речные трамвайчики, катера, моторки везут пассажиров и грузы.

На меня произвела впечатление моторка – катафалк, причалившая к церкви.

По городу можно передвигаться и пешком. В Венеции около четырехсот мостов.

По утрам я шел на работу, на заседания. Слушал, записывал, общался, глотал табачный дым. Тогда еще не в ходу было понятие – пассивное курение и курильщики не отказывали себе во вредном для окружающих удовольствии.

Всего было две экскурсии. Одна на остров, где стоит монастырь святого Франциска. Келья святого, чье имя носит орден, удивила размером – всего-то метра три квадратных. Близ монастыря монах в коричневой рясе из грубой материи, подпоясанный веревкой, усердно окапывал дерево, не обращая никакого внимания на проходящих людей. Даже не поднял глаз. А земля была сухая, бурая, с виду твердая. Монах был полной противоположностью одной монахине в белом чепце, которую я увидел в речном трамвайчике, когда возвращался. Доброе лицо этой довольно полной женщины привлекало внимание какой-то прямо-таки материнской теплотой. И она не прятала глаза.

На острове Мурано я увидел старинное производство. Знаменитое венецианское стекло ловко выдували современные длинноволосые парни, владеющие на высшем уровне техникой, позаимствованной венецианцами века тому назад у Византии.

В Венеции особенно запомнилась площадь святого Марка. Солнечная погода, множество туристов, непрестанное щелканье фотоаппаратов и голуби, голуби… Вскоре я покинул Венецию, а Тигран Петросян остался играть в международном турнире. Вернувшись домой, он рассказал, что погода резко изменилась и площадь залило водой.

Венецианский шахматный клуб принимал также любителей карточных игр. Это давало известный доход. Я полюбопытствовал, как устроена бухгалтерия клуба. Оказалась, что документации по организации и проведению международного турнира всего-то тоненькая папочка. Нет нашей фирменной проблемы – безналичный расчет. Все просто. К примеру, всем иностранным участникам траты на проезд компенсируются равной суммой. Далеко ли, близко, пешком или спецрейсом – это твоя забота. А у меня на работе я сталкивался с прорвой запретов и в полной мере ощущал справедливость слов Ленина, что социализм есть учет.

Жили мы в удобной и чистой гостинице «Принчипе». Позже, на родине я прочитал заметки какого-то авторитетного, а нынче забытого, одного из членов правления Союза писателей СССР, что в отеле «Принчипе» плохо, он там даже видел крысу. Может быть,

идейному товарищу повезло. Поймал шанс для критики капитализма.

Итальянские коллеги проявляли дружелюбие. Когда выяснили, что я знаю несколько латинских слов, обрадовались и стали немедля угощать вином. Так что хоть раз в жизни уроки латыни в юридическом институте имели практические последствия.

Между прочим, я столкнулся с любопытной комбинацией. Мы трое занимали одинаковые номера, но один из них был заметно дешевле. Итальянские коллеги объяснили мне, что городские власти установили для отелей вилку – в отеле обязательно должны быть номера не дороже определенной суммы. Вот администрация и держит такой номер подешевле.

На приеме, данном американцами, Тигран Петросян представил меня известной в шахматном мире Женни Пятигорской, супруге знаменитого виолончелиста Григория Пятигорского. Они спонсировали и проводили международные турниры в Лос-Анджелесе. Позже я сказал Тиграну, что мадам Пятигорская одета скромно, не по-миллионерски. Обыкновенное темно-синее платье из шерстяной ткани. Тигран согласился и спросил: «А ты заметил три золотые пуговицы у воротника? Антикварные, между прочим. Каждая старинная золотая пуговка подороже двух хороших автомобилей». У Тиграна вообще был глаз – алмаз.

Едва ли Венецию смог бы вообразить писатель-фантаст, а вот итальянцы построили. Правда, строили века. Много лет позже я прочитал «За рекой, в тени деревьев» Хемингуэя, где действие происходит в Венеции. И так ярко вспомнился сказочный город, будто еще раз его повидал.

В свободный от заседаний день мы с Борисом Евгеньевичем Родионовым съездили поглядеть Милан. Город мне показался каким-то серьезным, европейским, не совсем итальянским. Днем осмотрели всемирно известный оперный театр «Ла Скала». В эти часы продавали билеты для осмотра зала театра и театрального музея, где портреты оперных знаменитостей и бюст Шаляпина. Осмотрев зал и сцену, удивился их размерами. Потом, правда, мне сказали, что зал Большого театра в Москве еще больше. Еще неподалеку полюбовались Миланским собором и Галереей.

Когда в Милане я вошел в капеллу и увидел «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи, мне показалось, что Иисус Христос глядит на меня. Я испытал прямо шоковое воздействие. Именно Иисус приковывал к себе взгляд. Но апостолов я не видел некоторое время. Во время мировой войны бомба разрушила стены капеллы, но не ту, на которой «Тайная вечеря». Случай или промысел?

Чудес, конечно, не бывает. Но, говорят, каждое правило имеет исключения.

На обратном пути в Венецию мы чуть не опоздали к отправке поезда и не успели купить билеты. В последнюю минуту вошли в переполненный вагон и сначала не могли даже сесть, стояли в переполненном коридоре у окна и ждали штрафа. Появился проводник и без всякого штрафа продал билеты.

Из окна вагона были видны поля, а по ним ползали маленькие трактора. Борис Евгеньевич сказал, что вот эти тракторишки и есть враги социализма. Действительно, чтобы пользоваться маленьким трактором, единоличнику не обязательно вступать в колхоз.

Первый раз я увидел Рим непосредственно после Лондона и Парижа и, хотя Рим – вечный город, но мне он показался уютным. Он не подавлял размерами. Глубочайшее впечатление в Риме на меня произвела в Соборе «Сан-Пьетро ин винколи» статуя Моисея великого Микеланджело. Казалось, что пророк излучает непреодолимую силу. Велика сила изобразительного искусства. Что-то недоработали отцы иудейской и мусульманской конфессий.

В огромном Колизее почему-то бегали бездомные кошки, а гид уверял, что пыток и смертоубийства первых христиан на арене Колизея не было. Не хотел нести ответственность за зверства далеких предков.

Мост через Тибр носит имя Константина, первого римского императора, принявшего христианство. Мост фундаментальный, широкий. По нему мчались автомобили, автобусы. Я спросил у гида, что сохранилось со времен Константина и что восстановлено. Он ответил, что ремонтировали только крайние пролеты, те, что у берегов. Строили римляне даже не на века, а на тысячелетия.

Мне запомнился один рекламный плакат в Риме. На нем был изображен семисвечник. И дан совет: «Посетили Рим, посетите Иерусалим».

Увы, не посетил. Долгой жизни оказалось недостаточно.

Греция

В детстве мне попала в руки интересная книжка о мифах, богах и героях Древней Греции. Потом уроки истории в школе и

имена Зевса, Афины Паллады, Геркулеса, Одиссея, Александра Македонского легли в первые пласты памяти. Гомер, Сократ, Аристотель, первая в истории демократия – все это «нормальное детство человечества», как сказал классик «науки наук», изучать которую было обязательно взрослым и детям. Нормально, что мне с той далекой поры хотелось увидеть своими глазами Элладу. Иногда детские мечты сбываются. Мне посчастливилось побывать в Греции два раза.

От Неаполя до Пирея 666 миль – звериное число. Однако, несмотря на зимнюю пору, гладь Средиземного и Ионического морей была спокойна и корабль «Эстония», совершая круиз, ранним утром причалил в порту Пирея, небольшого городка, пригорода Афин, которому, однако, две с половиной тысячи лет. На коротенькой дороге к автобусу туристы посмотрели на танцы цыган. По-видимому, не случайно они оказались на пути. Еще я увидел незапланированного пожилого и грустного мужчину, который скоблил внутренность огромной бочки, вероятно винной. Глядя на его монотонные и непроизводительные действия, на фоне унылых построек и бродячих цыган, я подумал о минусах капитализма.

Когда поздно вечером вернулись из Афин и прогуливались по слабо освещенной пирейской улице, в окнах кафе я увидел также унылую картину – сидят за столиками мужчины и меланхолично играют в нарды. Женщин вокруг ни одной. Восток…

В Афинах туристов водили по плану. Посетили Университет. Группу завели в кабинет ректора. Полы в Университете мраморные. Мрамора в Греции хватает. Его все пилят и пилят с незапамятных времен. А в кабинете ректора и приемной – полы деревянные. Это вроде бы роскошь. С лесами дело хуже, чем с мрамором. В больнице посмотрели на девочку-спортсменку. Юная, светловолосая, голубоглазая с доброй улыбкой. Мотоциклистка. Спортивная травма. Палата отдельная, чистенькая. А перед королевским дворцом несут караул солдаты. Одеты как воины времен Александра Македонского. Яркие краски, замысловатая обувь, юбки, но винтовки. Однако это все гарнир, а главное – Акрополь. И вот я поднимаюсь на холм. Тепло, хотя на дворе январь. Группа останавливается перевести дух и гид рассказывает, что однажды турист сообщил, что он из Мурманска и поэтому дальше не пойдет. Здесь слишком жарко. Гид отлично говорит по-русски. У него красный нос. Почему в странах, где все постоянно пьют виноградное вино, довольно редко встречаются красные носы?

И вот я на небольшой площади, названной древними греками Пникс, что в вольном переводе – толкучка. Историки говорят, что

здесь теснились, демократически решая свои проблемы, вольные афинские граждане. Было их пятьдесят тысяч. А рабов в шесть раз больше.

И я вижу своими глазами Парфенон и Эрехтейон, траченные временем, но гармоничные и величественные.

Раздается свисток. Это пожилая, грузная и большеносая учительница дает команду юным потомкам древних эллинов собраться. Они разбрелись. Изучают тут историю наглядно. А свисток висит у учительницы на шее, на цепочке. Придумано неплохо.

Прошло почти четверть века, и в 1984 году две недели я провел в Салониках, где греки отлично провели Шахматную олимпиаду.

Салоники – большой город и порт, динамичный, нарядный. Витрины магазинов сверкают, подтверждая известную формулу, что «в Греции все есть». И там я обратил внимание на стайку школьников. На этот раз они высыпали из школы на переменку. Подъехала автолавка, и веселая ребятня покупала булочки, конфеты, жевательную резинку и прочие радости. Выглядели ребята отлично, и школа прекрасно выглядела на набережной. В этот раз я не думал о минусах капитализма.

Греческий алфавит породил кириллицу, и приятно, прочитав «музейон», не сомневаться, что тут именно музей. Хотя мой номер в гостинице «Македония» обозначался понятно: «окто, триа, триа», то есть 833, однако язык непонятен, хоть буквы схожи.

Мне вспомнился эпизод из совсем другого путешествия. В Цюрихе мы с товарищем зашли в магазин, где продавали радиоприемники и другую технику. Продавец, молодой человек, услышав нашу речь, сказал, что он может говорить по-русски. Я вежливо похвалил его произношение и заметил, что наверно трудно было овладеть русским. «Нет, я грек» – возразил молодой человек.

В Салониках я спросил своего друга и попутчика Файка, сильно ли похож азербайджанский язык на турецкий? «Еще как», – ответил он. Мы зашли в маленький магазинчик, где старый грек продавал чай и кофе. Я сказал Файку: «Попробуй по-азербайджански, ведь турки тут долго владычествовали». Успех превзошел все ожидания. Старик обрадовался возникшему взаимопониманию, быть может, он был турок. Обслужил нас по высшему классу.

В моей бригаде судей на Олимпиаде были итальянец, серб и грек Александр. Он отлично владел русским языком, что немудрено, так как родился в СССР, где прошла большая часть

его жизни. Он репатриировался, как говорится, на историческую родину.

Александр рассказал мне, что когда греки-репатрианты родом с Кавказа увидели, стоя на борту парохода, горы на греческом берегу, без леса, голые, то ахнули. Контраст после Кавказа разительный. Александр в Греции не разбогател, но, можно сказать, адаптировался. Он имел небольшой овощной магазин. Трудился в нем, не покладая рук. Его сын в Греции стал профессором математики.

У Александра была машина – пикап. Мне показалось заслуживающим внимание то, что машину он, как мелкий предприниматель, купил с большой скидкой, однако продавать ее по полной цене не имеет права. Дешевле купил машину – должна работать. Таков закон.

Александр был удивлен, что я не знаю слова «пиндос». Оказывается, там, где он жил, у нас так кое-кто порой обзывает греков.

На пути из Салоник домой я два дня провел в Афинах. Конечно, вновь посетил Акрополь. Неожиданно оказалось, что поймать такси в Афинах не совсем просто, хотя таксисты подсаживают попутных пассажиров. Рабочий день кончался, все куда-то торопились, жизнь в миллионном городе била ключом.

На закрытии Олимпиады был дан большой концерт. Слушая зажигательную народную греческую музыку, по темпераменту не уступающую африканской, я подумал, что вот оно, наследие далеких предков, мелодии и ритмы нормального детства человечества.

Я снова увидел Акрополь, наша команда опять победила. Душа радовалась.

Стамбул

Корабль «Эстония» пришвартовался в бухте Золотой Рог в Стамбуле, между Азией и Европой. Ранним утром туристы высыпали на палубу и увидели знаменитый Стамбул, в прошлом Константинополь, и Византию. Огромный город, в наши дни его население значительно превысило десяток миллионов, но первое, что овладело нашим вниманием, это какая-то небывалая рыбная ловля. В бухте стояли корабли, сновали катера, но особое внимание привлекли бесчисленные лодки рыболовов. Оказалось,

что на свою беду в бухту зашел большой косяк пеламиды. В лодках, рассеянных на большом пространстве, сидело по два-три человека. Они бойко забрасывали в воду нехитрые рыболовные снасти – блесну на длинной леске, намотанной на дощечку. Жадная крупная пеламида немедленно набрасывалась на блесну – металлическую рыбку с крючком.

И вот уже рыбак, быстро перебирая леску руками, тянет серебристую рыбину в лодку. Временами он замедляет движения. Это когда пеламида «буянит», старается сорваться с крючка. Но не надолго. Момент и большая серебристая рыба, с хвостом, напоминающим полумесяц, вылетает из воды, и рыбак бросает ее в корзину или ящик, стоящий на дне лодки. И все это происходит, пожалуй, быстрее, чем в магазине, когда живую рыбу вытаскивают из садка. Посмотришь со стороны – кажется, простое дело. Рыбаки спокойны, ничто им не мешает. Ни гудки пароходов, ни шум на пристани, ни зыбь и маленькие волны, раскачивающие лодки. Присмотревшись, видишь, что ловят рыбу не все одинаково успешно. У одних много, у других в корзинах заметно меньше рыбы. Я стал смотреть в бинокль на лодку с тремя рыбаками, в видавших виды грубых шерстяных свитерах и вязаных шапочках с помпонами. Их руки мелькали особенно быстро. На носу сидел смуглый турок с маленькими усиками, натянув шапчонку на лоб. Во рту он держал сигарету. Видно, что потухшую. Большие грубые руки были заняты. Он как заправский фокусник тащил из воды рыбу за рыбой. А его лицо ровно ничего не выражало. Будто сидит задумавшись. «Мои» турки очень быстро накидали большую плетеную корзину доверху. Неподалеку от них на воде покачивалась лодка с двумя молодыми людьми в пиджаках. Видно было, что это любители, но не представители рабочего класса или трудового крестьянства. Возможно, и пеламиды это заметили. Во всяком случае «пиджаки» наловили рыбы много меньше.

После завтрака, сойдя на берег, я увидел, что продают с рук свежевыловленную рыбу с вывернутыми жабрами, чтобы видна была свежая алая кровь.

В январе 1961 года Стамбул из окна автобуса вовсе не был похож на сказочный город из 1001 ночи. Температура плюс восемь – десять градусов, снега нет, зябко. Обстоятельства способствуют критиковать окружающее. Один из гвоздей программы – осмотр резиденции султанов, где они жили до 1923 года. Резиденцию опоясывает невысокая, но крепостная, стена. Ворота узкие и большой автобус проезжает еле-еле. На территории парка разбросаны сравнительно небольшие строения.

Султаны строили для себя «дачки» по вкусу. И еще собирали

коллекции. Я не склонен к коллекционированию и поэтому не прихожу в восторг от достижений на этом поприще. Вот сундук громадных размеров. Будто бы самый большой сундук в мире. Ну и что? Сабли, мечи, старинное огнестрельное оружие, драгоценности. Мое внимание привлекла коллекция шахмат. Все фигуры такие же, как и в европейских странах, но кони условные. Один комплект – не белые и черные фигуры, а белые и красные. Красные – рубиновые.

Ислам запрещает изображать людей и животных. Как и иудейская религия. Не сотвори кумира! Подумать только, скольких замечательных художников и их творений недосчиталось человечество из-за строгого запрета.

Все-таки коллекционеры вызывают сочувствие. Им всегда чего-то не хватает. Как говорится, покой им только снится.

Султанская кухня готовила на пять тысяч человек. Солидное многотрубное здание. Настоящая фабрика-кухня. Султанские дачки гид называет на французский манер киосками. Нетопленые, они кажутся неуютными. Парк выходит на берег бухты. Один султан соорудил здесь большую беломраморную площадку с бассейном в одном углу. Площадка прямоугольная, но с выступом на углу специально для султанского трона. Отсюда султан мог любоваться заливом, а также танцами своих жен и другой гаремной самодеятельностью. Бывало, якобы, что султан бросал в бассейн яблоко, и жена, сумевшая первой схватить его, получала приз – султанскую ласку.

Нашим гидом была турчанка, но если бы увидел ее в Москве, то никогда бы не догадался. Она улыбалась улыбкой доброй женщины, не привыкшей повышать голос. Виднелись золотые коронки, напоминающие о зубном враче и теплой квартире. А глаза у нее были из тех, что поэты сравнивают с маслинами, миндалем и другими прекрасными продуктами. Такие черные глаза, распространенные среди разных восточных народов. Когда-то айсорка, жена чистильщика обуви, что долгие годы работал на углу нашей улицы, сказала моей сестре: «А глаза у тебя наши…».

Мы осмотрели остатки византийской стены, вспомнили вещего Олега и щит на вратах Царьграда, и увидели Айя-Софию.

Я знал, что Айя-София была построена в шестом веке, что в пятнадцатом веке завоеватели турки превратили христианский храм в мечеть, и почти через пятьсот лет Айя-София стала музеем. Я слышал, что Айя-София – одно из величайших творений человеческого гения. Но увидев ее, я лишился слуха. Огромная и умещающаяся в зрачке, она, казалось, плыла и успокаивала. Никогда я, склонный к скепсису неверующий, не был так потрясен увиденным.

Неподалеку от Айя-Софии громоздилась Голубая мечеть. Говорят, что султан Ахмед Первый приказал архитектору Голубой мечети превзойти Айя-Софию. Архитектор старался не за страх, а за совесть. Однако неосторожно было строить Голубую мечеть вблизи Айя-Софии.

Внутри Айя-Софии колонны, облицованные золотистыми металлическими листами. В одной из металлических плит маленькая дырка. От прикосновения к этой колонне якобы излечиваются. Я был здоров, но, тем не менее, немедленно сунул палец в дырку, протертую за века пальцами множество людей, которые вероятно страдали какими угодно болезнями. В этот момент я ничего не соображал. Меня дернул за рукав более умный человек, москвич, сотрудник нашего посольства. Он хорошо и обстоятельно рассказывал об Айя-Софии. Но я не мог запомнить ни слова. Высокий купол храма парил над нами, громадный и невесомый.

Уже потом, когда я писал эти строки, прочел, что высота купола 55,5 метра, а его диаметр 31 метр. Что построили Айя-Софию за пять лет (!). Что строительство стоило 36 тонн золота, и еще прочел много интересного.

Запомнилось редкое зрелище, когда корабль шел через Босфор. Горел югославский танкер. Он затонул и продолжал гореть. Факел горящих газов вырывался из-под воды. Вроде гигантской горелки. Наш корабль спокойно двигался по Черному морю, в Одессу, где всех ждал многочасовой пограничный и таможенный контроль, прежде чем разрешено будет ступить на землю Родины.

Стамбул был последним городом, который мне довелось увидеть во время единственного в жизни морского плавания. В Копенгагене и Стамбуле я провел всего по одному дню. Однако эти дни крепко запечатлелись в памяти. Мой товарищ был прав, когда я решал вопрос: ехать или не ехать.

На четыре дня туристы покидали корабль во Франции, уехав в Париж. Корабль ждал в Гавре. А затем был самый длинный отрезок пути из Гавра через бурный Бискайский залив. Большинство пассажиров познакомились с морской болезнью. Корабль обогнул Пиренейский полуостров, через Гибралтар. В проливе я стоял на палубе. Погода была отличной, солнечной. Гибралтарскую скалу и берег Африки были видны невооруженным глазом. Корабль продолжал путь в Неаполь по спокойным водам Средиземного моря. От нечего делать я спросил начальство круиза, а не лучше ли было кораблю не стоять четыре дня в Гавре, причем не бесплатно, а пока туристы находились в Париже, без них пройти, скажем, в Марсель, куда без затей могли

бы поездом приехать туристы, не хуже чем в Гавр. Программа пребывания туристов на берегу не стала бы меньше. Обошлись бы туристы без морской болезни. Правда, не увидели бы скалу Гибралтара и, повернув голову – Африку. А затрат для фирмы на плаванье стало бы меньше. Ответа на мое рационализаторское предложение я не получил. Может быть, потому, что в предлагаемом варианте уменьшались также суточные в валюте для сотрудников? Как часто личные интересы сталкиваются с общественными. И нередко люди определенной масти вылезают с предложениями.

Улан-Батор

Летом 1966 года Шахматная федерация Монголии попросила прислать тренера для проведения сбора своих лучших мастеров. Наше высокое партийное руководство указало послать гроссмейстера, однако гроссмейстеры предпочитали поездки на турниры за рубеж, где призы не в тугриках, а в твердой валюте. Однажды спортивный чиновник критически вопросил, почему гроссмейстеры так любят деньги? «Так мы же на них живем!» – объяснил гроссмейстер. И гроссмейстеры отлынивали, когда надо, ссылаясь, то на семейные обстоятельства, то на необходимость подлечить конъюнктивит или другую не слишком опасную болезнь. В итоге направили меня.

Добрался до далекого Улан-Батора я очень просто. Можно сказать, в два хода, потому что в Иркутске была ночевка. Меня поместили в гостинице с двумя специалистами из ГДР. Я на перерыв в пути не рассчитывал и все мои вещички уложил в чемодан, а его сдал в багаж. Руки свободны, но немцы могли сделать вывод, что чистить зубы перед сном у нас не принято. Немец спросил, нельзя ли на ночь открыть форточку? Я согласился. Немец достал тетрадку, лег и стал перед сном спрягать глагол: «Я пишю, ты пишешь, он пишет…» Я вспомнил рассказ Лескова «Железная воля», о немце, путешествовавшем по России.

Из Иркутска в Улан-Батор летели на монгольском самолете – обыкновенном ТУ, но командиром был монгольский майор в военной форме, похожей на нашу. В салоне летала муха, не то советская, не то монгольская. Вместо леденцов при взлете выдали по шоколадному «мишке». В аэропорту меня встретил Намжил,

мой знакомый, сотрудник Спорткомитета. Встречал на «ЗиМе», изрядно потрепанной, но все же представительской машине. Немцев не встречали. Укрепляя дружбу народов демократически стран, мы подвезли их до тринадцатиэтажной гостиницы «Баянгол». В этой опрятной панельной гостинице, напоминающей о Черемушках, обитали специалисты из разных стран соцлагеря, и мне предстояло здесь прожить шесть недель. И вот я вижу из широченного окна моего номера добрую половину Улан-Батора. Если бы было окно на противоположной стене, то мог бы увидеть другую половину. Город расположен на довольно ровном огромном блюде – долине, окаймленной горами. Золотая осень, воздух чист, прозрачен. Отлично видны мягкие линии буроватых складок гор и густая зелень лесов. Это ровное каменистое блюдо – долина поднята на 1361 метр выше уровня моря. А средняя высота Монголии над уровнем моря полтора километра. Позже мне рассказали, что в Монголии тысяча озер, есть леса, а пустынных территорий всего пять процентов.

Улицы в городе прямолинейные, дома кирпичные, единичные юрты выглядят экзотично. Я познакомился с монгольскими мастерами, участниками сбора. Среди них международные мастера Мягмарсурен и Уйтумен. Звание в те годы высокое и редкое. Готовясь к командировке, я взял в редакции журнала «Шахматы в СССР» теоретические материалы, еще не опубликованные, чтобы не ударить в грязь лицом перед монгольскими коллегами. Однако общаясь с ними, совместно занимаясь, анализируя конкретные позиции, я не испытывал затруднений, потому что они были предупредительны, подчеркнуто дисциплинированы. Может быть, у представителей народа-воина дисциплина в крови, в генах. Я чувствовал себя старшим, мне не ставили в вину то, что я не гроссмейстер. Мы занимались с утра до обеда. Мои попытки продолжать занятия после обеда, по-стахановски, успеха не имели. Коллеги согласны были только на блиц по исследуемым системам.

Однажды Мягмарсурен, студент, стройный и быстрый в движениях молодой человек, сказал, что его, как и других студентов, посылают на сельскохозяйственные работы, в госхоз. Я немедленно заявил, в духе советских образцов, что попрошу начальство сделать исключение для спортсмена, но Мягмарсурен ничуть не обрадовался. Мне объяснили, что многие монгольские студенты охотно едут на работы, на лоно природы. Фигурки студенток имеют свои достоинства по сравнению с шахматными фигурками.

Мастер Пуревжав оказался очень оригинальным человеком. Математик по профессии, он сочинял стихи, составил сборник

стихов, посвященный коням. Конь в жизни монголов исторически занимает особое место. Как-то Пуревжав мне сказал, что у него был любимый конь, потом, подумав, добавил, что любимых коней было пять. Монгольские лошадки роста небольшого, симпатичные. Как-то я погладил по крупу лошадку, стоящую на тротуаре, привязанную у входа в магазин. Пуревжав обеспокоился и сказал, что этого делать категорически нельзя – может укусить. Не укусила. «Что с этого глупого иностранца взять…» – вероятно, подумала лошадка.

В Улан-Баторе автобусы нередко переполнены, и я спросил, почему же нет извозчиков, ведь коней много, дороги гладкие, ухаживать за лошадьми для монгола не проблема. Ответ был строг: «Извозчики были – китайцы, но китайцев выслали, а монгол работать извозчиком не будет».

Памятник вождю монгольской революции конный. Красивая лошадь, всадник высоко поднял руку, довольно тонкую и вся его фигура какая-то интеллигентная. А перед зданием библиотеки массивный памятник Сталину. Грузная и неинтеллигентная пешая фигура вождя народов во весь рост, с раскосыми глазами. В Историческом музее портрет самого знаменитого монгольского всадника Чингисхана висел не на почетном месте, а в маленьком зальце. Такая была политика.

Во время моего пребывания в Улан-Батор приехал экс-чемпион мира по шахматам Макс Эйве. Он совершал путешествие от Амстердама до Тихого океана. Эйве дал сеанс одновременной игры в Университете. Там я познакомился с заведующим кафедрой физкультуры генерал-майором. В петличках у него были сабельки. Стало быть, кавалерист; все нормально, подумал я. Генерал задал мне неожиданный вопрос: «Скажите, а Эйве эпрэй?». Я не сразу понял. Мне показалось, что генералу было приятно услышать, что Эйве настоящий голландец.

Неподалеку от входа в гостиницу на обочине проезжей части стоял оригинальный знак – лошадиная голова, перечеркнутая по диагонали. Лошадям по дороге проезд запрещен. Всадник рысью приближался к знаку. Одной рукой он держал бидон. Наверно, ехал покупать кумыс. Зыркнув на знак, он, не останавливаясь, немедля переехал с проезжей части на тротуар, где нет запрещающего знака. Сделал он это легко и просто, будто играл блиц.

В Монголии шахматы испокон века народная игра. Правила монгольских шахмат исторически древнее ныне повсеместно принятых. Любители шатар – монгольских шахмат – нередко искусны. Однажды организовали партию по телефону мастера из Улан-Батора со старым умельцем, кочевавшем далеко от столицы.

Играли по современным правилам. Старик не подкачал, и партия закончилась вничью.

Языкового барьера я не чувствовал. По радио звучала монгольская речь, но музыка часто европейская. Шахматисты, с которыми я общался, владели русским, одеты были как москвичи. Однако когда мы с Намжилом были в Историческом музее, он с восхищением смотрел на старинный экспонат – туфли с загнутыми вверх носками, расшитые жемчугом. Казалось, что не прочь бы такие надеть. Между прочим, Намжил, побывав на Олимпиаде в Израиле, когда наша команда не поехала туда по политическим мотивам, рассказал мне о стране немало интересного. Монгол рассказывал еврею о кибуцах – занятная картина. Встречались нередко монголы, одетые в дели. Это что-то вроде халата. Иногда дели украшал ромбик – значок об окончании Университета. Наперекор Киплингу Запад сближался с Востоком.

В свободные часы я написал несколько статеек о шахматах в монгольскую газету. Зайдя в бухгалтерию редакции за гонораром, обнаружил, что тугриками командуют три девушки. Каждая сидела за своим столом, и еще был столик, на котором стояли три электроплитки. В трех кастрюльках варилось мясо. Приближался обеденный перерыв. Испокон веку скотоводы – мясоеды. Мне рассказали, что у всех студентов есть кочующие со стадами родственники. Они помогают студентам бесплатным мясом. Зимой в Улан-Баторе холодно, морозильник и холодильник не нужен, если есть балкон. В стране прекрасные возможности для рыбной ловли, но монголы раньше рыбой пренебрегали.

Мне случалось обедать в столовой, где охранник требовал у монголов пропуск, а у людей с белой физиономией пропуска не спрашивал. Выглядело это довольно неприятно.

Намжил пригласил меня на обед домой. Я не делал попыток овладеть монгольским языком, но запомнил, что архы – это водка. И что после водки хорошо есть мясную лапшу. Супруга Намжила за столом с нами не сидела. Я постеснялся спросить о причине. Она угощала, а потом принесла внучку. Мне чудесная малюсенькая девочка очень понравилась, но она, поглядев на мою белую физиономию, испугалась и заплакала.

Крепко запал в память простой эпизод. Я шел по безлюдной улочке, навстречу шла старенькая худенькая монгольская бабушка. Она поздоровалась, как принято в деревне. Сказала: «самбайну!». Здравствуйте, по-монгольски. И с такой добрейшей улыбкой, что на душе стало посветлее.

Сбор окончился, меня принял председатель Спорткомитета,

вручил почетную грамоту. Я обратил внимание на то, что в его кабинете в углу стояла винтовка. Обыкновенная, трехлинейная. А участники сбора организовали прощальный ужин и подарили мне маленькую металлическую позолоченную богиню счастья – Майдар. Позолота почти слезла. Мне сказали, что богиня простояла в юрте уже 250 лет, что вывозить ее не положено. Однако когда товарищи провожали меня в аэропорту, они поговорили с кем надо, и оказалось, что можно. В моем доме Майдар успешно простояла еще сорок с лишним лет, напоминая мне о Монголии.

Германия

В сентябре 1970 года Всемирная шахматная олимпиада состоялась в ФРГ в небольшом городе Зиген. Там же прошел Конгресс ФИДЕ.

Фольке Рогард, двадцать один год возглавлял ФИДЕ, уходил, как говорится, на заслуженный отдых. Предстояли выборы нового президента и всего руководства, а также обсуждение и решение ряда важных вопросов.

Формирование команды для участия в Олимпиаде казалось делом несложным. Чемпион мира Спасский, экс-чемпионы Петросян и Смыслов, знаменитые гроссмейстеры Керес, Корчной, Полугаевский, Геллер, Тайманов – созвездие фантастическое. Однако у действующего чемпиона мира Спасского были свои представления, а у недавнего чемпиона Петросяна другие. Любой вариант из этого ряда гроссмейстеров давал все основания рассчитывать на традиционную победу, и меня, как начальника Отдела шахмат, больше беспокоило проведение Конгресса. В нем должен был участвовать председатель Шахматной федерации СССР Б. Родионов. Эту должность общественная. Всегда в Конгрессе принимал участие и консультант – работник Спорткомитета СССР, потому что именно ему и предстояло выполнять те или иные решения Конгресса. Я подал заместителю председателя Спорткомитета, курирующему отдел шахмат, соответствующую бумагу для оформления выезда делегации за рубеж и указал себя в роли консультанта. Но Виктор Андреевич Ивонин ссылался на то, что квота выездов ограничена и, несмотря на мою аргументацию, он считает мою кандидатуру условной. До этого у меня было несколько моментов, когда я считал его

отношение ко мне неоправданно строгим. Я решился сообщить свои представления о моих правах и обязанностях председателю Спорткомитета С. Павлову и встретил поддержку. Неожиданно перед выездом Виктор Андреевич сообщил, что мне надо оформляться руководителем команды на Олимпиаду и руководителем делегации на Конгресс. Я позволил себе позу удивления. Дескать, как это получилось, что не совсем годился в консультанты, и вдруг гожусь в руководители? Виктор Андреевич легко и просто объяснил, что все течет и, следовательно, изменяется. Первый риф оказался пройден. Буквально накануне выезда обнаружился второй. Все участники, кроме меня, получили немецкие въездные визы. Почему мне было отказано – неизвестно. Я передал необходимые документы и полученную валюту на командировку всей команды П. Кересу и пожаловался на такой афронт начальнику Протокольного отдела Комитета Михаилу Степановичу Мзареулову. Он любил изображать из себя очень грозного начальника, любил шуметь, но почему-то ко мне неплохо относился. Он открыто говорил, что считает меня добрым человеком. Думаю, это преувеличение. Мне действительно очень симпатичны малые дети, и я сочувствую собакам, но ведь не в этом дело. Так или иначе, но Михаил Степанович схватил телефонную трубку и позвонил своему протокольному коллеге в Посольство ФРГ. Ответил другой сотрудник, сказал, что коллега в Германии, он поехал на свою свадьбу. И спросил, чем может быть полезен. Коротко говоря, визу мне дали в темпе. Я забрал обратно у Пауля Петровича Кереса документы и валюту, и 4 сентября вместе с командой прилетел во Франкфурт-на-Майне, совершив двухходовый перелет по маршруту Москва – Ленинград – Копенгаген на самолете Аэрофлота, и далее, после многочасового «отдыха», на капиталистическом самолете.

У П. Кереса было своеобразное хобби. Он коллекционировал расписания самолетов, поездов и пароходов. Руководство Спорткомитета нередко обращалось к нему за советом в этой области. В Копенгагене он авторитетно сказал мне, что более скверный маршрут трудно было придумать. А ларчик просто открывался. Комитет платил Аэрофлоту рублями, которых хватало, а не валютой, которую экономили.

Из Франкфурта специально зарезервированным организаторами поездом поздно вечером мы прибыли в Зиген. Хотя Зиген и невелик, всего 58 тысяч жителей, но технически Олимпиада была подготовлена с немецкой обстоятельностью и аккуратностью. Все команды шестидесяти стран участниц играли в большом зале Конгрессхауза. В каждом туре по удару гонга

начиналась борьба на 120 шахматных досках. При необходимости этот зал можно трансформировать для проведения собраний или спортивных соревнований, а также и для концертов. Пресс-центр хорошо оборудовали средствами связи и оргтехникой. Специально для Олимпиады изготовили столы и комплекты шахматных фигур. В этом бескорыстно помог господин Матиас Кутч, большой любитель шахмат. Он уделял внимание нашей команде, и я хорошо с ним познакомился. Он объяснил свой материальный вклад в дело организации Олимпиады тем, что многим обязан шахматам. В детстве болел костным туберкулезом и вынужден был длительное время лежать. Его научили играть в шахматы, и это во многом помогло ему преодолевать невзгоды. Матиас, шутя, говорил, что он потомственный милитарист. Его предок имел фабрику, которая производила пуговицы для армейских мундиров.

Олимпиаду посещало немало зрителей. На матч СССР-США пришло пять тысяч человек. Ехали из разных городов и даже стран. Всех интриговала встреча Спасского с Робертом Фишером. Спасский оказался на высоте и добился победы. На первой доске он показал лучший результат. Тогда шахматисты предвидели неизбежность дальнейшего подъема американца и его матч со Спасским за корону.

Олимпиаду посетили президент ФРГ Хейнеман с супругой, федеральный министр иностранных дел Геншер, посол СССР в ФРГ Царапкин.

Надо сказать, что многие зрители болели за нашу команду. Как-то один немец завязал разговор со мной. Он задал по-русски ненормативный вопрос: «Вы будете американцев за…ть?» Я спросил, откуда он так хорошо знает русский язык. Не заметив иронии, он ответил, что в советской зоне оккупации жил рядом с казармой.

В городе витрины всех магазинов отражали олимпийскую тематику. О том, что нравы в Европе изменились, свидетельствовала витрина небольшого магазина, расположенного напротив Конгрессхауза. На большой шахматной доске стояли задом к публике в виде шахматных фигур человеческие фигурки, причем голые, толстые, средние, мужские и женские. Лозунг над доской гласил: «Уничтожим капиталистические ж…!». Довольно своеобразная революционная агитация.

Конгресс ФИДЕ проходил в гостинице «Кайзергартен», где жили участники Олимпиады, в пяти километрах от Конгрессхауза. Добираться можно было на троллейбусе, который ходил по расписанию минута в минуту. Борьба на Олимпиаде в

этот раз оказалась нелегкой, но первое место и кубок Гамильтона-Рассела вновь был завоеван нашей командой.

На Конгрессе Ф. Рогард стал почетным президентом. Президентом ФИДЕ был избран экс-чемпион мира Макс Эйве. Звания международного гроссмейстера присвоили трем шахматистам: Бухути Гургенидзе, будущему чемпиону мира Анатолию Карпову и Уолтеру Брауну (США). Только троим в тот год на весь мир. Такие времена, как говорит один известный телеведущий. И еще была введена в действие система индивидуальных коэффициентов, за которую годами боролся профессор Эло. В нынешние дни трудно себе представить, как можно обходиться без рейтингов.

Между прочим, не могу не привести справедливую мысль гроссмейстера Геллера. Он как-то сказал мне, что коэффициент показывает то, что было до партии, но не результат партии.

В Зигене я был занят почти каждый день с утра до ночи. Очередной тур, доигрывание неоконченных партий, работа на Конгрессе ФИДЕ, некогда было глядеть по сторонам. Однако все шло четко по расписанию. При этом в городе чувствовался какой-то провинциальный покой, хотя все удобства и магазины не уступали столичным.

Возвращались мы домой через Франкфурт-на-Майне, там переночевали, чтобы лететь в Амстердам. После Зигена большой город оглушил суматохой. У меня был недолгий разговор с таксистом, интеллигентного вида парнем лет тридцати пяти. Он сказал, что является членом кооператива таксистов, машина – его собственность, можно быть членом кооператива, не имея машины. Тогда надо платить ежемесячно определенную сумму, за машину, которую предоставляет кооператив. Член кооператива может дать свою вторую машину кооперативу, за это получать выплаты. Дневная норма пробега у них 150 километров. Насколько мне было известно, в Москве дневной пробег таксистов тогда был 250 километров. Шофер задал мне несколько неожиданный вопрос: «Может ли гражданин СССР принять от немца маленький подарок, скажем, носки, носовой платок?». Ему железный занавес казался абсолютно непроницаемым.

В гостинице вечером я попросил дежурного заказать такси на раннее утро, когда нужно ехать в аэропорт. Дежурный ответил, что он это сделает утром, потому что у них приезжают so fort, то есть без промедления. Я, приученный московскими таксистами к опозданиям, немного беспокоился, но дежурный оказался прав. В Амстердаме вновь двухдневная пауза, а затем любимый «Аэрофлот».

Второй раз я посетил Германию в 1974 году. Мы с женой

решили во время отпуска совершить туристский пробег на собственном «жигуленке» по ГДР. Издательство «Спортферлаг» там регулярно из года в год издавало маленький шахматный учебник «А, В, С». Это был перевод написанной Ю. Авербахом и мной «Шахматной азбуки». Книжка бойко продавалась и в ГДР, и в ФРГ. Забегая вперед, скажу, что на вопрос моей жены, почему издательство уделило мне столько внимания, главный редактор Дитер Вробель ответил: потому что авторы написали хорошую книжку. Десять тиражей обеспечили издательству неплохой доход в валюте. Авторам переводили скромненький гонорар в ВААП, организацию, призванную охранять авторские права. Охрана ограничивалась тем, что ВААП ополовинивал гонорар. Дитер знал об этом и компенсировал потери повышенным вниманием.

«Автопробег» в целом прошел без приключений и аварий. Имея изрядный опыт автотуризма на Кавказ, в Прибалтику, на Карельский перешеек, я регулярно выезжал ни свет, ни заря. В тот раз не удалось по семейным обстоятельствам. Ждали результатов анализов по поводу подозрений на злокачественную опухоль у тестя. Анализ оказался благополучным, но выехали во второй половине дня и, доехав до города Сафонова в Смоленской области, решили заночевать в гостинице. Паспорта у нас были заграничные, печать о браке в них не предусмотрена, фамилии разные. В один номер нас поселить отказались. Моя шутка, что я обязуюсь вести себя прилично, успеха не имела. Сняли жене одиночный номер, а меня прописали в общежитие. Что делать, когда в нашем государстве секса нет. Эту монументальную идею должны блюсти все граждане.

На границе с Польшей вышла заминка. В таможенной декларации жена написала, что у нее есть кулон. На самом деле у нее на шее висел медальон, красивый, старинный, но не кулон. А в медальоне фото матери, которая недавно покинула грешный мир. Симпатичный таможенник сказал, что кулон надо оставить на хранение, а получить его на обратном пути. Жена отказалась медальон снимать, а таможенник нас пропускать. Я осерчал и сказал, что поедем обратно в Москву. Таможенник вошел в положение, поинтересовался профессией жены, сказал, что медиков он уважает, и велел переписать декларацию. Поблагодарив, мы двинулись вперед, на запад. Вскоре приехали в Варшаву и остановились у друзей. Но о Польше будет рассказано отдельно.

В Берлин прибыли в полдень, подъехали прямо к издательству. Приятно поразило, что ряд мелких вопросов, которые мне надобно было решить, заняли совсем немного времени. Успели позавтракать, поменять валюту, купить план

Берлина, отогнать неподалеку от издательства машину на профилактику, прогуляться по городу, получить у Дитера план моей поездки по стране с бронированием гостиниц в Лейпциге, Дрездене и Веймаре, заказать новые очки в частной мастерской, которую мне рекомендовали еще в Москве. Тем временем профилактика машины была сделана. Рядом с домом издательства была площадка для стоянки машин. Раньше там стоял дом. Его разбомбили.

Комнату на несколько дней нам сдала сотрудница издательства. Дом стоял на улице, аналогичной московскому Садовому кольцу. Правда, тогда движение было по нынешним меркам очень небольшое.

Погода благоприятствовала, и мы с удовольствием прогулялись по знаменитой Унтер-ден-Линден, поглядели на Бранденбургские ворота, подивились модерновому собору. Я обратил внимание на то, что поездка на разных видах городского транспорта стоит стандартно – 20 пфеннигов, и общественный туалет тоже 20. Вероятно, это рационально. Ведь недаром же гласит пословица, что немец обезьяну выдумал. Еще в Берлине мы побывали в опере, слушали «Силу судьбы» Верди и посмотрели на Берлин, в том числе и Западный, поднявшись на смотровую площадку телевизионной башни.

Когда однажды под вечер мы возвращались домой, то увидели небольшую очередь у окошка булочной. Продавали горячую выпечку. Противное общепитовское словцо, но я не запомнил, как называются эти вкусные булочки.

Хозяйка квартиры была в приподнятом настроении. Оказалось, что ее на два дня командировали в Западный Берлин. Нам же казалось, что и в Восточном Берлине все очень даже неплохо.

Наше путешествие на запад продолжилось по городам Мейсен, Дрезден, Веймар и обратно – Лейпциг и Берлин.

В Мейсене мы видели, как делают знаменитый фарфор. Прическа у молодого парня гончара напомнила мне молодого стеклодува итальянца, которого я видел за работой на острове Мурано под Венецией. Прошли годы, и я узнал слово глобализация. Также повидали, воспользовавшись знакомством нашего друга Альбина с пастором, орган с керамической начинкой, побывали на роскошной выставке цветов. В прекрасном Дрездене я, наконец, посетил знаменитую галерею. В Москве был шанс, но работа не отпускала. В Веймаре мы побывали в доме-музее Гете. Навсегда запомнился его кабинет с несколькими письменными столами. Отдельно для литературы, для искусствоведения, для государственных дел. И рядом спаленка.

Маленькая, с колокольчиком для вызова слуги. Такая маленькая для такого великого.

Езда по немецким дорогам, как теперь принято говорить, была комфортной. Гладко, просторно, без нахальных лихачей. Ехать можно быстро. Пристроишься за какой-нибудь машиной, скорость которой тебя устраивает, и гонишь, соблюдая дистанцию. А там и за тобой кто-то пристроился. И незнакомые дружно едут, как одна команда. Иногда попадаются предупреждающие транспаранты: «Ich bin dabei!» и фигура полицейского из папье-маше или, может быть, из какого-то пластика. Стоит как живой. Предупреждает, что он тут как тут. Однажды я нарушил правила. Прозевал поворот налево и сразу это заметил. Гнать вперед незнамо сколько до поворота и потом возвращаться не хотелось. Я притормозил, оглянулся. Вроде бы свободно. Быстро развернулся через две белые линии. Через минуту-другую из кабины встречной большой фуры водитель укоризненно покачал мне головой. Он издали наблюдал мой маневр, а может быть, увидел и мой московский номер. Полицейского «дабай» не оказалось.

Экскурсия нам с женой очень понравилась. И Германская Демократическая Республика тоже понравилась, как оказалось, гораздо больше, чем многим немцам.

В 1987 году с 4 по 23 октября я сопровождал М. М. Ботвинника в поездке по Германии. Михаилу Моисеевичу было 76 лет, он был практически здоров, однако очень плохо видел. Он пригласил меня сопровождать его. Некоторое значение имело мое элементарное владение немецким языком.

Перед поездкой мы побывали у медиков. Доктор окулист объяснила, что у Михаила Моисеевича в голове, в так называемом турецком седле, сосуд прижал глазной нерв. С возрастом сосуд этот потерял эластичность. Поэтому глазной нерв не работает должным образом, но, как показало исследование, кровоснабжение мозга превосходное. Я задал антирелигиозный вопрос, почему в проекте не было предусмотрено поместить глазной нерв на расстоянии от этого сосуда? Доктор ответила, что, вероятно, продолжительность жизни предполагалась лет пятьдесят.

В то время Ботвинник целеустремленно работал над шахматной компьютерной программой «Пионер», остро нуждался в приобретении компьютерной техники достаточно высоких параметров, взамен имеющейся. Помочь ему в этом хотели гроссмейстер Лотар Шмид и профессор Моер, директор вычислительного центра при Мангеймском университете. Препятствием было эмбарго на поставку необходимой техники в

нашу страну.

Приглашение в Германию прислал гроссмейстер Шмид. Он писал: «Мы хотели бы от всего сердца, дорогой проф. Ботвинник, пригласить Вас посетить ФРГ, быть гостем в Мангейме и Бамберге и, по вашему желанию, в других городах. Программа была бы составлена полностью в соответствии с вашими пожеланиями: один или несколько докладов в университетах, сеансы одновременной игры и, конечно же, дни отдыха». И здесь же было приглашение для сопровождающего шахматиста.

Программу нашего пребывания сделали очень насыщенной. Мы побывали в Мангейме, Гейдельберге, Синсгейме, Штейнсфурте, Бамберге, Хофе, Неккаргмюнде, Эрлангене, Бад-Хомбурге и, в заключение, в нашем посольстве в Бонне. Шахматная часть программы состояла из сеансов одновременной игры, а также пресс-конференции и встреч с журналистами. «Дипломатическая» состояла из приемов Ботвинника ректорами Мангеймского и Гейдельбергского университетов, а также обер-бургомистром города Синсгейм. «Компьютерная» часть программы включала совещание с представителями фирмы «Сименс» и других фирм, осмотр компьютерной выставки в Карлсруэ, ознакомление с вычислительным центром Мангеймского университета. На культурную программу практически не оставалось времени. Осмотрели с почтением тысячелетний собор в родном городе Лотара Шмида Бамберге. Когда-то Бамберг был даже столицей Империи. Побывали в музее известного концерна Хутченройтер, основанного в 1814 году, производящего фарфор высочайшего качества. Красивейшие сервизы с ручной росписью, фарфоровая скульптура и все эти ценные экспонаты выставлены незащищенно, не видно охраны. Я спросил о причинах и услышал, что населенный пункт, где фабрика и музей, мал, все друг друга знают, воровства не утаишь и, вообще, воровать некому.

Осмотрели коллекцию шахматных фигур, известную в шахматном мире и принадлежащую коллекционеру г-ну Томсену. Он пригласил нас в свою виллу. Воспользовавшись возможностью встречи, приехала госпожа, которой принадлежало издательство. Ботвинник отнесся к ней сурово, так как в переводе его книги были без его согласия сделаны какие-то сокращения. А это нарушение авторского права.

В 1978 году я сиднем сидел в Зигене, в 1974 в ГДР сам был за рулем, а в последней поездке накатал незнамо сколько сотен или даже тысячи километров в качестве пассажира. Причем на разных машинах. Большей частью весьма качественных, но однажды нас вез Карл Фишер, шахматный любитель и однофамилец Бобби

Фишера. Он был пенсионером, но гнал своего старенького «Опеля», не уступая в скорости и проворстве высококлассным конкурентам.

Немецкие города в целом производили прекрасное впечатление. Мне глянулся Гейдельберг, может быть, потому, что был наслышан о его университете. Не помню, в каком из небольших городов мы вышли с Михаилом Моисеевичем немного прогуляться перед сном, и я увидел на пустынной улице перед домом на газоне несколько грушевых деревьев. Довольно маленьких, но несущих крупные спелые аппетитные груши. И никакой охраны. Фантастическая картина!

Все принимали Михаила Моисеевича исключительно тепло и уважительно. И ученые, и журналисты, и просто шахматисты. В городе Хоф хозяином поля был Дитер Вайске, хозяин фирмы, торгующей оптом текстилем и пряжей. Он с энергией помогал Михаилу Моисеевичу получать по телефону информацию у компьютерных фирм в разных городах и, в конце концов, вместе с Лотаром Шмидом подарил какие-то необходимые «железки».

Однажды, когда мы ехали в машине, я обратил внимание г-на Вайске на рекламу фирмы Виссман. Написано было по-немецки – WieSSman. Две прописные буквы S давали возможность прочитать так – wie SS Mann. То есть – как эсэсовец. Мне показалось, что г-н Вайске немного смутился. И был еще момент, когда я мог предположить, что тема ответственности немецкого народа за злодеяния фашистов ему небезразлична. Я как-то выразил удивление его повышенному вниманию. Он смутился, я тоже.

Фирму он и его младший брат Стефан получили по наследству. Стефан, он вез нас в очередной город, рассказал, что свою долю он взял деньгами, и на них заканчивает медицинский факультет, готовясь стать спортивным врачом.

Профессор Моер к работам Ботвинника проявлял профессиональный интерес и энергично помогал ему. Он пригласил нас на обед. Оказалось, что он живет в необычном доме. Круглый, внутри нечто вроде арены с очагом посредине. Над очагом висит котел и возвышается колонна, внутри которой дымоход. Эту «арену», выше на несколько ступенек, окаймляет кольцо, шириною метра три – четыре. Невысокими перегородками разделены открытые кабинеты с компьютерами для членов семьи, а также кухня и смежная с ней столовая. На втором этаже небольшие спальни. Я позволил себе заметить, что это проект не совсем нормальный. Профессор Моер радостно возразил, что это проект ненормального профессора. Повидать Ботвинника в разные города приезжали известные шахматисты. Приехал гроссмейстер Людек Пахман. Он был в Чехословакии

сначала активным коммунистом, а позже активным диссидентом. Про него коллега сказал, что Людек попадет в психушку, либо за решетку. Пахман, увы, испытал и то, и другое. Мытарства закончились эмиграцией.

Мы дали немало сеансов одновременной игры. Мне запомнился сеанс в доме для престарелых. Обитатели отлично выглядели, обстановка и буфет были хороши, коротко говоря, отличный санаторий. В другом сеансе против меня играла девица, вооруженная шахматным компьютером. И старики, и компьютер оказались не сильными противниками.

Ботвинник был доволен своими приобретениями компьютерной техники. Мы побывали в нашем посольстве в Бонне. Чрезвычайный и полномочный Ботвинника принял, и я там был, чай пил. В день отлета в аэропорту Франкфурта-на-Майне после паспортного контроля и таможни мы сидели в ожидании посадки. Вдруг объявили, что господина Ботвинника просят подойти к стойке. «Начинается», сказал Михаил Моисеевич. Вскоре он вернулся. Оказалось, что муж молодой особы, служащей таможни, шахматист и она попросила для него автограф, вовсе не интересуясь багажом. Вдобавок к автографу Михаил Моисеевич, по своему обыкновению, дал ей конфетку. На этом пребывание в Германии окончилось.

Вероятно, Ботвинник остался доволен моей компанией и позже приглашал меня в поездки во Францию, Бельгию, Югославию. А я получил огромное удовольствие в этих поездках от деликатности и неунывающего нрава Михаила Моисеевича. Многие замечали лишь строгость, пунктуальность и бескомпромиссность Ботвинника, патриарха, как его называли за глаза с легкой руки известного радиокомментатора Вадима Синявского.

Что сказать о Германии, о немцах? Трагично, что в XX веке Германия и Россия дважды воевали.

Польша

В школе на уроках истории я узнал, что было три раздела Польши, в 1772, 1793 и 1797 году. Делили Россия, Австрия и Пруссия. Делили на вечные времена, ликвидировали государство. В моем школьном классе училось немало поляков. Это я понял гораздо позднее, а во время учебы национальный вопрос меня совершенно не интересовал. Математику у нас преподавал Михаил Леонидович Иванов, довольно высокий, слегка полный и очень стройный господин. Дореволюционная офицерская выправка. Капитан царской армии. Был довольно передовым специалистом – внедрял в армию пулеметы. Ему нравилась математика. Иногда, давая задачу, он говорил, что решается она искусственным способом, имея в виду искусство, но не обычный способ. При этом добавлял: «А всякие там Комоцкие, Краковские, Василевские, Мацкевич, Божданкевич решать пусть и не пытаются». При этом не упоминал Мишу Ососинского. Он мог пытаться.

В конце тридцатых годов прошлого века в стране создавали военные спецшколы, артиллерийские и авиационные. К нам в класс однажды пожаловал преподаватель из артиллерийской спецшколы. Агитировал мальчиков переходить. Он был в форме, в ладно пригнанном кителе, на петличках пушечки. Михаил Леонидович на него внимательно посматривал. Ребята предположили, что военная форма гостя лишила покоя Михаила Леонидовича. Военная косточка сказалась. Действительно, на следующий учебный год Михаил Леонидович перешел в спецшколу.

У меня был друг Шура, курсант военного авиационно-технического училища. На несколько лет старше меня. Как-то Шура сказал мне, что в армии быть поляком довольно опасно.

Я знал, что его маму звать Юзефа Доминиковна, но что он в известной мере поляк до моего сознания не доходило. Армейский комсостав арестовывали, возможно, учитывая национальность. Шуре было виднее. К счастью, его военная судьба сложилась удачно.

В конце лета 1939 года я готовился к вступительным экзаменам в институт и неожиданно из газеты узнал, что мы подружились с гитлеровской Германией, в Москву прилетел рейхсминистр Риббентроп. На газетной фотографии он в Кремле стоял среди наших вождей, элегантный, скрестив на груди руки

так, что видны были белые манжеты. А первого сентября, в первый день учебного года, в гостях у товарища, я услышал знаменательную радиопередачу. Диктор говорил по-немецки. Поляки, сказал он, что-то натворили с немецкими гренцармистами, то есть пограничниками. Началась Вторая мировая война. Немецкие армии двинулись в Польшу, англичане и французы объявили войну Германии, а 17 сентября Красная Армия двинулась навстречу своим новоявленным фашистским друзьям, протягивая братскую руку помощи украинцам и белорусам, освобождая Западную Белоруссию и Западную Украину. Вскоре наш великий дипломат нарком Молотов разъяснил народу, что собой представляет Польша. Он сказал, что Польша это «уродливое детище Версальского договора» и отныне Польского государства больше не существует. Молотов выразил надежду, что под опекой Гитлера и Сталина польский народ обретет, наконец, условия материального благоденствия и расцвета национальной культуры. Позднее выяснилось, что нарком оказался не прав. Он подписал пакт с Риббентропом, а про секретный протокольчик о разделе Европы промолчал. И долгие годы наши вожди упорно твердили, что никакого протокола не было. Потом, правда, он отыскался. Твердили что десятки тысяч польских офицеров, интеллигентов и других поляков без суда не расстреливали, а в Катыни их расстреляли не энкеведисты, а немцы. Такая вот предстояла сталинская опека. И гитлеровская тоже.

К нам в институт приехала делегация юридического факультета Львовского университета, мы дружили. Знакомый, участвовавший в походе на Польшу, вернулся с чемоданами хороших промтоваров… Жизнь текла нормально, все было правильно, все справедливо, говоря словами песни Окуджавы.

С первого по десятый я учился в одном классе с Эдиком. Он был хорош собой, физически крепок, доброжелателен, но когда его назначили старостой класса и предложили делать замечания за нарушения дисциплины в письменном виде, он не щадил лучших друзей. Он стал заниматься в спортивной секции «Юный динамовец» и, благодаря этому, когда в 1939 году был призван в армию, служил в Пролетарской дивизии, стал взрослым динамовцем. Кажется, потом дивизию переименовали – стала имени Дзержинского. Эдик проходил курс в школе младших командиров, но после профилактической прививки заболел, и курса не окончил. Когда выздоровел, его назначили каким-то комсомольским начальником и присвоили звание старшины. За неделю до начала Отечественной войны мы виделись в Москве. Стояли, прощались на углу улицы Герцена и Брюсовского

переулка. Он сказал, что больше увольнительных, наверно, не будет, офицеры в дивизии говорят, что вот-вот война. Выходит, не все верили, что Гитлер не нападет. Позже мы встретились во время войны. Эдик приехал в Москву в форме польского офицера. У него на погонах без просветов было по три больших звезды, знаки различия капитана польской армии. Эдик с удовольствием отметил, что наши часто принимают его за полковника. В польское соединение, которое у нас формировали из военнопленных и беженцев поляков, Эдика перевели, потому что у него отец поляк. Мать была латышкой. Эдик ни слова не говорил по-польски. Да так и не научился.

По дороге в ГДР и обратно на машине во время отпуска, я с женой дважды пересек Польшу и дважды побывал в Варшаве. Первым наблюдением было изрядное количество лошадей на дорогах. И, вроде бы, никаких привилегий для автомобилей. Едет перед тобой телега и не собирается уступать. Равноправный член дорожного движения. Еще обратил внимание на разноцветные штакетники, радующие глаз, огораживающие дома близ дороги. Варшава мне показалась, если можно так сказать, в каком-то смысле изящнее Берлина. По принятому обыкновению я отнес это к особенностям польского национального характера. Ведь так удобно мыслить крупными категориями. Осматривая восстановленный после страшных военных разрушений центр Варшавы, погода была солнечной, я думал о несгибаемости польского народа, закаленного веками исторических драм, и о контрпродуктивном споре между славянами. Католики, православные. Сколько слез, пролитой крови, загубленных жизней.

Мы остановились в Варшаве у нашей знакомой. Москвичка Вера вышла замуж за Анджея Дравича, профессора филолога. Андрей блестяще владел русским языком и был знатоком русской литературы. Красивый, талантливый, общительный, веселый и остроумный человек. К тому же, как говорится, политически активный. У них были две болонки – Фунтик и Трошка. Собачки слышали и узнавали машину хозяина, когда та только подъезжала к дому, хотя квартира была на восьмом этаже. Анджей, конечно, их обожал и считал чрезвычайно умными. Когда мы приехали, я принял душ, разомлел, и прилег в халате на диван отдохнуть. Собачонкам я почему-то понравился, и они улеглись рядом. Одна спереди, другая сзади. Эта картина вызвала у Андрея доверие ко мне. Он позвонил одному диссиденту и тот специально для меня принес «Архипелаг ГУЛАГ». Так что жена осматривала Варшаву значительно дольше, чем я.

Не преувеличивая, скажу, что Андрей с любовью относился к

России, хотя его отец был расстрелян советскими «друзьями».

Два моих автомобильных воспоминания. Я поставил в Варшаве машину наискосок к тротуару, среди других. Собрался выезжать задним ходом, обозначился и стал пропускать едущих прямо. Мне просигналили и уступили дорогу. Оказывается, у поляков такое правило. Недоступная моим землякам вежливость. Но когда я пытался спросить по-русски и по-немецки, как проехать на нужную мне улицу, то успеха не имел. Не знаю, то ли не хотели отвечать, то ли не понимали.

Тогда шутили, что в соцлагере самый веселый барак был польский. Глядя вечерами телевизор, я был того же мнения.

Как-то я познакомился, с человеком, родившимся в Польше, бежавшим в 1939 году в СССР, получившем здесь образование и возвратившимся в Польшу. Он успешно работал в Университете, но когда поехал в Италию, на стажировку, у него на границе отобрали польский паспорт. Он был, как говорили в старину, пОляк Моисеева закона. Жили в Польше раньше, до войны, миллионы евреев, остались после Холокоста тысячи. Минус эмиграция. А антисемитизм уцелел. Но это совсем другая история.

Голландия

Вскоре, после того как я научился читать, мне попалась книжка «Серебряные коньки». В ней интересно было рассказано про Голландию, где замерзают каналы, и все катаются на коньках. Позже, в школе появился самостоятельный предмет география, и я услышал, будто голландцы говорят, что все страны создал Бог, а Голландию сами голландцы. Это потому, что они испокон веку строят дамбы и плотины, откачивают воду при помощи ветряков и, наступая на море, расширяют свою территорию. Узнал, что Петр I работал инкогнито в Голландии плотником, осваивал другие ремесла, чтобы дома строить корабли. Узнал, что Голландия это еще и Нидерланды. По-немецки – Nederland, по-французски Pays-Bas. В переводе это нижние земли. А юношей я следил за тем, как голландский гроссмейстер Макс Эйве сражался за титул чемпиона мира по шахматам с Александром Алехиным и в первом матче имел успех. Узнал, что голландцы регулярно устраивают международные шахматные турниры.

Шахматная лошадка четырежды привозила меня в

Голландию, и я смог познакомиться с шахматной жизнью и некоторыми достопримечательностями этой страны. А точнее сказать, с главным городом Амстердамом, а также с Тилбургом, что на юге, и Гронингеном на севере страны.

Собравшись написать это строки, я прочитал в Интернете интересные вещи о Голландии. Я знал, что там развита промышленность, высокие технологии и сельское хозяйство. Но чтобы до такой степени! Оказывается, производительность труда одного работающего голландца в полтора раза выше, чем американца. В сельском хозяйстве работают всего несколько процентов трудоспособных людей, но они не только кормят все население, но 60 процентов своей сельскохозяйственной продукции Голландия экспортирует. Земли мало, на одного человека приходится 14 соток, зато теплицы занимают 10 тысяч гектаров, а скота и птицы очень много. ВВП такой, что большие страны могут позавидовать, а инфляция совсем маленькая. Особое впечатление произвело сведение, что фирма «Юнилевер» в 1997 году в 90 странах реализовала мороженого на 6 миллиардов долларов. Важно, конечно, что Роттердам и Амстердам имеют гигантские порты, а Схипхол, аэропорт Амстердама, тоже гигант. Однако мороженое на миллиарды это нечто.

По всему выходит, что Петр Великий знал, у кого нужно поучиться.

Мое первое знакомство с Амстердамом было коротким. В 1970 году сборная команда СССР возвращалась из Германии через Амстердам. Как обычно делали крюк, чтобы лететь домой самолетом Аэрофлота. Два дня ждали рейса в Амстердаме. Посетил Государственный музей, где господам старше 65 лет вход бесплатный, Галерею Рембрандта, погулял по городу. Вечерком, вместе с одним гроссмейстером и его приятелем, работавшим в Амстердаме, прошелся по знаменитой улице красных фонарей. В освещенных комнатах-витринах девицы профессионалки демонстрировали свою красоту. Достаточно неприкрытую. Тогда наше телевидение еще не доросло до такого показа. Приятель гроссмейстера пошутил: «Давай оставим руководителя минут на двадцать, сами пройдем дальше, а потом вернемся». Я был в роли руководителя сборной СССР и возразил с достоинством, что двадцати минут будет мало. Хватит, возразил оппонент, здесь у девиц очень высокий класс.

По каким только направлениям голландцы не входят в число лидеров! Капитализм строили первыми, свобода нравов у них рекордная, марихуану разрешают, эвтаназии не боятся. Очень они любят свободу. Наш простой человек сомневается – неужели можно любить свободу до такой степени? При этом 40 процентов

голландцев не принадлежат к каким-либо конфессиям. И все это не снижает производительность труда и не повышает инфляцию.

В тот приезд случилось маленькое приключение. К условленному часу команда должна была собраться в гостинице, чтобы ехать в аэропорт. Все в сборе, ждем такси. Не хватает одного Виктора Корчного. Цейтнот. Я отправил в аэропорт две машины, нервничаю и надеюсь. Появился, наконец, Виктор с незнакомым голландцем. Мы заходим в номер Виктора, все его вещи не собраны. Если уложить вещи по-человечески, то можно опоздать на посадку. Я высказываюсь разными словами. Голландец не понимает, но, глядя на мою мрачную физиономию, догадывается, и выражение его лица тревожное. Виктор вытаскивает большой чемодан с застежкой – молния, вещи в охапку, бросает их в чемодан, вжик – застегнута молния, и Виктор говорит: «Готово!». Я рассмеялся, голландец тоже. Мы не опоздали.

Через три года Виктор Корчной после турнира остался в Голландии, попросив политическое убежище.

В 1978 году предстоял матч на первенство мира Карпов – Корчной. Шахматные федерации Германии, Филиппин и Голландии конкурировали за право проведения этого поединка. По установленному порядку меня послали в качестве инспектора в Голландию. Я старался от души, чтобы дать объективную оценку организационным возможностям голландцев. В Амстердаме побывал в офисе ФИДЕ, пил кофе с президентом ФИДЕ экс-чемпионом мира Эйве, обедал с генеральным секретарем Инеке Баккер.

С 5-м чемпионом мира Максом Эйве я познакомился в 1966 году в Монголии. Я был там в качестве тренера, а Эйве совершал большое путешествие от Голландии до Камчатки.

Не берусь судить, какова роль личности в истории, но роль Эйве в шахматной истории, и особенно в шахматной истории его страны, исключительно велика. Он родился в 1900 году и прожил восемьдесят лет. Изучал математику и стал профессором, сочетал профессиональную деятельность с интенсивными занятиями шахматами. В Голландии шахматы пользовались популярностью, но когда Эйве победил Алехина и стал чемпионом мира, интерес резко возрос. С той поры в Голландии регулярно проводятся значимые международные турниры и массовые соревнования. Голландская шахматная федерация стала ведущей в Международной федерации. В 1970 году Эйве – математик вышел на пенсию и был избран президентом ФИДЕ. Внешне доктор Эйве производил прекрасное впечатление. Высокий, подтянутый, выглядевший значительно моложе своих лет красивый мужчина.

Между прочим, голландцы шутят, что высокий рост для них необходимость для того, чтобы держать нос выше уровня воды. Его компетентность в области шахмат в оценках не нуждается. Высшие спортивные достижения, признанный авторитет в теории шахмат, автор многих отличных шахматных книг.

Инеке Баккер была очень деловой, энергичной женщиной левых взглядов. Позже выяснилось, что она хорошо относится к нашим шахматистам, но не к советской власти. Желая сделать приятное, я сказал ей, что Амстердам очень красив, что он напоминает мне Ленинград, Ригу и Венецию. Не входя в оценку моих наблюдений, она сказала, что живет именно в Амстердаме потому, что он ей нравится.

Президент ФИДЕ и генеральный секретарь одобряли проведение матча Карпов – Корчной в Голландии, в городе Тилбурге.

В Тилбурге я осмотрел предлагаемое место игры – «Пеликан халл». Такое сооружение для спортивных и иных зрелищ, вместимостью четыре с половиной тысячи зрительских мест. Арена большая – 60 на 40 метров. Здесь проводятся хоккейные матчи, концерты, была автомобильная выставка. Организаторы сказали, что намерены соорудить на арене этакий прозрачный зал площадью метров семьдесят квадратных и в нем кондиционированный воздух, звукоизоляция от зрительного зала, соответствующее освещение и так далее. Остальная площадь арены – ковер из живых цветов. Кстати, выращивание и огромный экспорт цветов одна из особенностей Голландии, которую называют страной тюльпанов. На Северном море цветов, быть может, не меньше, чем, к примеру, на Средиземном. Не все решает солнышко. План грандиозный, но возможно ли его выполнить в ограниченное время? Я усомнился, но голландец сказал, что рядом с Тилбургом город Эйндховен, фирма Филипс. Что такое фирма Филипс, знают все.

Осматривая возможные для проведения матча места, я познакомился с пригородом Тилбурга. Для проживания Карпова и его команды один бизнесмен предложил свою небольшую виллу в лесочке, на участке площадью два гектара. Он проживал в ней один, имел фирму, торгующую какими-то стройматериалами, и имел два хобби – шахматы и свой маленький зоопарк: несколько благородных оленей, пони, два ослика, крупные собаки и еще кое-каких тварей по паре.

Бургомистр Тилбурга был шахматным болельщиком. Спустя восемь лет, когда я снова приехал в Тилбург, оказалось, что он меня помнит. Руководитель отдела информации Тилбургского магистрата господин де Флам показал мне центр города. Чистота,

покой, велосипеды, велосипеды… Я одобрил большое количество «лежачих полицейских» перед перекрестками. У нас тогда их еще не было. Де Флам пригласил меня в ресторан на ленч. Сели, официант зажег на столике две свечи, хотя было очень светло. Де Флам выразил удовлетворение тем, что мне, как и ему, нравится сухое вино. Я выразил одобрение тому, что голландцы дали независимость своей колонии Индонезии. Господин де Флам не поддержал моих прогрессивных взглядов. Он сказал, что не все семьи в Голландии этим довольны. Я подумал, что это он из-за дворянской приставки к фамилии. В целом мы остались довольны друг другом, и господин де Флам заверил меня, что бургомистрат поможет в проведении матча. В местной газете появилась статья с фотографией и занятной подписью «Рус Бейлин в Тилбурге».

Троих голландцев из Тилбурга и меня пригласил посол СССР, и мы поехали в большой красивой машине в Гаагу. Нас встретил сотрудник посольства. Он приветствовал по-нидерландски и сразу спросил по-русски: «Который из вас Бейлин?». Я признался, получив некоторое удовольствие оттого, что побывал и русским, и голландцем. Посол нас принял любезно и сказал, что он всецело за то, чтобы матч был проведен в Голландии.

По правилам ФИДЕ, организаторы матча должны предварительно назвать сумму призового фонда. Мне задали вопрос, и я сказал, что, вероятно, будут называть миллион долларов, поэтому неплохо было бы заявить миллион сто. Они написали миллион двести пятьдесят, а филиппинцы – действительно миллион. Однако они оказались шустрее, и филиппинский миллион оказался дороже, чем миллион двести пятьдесят долларов голландцев.

Прошло пять лет, и я познакомился с городом Гронингеном, имеющим большие шахматные традиции. Там в рождественские каникулы проходил чемпионат Европы среди юношей. Начальник управления шахмат гроссмейстер Крогиус заявил тренеру молодежной сборной Анатолию Быховскому, что он может ехать на чемпионат с Яаном Эльвестом за счет своего отпуска. По-видимому, для того, чтобы работа медом не казалась. Анатолий возмутился и отказался. Тогда начальник предложил мне, уже не в счет отпуска. Стравить меня с Анатолием начальнику не удалось. Я согласился, не стал скандалить, хотя начальник был неправ.

При каждом выезде требовалось представлять справку врача о состоянии здоровья. Во время этой поездки я понял почему. В Амстердаме я купил билеты на поезд. Узнал, что первую букву в слове Гронинген, надо произносить как-то с хрипом. В поезде, не доехав до какой-то станции, еще я узнал, чтобы ехать дальше в

Гронинген надо перебраться в голову состава, а наш вагон и другие вагоны отцепят, и они уедут еще куда-то. Остановка поезда очень короткая. Мы с Яаном приготовились к пробежке. У меня чемодан и в другой руке дорожная сумка. В ней бутылка шампанского и бутылка водки. Резво взяв старт, я на первой половине дистанции споткнулся и упал. Однако исхитрился, падая, поднять руку с сумкой и спас бутылки. Значит, правильно требовали при присвоении звания мастера сдать нормы на значок «Готов к труду и обороне».

Поезда из Гронингена в Амстердам ходили каждый час. Запомнить время отправки поезда из Гронингена в Амстердам было легко: 6 часов 1 минута, 7 часов 1 минута, 8 часов 1 минута и так далее. Позже, наблюдая из окна машины проходящие поезда, я обратил внимание на то, что поезда бывают длинные и коротенькие. Вспоминаю об этом, когда днем езжу по Усовской ветке в Москву или из Москвы в будние дни. Для простоты вот уже десятки лет днем гоняют почти пустые длинные составы, как будто они двигаются не электричеством, а святым духом.

Турнир спонсировала богатая компания «Газуни». Голландия располагает некоторыми залежами природного газа.

В ту поездку я обратил внимание на распространение электронных калькуляторов. В кассе вокзала, в такси, в гостинице, в кассах магазинов… Словом, везде. У нас тогда они были предметом роскоши. Однако в чемпионате Европы юный Яан Эльвест, будущий гроссмейстер, ученик школы Ботвинника, действовал в соответствии со словами популярной песенки: «Зато мы делаем ракеты / Перекрываем Енисей / А также в области балета / Мы впереди планеты всей».

Яан играл отлично и стал чемпионом Европы среди юношей. Приятно вспомнить, что я дал ему перед последним туром полезный совет. Сначала я спросил, знает ли он, что в последнем туре соревнования претендентов на матч с чемпионом мира на острове Кюрасао в 1962 году Петросян не стал рисковать, чтобы обеспечить себе первое место арифметически. Он быстро сделал ничью и ушел. О том, что у преследователя не выдержали нервы, он узнал в гостинице. Яан тоже не стал уклоняться от упрощений, а датчанин Курт Хансен, будущий гроссмейстер, его не догнал.

На официальном закрытии Яану вручили приз – 400 гульденов. Он взял конверт, слегка поклонился, подошел ко мне и протянул этот конверт. Аборигены устремили на нас двусмысленные взгляды. Между тем Яан поступил так потому, что на нем был свитер без карманов, а совать конверт в брючный карман было не с руки. К тому же он не сомневался, что гульдены я отдам, а не конфискую, как, быть может, полагали некоторые

голландцы.

Гронинген – город чинный и благородный. По утрам мимо нашей гостиницы проезжал патруль. Двое рослых полицейских на высоченных лошадях. Казалось, что эти всадники для того, чтобы украшать и одушевлять пейзаж. А кругом тишь да гладь. Рождественские каникулы и по телевидению показывают сентиментальную историю, как мальчик заблудился и стал замерзать. Потом он укрылся от метели в стоге сена, а там была козочка. Она согревала его и, кажется, спасала от голода своим молочком.

Последний раз я побывал в Голландии в 1986 году. И снова в Тилбурге. Артур Юсупов играл претендентский матч с голландцем Яном Тимманом. Артура сопровождали тренеры Марк Дворецкий и Сергей Долматов. Я осуществлял мудрое руководство. Организатором и спонсором матча была крупная страховая компания «Интерполис».

Тимман очень талантливый гроссмейстер, но мы почему-то были уверены в победе. Точнее не почему-то, а просто правильно оценили соотношение сил. На старте Тимман выиграл одну партию, но уверенность нас не покидала. И, действительно, Артур победил с крупным счетом. Организовано соревнование было отлично. Игровой зал невелик, соседний зал побольше, там демонстрационная доска и ход партии комментирует гроссмейстер. Постоянно много зрителей, спокойных, доброжелательных. Жила наша группа не в Тилбурге, а в соседней, по сути, деревне Остервийк. Правда, в деревне два универмага, гостиница. Все участники нашей группы могли пользоваться такси за счет «Интерполиса». И в Тилбурге можно было, нажав на любой автобусной остановке специальную кнопку, вызвать такси. Однако большую часть времени проводили в Остервийке в гостинице, недешевой, насколько я понимаю. Перед гостиницей был большой отличный газон, а по нему бродили две овечки… Буколический пейзаж. Весь Остервийк можно было осмотреть за час. С внешним миром связывал телевизор. Именно там я увидел душераздирающие кадры. Как на виду у родственников и провожавших сгорел «Челленджер» с семью астронавтами на борту. И еще интервью кинорежиссера Андрея Тарковского. Он говорил, что не понимает жестокость правительства СССР, разлучившего его с семьей. И долго витийствовал ливийский вождь Муарам Кадафи, ерзая на вращающемся стуле.

По дороге на игру из Остервийка в Тилбург я видел из машины поля, канал, но не видел людей. Невольно приходила мысль, что не так уж важен размер «жизненного пространства»,

все дело в том, как его организовать и как им пользоваться. У голландцев это отлично получается.

Бразилия

В 1971 году я по собственному желанию оставил пост главного шахматного чиновника. Причин было две. По службе я должен был регулировать направление наших ведущих шахматистов за рубеж для участия в международных соревнованиях. В этот процесс вмешивались и внешние силы. Приглашений в капиталистические страны для участия в турнирах с валютными призами было меньше, чем желающих поехать. Одни ехали, другие считали себя обойденными. Число недовольных росло. Я сформулировал свою позицию руководству так: «Надоело стоять на раздаче». Кроме того, когда я стал функционером, чемпионом мира был Тигран Петросян. У нас были дружеские отношения. В 1969 году, выиграв у него матч, чемпионом стал Борис Спасский. Авторитет чемпионов при решении разных вопросов в шахматном мире чрезвычайно высок, а их интересы иногда сталкивались. Приходилось терпеть конфликтные ситуации. Тигран старался меня убедить продолжать работать, но я проявил упрямство. На вопрос начальства, где я хочу далее работать, я сказал, что хорошо бы рядовым литсотрудником в журнале «Шахматы в СССР». Неважно, что потеряю в зарплате, поскольку я пишущий журналист. Мне объяснили, что по законам номенклатуры это ненадлежащий уровень и предложили стать заместителем редактора еженедельника «64», то есть Тиграна Петросяна. Он работал в еженедельнике в общественном порядке. Давал изданию имя. Тигран был против, но меня назначили. Он обиделся, и год не ходил в редакцию. Потом, правда, простил мое упрямство. Года два я работал и был доволен. Однако освободили от должности бывшего заместителя главного редактора газеты «Советский спорт» Николая Тарасова, который сыграл важную роль в открытии и становлении еженедельника «64». Тигран считал, что будет справедливо его назначить на должность заместителя в еженедельник. Меня вежливо, но настойчиво убедили согласиться на перевод обратно в аппарат Спорткомитета. Повысили зарплату, и несколько лет я занимался вопросами, не имеющими к шахматам отношения. Пригодился некоторый юридический

опыт.

Однако волшебный шахматный конек вспомнил обо мне, и в 1973 году неожиданно экс-чемпион мира Василий Смыслов предложил мне стать его тренером и секундантом на межзональном турнире в Бразилии. Я не спросил его ни тогда, ни после, как он пришел к мысли такой. Хотя известный опыт тренерской работы у меня был, но моя спортивная квалификация для роли тренера экс-чемпиона мира была весьма скромной; («обнаковенный» мастер, как выражался легендарный Л. И. Шамаев). Мой административный ресурс остался в прошлом. Правда, мы познакомились на Стадионе юных пионеров в школьные годы. Я вспомнил прекрасные строчки Киплинга: «Из Ливерпульской гавани, всегда по четвергам / Суда уходят в плаванье к далеким берегам / Плывут они в Бразилию, Бразилию, Бразилию, к далеким берегам / И я хочу в Бразилию, Бразилию, Бразилию, к далеким берегам». И мне тоже захотелось в Бразилию.

Мое путешествие началось с маленького приключения. Бразильцы все не давали визы для делегации. Такие задержки дело обычное. Изредка случается, что надо переносить вылет. В этот раз визы дали в обед, вылетать надо было поздно вечером. Днем я сидел за своим письменным столом на работе, под столом стоял чемодан, и я ждал звонка. Но в суматохе обо мне забыли, и я не смог своевременно предстать перед ясными очами сотрудника бразильского консульства. Вспомнили обо мне к концу рабочего дня, и пришлось, в порядке физподготовки, проделать небольшой кросс от Столового переулка, где я сидел, до красивого дома на Большой Никитской, где мне вручили паспорт, украшенный бразильской печатью. Оставалась техника – перелететь через океан в Южное полушарие.

В Рио-де-Жанейро прилетели утром 21 июля 1973 года, то есть в разгар бразильской зимы. У бразильцев оригинально был устроен паспортный контроль. Один чиновник сидит за стеклом, он передает мой паспорт другому, которого я не вижу, тот – третьему, за стеклом. При этом в анкете есть вопрос об имени и годе рождения моей матери. Такие вот пережитки матриархата.

Из аэропорта автобус направился в горы. Первое впечатление было – горы какие-то очень большие. И позднее не раз поражала какая-то крупномасштабность бразильской природы. Проехали Петрополис, небольшой город в шестидесяти с лишним километрах от Рио, в прошлом главный город Бразилии. Он расположен на высоте 1100 метров над уровнем моря. Здесь должен был быть проведен межзональный турнир. Дорога и дальше шла в гору. Проехав 25 километров, мы поднялись еще на

250 метров над уровнем моря и прибыли к уединенному заведению «Амобтур», где участникам предстояло жить. «Амобтур», что-то вроде пансионата повышенного уровня для туристов, путешествующих на машинах. Вокруг лес, птицы яркого оперения и неизвестных названий. Одноэтажные строения, каждому по комнате, окно постоянно занавешено, чтобы не было слишком жарко. Открытый бассейн, вода в нем 18 градусов, желающих купаться, кроме гроссмейстера Гуфельда, известного затейника, ни одного. Одним словом, чудный уголок, но Смыслову и Геллеру захотелось жить в Петрополисе. Для них сделали исключение, а мы с Гуфельдом, секундантом Ефима Геллера, дважды в день ездили к ним в Петрополис. С утра к подопечным, обратно на обед, затем на тур. Итого сто километров. Обед в «Амобтуре», правда, отличный, но никаких супов.

Петрополис – город довольно тихий, населения около двухсот тысяч. Из гостиницы, где жил Смыслов, я слышал голоса петухов. Как-то я ехал в переполненном городском автобусе, и был приятно удивлен атмосферой доброжелательства. Между прочим, похожее довелось наблюдать и в Германии, и в Монголии. А дома что-то не припомню. Светофоры в Петрополисе необычные. Только зеленый и красный сигналы, а желтого, предупреждающего, нет. Вредных последствий от этой рационализации я не заметил.

В городе на маленькой площади памятник бразильцу Сантос-Дюмону (1873–1932), воздухоплавателю, конструктору и строителю дирижаблей и первых в Европе самолетов.

Из Петрополиса в свободный от игры день ездили на экскурсию в Рио. А через шесть лет, когда я снова оказался в Бразилии на межзональном турнире, ездил на экскурсию из Рио в Петрополис. Во второй раз в Петрополисе осмотрели музей – дворец императора Бразилии. Довольно скромное здание, скромное убранство.

Турнир проходил в концертном зале клуба Петрополитано. Просторные фойе и подсобные помещения были достаточно удобны участникам, зрителям и журналистам. Бразильцы, естественно, болели за Энрике Мекинга исключительно талантливого молодого гроссмейстера. Он не подвел болельщиков – лидировал и занял первое место. Занятный эпизод случился однажды. На соседней стройке, которую обычно не было слышно, вдруг стали колотить чем-то железным о железное. Участникам это не понравилось. Но все отрегулировали очень просто. Мекинг вышел к строителям, и они немедленно уважили его просьбу. Уважение к спортсменам в Бразилии, стране

несравненных футболистов, на высоте. Мекинг вел себя подчеркнуто скромно, никаких звездных замашек. На игре он часто появлялся в спортивной курточке клуба «Тижука». Журналисты говорили, что за такую рекламу клуба ему заплатили 5 тысяч долларов. Тогда эта сумма признавалась значительной.

В пресс-центре я познакомился с одним его сотрудником, эмигрантом из Германии. Причин, вызвавших его эмиграцию, мы не обсуждали. Я спросил, как он переносит бразильскую жару и климат вообще. Он признал, что бывает очень жарко, но вот уже двадцать пять лет он ничем не болел.

Пресс-центр занимал большой зал. Как-то мы беседовали с гроссмейстером Ярославом Шайтаром. Неожиданно он побежал в другой конец зала, прервав разговор на полуслове. Выяснилось, что в зал залетела какая-то большая бразильская бабочка, и он, заядлый коллекционер-энтомолог, помчался за ней.

Там же в пресс-центре я познакомился с мастером Туровером. Он эмигрировал из России в США в начале века. В Америке он стал предпринимателем, богатым человеком, и позволял себе ездить в разные страны, чтобы поглядеть на международные турниры. Несмотря на возраст, он был бодр, весел, ему нравилось говорить по-русски и шутить. С серьезным видом он сообщил, что ездит на деньги своих детей, потому что он должен был давно умереть, а деньги в этом случае принадлежали бы его детям. Еще он похвалился, что получил большую страховку, так как сделал операцию по поводу рака кожи. Тут я вспомнил, как пришлось снять трусы перед двумя девушками – врачами на медицинской комиссии, чтобы получить необходимую для выезда за рубеж справку о здоровье.

В фойе клуба Петрополитано на доске объявлений висел план работы. Там были экскурсии на водопады Игуасу и другие места, соревнования по теннису и плаванью на своих кортах и в бассейне, и никакой политработы.

Борьба в турнире шла напряженная. Энрике Мекинг радовал бразильцев, уверенно продвигаясь к первому месту. Смыслов, сохранив силы на длинной дистанции, набрал в последних шести турах пять очков, и отстал от Мекинга на одно очко, но этого хватило лишь для пятого места, правда, впереди Кереса, Решевского, Бронштейна, Горта и других.

Прошло шесть лет, и мне снова крупно повезло – я оказался в Бразилии. На этот раз бразильцы взялись за проведение сразу двух межзональных турниров, мужского и женского. Наша делегация стала довольно большой, руководителем назначили общественника, уважаемого по основной работе, а меня –

старшим тренером, ему в помощь. Я в это время вновь работал в шахматном отделе.

И на этот раз путешествие в Рио-де-Жанейро было по очень замысловатому маршруту. Поначалу просто на запад, в Лиссабон. Там встретили шведского гроссмейстера У. Андерсона. Он полетел из Лиссабона просто в Рио, а мы летим через океан в Гавану. Далеко от Рио, зато на самолете Аэрофлота. В Гавану не попали из-за метеоусловий, а попали в аэропорт города Камагуэй. После томительного ожидания вновь аэрофлотовские крылья несут нас в Перу. Оттуда до Рио всего четыре тысячи километров, причем обратно на восток, пересекая Южную Америку.

Сутки в Лиме, столице Перу, произвели особое впечатление. Вечером, гуляя по городу, я увидел, как на улице много людей играют в шахматы, другие общаются, будто происходит какое-то народное гулянье. Не похоже ни на социализм, ни на капитализм. Как будто другая планета. Через два дня после отлета, 18 сентября 1979 года, на перуанском самолете, не заплатив империалистам ни одного доллара и вдоволь налетавшись, приземлились в Рио-де-Жанейро. Из московской осени попали в весну.

Проведение одновременно двух межзональных турниров, мужского и женского, было своеобразным рекордом. Шахматная федерация Бразилии отлично подготовилась. Участники турниров были размещены в отеле «Копакабана палас», прямо на берегу океана. Здесь же залы для игры, обширные подсобные помещения, комментарии мастеров для зрителей, бесплатный кофе, бразильский, разумеется…

Фаворитами мужского турнира, до его начала, считали Энрике Мекинга, победителя межзонального турнира в Петрополисе в 1973 году и на Филиппинах в 1976 году, а также Тиграна Петросяна, Лайоша Портиша, Роберта Хюбнера и Яна Тиммана. Перед стартом ходили противоречивые слухи по поводу участия Мекинга. То будет играть, то не будет. Когда я увидел его перед турниром, то заметил некоторые изменения по сравнению с тем, как он выглядел в Петрополисе. Волосы поредели, появилась бороденка. Однако глаза живые. Может быть, слишком веселые. На техническом совещании до начала турнира представитель Мекинга от его имени попросил участников не обмениваться с ним пред началом партии традиционным рукопожатием, так как Мекинг боится заразить неизвестно чем (!?). Увы, через два тура Мекинг, сделав ничью в первой партии и не окончив вторую, выбыл из турнира. На этом карьера многообещающего молодого и симпатичного и талантливого гроссмейстера закончилась. Бразильские болельщики и многие шахматисты были огорчены.

Немного поддержал бразильцев их земляк Жайме Суние, двадцатидвухлетний студент. Он показал интересную игру и выполнил норматив международного мастера.

Тигран Петросян прибыл на турнир без секунданта. Играл в обычной манере, аккуратно, без риска. Его шансы на финише попасть в заветную тройку победителей, дающую право играть матчи претендентов на титул чемпиона мира, были скромными. Тигран по старому знакомству поинтересовался моим мнением о дальнейшей турнирной тактике. Пора рисковать или же не спешить. Я высказался без обиняков – пора! Он стал возражать. Спор я закончил вопросом: «Кто из нас чемпион мира?».

На финише Тигран себе не изменил. После 16-го тура он имел 9,5 очков. Портиш и Хюбнер по 10, Тимман 9,5. Семнадцатый тур оказался кульминационным. Петросян быстро делает ничью с Торре. Хюбнер, Тимман и Портиш выигрывают.

В следующем туре Портиш проигрывает аутсайдеру. Петросян белыми с Хюбнером в двадцать пять ходов хладнокровно делает ничью. Хюбнер закончил турнир, имея 11,5 очков. Последний тур. У Портиша 11, у Петросяна и Тиммана по 10,5. Портиш не рискует и в 16 ходов делает ничью, догоняя Хюбнера. И у Тиммана ничья после долгой борьбы. А Петросян черными, разменяв ферзей, проявляет удивительную выдержку и в сложнейшей борьбе переигрывает опытного гроссмейстера Ивкова, врываясь в заветную тройку победителей. Единственный из участников, он прошел турнир без поражений. Он был великим мастером, умеющим поспешать медленно, как советовали древние римляне.

Гораздо спокойнее было наблюдать за женским межзональным. Юная Нана Иоселиани показала чудеса уже на старте, и Нана Александрия вновь подтвердила свой высокий класс.

Турниры шли долго. Больше месяца я прожил в отеле на берегу океана, на знаменитом пляже Копакабана. День и вечер в основном занимали шахматы, но каждое утро в шесть часов я ежедневно спускался на лифте в плавках и тапочках и выходил на этот сказочный пляж. Зарядка, бег трусцой, пешая прогулка, и необычайное купанье. Чистейшая зеленоватая и прозрачная волна набегает на берег, затем откатывается, и ты бежишь за ней. Наступает момент, когда волна вновь устремится к берегу. Тут надо непременно стать к ней спиной, и она подхватит тебя, пронесет и бросит. Почувствовав под ногами дно, надо немедля бежать к суше, чтобы волна, отступая, не утащила обратно. И всегда ласковое утреннее солнце быстро обсушит. Можно повторять это сказочное упражнение.

Тапочки я упомянул потому, что однажды на пляже ко мне подошла собака и внимательно их обнюхала, повиляла хвостом. По-видимому, учуяла запах моей собаки, живущей далеко, за океаном. Может быть хотела передать ей привет.

Шахматной работы хватало, но такие два часа утром лучше целого дня отпуска.

Остап Бендер мечтал о Рио-де-Жанейро и был прав. На вершине горы над городом возвышается гигантская статуя Христа. Это Корковадо. Я с товарищами Валей Чернашкиным, врачом делегации, и Пашей Кондратьевым, ленинградским мастером, поднялись на фуникулере и насладились видом сказочного города. Прошло с того дня более четверти века, ушли из жизни оба друга, но тот день жив в моей памяти.

Когда наступала ночь, из окна гостиницы видны были на пляже огоньки. Это мальчишки беспризорники устраивали себе ночлег, вырыв ямку в песке, устелив ее толстыми газетами и запалив для своеобразного комфорта светильничек. Во время войны у нас такие называли плошками.

Днем часть этих беспризорников слонялось по пляжу. Могли утащить у зазевавшихся что-нибудь. Однажды я познакомился с футбольной тактикой этих мальчишек. Я шел вдоль пляжа одетый и обутый. Паренек пристал ко мне, предлагая почистить ботинки. Я отказался и продолжил движение. Появился с другой стороны второй мальчишка, и спросил который час. Я взглянул на часы, повернул голову к нему и ответил. Он исчез. Затем я взглянул на свою обувь, и увидел, что на правом ботинке какая-то грязь. Потом мне объяснили, что это стандартная комбинация, мальчишки пользуются шприцем и наносят «штрафной» в нужный момент.

На улицах Рио движение напряженное. Как-то я ехал на автобусе и готовился выйти через переднюю дверь. Видна была доска приборов. Стрелка спидометра показывала, что водитель гонит со скоростью 100 километров в час. И притом машины спереди, сбоку есть такая байка: почему бразильские футболисты играют так здорово? А они тренируются, когда перебегают улицу.

В свободный день шахматисты посмотрели футбол на знаменитом стадионе «Маракана». Трибуны были заполнены, над стадионом весь матч кружил самолетик с каким-то рекламным прицепом и какой-то фанатик неустанно колотил в большой барабан.

В Рио много магазинов, как и в любом большом капиталистическом городе, но только в Рио мне предлагали на улице купить с рук изумруды. Небольшие. Продавец показывал их на листике белой бумаги.

Бразилию населяют люди всех оттенков кожи. Потомки белых, выходцев из Африки, индейцев. Мне казалось, что на цвет кожи тут не обращают внимания. Правда, на собраниях в президиумах замечал поболее белых физиономий.

В Бразилии коньяк и другие горячительные напитки оказались очень дешевы. Однако пьяных и проявлений хулиганства я не видел. Естественно, что под южным солнцем девушки и женщины расцветают. Один с позволения сказать экземпляр произвел на меня сильное эстетическое впечатление. Стройная, чернокожая, с европейскими чертами лица и длинными прямыми индейскими черными волосами. Красота неописуемая. Мне сказали, что африкано-индейская помесь называется самба.

Возвращались мы домой тоже «экономически обоснованным» маршрутом. Первая посадка в огромном аэропорту города Манаус. О существовании Манауса в школе нам не рассказывали. В 1970 году в нем было три сотни тысяч жителей, в 1990 – миллион. Главный город штата Амазонас, в его порт на реке Амазонке заходят морские корабли. Такая река, бразильский масштаб. Дальше летели в Мехико с посадкой в Панаме. Там самолет причалил к какому-то огромному магазину. Продавали в нем все, от сигарет до автомобилей. Летели мы самолетом бразильской компании «Вариг». Она гордится своим отличным обслуживанием пассажиров. Один фирменный номер оказался интересным. Всем пассажирам предложили по стопке виски бесплатно. Выпили. Потом предложили за плату. Многие продолжили. На курточках стюардесс металлические жетоны с их именами. Это помогает недогадливым начать разговор. А от Мехико уже можно лететь на любимом «Аэрофлоте».

Положительные эмоции от итогов межзональных турниров, от красоты Рио-де-Жанейро и людей, от счастливых часов с шести до восьми утра на берегу океана каждый день, все это слилось. Так я попал в Бразилию, к далеким берегам. Прекрасные воспоминания. Колоссальная удача.

Дакар

На пути из Бразилии домой я залетел на сутки с лишним, в столицу Сенегала город Дакар. По лености я города не видел, ограничился тем, что переночевал в гостинице, снабженной всеми сантехническими достижениями Европы, но покрытой для

придания африканского антуража каким-то камышом или бамбуком, или еще чем-то на манер соломы. Утром выяснилось, что важный стратегический прибор в ванной не хочет выполнять своей функции. Я нажал кнопку, прибежала девушка, на вид даже девочка, худенькая, маленькая, с множеством косичек и тонким голоском. Зная, что в Сенегале раньше верховодили французы, я напрягся и сконструировал фразу – иль не травай па, указав пальцем на унитаз. Три года в институте я посещал занятия по французскому языку и наконец-то смог им воспользоваться. Пусть крайне ограниченно, но по важнейшему вопросу. Девушка-девочка молниеносно поняла и защебетала мою фразу на настоящем французском. Я не стал дожидаться сенегальского сантехника, а пошел завтракать. Гостиница стояла неподалеку от берега океана, торчали немногочисленные пальмы. Кормили на свежем воздухе под большим навесом. Было очень жарко, и я обратил внимание на то, что когда официант бросил большой кубик льда в бокал кока-колы, этот кубик растворился очень быстро. И я решил воздержаться от поездки в город, чтобы не оказаться в роли ледяного кубика. Что поделаешь, прав был классик сказав, что мы ленивы и нелюбопытны.

Я прошелся по берегу океана и никого не встретил. Моему спутнику и другу Эдику Гуфельду повезло больше. К нему привязался абориген, предлагая купить за 20 долларов баранью шкуру. Эдик отказался, абориген сказал, что отдаст за 10. Потом снижал цену, Эдик говорил нет и, наконец, зачем-то сказал 1 доллар. Абориген обрадовался и, накинув шкуру на голову Эдика, воскликнул – бери! Ненужная шкура оказалась сырой и противной. Эдик немедленно взял ход назад.

А когда стемнело, наша группа уехала в аэропорт. Ожидая посадки, мы сидели в каком-то приличном помещении с кондиционером. Я слышал, что сенегальские девушки по красоте занимают ведущее место среди африканок. К нам подошла именно такая – стройная и красивая. Она немного смущенно спросила, могут ли гроссмейстеры дать ей автографы. Мне показалось, что она покраснела, не просто показалось, я был в этом уверен. Хотя неясно – как это возможно.

В нашем родном советском самолете оказалось минимум пассажиров. Только наша группа и еще небольшая китайская. Я откинул подлокотники и улегся на трех креслах, укрывшись казенным пледом. Самолет взлетел и я заснул. Не знаю, как долго я проспал, но проснулся потому, что меня дернули за ногу. Я открыл глаза, сел и увидел стюардессу, которая всучила мне подносик с куском аэрофлотовской курятины. Я не хотел есть, но рассердился и все съел.

В Алжире самолет совершил посадку. Нас пешком препроводили в зал ожидания и каждому вручили по бутылочке кока-колы. Это было редкостным проявлением навязчивого сервиса, свойственного капиталистам и, конечно, американцам. Еще в зале стояла стеклянная витрина со швейцарскими часами. Мои товарищи не обратили на нее внимания, а наши попутчики, граждане КНР, прилипли к ней. Я ощутил гордость за лидерство родной державы.

На информационном экране светились оповещения о рейсах. Их было очень мало. Это зависело, наверно, от недавно приобретенной Алжиром независимости.

Не знаю, как обстоят в Алжире дела теперь, но уверен в том, что швейцарские часы уже не могут вызывать повышенный интерес у китайцев.

В 1953 году я сподобился побывать в Швейцарии и однажды увидел в газетном киоске выставленный очень большой журнал. На обложке красовался большой, на всю страницу портрет Мао Цзэдуна в белом тропическом шлеме. В таком у нас изображают колонизаторов. Подпись гласила: «Мао и желтая опасность». Тогда мне в голову не могло прийти, что через полвека в Китае народу будет в десяток раз больше чем в России, что промышленность станет огромной, и экономика будет бурно расти.

Все у них растет как на дрожжах. Стараются даже сократить рождаемость. А у нас нет этой проблемы – рождаемость уверенно уменьшается, правда, смертность растет. Ну и что? Все равно мы – великая держава!

Буэнос-Айрес

В мои школьные годы на катке «Динамо», Петровка 26, крутили модные пластинки. Лещенко, «У самовара я и моя Маша», «Танго Аргентина» и другое. Из динамиков лилось «Ночью / В далекой знойной Аргентине / Под звуки танго / Шепнула я люблю тебя…» и дальше, о том что Аргентину певец не забудет никогда. Конькобежцы, в основном школьники, скользили в ритме танго по кругу против часовой стрелки. Меньше всего я думал тогда, что увижу Аргентину, но лет через сорок, в 1978 году это случилось. И некоторые эпизоды пребывания в Аргентине запомнились. Увы, никакого отношения к романтике

не имеющие.

В Буэнос-Айрес делегация из мужской и женской сборных команд на XX!!! Шахматную Олимпиаду прилетела поздно вечером. По дороге из Москвы в Риме мы убедились в том, что в капиталистических странах случаются забастовки. Самолет в Буэнос-Айрес должен был вылететь в 23 часа, а забастовка была объявлена до 24-х часов. Часовая задержка привела к тому, что на стыковой рейс в Рио мы опоздали и вынуждены были просидеть там целый день. Бразильских виз мы не имели, и поэтому нас держали в пустом ресторане аэропорта, гуманно кормили, но в город не выпускали. Коротали время за шахматами.

Мужской команде на Олимпиаде удача не сопутствовала, в итоге тогда заняли несвойственное сборной СССР второе место. Отношения в команде были, мягко говоря, напряженные, я был руководителем, и мне приходилось очень трудно. Свободного времени почти не было, но запомнилось кое-что, чего я не видел больше нигде.

Улицы Буэнос-Айреса, широкие, прямые, гладкие, казалось бы, не затрудняют водителей машин, однако машин много и водители сплошь и рядом едут через перекресток, невзирая на красный сигнал светофора. А те, что имеют право ехать на зеленый – стоят и ждут. Получается перемена мест слагаемых.

Мы вылетели из Москвы осенью, но Аргентина в Южном полушарии Земного шара, и тут была весна. И вовсе не знойно. Шутники говорят, что в Южном полушарии все ходят вверх ногами. Это не было заметно, но у нас был сорт пива «Арктика», а у них «Антарктика». Мне показалось, что женщины, как правило, стройные. Очень многие курят. Даже девочки в школьной форме покуривают на улице. В отличие от Бразилии, где я побывал ранее, мало темнокожих людей. Известно, что Бразилия страна кофе, но именно в Буэнос-Айресе я видел, как на широкой аллее вдоль улицы стоят длинные предлинные ряды столов и на них ряды бесчисленных кофейных чашечек и блюдечек. Подходи, бери, нальют, пей. Не бесплатно. В гостинице, где мы жили, была охрана – полицейские с автоматами. И в других местах тоже. В те годы это выглядело непривычно. Тогда в Аргентине была власть военных. Наши милиционеры обходились в ту пору без автоматов. Сейчас по этой части мы догнали и перегнали, кого хочешь.

В свободный день я вместе с Тиграном Петросяном смотрел футбол на знаменитом стадионе «Риверплейд». Трибуны были заполнены. Потом болельщик Тиграна повез нас за город. Он недавно купил новую машину, и ему доставляло удовольствие демонстрировать ее Тиграну. Проезжая по пригородным дорогам,

мы видели множество футбольных полей. Играли мужчины, юноши и дети. Не оставалось сомнений, что футбол по настоящему народный вид спорта. На обратном пути мы остановились попить чаю в кафе на берегу реки Ла-Плата. За рекой был Уругвай. Чешские путешественники Зикмунд и Ганзелка написали книгу «Там, за рекой, Аргентина». Взгляд с противоположного берега. Каких-либо пограничников не было заметно. Река текла мощно, поверхность мутных вод была неспокойна, лодки как бы подпрыгивали на ней. Вдруг налетела туча каких-то непонятных насекомых. Крупнее чем комары и, пожалуй, противнее. А потом они исчезли, как по команде. Ужинали в необычном ресторане. Это был огромный ангар с массой столиков и людей. Перед входом в ресторан на изрядной величины площадке пылал жаркий костер. По окружности пылающего костра стояли распятые выпотрошенные козьи туши. Зрелище довольно любопытное, хотя с Аргентиной ассоциируются говяжьи бифштексы. Аргентинцы шутят, что они едят только вырезку, а остальное экспортируют в Европу.

Соревнования Шахматной Олимпиады шли в довольно неудобных помещениях под трибунами стадиона «Риверплейд». Зрители стояли за канатом, отделявшим шахматные столики. Обычно их было очень много, но народ вежливый и пройти через толпу особого труда не составляло.

Олимпиада происходила сразу после матча на первенство мира между Карповым и Корчным. Карпов прилетел в Буэнос-Айрес, но не играл. Посол СССР в Аргентине С. Р. Стриганов пригласил Карпова, председателя нашей Шахматной федерации дважды героя СССР летчика-космонавта Севастьянова и меня на обед. Оказалось, что посол в курсе всех шахматных дел, хотя сам в шахматы не играет. Мне он задал какой-то непростой вопрос, и я промямлил, что спорт вне политики. После этого посол к моей персоне интереса больше не проявлял.

Бои на Олимпиаде носили ожесточенный характер, но это уже совсем другая история.

Лас-Пальмас

Канарские острова – испанские. Я прожил в Лас-Пальмасе три недели, трудясь в качестве секунданта экс-чемпиона мира Смыслова во время межзонального турнира 1972. года. Он был

старше всех участников турнира, но выступил блестяще, занял второе место и вошел в число претендентов на матч с чемпионом мира. Между прочим, Смыслову пришлось отстаивать свое право участия в межзональном турнире. Каким-то образом в ФИДЕ родили норму, запрещающую гроссмейстерам старше пятидесяти лет участвовать в межзональных турнирах. Далее удача сопутствовала Смыслову и в претендентских матчах. Пройдя немца Хюбнера и венгра Рибли, он вошел в тройку сильнейших в мире. В возрасте 52-х лет. Это рекорд, который едва ли будет повторен. Но не только благоприятное течение турнира оставило о Лас-Пальмасе самые приятные воспоминания. От коллег шахматистов я раньше слышал, что там температура воздуха плюс 24 градуса круглый год. Если это преувеличение, то небольшое. И дожди идут по ночам, притом редко. Солнышка хватает, но можно видеть парники. Растения в них поливают, а пленка сохраняет водяные пары, не дает высушивать растения.

Участники турнира жили в отличной гостинице «Рейна Исабель», королева Изабелла. Учась в школе, я слышал, что королева поддержала Колумба и его экспедицию в Индию, которая привела к открытию Америки. Гостиница стоит прямо на берегу океана. Пляж галечный, на него можно выходить из гостиницы прямо в плавках. А в ресторане гостиницы в обед на десерт искушение – потрясающие торты в ассортименте. Я делал попытки отказать себе в лишних калориях, но Тигран Петросян, смеясь, убеждал не сопротивляться. «Когда еще будет такое? Тем более, что все оплачено».

Направляясь в Лас-Пальмас, наша делегация в мадридском аэропорту пересела на испанский самолет. Попутчиками оказались школьники. Большая группа летела на экскурсию. Они, вероятно, уже видели все достопримечательности материковой Испании – Севилью, Толедо и многое другое, ради чего в Испанию постоянно стремятся миллионы туристов, а мы ограничились лишь длительной ночной поездкой по хорошо освещенному, но безлюдному Мадриду. Катались не с познавательной целью, а просто подыскивали гостиницу. Автопробег завершился в аэропорту, где оказалась отличная современная гостиница. Звездочек было всего три, зато различных кнопок в номере множество. Звездочки почему-то оказались шестиконечные.

Лас-Пальмас я не изучал, но магазины привлекали в свободное время. Таможенные послабления, действующие на острове, благоприятно отражались на ценах. Запомнилось мне посещение одного небольшого магазина, где хозяйничал индиец, немного говорящий по-русски. Он обратился к нам, нас было трое, с пламенным призывом: «Валюту, золото покупай –

продавай! Комиссара не бойся!».

В Лас-Пальмасе экипируются наши рыболовецкие корабли, их обслуживает наше представительство. Я узнал, что моряки на свои скромные получки в валюте покупают ковры, называя этот товар половиками. Цена там минимальная, а на родине многократно выше. Это позволяет в известной мере компенсировать тяжесть их небезопасного труда. Один матрос вступил в беседу с шахматистом. Поинтересовался, какого размера суточные в валюте у спортсмена. Размер был невелик, но много больше чем, зарплата у матроса-рыболова. И на лице матроса отразился протест против классовой несправедливости.

По субботам и воскресеньям вечерами на пляже играл оркестр, люди танцевали, Днем африканцы торговали с рук безделушками. Канары совсем недалеко от берега Африки, Западной Сахары и Марокко.

И в этом почти райском уголке случаются преступления. При нас была забастовка таксистов. Их товарища ограбили, убили, а машину сбросили в прозрачные воды океана. Таксисты протестовали.

Лас-Пальмас – испанский город. Он оставил прекрасные воспоминания. Но материковую Испанию увидеть не довелось. Что поделаешь, не все коту масленица.

Мексика

В Мексике я побывал два раза. В первый раз в 1979 году пролетом домой, а второй раз через два года капитально, три недели во время юношеского первенства мира. Почему-то в памяти остались зрительные впечатления.

Самолет шел на посадку, внизу виден город, но не просто город, а городище без конца и края. Крыши домов от одного края горизонта до другого. Я, конечно, знал, что столица Мексики – город Мехико один из самых населенных мегаполисов планеты, но все равно поразился.

В выходной день на турнире я посетил знаменитый Антропологический музей, огромный, раскрывающий культуру древних народов, населявших в разные эпохи территорию Мексики. Музей расположен в большом парке. И там, находясь в парке, повезло увидеть идущий на посадку самолет «Конкорд». Тогда суперсовременное чудо авиации. Было прекрасно видно,

как он плывет по небу, опустив переднюю, носовую, часть корпуса. В сознании почему-то промелькнуло – похож на птеродактиля. А чем похож на доисторического предка птиц – неясно. Может быть, ассоциация из-за неожиданной ломаной линии. Я, конечно, никогда не видел птеродактиля, впрочем, как и все человечество. Тогда скорости «Конкорда» вызывали бурю эмоций. Быть может борьба за скорость – это стремление продлить жизнь, сократив трату времени на нахождение в пути.

С верхнего этажа гостиницы, где я жил, я увидел, что промежутки между домами и дворы узкие, тесные. Крыши домов нередко плоские, на некоторых видел играющих детей.

В другой выходной день на турнире выехал из Мехико посмотреть на одно из чудес света – пирамиды Солнца и Луны. В отличие от египетских пирамид они уступчатые. Конечно, я не отказал себе в удовольствии, как и многие туристы, подняться по высоким ступеням на самый верх. Почему индейцы, как и древние египтяне, строили пирамиды? Ведь где Египет и где Мексика. Некоторые фантазируют о возможных связях. Одни загадки… Индейцы в Новом Свете не знали колеса, однако археологи откопали какие-то детские игрушки с колесиками. Казалось бы, какая цивилизация может обойтись без колес. Между тем, в Мехико одна площадь имеет неповторимое название – площадь трех культур. Майя, толтеки, ацтеки появлялись и поднимались на исторической сцене. Иероглифическое письмо майя расшифровали наши современники.

Близ пирамид Солнца и Луны туристам продают этакие керамические диски – календари древних индейцев. Они знали астрономию, строительное дело, архитектуру, да еще мало ли чего.

В сознании возникает вредный вопрос: почему одни народы изобретают письменность, а другие предпочитают поголовную неграмотность? Почему века и даже тысячелетия тому назад жили люди, понимающие астрономию, а сотни миллионов наших современников и близко к этим знаниям не подходят? Да еще есть множество передовых экземпляров, которые верят в астрологию и различную билиберду.

Мехико жил в напряженном современном темпе. Многолюдные улицы, без числа автомобилей, лихая езда. Однажды я ехал на такси, на маленькой двухдверной машине фольксваген-жук. Переднее кресло рядом с водителем снято, садиться пассажиру на заднее сидение просто, свободно место для багажа. И вот таксист на приличной скорости делает левый поворот из крайнего правого ряда, наперерез нескольких рядов машин, едущих слева. «Ну и дела!», подумал я, и вскоре увидел у

светофора редкую сценку. Полицейский остановил машину какой-то дамы. У него через плечо висела здоровенная кобура. Так носили у нас маузеры в гражданскую войну. Дама не извинялась, не лебезила, как принято у нас, а кричала на полицейского и бурно жестикулировала. Он молчал. Такие нравы. Как говорил Остап Бендер – дети гор. Мехико действительно расположен на высоте 2400 метров выше уровня моря.

Мне показалось, что в Мехико довольно много строят и ремонтируют. И еще обратил внимание на то, что по радио диктор говорит не только громко, но и максимально быстро, когда идет реклама. Тогда это было немного странно. Но теперь и у нас приняты хоккейные скорости.

Огромный рынок на радость шахматистам состоял из четких горизонталей и вертикалей. Когда-то я читал у Ключевского о географическом факторе влияния на национальный характер. В России тропки извилисты, от кочки к кочке, по болоту. Что уж повлияло на индейскую прямолинейность угадать очень трудно. В газетах и других средствах массовой информации экономические трудности Латинской Америки – тема постоянная. Множество магазинов в Мехико, бойкая уличная торговля не укладывались в эту схему. На рынке я видел, как мексиканец толкал изрядной величины тележку, на которой во много слоев лежали выпотрошенные и распластанные куриные тушки. А потом, в аэропорту, похожую тележку, груженую мешочками с монетами. Мексиканские песо увесистые серебряные, а скорее серебристые, физическая проблема для инкассаторов. Вез ее мексиканец через толпу пассажиров и встречающих-провожающих, и никто не нападал.

В гостинице «Каса маэстро», принадлежавшей, кажется, профсоюзу учителей, где мы жили, кормили пищей более или менее привычной. При этом на столе постоянно стояли вазочки с красным и зеленым перцем, протертым и, вроде бы, в уксусе. Да еще блюдечко с маленькими лимончиками. Их можно разрезать и выжимать сок, сдабривая разные блюда.

Я немного опасался, что буду себя нехорошо чувствовать из-за высоты. Ведь без малого два с половиной километра над уровнем моря. Оказалось, что зря беспокоился. Быть может, хорошо влияли витамины. На каждом углу продавали апельсиновый сок. При тебе разрезают три апельсина и выжимают сок в большой одноразовый стакан. Пей на здоровье!

Шахматный чемпионат мира мексиканцы организовали хорошо. Даже с некоторыми излишествами. Только там я видел, что каждую партию аккуратно записывает девочка-секретарь. Шахматистка и, как правило, черноглазая и просто красавица.

Наши ребята выступили неплохо. Яан Эльвест занял второе место.

В голливудских фильмах Мексику часто показывают как страну разбойников, кактусов и дикой жары. А мне Мексика открылась другой стороной. Удивительная страна и гостеприимные люди.

Швеция

Начальник Управления шахмат предложил мне в конце 1980 года слетать в Швецию на двенадцать дней в качестве тренера и, в известном смысле, «дядьки» молодого мастера Виталика, где тот должен был принять участие в международном юношеском турнире. В скандинавских странах я до этого не бывал, совещаниями, докладными записками, телефонными звонками был сыт по горло и поэтому с удовольствием согласился. Виталик оказался рослым и симпатичным блондином, студентом первого курса из Вильнюса. Проверив, я убедился, что он отлично играет блиц.

Турнир проводил шахматный клуб города Халлсберг в рождественские каникулы, притом в шестнадцатый раз. Шведы принимали нас за свой счет, так что мы получили на путешествие более чем скромные деньги на карманные расходы. У меня было немного валюты, которую я ввез ранее и, как полагается, задекларировал. Однако срок действия разрешения вывоза этой самой небольшой суммы недавно истек. Я пытался убедить таможенного начальника все-таки разрешить мне вывезти эти деньги, ибо еду с юношей, в провинциальный город, почти без валюты, и вдруг что-нибудь случится. Начальник был вежлив, не спорил, но любил закон и не разрешил.

Прилетели мы в Стокгольм, на ночь глядя. Нас встретил атташе посольства по спорту. «Скорее, скорее!» торопил он, чтобы мы не опоздали к поезду. Мы торопились, атташе очень быстро вел машину от аэропорта и по ночному Стокгольму, но все-таки не успели. Нам с Виталиком предстояло просидеть несколько часов на вокзале в ожидании следующего поезда. Зал ожидания оказался просторным, чистым, я бы даже сказал нарядным. Посредине его располагалось кафе. Народу было умеренное количество. Мы смирно сидели, посматривали на часы и на передвигавшихся шведов. Виталик попросил у меня разрешения

отлучиться в туалет. Он очень ответственно отнесся к своему первому пребыванию за кордоном. Я, естественно, уважил просьбу, и он через несколько минут вернулся довольный.

Войдя в вагон, я обратил внимание на то, что у входа есть специальный отсек с полками для чемоданов, чтобы не таскать их за собой. Я, конечно, слышал, что скандинавы не склонны воровать, но оставлять чемодан без присмотра как-то непривычно. Другой заботой было не проспать этот самый Халлсберг. Я обратился к проводнику, затем дремал с перерывами и, наконец, настал момент, когда проводник на мой очередной запрос ответил: «Халлсберг!». Стало быть, точно. Вышли мы в самую темную декабрьскую рань. И сразу увидели мужчину, стоящего на платформе с шахматной доской подмышку. Он встретил нас и провел в гостиницу, что находилась в нескольких шагах от станции. Называлась гостиница «Стинсен», по-шведски это стрелочник. В ней отдыхали поездные бригады. Халлсбер – железнодорожный узел. После разбитой ночи я попал в райский уголок. Мой номер, маленький по размерам, теплый, стерильной чистоты, с постелью выше всяких похвал. Этот самый «Стинсен» остался в моей памяти. Там было уютнее, чем в «Хилтонах» и «Шератонах».

Нас встретил господин Свенссон, в прошлом машинист, водитель локомотива. Он совмещал в одном лице организатора и судью турнира. Деньги на проведение турнира давали городские власти, в рождественские каникулы гостиница принимала только шахматистов. Съехались юноши из полутора десятка стран Европы и даже один израильский солдатик, получивший отпуск по службе и отличающийся от других ребят только тем, что носил на шее на цепочке звезду Давида. И еще в турнире играли полтора десятка юных шведов. Играли в той же гостинице, там же был доподлинный шведский стол. Сам выбирай в урочное время любую порцию из блюд, расставленных на большом столе, сам наливай чай или кофе и так далее. Можешь, как советовал один герой Аркадия Райкина, сам на себя написать жалобу.

Свенссон спросил меня, нравится ли питание. Оно было разнообразным и вкусным, но я все-таки поимел нахальства и сказал, что мы привыкли к кефиру. Кефир появился, правда, в каких-то коричнево-золотистых пакетах. Бумажных, конечно.

Играли по так называемой швейцарской системе. Туры каждый день. С утра пять часов игры и после обеда два часа доигрывания неокончившихся партий. Классический контроль времени, принятый в ту пору в самых серьезных турнирах. Наш шахматный кодекс предусматривал одного судью на три партии. Свенссон справлялся легко и просто с пятнадцатью встречами.

Как не вспомнить слова поэта: «Я наших планов люблю громадье…». Конечно, в судейской бригаде на наших соревнованиях лимит не использовался полностью, однако швед работал по-стахановски.

Поначалу дела у Виталика шли прекрасно. Местная газета печатала сведения о турнире регулярно и подробно, с фотографиями. С корреспондентом мы познакомились в первый день пребывания, когда Свенссон пригласил нас к себе на завтрак. Свенссон жил с супругой в небольшом, но комфортном доме. Журналиста звали Свен, он отлично говорил по-русски. Оказалось, что он несколько лет учился в Московском университете и вспоминал об этом времени с явным удовольствием. О Виталике он писал подробно, обнаруживая уважение к нашей отечественной шахматной школе. Мне он подарил карманный русско-шведский словарик. Роль портье в гостинице выполняла женщина средних лет приятной наружности и в хорошей физической форме. Правда, в небольшом цветном буклете, рекламировавшем гостиницу, она выглядела еще красивее. Мне показалось, что Виталику она улыбалась приветливее, чем другим.

В свободный от игры день Свенссон предложил нам осмотреть окрестности, и на его машине мы покатались немного. Проехали город Эребро, где обращала внимание оригинальная водонапорная башня. Она напоминала летающую тарелку с голубым днищем. Оказалось, что ее плавные линии глянулись каким-то арабским шейхам, и те заказали построить в их краях две такие «летающие тарелки».

Неожиданно обнаружилось, что в двигателе автомашины произошла утечка масла. Свенссон самоотверженно предложил продолжить экскурсию, но это могло бы загубить двигатель, и мы категорически отказались. Тогда он куда-то позвонил, и вскоре появился буксировщик, доставивший нас в гостиницу, а машину отвез для ремонта куда следует.

Совершая в свободные часы пешие прогулки по городу, мы с Виталиком убедились в том, что в Халлсберге есть не только большой железнодорожный узел, но и какой-то филиал завода Вольво. С моста мы видели неподалеку от завода целый квартал стандартных нарядных домиков на небольших участках. На каждом участке еще одно небольшое строение. Может быть, сауна. Я предположил, что там живут рабочие. Виталик стал уверять меня, что этого не может быть. Там, наверно, живут миллионеры, был убежден он.

Кое-где на улицах Халлсберга продавали, как у нас продают мороженое, порции горячих фрикаделек в бумажных кульках.

Карлссон, который жил на крыше, любил такие фрикадельки.

На финише Виталик сорвался, в последнем туре проиграл, занял пятое место и получил скромный приз 225 шведских крон. Турнир окончился, мы немного задержались в Халлсберге, чтобы не тратиться на гостиницу в Стокгольме. По случаю окончания турнира и прекращению действия шведского стола в гостинице, я предложил Виталику выпить по рюмке водки. У меня с собой было. Я поступил не педагогично, однако оказалось, что Виталик алкоголь не приемлет категорически. Я это одобрил. Зато вечером он пришел очень поздно. Извинялся, что, не предупредив, побывал в гостях у нашей гостиничной хозяйки. Я не стал уточнять детали, а Виталик ограничился сообщением, что хозяйка расхваливала Швецию, а он объяснял ей фразой из школьного курса, что «Моя родина прекрасна». Как говорится, «бьютифул».

Осталось познакомиться с магазином. Купив джинсы, Виталик оделся, и обулся, приобретя здоровенные башмаки. Отличная студенческая экипировка. А я купил несколько мотков шерсти для вязания моей супруге. Продавщица удивленно спросила: неужели в СССР нет мотков шерсти?

Обратный путь мы проделали без затей. В ожидании автобуса в аэропорт немного погуляли по морозному утреннему Стокгольму. Запомнилась почему-то здоровенная реклама какой-то японской фирмы и еще предприятие, дающее в аренду трейлеры, с которыми, прицепив к собственному автомобилю, можно чувствовать себя как дома где угодно, во время отпускных туристических поездок. Так я воспринимал их в прошлом, когда еще не было модно грабить и убивать на просторах нашей родины. А сейчас бы я на эти трейлеры и не посмотрел.

Ожидая в аэропорту посадки, я услышал разговор служащих Аэрофлота. Они были недовольны заграничным правилом обязательно выпускать пассажиров из самолета, если стоянка длится более 45 минут. Дескать, лучше бы посидели пассажиры в самолете. Меньше хлопот. Самолет прилетел из Норвегии, пассажиры вышли поразмяться. Последнее впечатление в помещении для ожидания произвел особо чистый туалет, приспособленный даже для инвалидов в колясках.

Что еще я знаю о Швеции? Одна интеллигентная женщина говорила, что шведы, мужчины, стало быть, красивы, а женщины не очень. Это за пределами моей компетенции. Но в Халлсберге мне показалось, что женщины не слишком употребляют косметику. Еще со школьных лет знаю, что в старину шведы часто воевали, но Петр I под Полтавой убедил их в бесперспективности этого занятия и, будто бы, они ему за это признательны.

Русско-шведский словарик помог мне купить для появившейся внучки соску-пустышку. Я уверенно сказал продавщице шведское слова напп. Соску мне заказали дома, так как она лучше продумана этими досужими европейцами, чем нашими производителями.

Карлссона я по понятным причинам не видел, но, думаю, что он выбрал правильную крышу в любом смысле этого слова.

Антананариву

В голову мне никогда не приходило, что я увижу Мадагаскар. Иногда мечтал о Рио-де-Жанейро, куда стремился симпатичный Остап Бендер. Про Мадагаскар слышал однажды на дружеской вечеринке в исполнении молодых научных работников песню с красивыми словами: «Осторожнее мой друг / Тяжелы и метки стрелы / В таинственной стране Мадагаскар».

В 1984 году в моей работе в Спорткомитете случилась досадная ошибка. Отправил сотрудник международного управления организаторам турнира в Голландию телеграмму. Дескать, мы не пошлем гроссмейстера участвовать в вашем турнире. И сказал почему. А вот писать, почему именно было табу! Молодой сотрудник телеграмму послал с моих слов, и стали его таскать. Я заступился, взял вину на себя и, как следствие, отдохнул на годик от заграничных командировок. Зато мог себя несколько больше уважать и приобрел симпатии сотрудников международного управления. Прошло время, и в этом самом управлении меня спросили – не желаю ли я слетать на Мадагаскар в качестве тренера. Я, конечно, согласился. Прочитал книжку о Мадагаскаре. Узнал, что у островного государства и его обитателей очень интересная история. Пересказывать, значит уходить от избранного мной курса. Рискну лишь посоветовать любопытным почитать о Мадагаскаре.

Перелет был из Москвы прямой, на юг, довольно продолжительный с посадкой в Найроби, в Кении, где при выходе из самолета в помещение для краткого отдыха пассажиров почему-то досматривали. Симпатичный темнокожий служащий обнаружил в верхнем кармане моей рубашки доллары. Ничего не сказал, улыбнулся. Как мне показалось, одобрительно. Совсем по-другому вели себя таможенники на дружественном нашей стране Мадагаскаре. Отвели за бархатные занавески, «прошмонали», и,

не скрывая большого удовольствия, отобрали батон сырокопченой колбасы. Таможенник спросил по-французски, что в консервной банке. В институте я зачем-то занимался французским и знал, что рыба это пуассон, а если одна буква с, то это пуазон, то есть яд. Я сказал пуассон и был пропущен. От зримой черты бытия, склонного к социализму, меня уберег Сергей, встречавший меня атташе нашего посольства по спорту. Как только я вышел из самолета, он немедля перехватил меня и спросил: «Доллары есть?» Забрал у меня и пронес, не подвергаясь досмотру, как дипломат. А то не миновать бы мне обмена командировочных на местные франки, валюту очень нетвердую. Позже я видел, как эти франки скрепляют по десятку купюр с нулями для удобства счета.

Сергей оказался очень симпатичным парнем. Он окончил Институт международных отношений, не имел важных родственников или знакомых и видов на карьеру. Между прочим, мне приходилось встречать в других странах наших атташе по спорту с подобными данными. Сергей познакомил меня с Игорем, доцентом-физиком – преподавателем здешнего университета, журналистом Арсеном и Сашей, носителем дружбы и культуры в мадагаскарские массы. Надобно отметить, что наш Дом дружбы был заметно скромнее, чем аналогичное заведение бывших колонизаторов французов. Наш был на уровне провинциального дома культуры. А французский, имени Альбера Камю, носил все черты евроремонта, как теперь говорят.

Саша первым делом сводил меня в оригинальный монозоопарк, где жили только лемуры. Правда, разнообразные. Это чудо зоологии – мадагаскарская достопримечательность. Зверушки симпатичные, пушистые, большеглазые и длиннохвостые издавали неожиданные звуки. Можно было ожидать мяуканье, но они хрюкали. Потом Саша доставил меня в Дом дружбы, где собрались местные шахматисты. Мы пообщались с помощью Саши, который владел французским по-настоящему. Меня попросили сыграть две партии блиц с мальчиком лет десяти, надеждой местных шахматистов. Я согласился и с первых ходов сообразил, что мальчуган не промах. По дебюту он получил преимущество, и мне стоило немало усилий, чтобы не пасть сраженным тяжелой и меткой стрелой к удовольствию всех зрителей поединка.

Доцент Игорь, которому поручили опекать меня, сказал, что из Москвы сообщили, будто я владею французским языком, но когда выяснилось, что умею лишь лопотать по-немецки, никто не удивился художественному преувеличению, тем более что название шахматных фигур и цифры, обозначающие вертикали шахматной доски, по-французски я знаю твердо.

Проверка моих возможностей местными шахматистами не ограничилась спарингом с юным дарованием. Устроили сеанс одновременной игры с часами. Однако при комплектовании состава участников допустили стратегическую ошибку. Включали по одному представителю из разных спортивных организаций. Так что добрая половина противников оказались довольно слабыми шахматистами. И самый сильный, не удовлетворенный, вероятно, тем, что пришлось играть в сеансе, затеял с первых ходов перепалку в быстром темпе, не отпуская сеансера от доски. Он проиграл фигуру, и остальные участники сеанса приуныли. Проверку я провел успешно.

В это время в Москве проходил матч Карпова с Каспаровым, и интерес к шахматам был довольно высок. Местная пресса уделяла место шахматным событиям, в том числе и моей скромной персоне. Занятия с шахматистами проходили в благоприятной обстановке.

Столица Мадагаскара город Антананариву раньше назывался Тананариву. Кажется, дополнительные две буквы существенно меняли дело, свидетельствуя о прогрессе. Город окружал большое озеро, улицы поднимались вверх по каменистым склонам берегов. Я видел это в сухой период, но, как мне говорили, в период дождей вода стекает в озеро и грязи не бывает. Рассказывали даже, что, как-то раз, крокодил выполз из озера и разлегся на асфальте тротуара. Захотел погреться на солнышке. Однако доказательств наличия крокодилов и этого любопытного события не было.

Я спокойно ходил по улицам города и не сталкивался с какой-либо реакцией окружающих на цвет моей физиономии. Хотя меня предупреждали, что случаются уличные грабежи и причинения вреда.

Мне объяснили, что рослые атлетичные мальгаши происходят с западной части острова. Они похожи на соседей на африканском берегу пролива, отделяющего Мадагаскар от континента. А на восточной стороне острова – ростом поменьше и сложением поделикатнее. Чувствуется полинезийское происхождение. Религиозные обычаи мальгашей своеобразны. Они преимущественно христиане, но по особому чтут останки умерших. Мальчикам делают обрезание, как иудеи и мусульмане.

По воскресеньям в городе регулярно занимало большую площадь торжище, называемое сумА (ударение на последнем слоге). Что-то вроде ярмарки, куда привозят для продажи свой товар с округи. Мне показалось, что изделия местных умельцев из дерева, кости и других материалов грубоваты, не блещут тонким вкусом. Я поделился своим наблюдением с Сашей –

культуртрегером. Он спорить не стал, но сказал, что у мальгашей отличный музыкальный слух. В Доме дружбы многие легко и просто играют на каких угодно музыкальных инструментах.

Гаишников в городе было очень мало, машин тоже не слишком много. Водители ездили, не затрудняя себя соблюдением правил. Так что ходить по улицам следовало внимательно. Мои коллеги шахматисты оказались симпатичными ребятами. Замечательное свойство шахмат настраивать на одну волну людей независимо от возраста, положения, цвета кожи и многого другого.

Я согласился комментировать партии матча Карпова с Каспаровым для местной газеты «Матэн» без гонорара, в общественном социалистическом порядке. Дни летели быстро.

Оказалось, что я произвел положительное впечатление на принимающую сторону, меня сводили на прием к министру, отвечающему за спорт, и завели разговор о работе тренером на несколько лет. Мои новые друзья Игорь, Сергей и Арсен одобряли это идею, а я колебался. Арсен во время скромного чаепития у него дома, в прошлом – вилле какого-то крутого французского колонизатора, сохранившей свои размеры, но не убранство, убеждал меня таким аргументом: «У тебя сын есть? Внуки будут. Надо о них подумать». Поколебавшись, я сказал спортивным руководителям, и, естественно, нашему посольству, что я не против. Шахматисты стали обсуждать, как бы шахматного тренера не приватизировал армейский клуб, как он уже успел сделать с советскими тренерами по некоторым другим видам спорта. Все протекало многообещающе. Посол устроил фуршет по поводу приезда и моей работы, а также приезда команды теннисистов. Перед отъездом я удостоился персонального приема. Тем временем в Москве Карпов выигрывал партию за партией и посол, мне казалось, был доволен таким течением матча. Я подарил ему книгу с автографом Карпова. Он поблагодарил меня за проделанную работу, выразил надежду, что через годик – другой я вновь посещу Мадагаскар и смогу полюбоваться всходами посева, который я произвел. Получив отказ в столь изысканной дипломатической форме, я сделал вид, что меня на долгосрочную тренерскую работу и не приглашали.

Когда я улетал, в аэропорт приехал посол. Он провожал секретаря посольства, очень симпатичного молодого человека. Не знаю, соответствовало ли это дипломатическому протоколу.

Фамилия секретаря была такая же, как у одного члена политбюро. Посол уделил внимание и мне. Мы, прогуливаясь, поговорили о матче Карпов – Каспаров. Счет в тот день был разгромным в пользу Карпова. На этом дипломатический

«политес», как мне показалось, не кончился. В полете меня кормили по первому классу, то есть салфетки были не бумажные, а накрахмаленные. Летел я, конечно, самолетом «Аэрофлота». Наверно, экипажу посоветовали, подумал я.

Мадагаскарцы проводили меня очень тепло и подарили на память здоровенного черного шахматного коня, вырезанного из дерева. И я благополучно прилетел в Москву, сохраняя в памяти лемурчиков, однажды увиденных больших буйволиц – ариари, с характерными огромными рогами, яркое солнце Антананариву. И еще увиденные из иллюминатора самолета ночные огни, как я подумал, Суэцкого канала. Запомнилось также приязненное отношение ко мне моих соотечественников, несших бремя советского человека в Африке, хотя из популярной песни известно, что не нужен нам берег турецкий, и Африка нам не нужна. Мадагаскарские шахматисты продолжили знакомство с теорией древней игры самостоятельно.

Таинственная страна Мадагаскар оказалась не опасной.

Дубай

В 1986 году Шахматная Олимпиада проходила в городе Дубай, в Объединенных Арабских Эмиратах. ОАЭ – новое государство – конфедерация семи княжеств. Оно возникло второго декабря 1971 года и расположено на берегу залива, который иранцы называют Персидским, арабы Арабским, а англичане просто Заливом. Археологи в этом в прямом смысле слова солнечном краю находят свидетельства обитания людей в пятом тысячелетии до новой эры. В наши дни наши туристы, можно сказать, хлынули в ОАЭ. Челноки и прочие предприимчивые люди тоже.

Меня включили в состав судейской коллегии Олимпиады. Тогда авиарейсов из Москвы в Эмираты было мало, билеты стоили под тысячу долларов, правда, покупая билеты для шахматной делегации можно было слегка торговаться с Аэрофлотом.

Восточный колорит наша делегация почувствовала сразу по прибытии в Дубай. Нас без промедлений провели в зал для почетных персон, рассадили, к каждому подошли сотрудники, попросили паспорта и вскорости их вернули. Никаких «шмонов», заглядывания в глаза и прочих пограничных прелестей.

Участников Олимпиады разместили в гостинице Хилтон, я, конечно, хотел быть поближе к своим, но для судей отвели какую-то другую гостиницу. Однако когда мой друг Файк обратился к администратору с просьбой, она немедленно была удовлетворена. Быть может, сыграла роль его конфессиональная принадлежность.

Хилтон, как говорится, он и в Африке Хилтон. Номер большой, удобный, все честь честью. И восточный колорит: деревянная дверь на балкон полупрозрачная – изрезанная на манер кружев, на спальном ложе много разноцветных атласных подушечек. Питание в гостинице на высшем уровне. Сливки, масло из Дании, сыры из Франции, другие продукты из разных стран, и все свежие. Основное здание гостиницы невысокое, а рядом башня с лифтом. Наверху площадка и отличный обзор города. Лифтер индиец, он получает в месяц тысячу долларов и содержит свою семью в Индии. Директор гостиницы и его супруга симпатичные европейцы. Позже я услышал от него, что иностранец не имеет права стать собственником недвижимости. Таков закон. Он был отменен через полтора десятка лет, в 2002 году. И сейчас в ОАЭ строительный бум, растущие инвестиции, удивительно высокий процент прибыли. Привлекает предпринимателей и безналоговая система, а туристов – климат, отсутствие преступности, невысокие цены.

Город мне понравился сразу, да и как не понравиться – чистота, зелень газонов, которые постоянно поливают, чтобы солнышко не иссушило и не выжгло, автомобили чистенькие, светофоры на страх лихачам с видеокамерами. Универмаг получше, чем в Европе, о туалетах и не говорю.

Олимпиада была подготовлена отлично. Инвентарь, компьютеры, другая оргтехника – все на уровне. Организаторы позаботились о многих сотнях участников. Доллары меняют в фойе на дирхемы, местную валюту, без всяких комиссионных. Один доллар – один дирхем. И постоянно находят повод, что-нибудь подарить. То дорожную сумку, то майку с эмблемой, то часы. Кстати, часы до сих пор исправно идут, они висят у меня на стене, на кухне. И всюду кондиционеры. Даже в маленьких магазинчиках на рынке. Иногда включены, даже если не закрыты входные двери.

Ряды магазинчиков и палаток расположены строго по прямым линиям. Мне показалось, что принято торговаться. Я так подумал, когда купил тренировочный костюмчик своей внучке. Продавец сказал, что он стоит двадцать пять. Я дал двадцать пять. Он внимательно посмотрел на меня, немного подождал, затем выбил чек, завернул покупку. Протянул мне пакет и два с половиной дирхема сдачи. Принудительная десятипроцентная скидка для

недотепы.

Телевизор в номере большой, видимость отличная, но передачи однообразные. Верблюжьи бега, Шахматная Олимпиада, вручение аттестатов окончившим школу. На торжественном открытии Олимпиады между рядами в огромном зале прошли юные, веселые и довольные жизнью девочки, украшенные золотыми цепочками, браслетами и другими ювелирными произведениями. Они осыпали шахматистов лепестками роз. Если к этому прибавить потрясающий фейерверк на стадионе по случаю окончания Олимпиады, то просто настоящая тысяча и одна ночь.

Для обслуживания нашей делегации был прикреплен белый мерседес с симпатичным водителем. Володя, наш знающий дело заместитель руководителя делегации, сказал, что это полковник. Как говорится, рыбак рыбака видит издалека. Как-то днем мы с товарищами поехали из отеля в город. Посреди поездки, в городе, водитель взглянул на часы, тормознул около нарядной мечети и отлучился ненадолго на намаз. Гроссмейстеры зашли в близлежащий ювелирный магазин, которых в Дубае предостаточно. А я остался в машине, близ кондиционера. Сторожить мерседес не было нужды. Машины здесь угонять не модно. Гроссмейстеров несколько удивило, что золотые украшения продавали не поштучно, а на вес.

Олимпиада была организована под непосредственным руководством важного в княжестве лица. Он был вроде министра авиации и хозяином самолетов. И пригласил нашу команду на фуршет в свою виллу. Перед входом в дом стояла маленькая шеренга – все четыре жены хозяина. Они приветствовали гостей, одеты были в европейские платья. Отличались по возрасту и, быть может, по брачному стажу. Хозяин принимал радушно. Вина, коньяки, водка все высшего качества, не говоря о закусках. Я спросил хозяина, допустимо ли спиртное, кажется, Коран не разрешает? Он ответил, что в домашней обстановке можно. Между прочим, запрет употреблять спиртное относится к правоверным, но не к остальным. Однако появляться на улице пьяным, и выпивать в общественных местах строго воспрещено всем. А пьяному за рулем реально грозит тюрьма. Не исключены и телесные наказания.

Эмираты очень богаты нефтью, экономика развивается с помощью доходов от добычи черного золота, но большая часть ВВП нынче не связана с добычей нефти. Промышленность и сельское хозяйство на высоте. Последнее, несмотря на трудности с пресной водой для орошения. Достойны уважения эти в недалеком прошлом дети пустыни, сохранившие любовь к

верблюдам, за умелое использование современной техники, организационный талант и разумное отношение к образованию.

Команду шахматистов ОАЭ возглавлял талантливый мастер Саед аль Саед. Симпатичный и очень аккуратный молодой человек. Все снятые в процессе игры фигуры и пешки он расставлял по ранжиру, ровненьким рядочком, а не как попало, что делают обычно все. Говорили, что он миллионер, а на нескромный вопрос о его состоянии Саед ответил, что у него есть бухгалтер, вот он и знает. В команде играл также брат Саеда, но его природа не наградила большим талантом. Почему так происходит, неизвестно. Иногда поболеть за Саеда приходили его юные жены в сопровождении толстой дамы в очках.

Играла наша команда успешно, дружно, включая соперников Карпова и Каспарова. Конкуренция оказалась серьезной, но последний тур принес золотые медали.

На Олимпиаде издавался специальный бюллетень. Партии, статьи, фотографии. В цвете, нарядный. В редакции работала одна венгерская шахматистка, владеющая русским. Как-то она задала мне сакраментальный вопрос: «Почему вы, советские, такие агрессивные?»

Раньше я на эту тему не задумывался и ответить не смог.

Брюссель

Для героя романа Набокова «Защита Лужина» все города, где он играл в турнирах, были на одно лицо. В каждом городе вокзал для приезда и отъезда, гостиница, где спать и есть, и турнирный зал. Мое знакомство с Бельгией оказалось на том же уровне, хотя я в течение одного месяца дважды прилетал на неделю и улетал из Брюсселя.

В 1988 году М. М. Ботвинник был приглашен в качестве почетного гостя на большой международный турнир, организованный бельгийским профессором и предпринимателем Бесселем Коком. Учитывая пожелание Ботвинника, пригласили и меня. Мы присутствовали на открытии турнира и его старте, а также на финише и закрытии. Жили и играли участники турнира в гостинице «Шератон», где все на звездном уровне, включая магнитные карточки вместо ключей от номеров. В церемонии открытия и жеребьевке приняли участие какие-то дрессированные белые голуби. Закрытие провели по соседству в роскошном, но

почти пустом зале оперного театра. Вероятно, интерес к шахматам в Бельгии сравнительно невысок, однако молодой, симпатичный и продвинутый в области передовых технологий профессор Бессел Кок продемонстрировал элите шахматного мира свои организационные способности и материальные возможности.

Земляки из посольства покатали нас по городу, мы поглядели на атомиум, ставший достопримечательностью Брюсселя, а также единственную в своем роде и всемирно известную статую писманекен, изваянную по случаю выздоровления ребенка голубых кровей. Погода стояла ясная, улицы чистые, народу умеренное количество Я как адъютант всюду следовал за Михаилом Моисеевичем. Все шахматисты знают, что у Ботвинника железная воля, что он отлично чувствует себя в конфликтной обстановке. И сравнительно немногие знают, что он был доброжелателен и предупредителен, в быту скромен. Он был неунывающим человеком, любил юмор. Я повторяюсь, но вспоминать такое приятно. При этом круг интересов Ботвинника был чрезвычайно широк, слушать его было всегда интересно и полезно.

Мне крепко запомнилась одна сценка на турнире. Для журналистов, гроссмейстеров и прочих ВИП персон было оснащено мониторами специальное помещение, где наблюдали за игрой, происходящей в турнирном зале и обсуждали течение партий. Михаил Моисеевич из-за очень серьезных проблем со зрением не видел позиции на экранах мониторов. Я говорил ему о расположении фигур и он, участвуя в анализе с другими гроссмейстерами, нередко демонстрировал, что, не глядя на доску, он видит поболее, чем другие, зоркие коллеги.

В турнире играл Михаил Таль. Повидаться с ним в Брюссель приехала его первая жена Салли. Легендарный Таль сохранял с ней самые приязненные отношения. С ней был ее муж, большой любитель шахмат, деловой человек. Мы пили кофе, вели так называемую светскую беседу. Салли сказала, что хочет нечто обсудить со мной тет-а-тет. Оказалось, что она попросила меня повлиять на Мишу, чтобы он, так сказать, не нарушал спортивный режим. Я вынужден был огорчить Салли. Она явно переоценивала мои возможности. Остановить Таля у меня было не больше шансов, чем руками остановить движущийся паровоз. На призывы к воздержанию Таль отвечал вежливой улыбкой.

Однажды, в свободный от игры день, Михаила Моисеевича и меня Бессел Кок от группы товарищей, так сказать, пригласил на ужин. Мы приехали в какой-то ресторан и оказались в кругу солидных персон. Для прочих ресторан был закрыт. Моим визави оказался потомок русских эмигрантов первой волны по

княжеской, как им было сказано, фамилии Гедройц. Он прекрасно говорил по-русски, и было видно, что говорить по-русски ему доставляет удовольствие. Он рассказал мне, как участвовал в качестве переводчика в очень важных переговорах, рассказал о превратностях и зигзагах судьбы. А Михаилу Моисеевичу представительный господин долго рассказывал об открытом им методе решения старинной задачи. Не помню точно, то ли как обскакать конем всю шахматную доску, то ли как поставить восемь ферзей, чтобы ни один не оказался под боем.

Так мне довелось «потусоваться» в светском обществе.

Югославия

После второй мировой войны Югославия заняла одно из ведущих мест в мире шахмат. Во всех республиках регулярно проводились представительные международные турниры, был насыщенный календарь внутренних соревнований, работало множество клубов, пресса и общественность уделяли шахматам большое внимание, выдвинулось много высококлассных шахматистов – гроссмейстеры Глигорич, Ивков, Матанович, Трифунович, и другие. Шахматы в стране стали массовым видом спорта. Регулярно проводились товарищеские матчи меду командами Югославии и СССР. В Белграде организовали и провели матч команд СССР и сборной мира, издавали много шахматных книг. Гроссмейстер Александр Матанович организовал уникальное периодическое издание «Шахматный информатор». Объемные тома, выпускаемые по два в год, в течение многих лет стали настольными книгами шахматистов высокой квалификации во многих странах.

Гроссмейстер Матанович имел отличные спортивные успехи, привлекательный творческий стиль игры, но, однажды, я, беседуя с ним, с некоторым удивлением услышал от действующего гроссмейстера, что главным своим делом он считает создание «Шахматного информатора». И действительно, «Шахматный информатор» сыграл выдающуюся роль. Множество мастеров стали настойчиво изучать по «Информатору» дебютную практику, изучать манеру игры противников. Повысилась роль самостоятельных занятий, роль труда, роль подготовки. Тигран Петросян даже иронически называл трудолюбивых шахматистов, не имеющих индивидуального творческого почерка, детьми

«Информатора».

В 1987 году, а может быть и раньше, у Александра Матановича возникла идея объединить возможности югославских и советских шахматистов в деле издания томов «Информатора», создать совместное издательство. С 10 по 18 марта 1988 года М. М. Ботвинник и я по приглашению «Информатора» были в Югославии, в основном в Белграде.

Ботвинника в разных странах принимали тепло и уважительно, однако именно в Югославии мы чувствовали не только уважение, но самое дружеское расположение всех с кем встречались. Никакого языкового барьера не было. Одним словом, чувствовали себя как дома. Мы жили в хорошем отеле «Славия», один и тот же пожилой официант постоянно обслуживал нас и делал это он нескрываемо радушно. Мы детально обсуждали с А. Матановичем и Д. Угриновичем возможности создания объединенной редакции, познакомились с редакцией «Информатора», с сотрудниками. Если бы совместное издательство было бы создано, то, как полагал Матанович, оно могло бы издавать еще и шахматные книги, так как в СССР немало высококвалифицированных авторов. Мы побывали в городе Нови Сад, где Михаил Моисеевич выступил с лекцией в Институте информатики. Встретились с шахматистами на предприятиях, а также с незрячими шахматистами. Я дал трудный сеанс одновременной игры юношам. Старался изо всех сил. Присутствие Михаила Моисеевича налагало особую ответственность. Были и официальные приемы, пресс-конференция, ленч и ужин в редакциях ведущих газет «Борба» и «Политика». И всюду чувствовали себя дорогими гостями. Михаил Моисеевич хотел купить кое-что из одежды для себя и членов семьи. Он спросил совета у Александра. Александр сказал, что это можно сделать без потери времени. Директор универмага с занятным на наш слух названием Робна куча – шахматист. Его предупредили, мы пришли в магазин, Ботвинник в сопровождении консультантов прошелся по отделам и далее директор пригласил в свой кабинет. Отдохнуть и пообщаться за чашкой кофе. Вскоре явился сотрудник магазина с чеками, а покупки упаковали и отправили в гостиницу. Такой получился сервис в режиме максимального благоприятствования.

Белградские магазины выглядели получше московских, но на улицах можно было видеть крестьян, приехавших в столицу в затрапезной одежде, частенько попадались видавшие виды «москвичи» и «жигули». Кстати, мне повезло увидеть нечто более интересное. По главной улице проезжал кортеж машин, и я в первый и в последний, надо думать, раз увидел Горбачева. Он

был в это время в Югославии с государственным визитом.

Прекрасная неделя словно промелькнула. Мы вернулись домой. Когда в Москву приехал Матанович, проблему совместного издательства обсуждали с руководством Спорткомитета. Мне сделали лестное предложение возглавить московскую половину. Я отказался, хотя имел изрядный опыт работы в издательстве. Просто посчитал, что начинать такое серьезное дело в 67 лет уже поздно. К сожалению, я угадал будущее, потому что довольно скоро был вынужден перенести серьезную хирургическую операцию. Ну да на это можно было просто наплевать, нетрудно пережить и то, что остался нереализованным проект совместного Югославо-Советского шахматного издательства. Не стало ни СССР, ни Югославии. События несравнимого масштаба.

Сухой остаток

Любовь к Родине

В наши дни очень модно публично клясться в любви к Родине. Усердствуют политики, радиослушатели отвечают на вопрос, почему они любят родину. Юноша сказал: потому, что Россия побеждала во всех войнах. Запамятовал, вероятно, про Крымскую войну и про Японскую. Зрелый мужчина ответил: «Потому что русские женщины самые красивые».

Конечно, красивые, но и другие тоже красивые. Так что дело вкуса, и ответ смахивает на комплимент. Я не имею привычки общаться со средствами массовой информации, но решил это дело обдумать для себя, так как я лишь ограниченно годен для того, чтобы давать рекомендации другим. Однако черт меня догадал, как сказал поэт, родиться евреем, а многие не склонны этого прощать. К счастью, я чаще сталкивался с людьми, которые хорошо ко мне относились. Кто за бодрый нрав, кто замечал некоторые способности. Да мало ли за что. И я сам тоже оценивал знакомых не слишком строго.

Пяти лет отроду я однажды услышал во дворе от мальца лет десяти такую песенку: «Мы смело в бой пойдем / За суп с картошкой / И всех жидов убьем / Столовой ложкой». Закончив куплет, он ударил меня снежным комом, насаженным на палку, по голове. Это орудие изображало ложку. Суть я не понял, но голова кружилась. Дома я рассказал маме об этом. Ее объяснения до меня не дошли. Рано было постигать национальный вопрос. Несколько позже в Хлыновском тупике, где была церковь, зимой, я, вместе с другими ребятишками, катался со снежной горки на санках. Появился молодой человек в длинной черной рясе с черной бородкой. Он начал поочередно катать ребят. Ребятам, конечно, это нравилось. На меня он поглядел внимательно и задал вопрос: «Иудей?». Я не знал, что ответить. Катать меня он не стал.

Во взрослой жизни я познакомился со многими людьми, трепетно относящимися к пятому пункту. Одни, вероятно, из-за генов, другие просто так воспитаны. Встречаются и склонные к расчету. Выгоднее быть первосортным. Да черт с ними, все равно

чаще встречались хорошие люди. Многие бескорыстно помогали мне. Долгое время я надеялся, что все устаканится, родимые пятна капитализма исчезнут, и все будут равны. Настало время, и я своим умом дошел, что вождь, растивший нас на счастье народу, не жаждет национального равенства, а в стране без его ведома вообще не делается ничего. Ссылали целые народы и при этом что-то блеяли про интернационализм, про дружбу народов.

А при «демократии» печатное слово вышло из берегов. Если раньше «научные» откровения ученого антисемита, математика Шафаревича распространялись при помощи самиздата, то теперь навалом вонючих газет, книг и прочих достижений цивилизации от надписей на заборах до сочинения Гитлера.

Что же такое Родина? По моему разумению, природа и люди, язык и история, включая легенды. С природой все просто. Чукчи любят тундру, бушмены – джунгли и так далее. Дело вкуса. История Родины, ее достижения, даже победы футболистов, даже легенды вызывают положительные эмоции. Про родной язык и говорить нечего. Если человек не любит языка, на котором думает и говорит, значит у него что-то неладно с психикой.

Обычно судьба исторической родины, ее населения не оставляют моих единоплеменников равнодушными. Это вполне естественно. К примеру, чемпион мира по шахматам Тигран Петросян был верным болельщиком «Спартака», но это не мешало ему болеть и за «Арарат».

В итоге выходит, что верна поговорка: где родился, там и пригодился. И нет смысла копаться в причинах любви к Родине. Убедительно ответил мальчик, который ел яблоко, своему приятелю. Тот попросил дать откусить. «Не дам. – Почему? – Потому».

Между прочим, Адам любил Еву. Как говорится, без вариантов.

Национальная идея

В незапамятные времена звероподобный предок человека, взяв в руку палку или камень, нашел им применение. Потом удумал привязать камень к палке и получился топор. Дальше пошло поехало. Летели века, придумывали все новое. Жилища защищали от непогоды, огонь согревал. Собаки охраняли и помогали охотиться, лошади и другие четвероногие помогали

существовать. Желание придумать что-то такое, что одним махом решило бы главные задачи, укоренилось в человеческом мозгу.

Теперь много толкуют о национальной идее. Вот изобрести бы ее и сразу все пойдет на лад. Если оглянуться назад, то можно увидеть, что из-за национальной идеи случались очень крупные неприятности. К примеру, древние евреи объявили, что именно они избранный народ Божий. Остальные народы посчитали это не убедительным и обидным. И у евреев возникли очень большие сложности.

В новые времена немцы родили идею, что Германия превыше всего. Поплатились миллионами убитых и страданиями всего народа. И других поубивали тьму.

В наши дни в России некоторые упорно трудятся над изобретением национальной идеи. При царе она вроде бы имелась: самодержавие, православие, народность. С самодержавием у нас и сейчас дело обстоит неплохо, православие усердно поощряется и насаждается бывшими воинствующими безбожниками. Народность – штука довольно расплывчатая. Выглядит как комплимент маленьким людям. Людишкам, так сказать. А на практике многие людишки эту триаду упрощали. Получалось бей жидов, спасай Россию. Время не стоит на месте, и формула идеи расширилась. Оказывается, бить надо не только жидов, но и чеченцев, лиц кавказской национальности и вообще черных (есть и более хлесткое словечко, однако ненормативное).

Любопытно – овладеет ли эта выдающаяся идея сознанием масс полностью и что из этого получится?

Ключевая фраза

В славное время, когда все наши народы, нации и национальности были равны, а некоторые были гораздо равнее остальных, на Арбате устроили что-то вроде салона телефонов-автоматов. Такое помещение на первом этаже дома, где на стене висело много автоматов, разделенных тонкими стенками кабинок. Мой товарищ шел мимо и зашел позвонить по какому-то своему делу. У него дома не было телефона. В соседней кабине молодой человек говорил очень громко, почти кричал. Было понятно, что он звонит в отдел кадров какого-то министерства. Его не брали на работу. Звук «эр» ему не удавался. Он картавил и даже, можно сказать, рокотал. Ключевая фраза понравилась

моему товарищу, и он с удовольствием сообщил ее мне: «Вы может быть думаете, что я еврей? Я ар-мя-нин!».

Если бы тот, молодой еще тогда человек, дожил до конца века, то узнал бы, что он не просто армянин, но еще и лицо кавказской национальности.

А народы и нации по-прежнему равны.

Политэкономия

Мое первое знакомство с одним из постулатов политэкономии – науки всех наук – случилось в детстве. Летом 1933 года я, перейдя в пятый класс, проводил каникулы в Ельне, старинном российском городке. Отец там работал по лесной части. В ту пору, да и в прежние стародавние времена леса там хватало. Не зря же город получил свое название. Мы поселились в избе напротив городского сада, а в саду был летний театр. Мы изредка его посещали. Там гастролировала приезжая труппа. Одна пьеса называлась «Платок и сердце». Сюжет я не запомнил. Кто-то там кого-то любил, что меня в ту пору совершенно не интересовало. Однако один монолог я запомнил на всю жизнь. Старик, оказавшийся в роскошных хоромах, как будто благодаря браку дочери, размышляет, сидя у фонтана. Он мечтает, что ежели был бы хозяином, то фонтан бил бы вином, а не водой. Но тогда холопы смогут вино воровать? Чтобы они не воровали вино, он поставил бы сторожа. Однако и сторож пил бы без спроса. Пришлось бы его прогнать и сторожить самому. Подумав, старик с грустью в голосе признал, что и сам бы не удержался.

Такое развитие событий напоминает мне поведение справедливцев, обещавших в начале перестройки приумножить народное добро и улучшить жизнь всем, но сами, в первую очередь дружно добро приватизировали. Правда, не обидели и сторожей.

Наглядно показал мне, что есть движущая сила в экономике кубанский казак Семен Трофимович, житель станицы Воровсколесской. Эта живописная станица надолго запомнилась мне. Она делилась на равнинную часть – Поднизовку и Хохловку, расположенную на возвышенности. Хохловку населяли потомки украинцев, переселенных во времена оно на Северный Кавказ, а Поднизовку – потомки воронежцев. Жители Хохловки говорили на смеси русского с украинским, а Семен Трофимович, житель

Поднизовки, на отличном русском языке. Однако суть не в этих деталях, а в том, как меня просветил Семен Трофимович. Он показал открытую ладонь, а потом сжал пальцы в кулак. «Видишь? Сюда гнется». Потом разжал кулак, другой рукой взял пальцы и надавил их против сгиба. «А сюда не гнется», заключил он.

Происходило это во время весеннего сева. Я, без малого двадцати двух лет отроду, был послан райкомом партии в Воровсколесскую уполномоченным. Из всех сельскохозяйственных дел я был знаком лишь с тем, что колхозникам надо обязательно выходить на общественную работу. Казак Семен Трофимович, непьющий, между прочим, не был против колхозов, но считал, что полезно было бы дать каждой семье по пять гектаров земли, а вспахивать ее колхозными тракторами. Тогда бы всю остальную работу на немалой колхозной земле казаки бы отлично исполнили. Получалось, что механизированную барщину он предпочитал колхозу.

По ходу сева возникла трудность. Не хватало горюче-смазочных материалов. Положение обсуждали на бюро райкома партии. Мой начальник прокурор района оказался в отсутствии, и я был на заседании. Секретарь райкома Николай Родионович, симпатичный и умный мужчина, не таясь, сказал, что возможно получить необходимое у стоявшей в районе воинской части. Он, улыбаясь и глядя на меня, спросил, не возражает ли прокуратура. Как можно было возражать секретарю, который все лучше меня знает и понимает? Сев завершился прекрасно, район получил даже Красное знамя, как победитель соцсоревнования.

Это тоже, вероятно, политэкономия. Социализма.

Обыкновенный век

Когда-то я слышал, что поэт Николай Глазков, в пору учебы в Литературном институте, проиграв товарищу партию на бильярде, должен был залезть под стол и сочинить стихотворение. Он сказал: «Я на мир взираю из под столика / Век двадцатый, век необычайный / Но чем интересней для историка / Тем для современника печальней».

Моя жизнь прошла в двадцатом веке и, действительно, я оказался современником многих событий, даже более чем печальных. Нередко серьезные и авторитетные люди говорят, что

именно двадцатый век необычаен по жестокости. И некоторые выражают надежду, что XXI век будет гуманнее. На этот счет у меня большие сомнения.

Во-первых, не сладкими были века, когда полчища вырезали поголовно население больших городов. Резали не только врагов, но и своих единоплеменников. К примеру, под водительством Ивана Грозного. При этом не располагали ни атомными бомбами, ни газовыми камерами. Убивали вручную, старательно.

Тогда мудрые современники тоже находили свое время самым жестоким. В прошлом чума, черная оспа, холера свирепствовали похлеще СПИДа.

Во-вторых, века приходят и уходят, но определяющая поведение человека основа остается. Человек плотояден. Хищное существо, наделенное разумом. А разум рождает не только добро и побеждает болезни, но также создает средства угнетения и орудия убийства. А в последнее время и оружие массового уничтожения.

Опасаюсь, что люди, живущие в XXI веке, будут считать именно этот век самым жестоким.

Подлая история

Оглушил нас этот
Вечный беспрестанный
Грохот барабанный
Грохот барабанный

Беранже

Когда-то я слышал такую остроту: история бывает древняя, новая, новейшая, а еще бывает скверная история. Однажды – воспоминания, некоторая грусть, – захотелось оглянуться назад. Вспоминая, приходишь к выводу, что правители и вожди с завидным постоянством лгали народу и, естественно, вранье продолжается. Сначала соврали про землю крестьянам, фабрики рабочим и мир народам. В Конституции не простой, а сталинской, исключительно нахально врали, будто бы граждане имеют право выбирать, а не дружно голосовать за единственного кандидата. Заставляли верить, что выбор без выбора это и есть

самый настоящий выбор. Потом довольно долго лгали про дружбу народов. Упорно врали, что «мы – мирные люди», а вот маленькая Финляндия в конце 1939 года первая начала стрелять из пушек по нашей державе. Вскоре наврали, будто финны организовали какое-то народное правительство. Прошло несколько месяцев, и сделали вид, будто его никогда не было.

Прошляпили нападение Гитлера на СССР, из-за этого погибли и попали в плен миллионы наших солдат, много десятков миллионов граждан попали в оккупацию. Довольно нагло оправдывались тем, что Гитлер неожиданно оказался таким вероломным. Ведь мы же фашисту доверяли, как порядочному человеку, договор о дружбе подписывали! И дружно делили с ним Европу. А позже долго тупо лгали, будто никакого протокола о разделе Европы вовсе не было.

Злодейски расстреляли десятки тысяч кадровых польских офицеров и призванных в армию интеллигентов, и вопили, будто бы их в Катыни расстреляли немцы. Позже убеждали, что Южная Корея напала на Северную…

Регулярно врали, что всему народу вот-вот станет жить лучше и веселей, а когда становилось худо и голодно, врали что во всем виноваты вредители, враги народа, иностранные разведки, безродные космополиты. Обещали через двадцать лет построить коммунизм, а до этого перегнать Америку по удоям молока и всему такому прочему при помощи царицы полей кукурузы и гениальной теории Трофима Лысенко, создавшем ее назло капиталистическим лжеученым генетикам. Хотя, может быть, тогда не врали, а просто талдычили от простоты, которая хуже воровства. Позже скромнее соврали о том, что в 2000 году всех нуждающихся обеспечат отдельными квартирами. Всего не перечесть. Наконец, стали с энтузиазмом дружно врать о построении в стране капитализма с человеческим лицом, врать, что самое главное – это раздать так называемую общенародную государственную собственность, то есть заводы, недра и вообще все на свете, потому что частные собственники обо всех позаботятся лучше всяких там чиновников, (их тогда обзывали номенклатурой). Однако собственниками стали эти самые чиновники, их родственники, друзья и бандиты. Получился такой капитализм с человеческим лицом, что для миллионов оказался круче нечеловеческого социализма. Правда, на этот раз соврали не полностью, а только на пятьдесят процентов. Обещали шоковую терапию? Шок получился, не удалась только терапия. Стали объяснять, что иначе и быть не могло, временные трудности исторически неизбежны, что во всем виноваты бывшие правители. А вот бывший гениальный классик марксизма очень

удачно выразился насчет того, что подлость сегодняшнего дня удобно объяснять подлостью дня вчерашнего.

В старину люди верили, что во всем виноват дьявол – отец лжи. На его происки очень удобно валить все – враги народа, вредители, поджигатели войны и так далее. А сейчас прямые ссылки на козни дьявола не всегда проходят. Приходится врать про всемирный заговор империалистов.

«Нет в Москве-реке воды / Воду выпили…» Кто? Правильно! Космополиты, сионисты. На эту вечнозеленую тему выступают прихвостни власти, а сама власть скромно помалкивает.

И сейчас едва ли не большинство склонно верить во вранье. Когда-то я сам верил в то, что кулаки – негодяи, а хорошие – бедняки и середняки – в замечательных колхозах и совхозах облагодетельствуют народ. Верил потому, что был мальчишкой, но когда стал вполне взрослым поверил вранью про Южную Корею. Будто бы она напала на Северную.

Напрашивается вывод, что системное вранье это основное правило политической игры. Что делать? Вот Солженицын советует жить не по лжи. Интересно, каким способом этого можно достигнуть? Пожалуй, это не легче, чем изобрести вечный двигатель.

Неверно было бы считать, что склонны ко лжи именно наши вожди и политики. Зарубежные тоже хороши. Однако наши не на последнем в мире месте.

Вот и получается, что есть не только древняя и другие истории, но еще и подлая история.

Бывали хуже времена, но не было подлее, как сказал поэт про свое время. И про наше время это можно сказать. Если это преувеличение, то маленькое.

Частная собственность, государство и кража

Ученый немец Фридрих Энгельс был первым марксистом. Сам Карл Маркс не в счет. Он был сам по себе, Марксом. Настоящему марксисту положено интересоваться всем на свете и все научно объяснять. И вот Энгельс, основательно изучив работу Л. Моргана, изданную в 1877 году, написал книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Ленин сказал, что это одно из основных сочинений современного социализма. Книжка вышла как раз к началу XX века.

Очень занятно была устроена семья у первобытных людей. Да и в наши дни происходят любопытные метаморфозы. Прогрессивно мыслящие люди борются за право мужчин регистрировать брак друг с другом. Может быть, это за то, что они не нарушают заповеди, запрещающей желать жену ближнего своего? Неясно. И почему надо регистрировать брак между двумя женщинами – тоже неясно. Одним словом, семья – это материя очень тонкая. Пожалуй, потоньше, чем частная собственность. Семья на протяжении веков постоянно меняется, а вот частная собственность как только возникла, так каждому стало ясно, что своя собственность – это благо и держать ее надо обеими руками как можно крепче.

И вот настала очередь появиться государству. А государство «…есть машина для угнетения одного класса другим, машина, чтобы держать в подчинении одному классу прочие подчиненные классы», как сказал Ленин. И еще он сказал, что едва ли найдется другой вопрос, так умышленно и неумышленно запутанный буржуазной наукой. Стало быть, не мудрствовал – машина, вот и все. А вот Людовик XIV, что жил в семнадцатом и начале восемнадцатого века, сказал по легенде еще четче: «Государство – это я». И придворные объявили, что он ни много, ни мало просто Король Солнце. Изящное подхалимство, надо признать. А гений всех времен, тот, что вырастил нас на счастье народу, на труд и на подвиги нас вдохновил, как поется в песне, никогда не говорил что государство – это он. О нем сказал французский писатель Анри Барбюс, о его руках рабочего, голове ученого и еще о его солдатской шинели. Незачем вождю было повторять слова Людовика. Каждый винтик и без того знал, кто этой самой машиной управляет, кто крутит приводные ремни и закручивает гаечки.

В юности будущий вождь принимал участие в экспроприациях, так называемых на языке революционеров эксах, а на простом языке просто в разбойных нападениях. Однако, став вождем, кражу сильно невзлюбил. Государственная машина даже издала закон, по которому за кражу десятка колосков с колхозного поля голодного колхозника или колхозницу суд мог очень быстро приговорить к расстрелу. Попутно напомним закончик, который разрешал расстреливать детишек двенадцати лет отроду. В это трудно поверить, но есть все письменные доказательства – документы. Мощная была машина, которой управляли руки рабочего, а курс к поголовному счастью намечал мозг ученого. Годы шли, и пришлось вождю снять солдатскую шинель и нарядиться в шинель генералиссимуса.

Одним из буржуазных ученых, тех, что запутывали вопрос о

происхождении государства, был Лев Иосифович Петражицкий (1867–1931). О нем в Большой Советской Энциклопедии сказано: «Наиболее глубоким и оригинальным представителем психологической школы права был русский юрист Петражицкий». Точнее он был не только русским, но еще и польским ученым, служил профессором в России, в Петербургском университете, а позднее в Польше, в Варшавском. Энциклопедия говорит: «Петражицкий исходил из идеалистических положений о том, что основу права, движущую силу его развития, составляет психология человека». Учась в институте, я слышал от профессора, читавшего лекции по истории государства и права, будто Петражицкий полагал, что государство появилось из-за отвращения большинства людей к напряжению умственных способностей. Стало быть, избегали, предоставляли напрягаться другим. А ведь правда, что и в наши дни тоже далеко не всем нравится напрягать имеющиеся умственные способности. Оставим эти сложности ученым, не станем напрягать свои умственные способности и поговорим лучше о том, что есть у каждого, правда в разных количествах, то есть о собственности. Великими доками в вопросе о праве собственности были юристы в Древнем Риме. Римское частное право, «относящееся к выгоде отдельных лиц», пережило своих создателей на тысячи лет и здравствует поныне. Оно регламентирует, каким образом устанавливается право собственности, и каким оно прекращается. Есть масса законных способов приобретения собственности, однако всегда находилось много людей, которых ни один из законных способов не устраивал, и испокон века воруют (тайно похищают чужое имущество), грабят (делают это открыто) и даже разбойничают с оружием в руках. Приобретают право собственности по рекомендации пословицы – кто смел, тот сумел.

Большие ученые Локк, Смит, Риккардо и великий философ Гегель полагали, что собственность – это вечное условие социального прогресса. Не так давно, по историческим меркам, изобрели социалистическую собственность. Не без применения насилия доказывали, что вот именно она, а не дефектная капиталистическая собственность является условием социального прогресса. Увы, социальный прогресс получился какой-то сомнительный, воровать в широких масштабах стали не только частную собственность, но и социалистическую. Надобно отметить, с воровством в нашей солнечной стране всегда было не слабее, чем в остальных странах. Вот выдающийся историк, писатель и публицист Н. М. Карамзин более двухсот лет тому назад на вопрос, как идут дела в России, ответил коротко и ясно:

«воруют». Когда-то было сказано, что в России не воруют

только два губернатора, потому что один из них несметно богат, а другому по фамилии Радищев воровать невозможно, фамилия не позволяет.

Трудно сказать, когда воруют больше – при капитализме или при социализме, однако воровство при обратном переходе от социализма к капитализму может смело претендовать на то, чтобы попасть в книгу Гиннеса. Социалистическая собственность первоначально появилась в результате грабежа капиталистической частной собственности. Грабеж был тотальным и научно обоснованным. Не зря же анархисты критиковали частную собственность, провозглашая, что собственность есть кража. И так привлекателен лозунг – грабь награбленное! На лекции профессора И. С. Перетерского я с интересом услышал ироническую сентенцию, что в России кража всегда считалась легальным способом приобретения права собственности.

При Петре I многие преступления называли воровством, и сейчас тоже того, кто крадет, называют вором. Вор – слово обидное. Вот если чиновник присваивает часть не принадлежащей ему по закону собственности, то есть по существу ворует, грабит или мошенничает, его называют красивым словом латинского происхождения – коррупционер. Не так обидно. Социалистическая юриспруденция полагала, что коррупция свойственна всем государствам, особенно империалистическим. Конечно, исключением подразумевались государства социалистические. Так то оно так, но, как говорится, мужики сомневаются. Наши коррупционеры, и те, что воровали при социализме и продолжают заниматься этим увлекательным делом после него, и новые талантливые мастера этого древнего занятия, несомненно, претендуют на пьедестал почета в международных соревнованиях на незаконное обретение права собственности. Их ловкость подчас превосходит самых талантливых воров – карманников, а наглость – грабителей и разбойников. Они придумали немало оригинальных комбинаций. И часто без нарушения законов, тех, что оплачивали и помогали принимать в стахановском порядке, доказывая, что надо спешить, чтобы поскорее и поудобнее перескочить от социализма капитализму. Однако несложный анализ этих комбинаций наглядно обнаруживает цель – воровство. Неважно, что оно выглядит как взятка или как мошенничество.

Коррупция это по-русски – порча, подкуп. Может быть, неглупо поступали в эпоху Петра Великого, когда взяточника, мошенника, изменника заслуженно именовали простым русским словом – вор.

Занимательная арифметика и даже алгебра

Если на дорогах очень много автомобилей, то часто случаются серьезные происшествия. Страховка обязательна, это логично. Власть обязала собственникам миллионы машин страховать. За год собрали с хозяев 40 миллиардов рублей, а выплатили за страховые случаи 6 миллиардов. Сколько осталось? Правильно – 34 миллиарда. Кому денежки достались? Страхователи славно потрудились, уговаривали, деньги собирали и получили сказочный доход. Заплатили миллиардные налоги государству, которое черновой работой руки не марало, но оно, издав замечательный закон об обязательном страховании, позаботилось о бедненьких страхователях. Они благодарны, платят с легкостью огромные налоги, при надобности делятся радостями с умными людьми и спят спокойно.

Теперь арифметическая задачка посложнее. Из земли, на которой мы живем, добывают нефть. Потом ее продают нашим гражданам и заграницу. А у «заграницы» свои обычаи. Там у них рынок и цены то выше, то ниже. Скажем, цена у них понизилась, а работы нашей по добыче и доставке меньше не стало. Значит себестоимость прежняя, а прибыль уменьшилась. Это очень неприятно, и приходится для своих родных граждан цену повышать. Зато когда у туземцев нефть дорожает, доход растет и это очень приятно. Хорошо бы им всю добытую нефть загнать! Увы, это неприлично и даже невозможно. Тяжело вздыхая, приходится поднимать цену и для своих родных и любимых соотечественников. Кому идут барыши и как их делят? Да как в первой задаче. Государство, конечно, своих граждан, а по честному сказать поданных, жалеет и любит, но ведь и свою выгоду понимает. Тем более, что тут навар не сравнить с какими-то копейками за страховку. Парадокс? Да нет же. И детей учат: уступай дорогу старшим, уступай дорогу младшим, а подданные государству – родные дети. А детей можно утешать сказками, что существует злая Бука, звать ее Рынок, у нее строгие законы, понятные ученым. Адам Смит, про которого в «Евгении Онегине» сказано, что он был великий эконом, знал, как государство богатеет. И либералы теперь это знают. И государственники тоже знают. Нефтяные деньги получились такие большие, что даже в Лондоне и на юге Франции множество продавцов недвижимости

очень радуются.

Под конец обойдемся вообще без чисел, просто буквами, как в алгебре. Есть такая формула: социализм равен советская власть плюс электрификация всей страны. А что такое капитализм? Конечно, минус советская власть. Однако остается одна электрификация, а к ней тоже необходим плюс. Быть может, правильна формула: капитализм есть электрификация плюс дебилизация всей страны?

Хочется закончить еще одним маленьким заимствованием: «Дебилы всех стран, объединяйтесь!»

Штамповка

Поначалу все шло прекрасно. Тверской бульвар, весенние ручейки по которым детвора пускала кораблики… Песочница, игры в салочки, прятки, казаки-разбойники. Потом золотая осень, ковры из опавших листьев на газонах, гладенькие скользкие желуди… Зимой – снежки, снежные бабы, катанье сначала на санках, а позже на коньках снегурочках, лыжах. На одном конце бульвара гранитный памятник – задумавшийся профессор Тимирязев. На другом конце – памятник самому Пушкину. Хорошо… Красиво…

Потом интересные школьные годы, много новых друзей и всего нового. Тоже очень хорошо. И начинаешь понимать, что ты счастливый человек, ты живешь в Москве, о которой в песне поется, что она надежда мира, сердце всей России, моя столица, моя Москва. И еще много разных песен и рассказов о том, как нам хорошо, а за рубежами нашим сверстникам очень плохо. И в школе и в газете «Пионерская правда» все время убедительно твердят, что нас вырастил Сталин на счастье народу, что хорошо в стране советской жить, красный галстук с гордостью носить. А Сталин так любит детей; он держит на руках узбекскую девочку Мамлякат. Эта славная девочка насобирала своими маленькими ручками так много хлопка, что все взрослые удивились. И ее наградили самым высоким орденом, орденом, носящим имя Ленина, самого гениального человека, самого человечного человека, как сказал самый лучший поэт нашей советской эпохи Владимир Маяковский. О том, что он самый лучший, сказал сам Сталин. А про Мамлякат пели по радио, что «мамлякат» это значит весна. Поэтому дети и взрослые заграницей завидуют нам,

не только москвичам, но всем советским детям и взрослым. А тамошние министры – капиталисты, не только завидуют, но просто нас ненавидят и обязательно хотят завоевать.

Наша страна – самая большая в мире, но она окружена врагами, и они хотят на нас напасть. Мы их не боимся! У нас броня крепка и танки наши быстры и наши люди мужества полны. Наша Красная Армия – самая победоносная. Ведь от тайги до британских морей Красная Армия всех сильней! В прошлом тоже мы всегда побеждали, а если иногда не побеждали, то по вине князей и царей. Теперь народ от них избавился.

Враги очень хотят напасть, но они, конечно, боятся и поэтому подло засылают в нашу страну шпионов и диверсантов. Однако наши замечательные пограничники со своими удивительно умными Джульбарсами и Мухтарами ловят их. И обо всем этом очень интересно смотреть в кино.

Однако некоторым удивительно хитрым и подлым шпионам и диверсантам удается пролезть в нашу страну, и иногда находятся негодяи, которые рады изменить своей Родине. Они скрытые враги своего народа. Поэтому надо быть бдительным, надо их разоблачать, не жалея, если придется, даже родного отца, как это сделал герой-пионер Павлик Морозов, убитый врагами. Наши доблестные чекисты прознали, что этих врагов народа оказывается довольно много. Но ничего, народ и партия едины, и мы обязательно раздавим гадину. Если враг не сдается, его уничтожают! Так сказал наш самый лучший писатель. А если сдается, то раздавить гадину легко и просто. Кто не с нами тот против нас. Именно мы самые настоящие гуманисты, Мы любим человечество, любим каждого простого человека, ведь он с нами, и ненавидим врагов. Все простые люди с нами, это люди доброй воли и неважно, какой они расы и нации.

В школе мы узнали, что наша русская литература самая замечательная, не то, что иностранная. И, правда, наши великие писателю написали очень хорошие и интересные книжки. Правда. Жюль Верн, Джек Лондон, Марк Твен и кое-кто еще тоже хорошие писатели, но все-таки не такие, как наши. А вредные иностранные книжки мы не читали. Иностранным языкам учили таким способом, что читать и понимать на них мы не могли. Да и зачем нам эти иностранные языки? Наш язык велик и могуч, капитализм исторически обречен, а при социализме и тем более при коммунизме, все захотят знать язык, на котором говорил Ленин.

Наши умельцы подковали аглицкую блоху, изобрели паровоз, радио и все остальное раньше всех в мире, а наши ученые самые гениальные. Не то, что всякие заграничные философы, генетики и

кибернетики. И вообще мы рождены, чтоб сказку сделать былью, преодолеть пространство и простор, потому что нам разум дал стальные руки-крылья, а вместо сердца пламенный мотор.

Получалось, что наш советский народ самый умный, самый талантливый и самый добрый. Он готов пойти воевать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать. Как говорят в геометрии – что и требовалось доказать.

Жадные капиталисты не только заставляют работать на себя и малых и старых, но еще угнетают всех и даже убивают негров и других людей. Этакие мерзавцы! А мы еще в детской книжке с картинками читали: «Как у черненького братца / Волосенки не ложатся / Завиваются в колечки / Словно шерстка у овечки». Такие славненькие черненькие братцы, а проклятые буржуи – американцы негров линчуют! И индийцев очень жалко. Вот наш прекрасный поэт Демьян Бедный про арию индийского гостя из оперы «Садко» сказал так: «Пусть визжат театральные психопатки / Пусть кричат напудренные сопатки / Дивно! Дивно! Дивно! / Мне эту арию слушать будет противно…» И дальше объяснил, что видеться ему будут не алмазы, которых не счесть в каменных пещерах, а индийцы-узники в каменных пещерах сырых и мрачных.

«В Пекине люди из разных стран / В Пекине много красивых улиц / По улицам долго бродил Ли Чан / Голодный китайский кули». И китайцев очень жалко.

Мы знали, что все люди равны и должны быть свободными. Ведь все люди братья и совсем неважно, какого цвета кожа, на каком языке говорят.

Бога нет, царя не надо. Долой, долой монахов, долой, долой попов! Мы на небо залезем, разгоним всех богов. И на горе всем буржуям мировой пожар раздуем.

А если завтра война, если завтра поход, если темная сила нагрянет, как один человек весь советский народ за советскую Родину встанет. Ведь как невесту Родину мы любим, бережем как ласковую мать. Победа будет за нами. Враг будет разбит.

И пусть знает капиталистический трутень, что тем наш день и хорош, что труден. Трудности неизбежно встречаются, но они временные. А успехов так много, что иногда случаются головокружения от успехов.

Грянула великая война, и хотя все народы равны, но немцев, родившихся и живших в нашей стране, оказалось необходимым сослать поголовно. И заодно других, тех, что произошли от народов государств, напавших на нас вместе с Германией. Все народы конечно равны, но нет правил без исключений. Погнали в ссылку еще людей восьми национальностей, хотя они и их предки

всегда жили на просторах нашей Родины чудесной, хотя они наши сограждане и трудились и воевали вместе с другими нациями. Жаль, но ведь нагрянула темная сила, и стал очень важен пятый пункт в анкете.

Война окончилась, враг был разбит, штамповка продолжалась. Новые враги, новые временные трудности, новые достижения и нескончаемые надежды. Все дороги ведут к коммунизму. Но только многовато накопилось исключений из правил и оказалось, что за морем житье не худо и появилось немало «хомо советикусов» сопротивляющихся штамповке. Захотели жить своим умом. Возомнили о себе, стало быть.

Но не беда – старая добрая штамповка еще неплохо действует. И врагов, которые хотят нас сломать, видно невооруженным глазом. Это, конечно, американцы, сионисты, масоны. А позже наши буржуи, повылезавшие изо всех щелей, оказались вреднее и противнее заграничных.

Память сохранила такие солнечные приятные дни. Тогда мы были молодыми… Трудности были временными и не очень большими, а дружба народов такой сердечной… И так хочется вернуть молодость.

Хочется порядка. Порядка хотелось всегда. Еще Петр Великий обещал – «Порядок вам я дам / И тотчас за порядком / Уехал в Амстердам». А порядка нет как нет.

Хороша пословица – в России чтут царя и кнут. Мало чтут!

Все изменяется в подлунном мире, и штамповка обновилась. Стали нам постоянно напоминать, что надо пуще всего гордиться своей нацией. Неважно, что тебя сделали папа и мама, а твоя заслуга в этом незаметна. Гордись папой и мамой.

Появилось телевидение. Тоже, кажется, изобрели наши люди. Сбылась мечта плебеев древнего Рима о хлебе и зрелищах. Правда, наполовину. Зрелищами нас обеспечили полностью. Штамповать стало легко и просто. С утра до вечера слышим, что Россия щедрая душа, что, как и раньше, никто на свете не умеет лучше нас смеяться и любить. И даже водку пить русский умеет лучше всех. Ведь недаром появились пословицы – кто пьян да умен два угодья в нем, и что русскому здорово, то немцу смерть. Если же ты не русский, то все-таки россиянин и это очень важно и хорошо.

Страна наша велика и обильна. Вот если бы был порядок, то турнули бы кавказцев, азиатов и вообще разных. Это очень убедительно. Народ наш талантливый, трудолюбивый, в стране много лесов, полей и рек, да еще без числа драгоценных ископаемых и люди должны жить очень хорошо. Почему-то живут бедно, болеют часто, рано умирают. Кто виноват? Не

правительство же, в самом деле!

Еще при царе солдатикам объясняли, что враги отечества это – студенты, жиды и все, которые в очках. Теперь многие сами знают, что виновато не правительство, а вот эти самые, которые, да еще международный заговор. А правительство наше без Бога не до порога, поэтому Бог всегда должен помогать именно ему, нашему народу, нашему правительству, а не другим. И правительство обещает, что, даст Бог, через сколько-то лет догоним Португалию. Но мне неясно – будет ли Португалия стоять на месте, дожидаясь нас.

Помните? Хотели догнать и перегнать Америку? Жаль, что в тот раз догнать не удалось.

Но не страшно. Зато теперь праведникам царствие небесное обеспечено. Кому через двадцать лет, кому раньше, некоторым позже. Ведь недаром Россия – щедрая душа.

Голосуй, не голосуй…

Поэт сказал: «Мной овладело беспокойство / Охота к перемене мест / Весьма мучительное свойство / Немногих добровольный крест». Наступила пора выборов, и мной, а также миллионами сограждан тоже, овладело беспокойство и охота к перемене. Не мест, но качества жизни.

Многие из тех, что живут недурно, убеждают других и себя, что все идет закономерно, революции – бяка, а умный наполеоновский министр Талейран был прав, что после революций должна наступать диктатура. Но это не страшно. И при диктатуре можно жить неплохо. Опыт накоплен и не так страшен черт, как его малюют.

Совесть, конечно, есть у всех. В каком-то объеме. Одним она не дает покоя, толкает на рискованные поступки. Других не толкает, но портит им настроение. Им морально тяжело, когда другим плохо. А третьим не мешает. Эти резонно утверждают, что во все времена были счастливые и несчастные. Главное быть здоровым и богатым. Многим это удается. Наиболее достойные по праву владеют заводами, домами, пароходами… Совсем как мистер Твистер из детской сказки. Остальных господин Ваучер обеспечил двумя «Волгами» каждого. «Волги», правда, оказались виртуальными, зато заводы-пароходы священные и неприкосновенные. Появились нынче элитные люди. Сказка стала

былью. А недавно элитными называли некоторых баранов и других четвероногих.

Миновали годы, когда заводами, пароходами, реками, недрами и человеческими душами в придачу, управляли старики, вооруженные знанием диалектического и исторического материализма. Управляли по способностям, а так называемыми привилегиями пользовались по потребностям. Пользоваться удобно, но гораздо лучше владеть и распоряжаться. Виллами, мерседесами, бассейнами с подогревом на свежем воздухе и разными другими мелочами жизни. Это удобно и полезно. Себе на радость, другим на зависть, что тоже приятно.

Ужасный рабовладельческий строй нравился не только господам. Немало рабов с удовольствием жевало свою жвачку. Спокойнее жить без разных мыслей. Как хороша рекомендация старой студенческой песенки: «Остановись прохожий / Открой глаза, / И ты увидишь / Что все мы ЗА».

Телевидение и бумага, которая все терпит, методично впаривают радужные надежды желающим. Есть, конечно, недоверчивые. Они либо участвовать в выборах не хотят, либо голосуют против всех. Между тем, известно, что выборы не только прямые и равные, но, главное, тайные. Случается, и голоса подсчитывают тайно. Как к выборам относиться? Быть может, попытаться обобщить то, что знаешь, и набросать простенькую схемку? За всеобъемлющую схему браться не надо. (Пусть такими делами занимаются Маркс, Солженицын и некоторые другие). Сделаем попытку.

Большинство царей и все вожди искренне любили власть. Можно сказать, до боли сильно. И, естественно, старались ее укреплять и расширять. Нередко с ужасающими результатами. На кой черт было Николаю затевать войну с японцами? Да еще на чужом поле, как говорится. Получил одну революцию. Не угомонился и влез в войну с двоюродным братом. Получил вторую. С гражданской войной в придачу. Погубил свою семью и миллионы людей.

Гитлер захотел стать властелином мира – погибли миллионы. В том числе немцы. Между прочим, клялся их осчастливить, и они за него голосовали.

Наш генсек, в согласии со своими коллегами-стариками, погнал армию в Афганистан. Погибли сотни тысяч афганцев, хотя они прежде никогда воевать с нами не собирались. Страну разорили. Наших солдатиков много тысяч погибло. Такой вот получился интернациональный долг.

Однажды нашему народу привалило неожиданное счастье. Сказочное наследство – неограниченную власть получил Михаил

Сергеевич. Ему бы, прежде всего, власть укрепить, а он попытался поймать синюю птицу – всеобщее благоденствие. Получилось, как у ученика чародея. Вызвал таких монстров, что они его свергли. Правда, и несколько раньше простые люди замечали, что он склонен к фантазиям. Однажды, к примеру, порекомендовал конструкторам и инженерам делать такие автомобили, чтобы они были лучше импортных. Та еще задачка. На заводе рабочему как-то задал вопрос – согласился бы тот работать на капиталиста? Надеялся, что работяга против эксплуатации. Оказалось, что рабочему размер зарплаты гораздо важнее, чем теория прибавочной стоимости. Не повезло Михаилу Сергеевичу. И, что важно, наследничка себе не подготовил.

То ли дело Борис Николаевич! Для начала почти всех убедил, что желает всеобщего равенства и братства. Для убедительности ездил на трамвае в районную поликлинику к простым врачам. Как все. Но тем временем решал главную задачу – стать самодержцем. На манер царя всея Руси. Чтобы это получилось, предложил своим провинциальным братцам соблазнительный вариант: берите власти сколько сможете! Идея немедленно овладела сознанием номенклатурных масс. Появилось множество министров, депутатов, генералов, послов и миллионеров. Попутно также взяточников, мошенников и киллеров. Одним словом, элиты. Поначалу народ все-таки обрадовался. Понадеялся, что нашлась короткая дорожка к всеобщему счастью. Голосовал и за сохранение нерушимого Советского Союза, и за его ликвидацию.

С достижением всеобщего счастья, правда, получились затруднения. Чтобы не было сомнений в том, что это временно, Борис Николаевич однажды пообещал, если что – на рельсы лечь. Но ведь мы же не людоеды какие-нибудь. Так что можно не ложиться.

Многое Борис Николаевич делал отлично. И извинялся перед людьми в особых случаях. А во время выборов вместо того, чтобы взять бюллетень и сердечко подлечить, для общего удовольствия на эстраде с молодежью отплясывал. Твист, кажется.

Позже выяснилось, что Борис Николаевич материалист не в философском смысле. Мода на материалистов-атеистов прошла. А нынче не материализм, а материальные ценности надо уважать. Не забывать о помощниках, родственниках и близких. О семье, одним словом.

Бывшему президенту пенсию назначил. Скромненькую. Элитные пенсии позднее завели для особо достойных.

Утомившись от трудов праведных, подобрал себе наследника. Исключительно удачно. Наследник тверд в том, что демократией

надо управлять. Не забывать поворачивать дышло закона в нужном направлении. Знает, что главное из искусств сейчас вовсе не кино, а телевидение. Оно любому другому искусству даст сто очков вперед. Большие войны – занятие для идиотов. Наука и техника в наше время к ним не располагает. А маленькая война, так сказать вялотекущая, это вроде как пиявки для гипертоника. Кровь, конечно, отсасывается, но не слишком много. Зато организм взбадривается. Некоторые умные люди даже говорили, что война такого сорта укрепляет и оздоровляет армию.

Схемка получилась, пожалуй, слишком простая. Я слышал, будто Эйнштейн предупреждал, что все следует объяснять максимально просто, но не слишком просто. Увы, это очень трудно.

В природе дураков, вероятно, больше, чем умных. Нельзя исключить, что выбор может получиться соответственный. Такое случалось.

Голосовать все-таки хочется. Хотя голосуй, не голосуй…

Северяне

Отец приехал из командировки в Архангельск, он был лесником, там, в области, строили какие-то лесозаводы, поэтому он ездил на Север часто. Он рассказал, что в архангельской гостинице, отапливаемой печами, рано утром по коридорам бегал истопник, разнося охапки дров, и громко при этом декламировал: «Р-раньше можно было / А теперь нельзя! / Р-раньше можно было / А теперь нельзя!».

Хотя истопник не объяснял, что было можно и что нельзя, но отец полагал, что он из раскулаченных. Отец делал попытки с ним поговорить, давал закурить, но истопник молчал. Похоже было, что он пострадал психически.

Возвращаясь из очередной командировки, отец непременно вспоминал об истопнике и говорил: «Кричит „Р-раньше можно было… А то как же, цел мужик“». Потом он приехал и сказал, что истопник исчез, куда, неизвестно. Судьба и внешность этого человека были мне неведомы, однако образ глубоко проник в память и остался в ней на всю жизнь, так же, как черты товарищей отца, с которыми он познакомился на Севере, приезжавших изредка в Москву и останавливавшихся у нас.

Иосиф Николаевич работал директором лесозавода.

Светловолосый, с обветренным лицом, молчаливый, основательный, он был такой, каким обычно представляют северян. Они с отцом любили попить чайку, конечно, из самовара. Покурить. Еще Иосиф Николаевич уважал пуншик. Так ласково он называл крепкий чай с доброй добавкой русской горькой. Иногда он разбегался что-то сказать, однако после «так сказать…» останавливался. Да и это «так сказать» он произносил скороговоркой. Быть может, наедине с отцом он не был столь лаконичен.

Биография у Иосифа Николаевича сложилась нестандартная. В гражданскую войну партизанил на Севере против англичан, был командиром. Англичан прогнали. Его наградили орденом Красного Знамени. Единственным в те годы орденом. Однако награду принять отказался, так как на предложение ехать в дальние края продолжать воевать против белых ответил: «Мы выгнали, пускай те сами выгоняют». Позднее стал членом партии, но орден так и не принял, счел неудобным. Учился в Промакадемии. Женился в партизанскую пору на Юзефе, Юзефе Доминиковне, она тоже была партизанкой. Ладно прожили всю жизнь. Он молчал, а Юзефа Доминиковна говорила за себя, за него и еще дополнительно. Их старший сын Шура учился в Москве в Военном авиационно-техническом училище. Внешне был похож на отца. Он частенько заходил к нам, когда бывали увольнительные. Он был на несколько лет старше меня, но относился ко мне внимательно. Случалось, болел за меня, когда я играл в шахматном блиц-турнире в Парке культуры. Я сыграл удачно, и он был доволен. Дважды мы побывали в театре «Ромэн». Там в спектаклях выступали очаровательные молоденькие артистки. Шура сказал, что надо попытаться познакомиться, но, подумав, авторитетно добавил, что мне рано.

Другой северянин – Иов Иванович – хоть и был настоящим помором, но говорил не умолкая. Он был шумлив и добр. Во время всесоюзной переписи населения, когда почему-то национальность предлагали выбирать по вкусу, он сказал: «Пишите меня норвежином».

Записали. Иов (отец называл его Ёва) говорил, что дед его был норвежином. Вероятно, так и было. Норвежские рыбаки и моряки общались с поморами. Что же касается слова «норвежин», то оно в Ёвиных устах никого не удивляло. Он говорил «диаграфма», вместо диафрагмы, хотя в царской армии служил фельдшером.

В преддверии ежовщины такой выбор национальности мог сыграть роковую роль. Однако пронесло.

Василий Михайлович, тишайший бухгалтер, сказал своей

жене: «Не плачь, я все знаю». Он незадолго до этого приезжал в Москву на операцию. Его вскрыли, обнаружили рак, операция запоздала. Ему, как водится, сказали, что все в порядке. Жене сказали правду. Она ухаживала, а Василию Михайловичу становились все хуже. Трудно стало есть, а вернее сказать, принимать пищу. Однажды он отказался от теплого молока, а жена отошла к окну, укрылась за длинной занавеской и тихонько заплакала. До этого Василий Михайлович делал вид, что он про смертельную болезнь ничего не знает. Быть может, думал, что жене от этого легче. Наверно, мало кто способен на такое мужественное поведение.

Голос у Василия Михайловича был такой, будто он опасается побеспокоить собеседника. Говорил он немного. Иногда с интересом слушал меня, мальчишку. Спрашивал о школе, о спорте, о шахматах. А глаза были внимательные, серьезные. Вот только цвета их я не запомнил.

А взгляд врезался в память. Умный и добрый.

Социал-демократы

Приятель, а может быть, друг отца не часто, но регулярно навещал его. Это был седой человек с аккуратным пробором, слепой на один глаз. Он пострадал от казачьей нагайки в 1905 году, во время революционных событий, в которых принял участие. В эмиграции, в Париже, он овладел французским языком. Я знал, что в прошлом он был социал-демократом, то есть меньшевиком, что в Париже ему довелось слышать Ленина, который выступал на французском. С отцом он тихо общался за чаем. О чем они говорили, я, естественно, не знал. Отца политика не интересовала, он к ней относился весьма скептически. Отец звал своего товарища Исаем, а отчества я не помню. Со мной он разговаривал, понятно, очень редко. Мне казалось, что он вообще любил больше слушать. Говорил же тихим голосом и слегка невнятно.

С юных лет меня учили, что есть генеральная линия партии и есть уклонисты. Меньшевики – правые уклонисты. А на вопрос, какой уклон хуже – правый или левый – следовал остроумный ответ: оба хуже.

Как-то Исай поговорил со мной. Я затронул вопрос о социализме.

– Да какой же это социализм? – неожиданно четко и твердо сказал он. – Это же государственный капитализм, да еще в примитивнейшей форме.

Мои представления оставались каменными, а этот разговор был каплей информации. Из тех капель, которые точат камень.

Другой знакомый мне бывший социал-демократ отцовского возраста был просто соседом. До революции он был активен, потом бежал от тюрьмы за рубеж, а после революции стал беспартийным и честно прослужил на заводе экономистом до преклонных лет. Он держался с достоинством и если говорил, то тоном, требующим уважения. Как-то мне, нетерпеливому, он рассказал, как Моисей-пророк сорок лет вел свой народ из египетского рабства в землю обетованную. Вел так долго, хотя путь был недалекий, потому что не хотел, чтобы рабы вступили на землю обетованную. А за сорок лет появилось поколение, рожденное свободным.

По-своему Моисей был прав. Ведь он был пророком и сорок лет для него – очень краткий исторический период. Но евреям в пустыне все эти сорок лет было очень плохо.

В 1960 году современные пророки тоже обещали рай на земле – коммунизм. Через двадцать лет. Привлекательней, чем обещание Моисея.

Однако по объективным причинам дело ограничилось проведением в 1980 году Всемирной Олимпиады в Москве.

Олимпиада прошла и закончилась, и со стадиона в Лужниках улетел на воздушных шариках ласковый Мишка, плюшевый медвежонок, трогательный символ Олимпиады. И больше не бродит по Европе призрак коммунизма.

Творческий интеллигент

Прекрасным человеком был Литератор. Жадным до впечатлений, до людей. Смолоду увлекался девушками-продавщицами. Особенно из молочных магазинов. Кожа у них такая беленькая, прямо светится. Интровертом он не был. Делился своими впечатлениями с друзьями-литераторами. Они обменивались телефончиками, записанными в книжечки в мужском роде. Полезная предосторожность против досужих и любопытных глаз.

Когда Литератор стал солиднее, но еще не настолько, на

сколько он хотел, он отпустил бородку. Она его украсила и доставила массу приятных хлопот. Бородка неуклонно подрастала, и все время можно было варьировать ее форму. Для себя, конечно, потому что друзья имели свои бородки, усики, трубки, наконец, и им было наплевать на чужие бороды. А девочки из молочных магазинов с каждым десятилетием становились прогрессивнее в вопросах эстетики, и они одобряли разные формы.

Чудесница-природа с удивительным и непонятным для великолепной волшебницы постоянством каждый год показывала известный всем, но тем не менее поразительный фокус: от зимы оставались маленькие кучки грязного снега, солнце и оконные стекла вдруг начинали сверкать, а люди становились пьяноватыми, беспокойными, наполненными сладостной тревогой и склонными к суете. Они радовались. Радовался со всеми и Литератор. Он, как инженер человеческих душ, лучше простых современников понимал, что прошел целый год, что написанного и напечатанного в прошедшем году мало и не то. Всего два сценария, по которым никогда не будут сняты фильмы. Долгов у него, слава Богу, нет. Дети подросли и поумнели. Но весна напоминала ему о тех надеждах, которые он подавал. Весна теснила и гнала из сознания что-то сварливое и брюзжащее, напоминающее о том, что он ежегодно менял надежды на авансы.

– Черт подери, – нежно думал Литератор, – как прекрасна жизнь! И поливал при этом кактусы. Это его очень развлекало.

Когда финансовые дела инженера душ пошли хорошо, он купил себе автомашину. Приобретя квалификацию плохонького шофера, стал себя глубоко уважать.

– Человек – это звучит гордо! – думал он, сидя за рулем машины, надраенной до зеркального блеска. Негритенок на ниточке, украшавший машину спереди, в двадцати сантиметрах от его носа, улыбался ему, скалил белые зубки, а за спиной, на полочке за задним сиденьем, лежал грозный полосатый тигр. Он жмурился, как живой.

Литератор поглядывал на прохожих. Некоторые девушки улыбались ему. Некоторые мужчины прищуривали глаза, как тигры.

Годы бежали, дети умнели, друзья собирались и обменивались не только впечатлениями, но часто и воспоминаниями.

В свободное от ухода за машиной время Литератор переключался на домашнюю работу. Если кто-либо заставал его подле стиральной машины или с пылесосом, он горестно и почти трагически вздыхал и сообщал четким шепотом: «Вот видишь, все

приходится делать самому…». Как тут не посочувствовать: человек подает большие надежды, красив и умен, а приходится убирать, стирать, мыть машину… Когда же писать? Надежды, надежды… Исчезали домработницы, это была серьезная социальная проблема.

Природа, не переставая, делала свои извечные фокусы. Дети стали взрослыми, а Литератор получил приличную в те времена пенсию.

Это история со счастливым концом. Он долго жил и умер при социализме. И тогда многие умные женщины говорили: «Как жаль его жену. Каким он был удивительным мужем. У них была светлая любовь».

Говорили и утирали искренние слезы. Слезы тоже подают надежды.

В гостях

Вместе с женой и ее родителями попал я в гости к соседям по даче. Хозяйка – женщина высокого интеллектуального и социального уровня. За столом сидели также пожилой архитектор с супругой. Он был молодым доцентом. Молодым не по возрасту, а по стажу, так как немало лет провел в лагерях, как контрреволюционер, хотя оным не являлся. Такой был своеобразный обычай в нашей солнечной стране. Жизненным опытом в экстремальных ситуациях он превосходил всех сидящих за столом. Архитектор солировал, и ему внимали. Он рассказал, как ему довелось сидеть некоторое время в изысканной компании. Там были настоящий император, император Манчжурии Пу И, личный врач Гитлера доктор Хазе, какой-то профессор-медик из Москвы и всамделишный йог высокого ранга.

Архитектор рассказал, как йог потрясал остальных. Он умирал, а позже воскресал. Медики свидетельствовали, что смерть была настоящей. А йог утверждал, что он может жить сколь угодно долго. Супруга архитектора сказала, что она верит в бессмертие души, верит потому, что непонятно, как это вдруг может закончиться жизнь.

Я исправно пил чай, что-то жевал и помалкивал. Но в йога я все-таки не поверил. Почему? Потому что архитектор из кожи вон лез, чтобы говорить роскошным русским языком, но произношение у него все-таки было харьковское.

Меня можно упрекнуть в отсутствии логики. Напомню примерный диалог бравого солдата Швейка со следователем. Следователь говорит: «Вы обвиняетесь в государственной измене». Швейк отвечает: «А у меня писчебумажный магазин». Следователь: «А это не доказательство». Между тем, прав был именно Швейк. Но если меня упрекнут в том, что я упертый материалист, я не стану возражать. Как говорится, «чего есть, того есть».

Фантазия о гуманисте

Однажды я придумал, будто бы существовал писатель-гуманист. Он написал роман о еретике, которого сожгли на костре. По началу этот еретик был славным парнем, потом испортился и его заподозрили в связи с нечистой силой, потому что вместо слова Божьего он стал распространять странные бредни, будто вселенная не имеет ни начала, ни конца и другие в этом же духе. Честные простые люди разоблачили еретика. Пришел день суда и его решили сжечь. На городской площади собралась толпа. Одни радовались, что сожгут еретика, другие сомневались в том, что он еретик, но радовались что жгут не их самих, а другого. Благоразумные люди давно заметили, что хотя жгут регулярно, но не всех сразу. Те, что печалились, не подавали вида. Боялись. Мать бывшего славного парня ничего уже не боялась и голосила. Ей было безразлично, какого размера вселенная, все равно материнское горе было больше. В толпе было немало матерей, они ее понимали, многие сочувствовали, но помочь не могли. А власти не мешали матери голосить, потому что от этого казнь становилась поучительней. Власти свое дело знают, для этого большого ума не надо, хватает хитрости. Жестокость, правда, необходима.

Придуманный писатель так впечатляюще описал сожжение, что, казалось, будто бы он лично раздувал огонь. Очищенная огнем душа еретика, бывшего славного малого, улетела ввысь, вместе с языками пламени… Толпа разошлась. Все были обуреваемы разными думами и переживаниями. Мать была безутешна, и писатель ярко и правдиво рассказал о ее горе. И убедительно доказывал, что еретик получил по заслугам. И это справедливо, хотя его родила добрая женщина. Ее можно жалеть, но еретика надо проклинать.

Такого рода писателей и их читателей-почитателей кое-кто находит гуманистами.

Старики

У ступенек молочного магазина на моей родной улице встретились два человека. В годы моего детства здесь был магазин канцелярских товаров. Дух замирал от обилия цветных карандашей, кисточек, красок, перышек, циркулей и множества вещичек неизвестного назначения. Когда-то и эти двое, старики, были бодрыми, молодыми жителями нашей улицы. Я, вероятно, встречал их, даже не раз и не два. Но тогда они были мне глубоко безразличны. Прохожие какие-то, да и только.

– Сколько лет, сколько зим! – восклицает прямой и массивный старик. У него басок, с повелевающими нотками. Вероятно, главный в своей семье.

Другой сгорблен. Позвоночник согнулся, будто вопросительный знак. Взор замкнут. Вероятно, у него что-то неотступно побаливает внутри, выключает внимание от происходящего вокруг. Знакомый голос выводит его из оцепенения, он поднимает голову, не разгибая скованной спины. Вдруг глаза его оказываются голубыми с молодым блеском. Неожиданно.

– Да, вот уж я, по хозяйству, в магазин, – указывая на хозяйственную сумку, говорит он немного виновато. И всем видом старается дать понять, что он бодр, как в те годы, когда я его не замечал. А если увял и согнут – это как бы понарошку, а на самом деле такой, как всегда, наперекор времени.

И мне, быть может, невпопад, вспоминаются слова песни: «Мы кузнецы / И дух наш молод / Куем мы счастия ключи…». Ковали, ковали… Всю жизнь.

Автомобильчик

Однажды я вообразил себя автомобильчиком. Качу себе по свободному шоссе, ни быстро и ни медленно, никто не мешает.

Позади остались перекрестки, светофоры, машины, пешеходы… По сторонам приятный пейзаж – рощи, лужайки, поля. Солнышко ласково светит, свежий легкий ветерок. Дыши и радуйся. Взглянул на приборную панель. Так и знал – бензина осталось совсем немного. Вспомнил вопрос вождя знаменитому летчику, когда тот собрался лететь через Северный полюс в Америку: «А бензина хватит?». Самолет, наверно, жег не бензин, а керосин… Впрочем, какая разница. Всегда есть сомнение – хватит ли бензина. Быстрее ехать уже очень нелегко. Моторчик поизносился. Да и остальные агрегаты уже, увы… Были в прошлом ремонты. Капитальные и текущие. А в остальном все-таки хорошо. Порой даже просто отлично. Замигал предупредительный сигнал. Бензина осталось совсем немного. Хорошо, если прибор неточен и показывает, что бензина меньше чем на самом деле. А если на самом деле вовсе меньше? И начинает казаться, что пейзаж по сторонам не такой уж радостный, что лучше бы солнышко светило поярче, а не пряталось за облаками. Наверно было бы веселее, если бы все-таки иногда встречались другие машины и пешеходы.

Мало новых впечатлений и остается вспоминать прошлые мгновенья. Да, были сложности, были огорчения, но совсем не думалось о том, что может не хватить бензина, и так приятно было иногда мчаться с большой скоростью, так чтобы ветер свистел, и на душе становилось весело.

Бензин убывает, а по дороге ни одной заправочной станции. Нет, и не предвидится. И моторчик чихает время от времени.

Я перестал воображать себя автомобильчиком и решил, нечего думать о бензине, все равно надо ехать, не снижая скорости до момента, когда приборчик просигналит: «Приехали!».

Лестница

Восемнадцать ступенек вверх по лестнице. Слева перила. В конце они загибаются к двери нашей квартиры. Лестница пройдена. Площадка. Еще одна ступенька перед дверью. Я звоню, но никто не отвечает. Я поднимаюсь на ступеньку перед дверью и сажусь на перила. У меня нет ключа, мне мало лет и доверять мне ключ нельзя. Я сижу и жду маму. Может быть, она скоро придет, а может быть, и не очень скоро. Наверно пошла в магазин, покупать продукты. Возвращаться во двор, где я гулял, неохота. Двор –

колодец между высокими домами, пыльный серый асфальт. Он невелик, но играть в лапту можно.

Можно играть в классы и другие незамысловатые игры. Еще можно прыгать через веревочку. Мальчишки постарше играют в расшибалку или пристеночек, такие игры с мелкими монетами. Иногда дворник дает счастливчику резиновый шланг, ребята его называют кишкой, полить асфальт. Через минуту другую счастливчик окатывает струей воды других ребят, они визжат, дворник ругается, или делает вид, что сердится. Получив удовольствие, счастливчик удирает. Часто просто нечем заняться, и тогда двор становится противным, а помойка, кирпичное сооруженьице под железной крышей, противно воняет. На стене дома во дворе висит доска. Половина красная, другая – черная. На красной половине фамилии тех, кто исправно платит за квартиру, на черной фамилии должников. В нашем подъезде на стене справа от лестницы тоже висит доска. На ней написаны номера квартир и фамилии ответственных съемщиков. Фамилии обыкновенные, но одна непонятная – Болдано. И никто, наверно, не знает и не может мне объяснить, что это значит. А я и не спрашиваю.

В основания лестничных ступенек вмурованы желтые металлические колечки. Латунные, а может быть, медные. Когда-то давно на лестнице лежала ковровая дорожка, а продетые в колечки стержни прижимали ее. А теперь ступени голые, из какого-то желтого камня. Потертые. Все это знакомо мне до мелочей и неинтересно. И я скучаю. Скучаю и думаю, что вот придет мама, откроет дверь, и мы войдем в квартиру, я чем-нибудь займусь. Потом, через неделю или, может быть, раньше или позже, наступит другой день, и я опять буду сидеть на перилах и ждать маму. От этих мыслей мне нисколечко не становится весело.

Десятки лет прожил я в этой квартире, потом переехал. Пролетело еще много лет и как-то, случайно, проходя мимо, я заглянул в подъезд. Дверь моей бывшей квартиры оказалась другой, железной, запертой наглухо.

Прошла жизнь. Довольно долгая. Были разные занятия. Интересные и неинтересные. Были ожидания. Что-то сбывалось, что-то не сбывалось. Случались дни радостные и печальные. Латинское предупреждение «мементо мори» (помни о смерти) приобрело прямой смысл. Мамы давно нет в живых. Никто не придет и не откроет дверь. Понятнее стала поговорка: все из рук валится. А мысли все чаще бегут в прошлое. Все проходит. Это ужасно, но не очень.

Вещи

Я очень долго не заходил в универсальные магазины. Да и вообще в магазины, можно сказать. Сиднем сидел на даче, жена привозила продукты, готовила. Одна машинка стирала белье, другая мыла посуду, а я развлекался, забивая гвозди, иногда пилил или строгал электроинструментами, передвигал мебель, слушал радио, выбирая не слишком ангажированные радиостанции, посматривал телевизор, не слишком возмущаясь, но часто с презрением. Читал разное, играл в шахматы с умной машинкой. Шахматы удивительно помогают забывать обо всем на свете. Даже забываешь, что хочется есть, когда обед еще не скоро. Иногда что-то сочинял, тыкая пальцами в клавиши пишущей машинки, а позже компьютера. Гулял, по утрам регулярно делал зарядку. Одним словом, коптил небо.

Я знал, что построены и строятся супермаркеты, мегамаркеты, гипермаркеты и тому подобные цветки нефтяного бума. Однако, когда я попал с супругой в новый шикарный и неправдоподобно для наших географических широт начисто вылизанный грандиозный магазин, прокатился по этажам на роскошном эскалаторе, с которого не хочется сходить (додумались даже до подогрева поручней!) и на каждом этаже узрел бесконечное разнообразие красиво выставленных вещей, то невольно подумал – а зачем такая никчемная красота? Такая прорва труда затрачена на создание бесчисленных форм разных бесполезных безделушек. И все эти изощрения направлены не на решение простых и необходимых задач, а для того чтобы покупатель получил удовольствие на манер пещерного человека, когда тот рисовал на стенах пещеры или разрисовывал свое тело. И снова я вспомнил слова одного литературного героя: никчемная красота – воображение идиота! Вот если бы весь труд, затраченный, на мой взгляд, понапрасну, был обращен на простые жизненно необходимые цели… Мысль рациональная, но никому не нужная, и почти для всех смешная.

И у меня дома прорва разных вещей, без которых можно было бы прекрасно обходиться. И лежат они часто не там, где мне хочется, и приходится их вечно искать, находить, перекладывать, все запоминать и постоянно забывать… И нет силы от этой прорвы ненужных вещей отказаться.

У меня был знакомый – интеллигентный пожилой человек.

Он регулярно приходил в шахматный клуб, чисто выбритый, очень аккуратно одетый, вежливый и немногословный. Когда он передвигал фигуры во время игры, заметно было, как аккуратно подстрижены и ухожены его ногти. Юрист по профессии, он дважды в неделю безвозмездно консультировал членов клуба. Однажды мы узнали, что он покончил жизнь самоубийством. Выбросился из окна. Известны стали некоторые детали. В его комнате нашли идеальный порядок. На столе лежали квитанции об уплате до конца месяца за квартиру, за телефон, за электричество… Все на своих местах.

Прошло много лет, но я не забыл о том случае. И полезли в голову какие-то ассоциации. Вот когда едешь в поезде дальнего следования, и до места назначения остается какой-нибудь часок, начинаешь укладывать вещички в чемодан. Все собрано и это приятно. Или лежишь в больнице, и все твои вещички свободно помещаются в одной тумбочке. Так просто иногда освобождаешься от тирании вещей.

Очень хочется навести порядок, разложить бы все вещи раз и навсегда по местам, в комнатах, в гараже, в сарае… Увы. Это не намного легче, чем выброситься из окна.

Сухой остаток

Окончился восемьдесят второй год моего пребывания на этой любопытной планете, близок час расставания с ней. Обычай исповедоваться перед кончиной представляется заслуживающим внимания. Однако я так устроен, что вываливать все свое сокровенное, то, что накоплено в памяти и надежно хранится в моей черепной коробке, у меня нет желания. С самого детства я не любил отвечать на вопросы, не вызывающие удовольствия. Хотя есть, конечно, люди, испытывающие некоторое удовлетворение от своей безграничной откровенности. Это не удивляет меня нисколько. Ведь существуют эксгибиционисты, и даже мазохисты.

Человек исповедуется и надеется, что его опыт в чем-то поможет идущим на смену поколениям, поможет постичь смысл жизни. И люди будут больше уважать за искренность, за самоотверженность. Эти мотивы моим пером не движут абсолютно. Иные надеются, что исповедь поможет попасть в рай или же удачно перевоплотиться.

В рай я не имею шансов попасть по двум причинам. Во-первых – грешен. Во-вторых – не склонен допускать его наличие.

Посмотрев однажды на свои фотографии в трехлетнем возрасте, двадцати четырех лет и семидесяти четырех лет, я пришел к выводу, что моя душа уже переселялась из одной оболочки в другую, совершенно непохожую.

Мне три года

Семнадцать лет

Поиски смысла жизни меня не привлекают. Герой одного анекдота, старый кочевник, как-то не спеша, рассказывал о караване молодому: «Шел один верблюд, шел другой верблюд, шло много-много верблюдов…». И далее в той же манере рассказал, как верблюды остановились, как справили затем свои нужды. Молодой спросил: «А в чем же смысл?». Старик ответил: «Смысла нет. Одно г…». Пессимистично, однако.

Не беспокоит меня и проблема уважения моей персоны после моего уравнения со многими неизвестными. (Эта математически точная формулировка вычитана мною давным-давно у Чехова.) Проблема коснется лишь близких родственников, да еще, может быть, некоторых знакомых. Стало быть, особого внимания не заслуживает.

Сознавая, что мой тон может не понравиться людям религиозным, а среди них уважаемых людей не меньше, чем среди неверующих, я приношу извинения и попытаюсь объяснить причины моего атеизма.

Я рос и воспитывался, приходил в сознание, когда

торжествовал лозунг: «Религия – яд! Береги ребят!». И вот большинство ребятишек искренне поверили, что Бога нет, есть одна природа. Не исключаю, что и мои гены виноваты. Ведь во все времена жили как истово верующие, так и убежденные атеисты.

Двадцать девять лет

Ровно пятьдесят

Дети верят взрослым, и с годами инстинкт веры в силы, находящиеся свыше, у многих не исчезает. И вот люди верят в идолов, в единого Бога, даже обоготворяют – кто царя, кто Маркса, Ленина, Сталина, Гитлера… Да кого угодно. Крепко запомнилась мне фраза из книжки отца кибернетики Норберта Винера: «…Марксизм, национал-социализм и другие религиоподобные системы». Поначалу я верил в науку наук. Однако наблюдения лукавства ее жрецов накапливались и появились сомнения в их эрудиции, уме. Некоторые постулаты этой науки наук при ближайшем рассмотрении оказались ошибочными. Иллюзии рассеялись. Другие религии или религиоподобные системы на смену не пришли. Ведь их пруд пруди, и адепты любой убеждены, что их вера лучше всех, единственно правильная. Картина абсурдная. Выходит, что «наша вера лучше всех» – это в лучшем случае самогипноз. А преследования иноверцев, убийства и войны на религиозной или квазинаучной почве просто ужасны и отвратительны.

Марксистская наука утверждает, что существовало первобытное общество, ему на смену пришло рабовладельческое,

далее феодальное, капиталистическое, и, наконец, наступает эра социализма. Мне кажется, возможно, и такое деление: сперва люди ели человечину, затем есть людей перестали, но просто убивали. Хочется надеяться, что настанет эра, когда перестанут убивать друг друга.

Сейчас, когда в нашей солнечной стране социализм перестал быть государственной религией, многие перестают верить в бога-вождя и обращаются к национальной традиции. Нередко, правда, по причинам карьерным и шкурным.

В прошлом нам твердили, что критика и самокритика суть движущие силы нашего общества. (Про повальное доносительство, как важную силу, в основном умалчивали.) Не желая оставаться однобоким критиком, перейду к самокритике.

У меня есть система поведения. Она меня устраивает. Однако если бы сверхъестественные силы предложили всем людям ею пользоваться, то многие миллионы людей пришли бы в ужас. Далеко не все убеждены, что трудиться надо непременно, а врать нельзя. Что ложиться спать надо не позднее полуночи, а вставать не позже восьми утра. Что, хотя Герман в «Пиковой даме» небезосновательно утверждает, что наша жизнь – игра, но игра обязательно должна быть честной. Многое, что мне по душе, позволяет считать меня педантом и даже занудой.

Роскошь в различных проявлениях – виллы, яхты и т. п. – заставляет меня вспоминать Остапа Бендера. Глядя на великолепие кавказского пейзажа, он изрек: «Никчемная красота, воображение идиота».

Поведение большинства мужиков довольно любопытно. Они из кожи вон лезут, чтобы подчеркнуть свое физическое, интеллектуальное, материальное и прочие превосходства. Причем нередко способами, лишенными здравого смысла. К примеру, часы за десять долларов показывают те же двадцать четыре часа в сутки, что и часы за сто тысяч долларов. В целом получается, что человечество во многом занимается мартышкиным трудом, а не борьбой с голодом, болезнями и так далее. Что лежит в основе такого мужского поведения? Вероятно, дурацкое стремление максимально распространить миллионы своих сперматозоидов. Казалось бы, пусть себе стараются и распространяют, все-таки требование природы. Но вот упорные попытки изменить мир, заставить силой стать счастливыми всех (кто при этом выживет!) – это просто подлая, кровавая и безнадежная авантюра.

Женщины лучше и тоньше чувствуют красоту, они сильнее любят детей, цветы и менее склонны к глобальным глупым затеям.

Пусть уж философы ограничатся попытками объяснять мир, а

не подзуживают изменять его силой. И не надо отнимать милости у природы. Это дело опасное. Лучше пользоваться милостями природы и науки с умом, осторожно.

Самокритично признаюсь, что мне очень не по душе убиение животных, птиц и рыб, но я, увы, совсем не вегетарианец.

Хочется надеяться, что будет расти число людей, приходящих в сознание. Однако по телевизору все время показывают многотысячные толпы людей, которые с наслаждением размахивают руками в такт каких-то вокальных и танцевальных упражнений, зачастую сомнительного качества. И тут на память невольно приходит анекдот. В кромешной тьме бегут-бегут сперматозоиды. Вдруг передний останавливается, поворачивается и кричит: «Товарищи! Нас предали! Мы в ж…!».

Прошу прощения за ненормативную лексику. Душой я с теми, кто ее не допускает, но надо признать, что доблестные борцы за свободу матерного слова успешно распространяют свое тлетворное влияние.

Что же остается в сухом остатке? Прописные истины, штампованные фразы, анекдоты, но, главное, еще личные воспоминания. Об учебе и книгах, о работе, об удачах и неудачах, о городах и весях, о реках, лесах, горах. О друзьях, которые уже ушли, но память сохранила их молодыми. О пожизненной Игрушке – шахматах. И, разумеется, о любви.

С М.М. Ботвинником в Югославии. 1988 г.

Давным-давно один мой товарищ, Олегом звали, сказал, что жизнь это форма существования белковых тел путем обмена веществ с внешней средой, однако неудачная форма. Согласиться не могу.

Уж какая есть. Мне больше нравится неопределенная, но лиричная сентенция героя одной советской пьесы: «Жизнь – это трогательная комбинация, мамаша…»

Один из героев романа Пастернака сказал, что ему не нравится постоянное ироническое самоподбадривание евреев. А, по-моему, ирония – это просто бодрость духа.

Все прекрасно, но если бы мне предложили прожить еще одну жизнь, я бы ответил: «Спасибо, но я уже удовлетворен».

4 июня 2003 г. День рождения

P.S. Мне не посчастливилось уйти из жизни раньше Леночки. Теперь я понял, что быть с ней и было смыслом моей жизни.

31 августа 2007 г.

Последнее слово

Я высказался по разным вопросам. Далеко не по всем, зато искренне. То есть не врал. Делал так потому, что говорить правду приятно. А если высказался не по всем вопросам, то этому есть причина. Ее я объяснил в раннем детстве родителям. Позволю себе несколько сентиментальных строк. Спальня родителей в нашей квартире была невелика, и пришлось расположить платяной шкаф так, что он загораживал часть большого окна. Образовался укромный уголок. Там я и уединился, сидя на широком подоконнике. Заметив мое отсутствие, родители обеспокоились и стали меня звать. Я молчал. Вскоре меня обнаружили и спросили, почему я не отзываюсь. Я объяснил, что был занят – считал про себя до тысячи. Родители высказали удивление тому, что я умею считать. А я объяснил, что я много чего знаю, но я «прячу».

Девятый десяток

Родители запомнили детали этого эпизода, я тоже долго его помнил. А теперь помню, что их помнил.

И теперь я кое-что знаю, но прячу. Почему? Просто надо иметь кое-что сокровенное. Убежден, что все делают то же самое.

***АЛЕКСАНДР РОШАЛЬ**: «Шахматное поколение, выросшее еще в предвоенных Дворцах пионеров, чрезвычайно сильное. И большую часть мы потеряли! А живых роднит, кроме прочего, высочайшая культура, и не только шахматная. Тут родство талантов при удивительной индивидуальности каждого. Яркого представителя этой близко знакомой мне плеяды – Михаила Бейлина, Мишу знаю очень давно и приятельствую, несмотря на разный возраст… Казалось, все о нем давно высказано и даже ему добавить будет нечего. Но не тут-то было! Выяснилось, что Бейлин чуть ли не тайком реализовал – и как! – свой литературный талант (при этом писал, сам признается, прежде всего для себя и своих близких). Я не мог оторваться от сотен страничек. Для меня это стало открытием новой литературы, и захотелось поделиться с другими читателями».*

Задняя сторона обложки

Михаил Абрамович Бейлин
Шахматный мастер и литератор, хорошо известный читателям шахматной литературы. Заслуженный тренер и заслуженный работник физической культуры России.
М.А. Бейлина знают и как международного арбитра многих шахматных турниров.
Особенно М.А. Бейлин, как литератор, известен в качестве соавтора гроссмейстера Ю.А. Авербаха: их совместный труд «Путешествие в шахматное королевство» выдержал не одно издание на протяжении 20 лет.
В настоящей книге мастерство автора играет новыми красками: лаконизмом изложения, мягким юмором и иронией.
ISBN 978-5-903508-38-9
9785903 508389

Михаил Абрамович Бейлин

Шахматный мастер и литератор, хорошо известный читателям шахматной литературы. Заслуженный тренер и заслуженный работник физической культуры России.

М. А. Бейлина знают и как международного арбитра многих шахматных турниров.

Особенно М. А. Бейлин, как литератор, известен в качестве соавтора гроссмейстера Ю. А. Авербаха: их совместный труд «Путешествие в шахматное королевство» выдержал не одно издание на протяжении 20 лет.

В настоящей книге мастерство автора играет новыми

красками: лаконизмом изложения, мягким юмором и иронией.